

ЛЮБИТЕЛЯМ ФАНТАСТИКИ

КЛУБ
ЗОЛОТОЕ
ПЕРО

ПОЛ АНДЕРСОН

Круги ада

ПОЛ АНДЕРСОН

ЛЮБИТЕЛЯМ ФАНТАСТИКИ

КЛУБ
ЗОЛОТОЕ
ПЕРО

КЛУБ
ЗОЛОТОЕ
ПЕРО

ЛЮБИТЕЛЯМ
ФАНТАСТИКИ

ПОЛ АНДЕРСОН

Круги ада
Восставшие Миры

Перевод с английского С. Волкова

«Топикал»

1993

Оформление серии
Владимира Котина
Иллюстрации
Александра Якуевича

Андерсон П.

А 65 Круги ада. Бунтующие миры: Романы/Пер. с англ.—М.: Тонар, Топикал, 1993.—448 с., ил.—(Клуб «Золотое перо»: Любителям фантаст.).

ISBN 5-85256-010-3

Научно-фантастическую диалогию американского писателя-фантаста Пола Андерсона, пожалуй, нельзя однозначно отнести к тому или иному жанру, не получается — тесно. Сначала кажется, о чем говорить: настоящая «крутая» научная фантастика — стремительный, динамичный сюжет, приключения, супер-герой, чудовища с далеких планет...

Но переворачиваешь страницу — и убеждаешься, что все на много глубже, страннее, словно в реальной жизни. И ты не только боишься, побеждаешь, хитришь, но размышляешь, анализируешь, сопререживаешь.

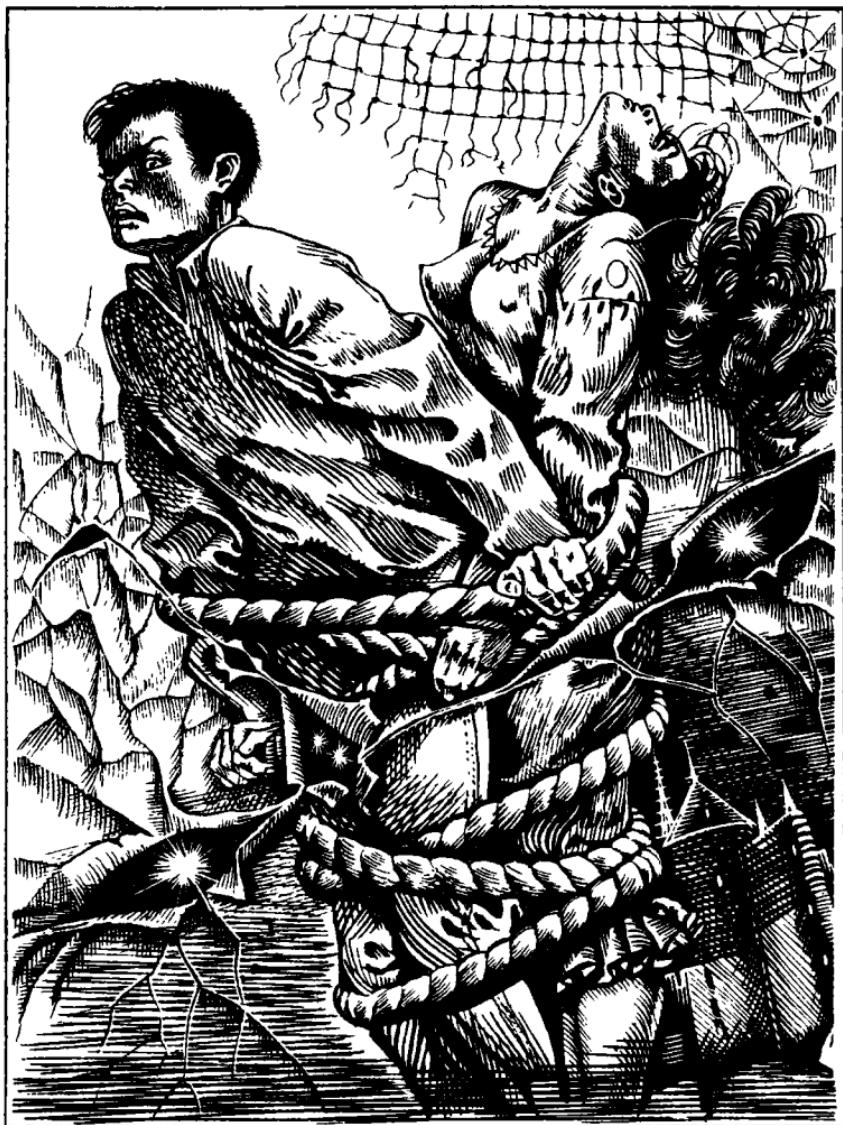
У повестей Пола Андерсона должно найтись много читателей, а возможно, поклонников — они, на наш взгляд, интересны и тем, кто «крут» в нынешней жизни и тем, кто продолжает искать свою, единственную истину.

ISBN 5-85256-010-3

ББК 84.7 (США)

© Художественное оформление серии, иллюстрации, составление.
«Топикал», 1993

Круги ада

Рискованный шанс

Корабль подбросило. Руки Флэндри взлетели, ступни соскользнули на педали. Он постоянно отдавал приказы словно свихнувшемуся компьютеру. Флэндри и прежде приходилось совершать подобные посадки, бывали случаи и потруднее. И каждый раз он выходил победителем.

Появились штурмовики. У Флэндри была лишь минута, чтобы предупредить о них Диану. Она ужаснулась, когда штурмовики вынырнули из пелены быстро несущегося серого облака. Они казались гораздо меньше корабля, но их было десятка два, пожалуй, даже больше.

Штурмовики атаковали. Кружка и планируя, они закрыли полосу обзора, мешали работе радара, акустических излучателей, датчиков и приборов. Только теперь до Флэндри дошло, что он ведет корабль вслепую, ничего не видно, лишь изредка появлялись мелькающие полоски света. Из-за сильного ветра корабль заносило в сторону.

Флэндри испытывал состояние шока. Все кружило и мелькало. Металл скрежетал. Наконец он понял, что произошло. Из-за отсутствия сигналов датчиков обзора корабль чуть-чуть не срезал верхушку горы.

На страх и отчаяние времени не было. В экстремальных ситуациях это непозволительная роскошь. Флэндри соображал: два тяговых сопла — явно недостаточно, чтобы сесть и не разбиться в лепешку. Он решил не обращать внимания на стаю «стервятников» и занялся разбалансированным гравитационным двигателем. Если получится развернуть хвостовое оперение корабля вперед, сила тяги отгонит противника. Так будет, если удастся удержать ее. Если нет — что ж, жизнь была хороша...

Это произведение — плод вымысла автора. Все действующие лица и события, описанные здесь, вымышленны, любое совпадение с реально существующими людьми или реально произошедшими событиями — чистая случайность.

I

Планета называлась Айрумкло: около 200 световых лет от Солнца на пути человечества к Бетельгейзе. Лейтенанта службы безопасности Доминика Флэндри назначили туда недавно. Его ответом на это были отчаянные причитания и скрежет зубами, пока Флэндри не понял, что даже в этом унылом болоте можно найти кое-что кроме уныния и разочарования.

Мерсеянский корабль назывался «Брайтиох». Крейсер, прошедший через буферную зону безымянных солнц между областями, управляемыми кланами Императора (земляне) и Ройдхана. Ни одно правительство не позволит военному кораблю, принадлежащему противнику, тем более с ядерным оружием на борту, войти в глубь своей территории. Но пограничные власти могут в качестве исключения разрешить «визит добной воли». Такие визиты ломали монотонность повседневного бытия и давали слабую надеждуувидеть хоть что-то интересное. Что-нибудь такое, что земная оппозиция предпочла бы сохранить в тайне.

Сегодня мерсеяне выиграли, по крайней мере сначала.

Обычная церемония была изменена. Вопреки протоколу, землян заставили (естественно, помимо их воли) наслаждаться легким ознобом — он стал результатом диалога с противником (если, конечно, отбросить в сторону дипломатическую лексику). Флэндри полностью осознал это, он повидал кое-что на своем веку, хотя и был совсем молод — 21 год это разве возраст? Флэндри был уверен, что гостям с другой планеты предложили отдых и выпивку в Нижнем Городе, так, по крайней мере, было заведено после окончания некоторых церемоний.

Хорошо, почему бы нет? Они долго путешествовали в глубоком космосе между звездами. Если им придется сразу возвращаться домой, понадобится преодолеть целых 140 световых лет — около 10 стандартных дней пути с максимальной гиперскоростью. Путь сквозь сплошную бездну, необъятность, чужеродность истощал даже самых сильных духом.

Перед тем как поднять бокалы за лучший из миров, каждый подумал о своем собственном. Гости нуждались в нескольких часах жизни «на малых оборотах», а хозяева никогда еще не были так враждебны, как в этот раз.

«Но ведь на самом-то деле мы никакие не враги,— размышлял Флэндри,— мы должны были бы стать врагами, но для большинства из нас это не так.— Он усмехнулся.— И для меня тоже».

Флэндри хотелось присоединиться к торжеству, но установленный порядок не позволял этого. Младшие офицеры базы Айрумкло должны соблюдать правила гостеприимства: все зависело от соответствующих чинов, прибывших с иной планеты. Старшие по чину устроились в отдельном здании (мерсеяне, озадаченные, смущенные твердыми правилами субординации, принятymi у землян, подчинились. Они в большей степени следовали традициям и церемониям, чем современные земляне). Многие визитеры говорили по-английски, но, кроме Флэндри, как выяснилось, никто из землян, присутствовавших здесь, не знает язык ирайо. В банкетном зале не было выходов к лингвистическому компьютеру, времени для того, чтобы подключить его, не оставалось. Так что нужен был переводчик.

Ничего унизительного в этом нет, самодовольно подумал Флэндри. Он был высок и гибок и умел носить форму с щегольством, недаром этот парень был так популярен у местных девушек. Кроме того, он был своим для ребят помоложе, но не всегда для тех, кто был постарше.

Он вошел в точно назначенное время. Под пристальным взглядом рыбых глаз командора Абдуллы он отсалютовал портрету Императора не обычным ленивым взмахом, а резким движением, чуть не вывихнув при этом плечо. «И не-

пременно щелкнуть каблуками», — шутливо напомнил он себе. Впереди выстроилась небольшая очередь — так что у него была минута-другая, чтобы хоть чуточку подготовиться.

Все столы в зале были сдвинуты в сторону, лишь один оставлен в центре с угощением для гостей. В знак уважения к гостям были поставлены стулья, — и комната словно вытянулась и помрачнела. Портреты известных деятелей прошлых лет, трофеи, различные документы, развешанные по стенам, казалось, делали их еще более давящими. Настенная мультипликация изображала обычный земной парк, качающиеся деревья, на заднем плане виднелась уходящая в небо башня — резиденция богатой семьи и воздушные машины, сверкающие как алмазная пыль. Все это в который раз напомнило Флэндри, как далек он от вожделенного земного комфорта. Поэтому он предпочитал темноту, которая была за окном. Особенно когда через открытые створки в помещение затекал воздух: теплый, тяжелый, с неземными ароматами...

На фоне происходящего мерсияне являли собой более приветливое зрелище, они как бы говорили всем своим видом, что за Айрумкло тоже существует вселенная. Сорок мерсиян выстроились в ряд и несколько раз подряд произнесли приветствия. Делали они это с удивительным упорством, характерным воинственной расе. Кое-кто из них походил на больших людей. Некоторые лица можно было даже назвать симпатичными, на каждой руке у них было по четыре обычных пальца и один короткий, толстый, в стороне от других; пропорции и очертания почти всех частей тела напоминали человеческие. Но стояли и ходили они, наклонясь, держа равновесие с помощью тяжелого хвоста, Ноги обутые в сандалии, были неуклюжи и нелепы: с перепонками и когтями. Кожа была лишена волос и, казалось, слегка шелушилась; в зависимости от подвида цвет ее менялся от бледно-зеленого (он был наиболее распространенным) до золотисто-коричневого и даже черного. На голове, там, где у человека расположены ушные раковины, у мерсиян были

спиральные роговые отверстия. От макушки до конца хвоста, через всю спину тянулся зубчатый хребет.

Но большая часть анатомических странностей скрывалась под одеждой — мешковатыми мундирами и плотными бриджами черного цвета с серебряной отделкой. На всех мундирах имелись знаки отличия, указывающие на семейные связи, общественное положение, ранг и род службы. Мерсеяне вежливо разоружились, теперь ни у одного из них не было пистолета на широком поясе. Земляне тактично не стали настаивать, чтобы гости сняли и боевые ножи с кастетной рукояткой.

Флэндри знал, что причиной всех неприятностей и распри были отнюдь не различия между людьми и мерсеянами. Напротив, причина крылась в сходстве: происхождение их планет было идентичным. Мерсеяне, эти подобные теплокровным животным существа, в инстинктах которых были заложены войны за новые территории, искали планеты, походившие на свою.

— Афал Имен, могу я представить Вам лейтенанта Флэндри? — произнес Абдулла. Молодой человек поклонился огромному телу, которое, по всей вероятности, принадлежало командиру, и получил в ответ кивок остроконечной блестящей башки. Флэндри продолжал знакомство, обмениваясь поклонами с каждым мерсеянским чином поочереди. Он думал о том, когда же этот фарс закончится и начнется застолье (и ничуть не сомневался, что гости думают то же самое).

— Лейтенант Флэндри.

— Мей^{*} Тэчвир.

Они остановились, уставились друг на друга и застыли. Флэндри опомнился первым, возможно вспомнил, что он сегодня командует парадом.

— Ух, вот это сюрприз,— выпалил Флэндри на английском.

Соображение окончательно вернулось к нему. Он произнес обычное приветствие на ирайо:

* «Мей» на мерсеянском языке ирайо означает «лейтенант». (Здесь и далее примечания переводчика.)

— Привет и доброй удачи тебе, Тэчвир из Вэч Рьюэта.

— А... ты, землянин Доминик Флэндри, будь здоровым и сильным,— ответил мерселянин.

Их взгляды встретились: черные и серые глаза пристально смотрели друг на друга. Флэндри продолжал церемонию. Он преодолел чувство изумления: в конце концов то, что он и Тэчвир снова встретились, не является чем-то из ряда вон выходящим. Флэндри продолжал автоматически двигаться, как того требовал этикет, переводить с языка на язык. На самом деле все его мысли устремились в прошлое. Тэчвир, слишком юный, тоже не мог полностью преодолеть волнение от встречи с Флэндри.

Через пару часов им представилась возможность покинуть собравшихся в зале. Они решили перекусить. Флэндри первый подал знак:

— Налить тебе? Боюсь, что, кроме, может быть, теллоха, нам не стоит употреблять то, что обычно едите вы.

— Сожалею, но ты прав,— ответил Тэчвир.— Ужасное пойло. А мне нравится ваш — как это он называется: скокш?

— Это устроит нас обоих.— Флэндри наполнил стаканы. Он уже принял несколько порций виски и теперь хотел и скотча^{*} со льдом. Однако он не хотел бы выглядеть охмелевшим перед мерселянином.

— А... будем,— сказал Тэчвир, поднимая свой бокал. Его горло и нёбо делали звучание английских слов далеким от совершенства.

Флэндри говорил по-мерселянски гораздо лучше.

— Тор ухвей^{**}.— Он двумя руками поднял свой стакан.

Тэчвир одним глотком осушил половину своего стакана.

— Аппач! — Передохнув, он тряхнул головой и улыбнулся, но взгляд его пристально следил за землянином.— Хорошо,— сказал Тэчвир,— так что же привело тебя сюда?

— Меня назначили. На один земной год, очень неудачное назначение. А тебя?

— То же самое — на этот корабль. Я вижу, ты теперь в корпусе разведки.

* Скотч — шотландское виски.

** Будь здоров (ирайо).

— Как и ты.

Тэчвир Темный — его кожа действительно много темнее, чем обычно встречается на побережье океана Уилдвиха — не смог скрыть разочарование.

— Я начинал в этих частях,— сказал он.— А ты был летчиком, когда прибыл на Мерсейю? — Тэчвир помолчал.— Или нет?

— Да, все верно,— сказал Флэндри.— Я переучился позже.

— Под руководством командора Абрамса?

Флэндри кивнул:

— В общем-то да. Кстати, сейчас он капитан.

— Да, я уже слышал об этом. У нас... был к нему интерес.

«После дела Старкада,— думал Флэндри,— вы действительно должны испытывать интерес к нему. Мало кто знает, что Макс Абрамс и я разрушили схему, построенную некем-нибудь, а Брехданом Айронридом, защитником Большого Совета Ройдхана.

Интересно, как много ты об этом знаешь, Тэчвир? Ты был приставлен ко мне якобы для того, чтобы показывать окрестности. Ты так старался выкачать из меня максимум информации, когда мы с Абрамсом прибыли к вам в составе миссии Хоксберга. А правда о Старкаде никогда не была достоянием публики; никто из осведомленных людей не может позволить ей выйти наружу.

Поэтому-то ты и помнишь нас, Тэчвир. Тебе поручили выяснить, собираемся ли мы принести неприятности Мерсейе. Вот почему тебя беспокоит мое появление. Лучше избавиться от субъекта».

— Ты останешься на весь завтрашний день? Я думаю, что Айрумкло может предложить гораздо меньше, чем Мерсейя, но мне хотелось бы отблагодарить тебя за прежнюю учтивость,— произнес Флэндри.

Снова Тэчвир помедлил с ответом.

— Спасибо, нет. Я уже обещал завтра поехать на экскурсию с товарищами по кораблю.

Фраза, произнесенная на языке ирайо, выражала обяза-

тельство, которое не мог бы нарушить ни один уважающий себя землянин.

Про себя Флэндри заметил, что землянину обычно не пристало так сильно сгибаться перед чем-то малозначащим.

«Что за черт, — думал Флэндри, — может быть они проноухали о нашем упадке, или Тэчвир не хочет, чтобы я выяснил, что хорошо известная сила мерсеян значительно ослабла?»

— Оставайся на вечеринке, — шутливо предостерег он. — В здешних барах могут предложить довольно опасное пойло.

Тэчвир издал какой-то утробный смех, присел на свой «треножник» (ноги и хвост) и начал рассказывать небылицы. Флэндри последовал его примеру. Они наслаждались обществом друг друга, пока землянина не позвали переводить утомительный диалог двух военных инженеров.

II

Таков был пролог. Флэндри практически забыл его, когда началось приключение. Это произошло однажды ночью, спустя почти восемь месяцев.

Вскоре после того, как красно-оранжевое солнце село, Флэндри покинул базу и спустился вниз. Никто не обратил на него внимания.

Прежний начальник хотел остудить пыл юноши, пытавшегося докопаться до фактов коррупции в Старом Городе. Он выяснил, что большинство сделок были незаконными. Этот человек на свои средства основал так называемый центр восстановления: спортивные залы со специальным оборудованием, мастерские, «залы для честной игры в карты» и кабинеты с медицински освидетельствованными девушками. Но начальники рангом пониже решили, что знают лучше, как использовать деньги и влияние. Предпримчивый босс был переведен в другую область с более суровым климатом и на незначительную должность. Его преемник переделал все по-своему, с легкостью объявив, что это дело

каждого — решать, чем заниматься после службы, и, как говорили,— стал получать изрядный дополнительный доход.

Флэндри прогуливался. На каждом плече у него красовалась новая сверкающая звездочка. Фуражка сдвинута, вопреки правилам, так что виднелись густые темно-коричневые волосы. Белоснежные брюки, заправленные в короткие сапоги из бычьей кожи; плащ, мерцающий фосфоресцентными узорами сквозь сумерки — Флэндри выглядел прекрасно. Он напевал народную балладу о невероятных приключениях ремесленника из Верхней страны.

Никому бы и в голову не пришло, что он вышел не на простую прогулку.

За оградой базы виднелись дома богатых людей. Они утопали в зелени прекрасных простирающихся вниз частных парков. В какой-то степени, думал Флэндри, они сокращают путь. Когда-то все это было значительно больше и выглядело великолепнее. Здесь больше ощущалось влияние Империи, что привлекало не только торговцев, но и аристократов. В прежние времена Старый Город жил как культурной, так и торговой жизнью — провинциальный, без сомнения, далекий от Земли, но тем не менее по-настоящему живой и процветающий.

А сейчас Айрумкло выглядела как обломок сильной некогда империи. Особняки, прежде роскошные, стали достоянием низших слоев общества — об этом говорил их нынешний внешний вид. (Нет, никто и не думает насмехаться над этими людьми. Многие из них создали организации, помогающие космонавтам, прилетающим на планету, и «морским» пехотинцам, которые охраняют оборудование для кораблей, пригодное для использования.) Вне договорных границ порта процветало варварство.

Ночью после городских кварталов чернели неуклюжие цеха и пакгаузы, и Флэндри приходилось двигаться осторожно. Рука время от времени трогала игольчатое ружье под плащом — здесь случались ограбления и убийства. Полицейских не хватало, и комендант разумно рекомендовал неходить по этому району в одиночку.

Флэндри был шокирован, узнав, что тут творится: «Мы можем все сделать сами — установить регулярные патрули,— если комендант прикажет. Неужели ему все равно? Что он за начальник?»

Флэндри поделился своими соображениями с другим разведчиком, капитаном третьего ранга Айзеншмиттом. Тот, уже привыкший к тому, что творилось вокруг, только удивленно подернул плечами:

— Нечто похожее происходит в любом другом месте, вроде этого,— ответил он.— Мы не обращаем внимания на центральные власти, поэтому нас обычно закабаляют заурядной, тяжелой работой, держат за болванов, мелких сошек. Хорошие старшие офицеры слишком нужны где-то еще. Если такой офицер попадает на Айрумкло, это — случайность, и он не остается здесь долго.

— Слушай, парень, к черту все это — мы на границе! — Флэндри показал на окно комнаты, в которой они находились. Было совсем темно. Бетельгейзе сверкала ярко-красным светом, выделяясь среди множества звезд.— А вон там — Мерсейя!

— Да. И эти крокодильи хвосты, которые прут во все стороны, если мы преградили им дорогу. Я знаю. Но это где-то у черта на куличках... но, может быть — в глазах имперского правительства, которое не может видеть дальше своего носа, привыкшего вдыхать фимиам. Ты недавно с Земли и должен понимать лучше, чем я. Думаю, что нас полностью вытолкнут из Айрумкло во внутренние области Империи уже в следующем поколении.

— Нет! Такого быть не может! Это же оставит весь этот фланг открытым на шесть парсеков* вглубь. У нас не будет способа защитить здешнее общество от любой внешней силы.

— Так-то оно так,— кивнул Айзеншмитт.— С другой стороны местная торговля больше не является достаточно прибыльной, доходы снижаются из года в год. Подумай-ка об экономии средств Империи, если мы закончим свои опе-

* Парsec — астрономическая единица длины, равная расстоянию, проходимому светом за 3,263 года,— $3,086 \cdot 10^{13}$ км.

рации. У Императора появится возможность построить дюжину новых дворцов, заполненных гаремами.

С этим Флэндри не мог согласиться. Он совсем недавно прошел боевую школу и научился во многом разбираться. В течение месяцев он наблюдал за тем, что происходит, и делал собственные далеко не оптимистические выводы.

Было немало случаев в жизни Флэндри, когда он мог нос к носу столкнуться с бандитами, но этого не случилось, как не случилось и теперь, во время его похода в Старый Город.

Жилой район возвышался над ним: полуразрушенные здания со времен первых поселений, некоторые из них — глинобитные постройки в форме улья для аборигенов, слегка переделанные для других форм жизни.

Улица была заполнена пешеходами, шум был по барабанным перепонкам, топот, шарканье, стук, лязг, хриплые звуки музыки, сотни различных языков, то здесь, то там — приглушенный крик или яростный рев. Запахи: такие разные, но одинаково сильные, запахи тел, гниющего мусора, дыма, фимиама, наркотиков. Преобладали люди, но встречалось много аборигенов, космических путешественников многочисленных разновидностей.

Около дома развлечений весьма определенного свойства, никак не замаскированного, чтобы не отличаться от остальных домов, айрумкловец-зазывала вещал через голосовой преобразователь на английском:

— Приходите каждый, приходите все. Любой вид развлечений, удовольствий и возбуждений. Для нас любая игра не является необычной, ни одна ставка не является слишком низкой или слишком высокой. Непрерывное развлечение для искушения гостей. Деликатесная еда, изысканные напитки, стимулянты, галлюциногены, усилители чувств к вашим услугам, на ваш вкус, по вашему желанию. Любые разновидности и приемыекса с помощью семнадцати, да, семнадцати интеллигентных специалисток, готовых исполнить любые ваши желания, невзирая на расу, разновидность и виды телосложения. Заходите каждый, заходите все...

Флэндри зашел. Случайно он задел две или три руки какого-то существа. Наружная оболочка была холодная, словно он прикоснулся к чему-то на зимнем ветру.

В прихожей было душно. Верзила в безвкусной униформе произнес:

— Добро пожаловать, сэр. Что угодно, сэр?

Его глаза сверлили Флэндри, словно обсидиановые сверла.

— Тебя зовут Лем? — спросил Флэндри.

— Гм, да, а тебя?

— Я приглашен.

— Лады. Тогда на гравитационном лифте вверх, на шестой этаж, там спустишься вниз иди по залу до двери номер 666, встанешь перед экраном сканера* и жди. Откроется дверь — войдешь, поднимешься по лестнице.

— Шесть — шесть — шесть, — бормотал Флэндри.

— Как ты думаешь, гражданин Аммон — юморист?

— Никаких имен! — Лем пощупал на бедре станер**. — Ступай, парень.

Флэндри подчинился, даже разрешил себя обыскать и оставил свое оружие на стойке. Дверь номер 666 открылась, и он вошел. Это был поступок на уровне садомазохизма. Флэндри с любопытством поглядывал по сторонам.

Помещение, в котором он находился, своим великолепием напоминало Землю в миниатюре. На стене красовалась цветная мультипликация, изображавшая розарий. Таково было первое впечатление. Потом Флэндри увидел и некоторую запущенность старой обстановки и аляповатость новой. Кроме Леона Аммана, вокруг не было ни души. Горзунский наемник стоял в углу, как косматая статуя. Когда Флэндри повернулся к нему спиной, мускусный запах, исходивший от этого существа, напомнил, что, если он не будет вести себя как следует, может быть изрублен на мелкие кусочки.

— Добр вечер, — сказал человек за столом. Он был ужасно толстым, лысым, потным. Несмотря на неопрятность его костюма, красная рубашка выглядела довольно красиво.

* Устройство для обзора.

** Пистолет оглушающего действия. Аналогичен современному пневматическому оружию.

— Ты знаешь, кто я,— так ведь? Садись. Сигару? Брэнди? — голос был высок и резок.

Флэндри принял все предложенное. Угощение было высшего качества, как и рубашка хозяина. Он сказал об этом.

— Ты бы лучше покрепче держался за меня,— ответил Аммон, улыбнувшись одними губами.— Ты не доложил о приглашении, которое мой человек нашептал тебе прошлой ночью?

— Нет, сэр, конечно, нет.

— Если ты это сделал, пеняй на себя. Казалось бы — ничего предосудительного в том, чтобы пригласить молодого парня выпить и поиграть в карты. Не так ли? Но ты все-таки можешь попасть в неприятности. Это может быть очень большая неприятность, и никак не связанная с твоим командиром.

У Флэндри были догадки насчет происхождения многих субъектов, находившихся этажом ниже. Зрелые особи... после канализации мозга и хирургического маскирования... задумавшись, он рассматривал кончик своей сигары.

— Не думаю, сэр, что вы сказали бы мне об этом здесь, если бы действительно считали, что я нуждаюсь в предостережении,— заметил он.

— Нет. Ты мне понравился, Доминик,— сказал Аммон.— С того самого момента, как появился в Старом Городе. Ты спокоен, уравновешен и молчалив. Я проверял твоё прошлое.

Флэндри размышлял о своих подозрениях. Различные процессы, пока он выполнял то или иное задание, постепенно принимали очертания хорошо подготовленных проверок его реакции.

— Совсем немного открытий, не так ли? — спросил он.— Я всего лишь младший офицер, вновь испеченный после двух месяцев службы здесь. В прошлом летчик, переученный на разведчика, посланный назад на Землю, чтобы поучиться этому ремеслу и затем на Айрумкло для скаутской службы.

— Этого я не могу вычислить наверняка,— сказал Ам-

мон.— Если они имеют цель сделать из тебя шпиона, то почему ты провел целый год, порхая в систему и из нее?

— Мне нужна была практика наблюдения — в особенности за планетами, которые плохо изучены. Кроме того, миры с нечеловеческими цивилизациями нуждаются в наблюдении. Наши мерсейянские приятели могут построить передовую базу на одной из таких планет или устроить где-нибудь заварушку втайне от нас, если мы не оставим постоянного дежурства скаутских кораблей. «А ведь не исключено, что мерсейне уже начали такую деятельность», — подумал Флэндри.

— Да, такой ответ я получал и раньше, когда спрашивал об этом, и сдается мне, что он свидетельствует о потере твоих импровизаторских способностей. Но тем не менее — ты здесь, на Айрумкло, я заметил тебя и изучил. Я узнал гораздо больше, чем имеется на любой доступной записи, юноша. Все дело Старкадов вращалось вокруг тебя.

Шокированный, Флэндри пытался понять, как глубоко проела крыса, если даже агент среднего уровня, вице-респондент на пограничной планете десятой значимости может получить такую информацию.

— Ну ладно, твои путешествия очень скоро закончатся, — сказал Аммон. — Никаких намеков на это не было, не так ли? Так. Не хотел бы ты получить хороший куш перед уходом? Очень хороший куш, обещаю тебе. — Он потер руки. — Очень хороший.

— Зависит от суммы, — произнес Флэндри. «Если бы он действительно исследовал меня так, как об этом заявляет, — размышлял Флэндри, — ему не понадобилось бы сейчас предлагать мне большие деньги, которые так необходимы ему самому для укрепления его сомнительного частного бизнеса».

— Но я присягнул на верность Империи.

— Конечно, конечно. Я не буду требовать, чтобы ты сделал что-нибудь против Его Величества. Я и сам житель Империи, не так ли? Нет, действительно, я скажу тебе все, что я хочу сделать, если ты сохранишь это в тайне.

— Без сомнения, болтовня не принесет мне ничего хорошего, особенно если учесть то, что вы мне рассказали.

Аммон кивнул:

— Вот-вот! Ты довольно сообразителен, Доминик. И красив,— добавил он, испытующе глядя на Флэндри.

— Я бы хотел, чтобы со мной расплатились за проницательность теперь и купить себе красоту потом,— ответил Флэндри. Действительно, хотя ему и нравилось быть сероглазым, Флэндри считал свое лицо слишком длинным и тонким и запланировал изменить его, как только появятся деньги.

Аммон вздохнул и вернулся к делу.

— Все, что мне нужно от тебя,— подбери мне подходящую планету. Ты можешь сделать это во время своего следующего разведывательного полета. Частное сообщение об этом будет стоить один миллион мелкими ассигнациями, или как ты пожелаешь.— Он залез в свой стол и достал пакет.— Если ты берешься за работу, вот аванс в сто тысяч.

«Милион! Силы небесные!» — пронеслось в голове Флэндри.

Флэндри пытался сохранить на лице маску. «Действительно, не очень большая удача. Но достаточно для того, чтобы опериться, встать на ноги,— специальное оборудование, общественные контакты,— и не опустошать свой бюджет на удовольствия во время отпуска». Каким-то уголком своего подсознания он с удовольствием уловил, что тон его остался спокойным.

— Я должен нести предписанную мне службу.

— Я знаю, знаю. Я не прошу тебя снижать служебное рвение. Я же сказал тебе, что являюсь лояльным гражданином. Но если ты слегка собьешься с пути — это займет у тебя лишь пару дополнительных недель, не больше.

— Но это будет стоить мне головы, если кто-нибудь узнает,— сказал Флэндри.

Аммон кивнул:

— Вот поэтому-то я буду знать, что могу верить тебе, что ты будешь хранить молчание. А ты будешь верить мне, потому что подкуп имперского офицера тоже является уг-

ловным преступлением, караемым смертной казнью. Как бы там ни было, оно действительно является таковым.

— Почему бы вам не послать свой собственный корабль для поиска планеты?

Аммон оставил свою манерность.

— У меня нет корабля. А если бы я и захватил гражданский корабль, какую пользу я бы мог из него извлечь? Особенно, если это корабль старого типа, такие действительно есть в Старом Городе. Наиболее вероятно, я закончил бы жизнь с дырой в горле, как только стало бы известно, для чего он потребовался. Ведь в сущности даже на этой дикой планете моя жизнь не так уж много стоит.— Он наклонился вперед.— А я хочу стать значительным.

Это желание светилось в его глазах, отражалось в голосе; в подтверждение сказанного он тряхнул головой.

— Как только я узнаю от тебя, что овчинка стоит выделки, я спущу все, что имею, и смогу вложить это в строительство надежной компании. Мы будем работать втайне в течение нескольких первых лет, продавать через запутанные каналы, утаивать доходы. Потом, может быть, я всплыну на поверхность, справлю себе легенду, начну платить налоги, перееду на Землю, найду пути к приобретению свидетельства о благородном происхождении, возможно, зайдусь политикой, я пока не знаю как, но я буду значительным. Ты понимаешь?

«Свежо предание, да верится с трудом»,— подумал Флэндри.

Аммон коснулся влажного, блестевшего лба.

— Тебе не помешает иметь хорошего друга,— сказал он,— не так ли?

«Соучастника — да,— размышлял Флэндри.— Может быть, и так, если я должен буду влезть в это дело. Но никогда — друга, никогда».

Вслух он произнес:

— Думаю, мне удастся сочинить предлог задержки, сделать ложную запись. Мой корабль быстр, но уже устарел, а наши инспекторы, к счастью, сентиментальны. Но вы не

сказали мне до сих пор, какого черта ради городится весь этот огород.

— Сейчас, сейчас,— Аммон собрался с духом.— Речь идет о потерянном сокровище, вот что это такое. Слушай. Пять сотен лет назад Полесотехническая Лига имела там базу. Ты слышал об этом? — Флэндри, который, похоже, превратил свое возбуждение в равнодушие, задумчиво кивнул. Ему бы жить в те светлые, одухотворенные времена принцев торговли, когда ни одно расстояние, ни одно дело не казалось непосильными человеку, а не в эти сумеречные дни угасающей Империи.

— Лига разрушилась в период Неприятностей, не так ли? — уточнил Флэндри.

— Точно. Однако некоторые подземные установки сохранились. Не в хорошем состоянии. Они отнюдь не безопасны для посетителей. ТунNELи, которые вот-вот обрушатся, полны ночных страшилищ — ты знаешь. Теперь я думаю, что те подземелья могли бы быть полезными для... А, пустое! Я их исследовал. Вызвал микрофайл. Он дал координаты и вычислил галактическую орбиту планетной системы, в которой расположена необитаемая планета. Компания «Марсианские Минералы» имела рудники на одном из миров этой системы. Они не обнародовали этого. Ты помнишь, какие трения возникали в конце эры Лиги? Вот почему все накопленные данные об этой системе были полностью потеряны, преданы забвению. Но они хранились в нужном месте, дожидаясь своего часа.

— Система богата тяжелыми металлами,— изрек Флэндри.

Аммон изумленно моргнул:

— Как ты догадался?

— А что же еще, как не редкие минералы, выгодно эксплуатировать на таком расстоянии от центра цивилизации? Вот и все.— Интерес с новой силой вспыхнул у Флэндри:

— Молодая, богатая металлами звезда, соответствующие планеты, на одной из них роботизированная база... База была роботизирована, не так ли? Центральный компьютер высокого класса — обучающийся. Я уверен, он управ-

лял машинами, которые искали, добывали, выплавляли, складировали и нагружали корабли по команде. Может, изготавливали необходимые части для других машин, производили все необходимые операции, мало того, они наращивали свои собственные функции. Да, я ведь ни слова не сказал о том, что необыкновенная концентрация ядовитых веществ в почве планеты вряд ли привлечет поселенцев на базу. Гораздо проще и дешевле для продолжительной работы все автоматизировать.

— Ты прав.— Аммон кивнул так сильно, что щеки его затряслись.— Луна планеты, которая больше, чем Юпитер. Гораздо массивнее, а именно: тысяча масс Земли — хотя в действительности файл сообщил о том, что гравитация спрессовала ее до меньших размеров. Сама луна — Вэйленд, как они ее называют,— имеет массу в три процента от массы Земли и половину ее силы тяжести. Вот такая штуковина.

«Средняя удельная сила тяжести приблизительно равна одиннадцати,— вычислил в уме Флэндри.— Уран, торий, может быть, немного нептуния и плутония, кроме того, осмий, платина, редкие металлы — они просто ждут не дождутся, когда за ними придут, Господи ты Боже мой! Вот оно!»

С трудом сдерживая волнение, он заявил:

— Миллион не кажется мне чересчур щедрой платой за предоставление такой возможности.

— Достаточно за разведку,— возразил Аммон.— Это все, что я хочу от тебя, отчет о Вэйленде. Я рисковую, а не ты. Прежде всего я рисковую тем, что ты можешь пойти и доложить о нашем разговоре, чтобы получить вознаграждение, а потом быстро смоешься, пока мои люди не достали тебя. Но все-таки я надеюсь, что это не очень большой риск. У тебя слишком много амбиций, и ты способен изменять правила для того, чтобы угоддать себе. И еще: ты очень самодовольный, Флэндри. Если ты подумаешь хотя бы минуту, поймешь, я ведь могу сделать так, что любые возможные обвинения против меня отпадут. Но, может быть, я недооценил тебя. Предположим другое: ты играешь

честно, но оказывается, что место не так хорошо, как хотелось бы. Я потеряю миллион, отдам его за ничто. Даже больше миллиона, если разобраться. А наем партнеров? Надежные партнеры обходятся недешево. Сами они, их отправка на место и куча всего другого... О, нет, малыш, если ты считаешь себя удачливым, то это я дарю тебе эту удачу.

— Погоди, погоди, это что еще за партнер?

Аммон отвел взгляд:

— Не думаешь ли ты, что я позволю тебе путешествовать в одиночестве? Как бы не так, дорогуша! Это не позволит тебе сказать, что Вэйленд ничего не стоит, в то время как он будет стоить очень много, не даст тебе вернуться в облике гражданского чина и станет гарантом от «случайностей» на Вэйленде.

— Понимаю. Значит, если я пришлю отрицательное сообщение, вы... потребуете... Я подвергнусь наркотическому воздействию. А если я не дам вам отчета совсем, вы будете уверены, что я нашел сокровище.

— Хорошо, а если ты скажешь им, что сбился с курса и наткнулся на систему случайно? Тогда ты можешь рассчитывать на вознаграждение. Уверяю, ты будешь разочарован. Зачем бюрократам суетиться, если в твоем предложении не будет ничего, кроме дополнительной работы для них? Готов биться об заклад, что они квалифицируют твое «открытие» как секрет Империи, а тебе пригрозят серьезным наказанием за хотя бы упоминание об этом. Конечно, ты можешь думать иначе. Никакой угрозы от меня по отношению к тебе, Доминик. Я верю в безопасность, вот и все. Мой агент полетит с тобой и предоставит все необходимые навигационные данные, когда вы окажетесь на безопасном удалении в открытом космосе, и не покинет тебя до тех пор, пока ты не вернешься и не скажешь лично мне, что там нашел. Кроме того, партнер будет свидетелем твоего поведения, свидетелем, который подтвердит твои показания под гипнозом, если возникнет такая необходимость. Вот почему он сохранит мою безопасность в случае малейших изменений твоего настроения и намерений.

Флэндри выпустил кольцо дыма:

— Как пожелаете. Это будет довольно уютно — двое на корабле, но, думаю, мне удастся соорудить второе место и — давайте обсудим это дело дальше — не пора ли? Думаю, что я возьмусь за эту работу, если мои условия будут удовлетворены.

Аммон ощетинился, всем своим видом стараясь выказать неудовольствие.

Горзунский наемник почувствовал раздражение и напрягся.

— Условия? От тебя? — вскинул Аммон.

Флэндри взмахнул сигаретой.

— Ничего неоправданного, сэр,— сказал он спокойно.— В основном предосторожности, которые очень разумны, и я уверен, что вы с этим согласитесь. А возможно, вы уже думали о них. Вот, например, агент о, котором вы упоминали. Пожалуйста, только не «он». Это может привести к непоправимому: жизнь в течение недель щека в щеку с немытой физиономией какого-то типа! Я знаю, я просто уверен, что вы сможете найти способную и в то же время симпатичную женщину. Я прав? Думаю, да.

Флэндри старался казаться спокойным. Но чего ему это стоило: пульс бился с сумасшедшей быстротой. Неужели это все из-за денег, риска и будущих удовольствий? Он пришел сюда по наитию, его к этому подтолкнули любопытство и скука. Он успокоился на мысли, что, окажись проект слишком опасным, он может в любой момент предать Амона и перейти на службу, которая позволит ему держаться подальше от риска.

III

Диана вошла в помещение, дверь закрылась.

«Нет!» — вырвалось у нее. Ужас, страх, отчаяние выражало это «нет».

— Не надо так волноваться,— произнес приземистый силуэт. Голосовой преобразователь превращал жужжение и

свист, исходившие из его низко расположенного клюва, в узнаваемые английские слова.

— Тебе не следует ничего бояться, но приобрести можешь многое.

— Вы — человек, который позвал меня?

— Подставное лицо. Нежелательно, чтобы Аммон знал, что ты встречалась со мной без свидетелей. Не сомневаюсь, что он установил за тобой контроль.

Диана оглянулась. Дверь была закрыта на замок. Диана скжала свою большую узорчатую сумку, в которой лежал внушительных размеров револьвер. В ее жизни бывали всякие случайности...

Придя в себя, она подкрасила губы и произнесла:

— Я не боюсь. Это не ксенофобия*.

«В случае чего придется принять меры самозащиты», — пронеслось в голове Дианы.

— Я просто подумала, что вы хотите от меня нечто другое.

— Я полагаю, достаточно большая сумма изменит твоё настроение, — ответило существо. — У тебя репутация скептической женщины. Однако у меня другое предложение.

Существо медленно приближалось — неуклюжее серое тело на четырех тонких ножках. Голова едва доставала талии Дианы.

Одним щупальцем оно дотронулось до ее платья, вторым поправило голосовой преобразователь. Существо умело пользовалось этим прибором, мастерски настраивая его и извлекая приемлемые для человеческого слуха звуки.

— Ты должна кое-что узнать и обо мне. Я всего-навсего Ракс, безобидный старый Ракс, единственный представитель своей расы здесь, в этом мире. Уверяю тебя, что мой репродуктивный орган столь непохож на земные, что я нахожу твои опасения насчет меня забавными.

Диане полегчало после этих слов. Она вспомнила, что встречала это существо в течение трех лет своего пребывания на Айрумкло. В ее памяти замелькали обрывки бесед, упоминания о Раксе: он был дилером, фармацевтом. Ле-

* Навязчивый страх перед незнакомыми лицами.

гальными или нелегальными делами он занимался? И где? Никто не знал и не интересовался этим. У далекой планеты, с которой он прибыл, было труднопроизносимое название. Вероятно, Ракс поспешно покинул ее по причине плохого здоровья и после долгих поисков причалил к вполне сносному берегу. Такие случаи происходили время от времени.

Но кто мог помнить все расы, населяющие Земную Империю? Никто. Хотя бы потому, что неизвестно где проходящие границы Империи очерчивали сферу диаметром приблизительно 400 световых лет. В нее входило приблизительно четыре миллиона солнц, имеющих обитаемые планеты. Наверное, половина из них когда-то посещалась кораблями, подбиравшими местных добровольцев. И сто тысяч миров (или около этого), которые наслаждались все возрастающими наплывами землян (нередко случайными) и попадали в вассальную зависимость от Империи (часто чисто условную) — были достаточно разумны, чтобы не сойти с этого пути.

Взгляд Дианы скользил по сторонам. Комната была подготовлена для человека, но обставлена с отвратительным вкусом. Это должен быть один из тех, кто ею интересуется. Пока его здесь нет. Внутренняя дверь заперта, — поэтому нет сомнений, что, кроме них с Раксом, в комнате не было никого. Тишина давила на нее. Доносившиеся в улицы неясные звуки не спасали положение. Как и мерцающие уличные огоньки не могли рассеять мрак за окном.

Она вдруг резко почувствовала аромат собственных духов.

«Чертовски сладкий», — решила она.

— Садись, — Ракс приблизился с неловкостью, которая говорила о том, что сила тяжести на его планете была значительно ниже $0,96\text{ g}^*$ Айрумкло.

«Хранит ли оно дома полевой генератор... — размышляла Диана, — если, конечно, для него вообще подходит понятие дом?..»

* $g=9,8\text{ m/c}^2$ — ускорение силы тяжести на Земле.

Диана глубоко вздохнула, вскинула голову, так, что ее локоны взлетели над плечами, и дерзко усмехнулась:

— А мне перепадет что-нибудь на жизнь?

— Да, конечно.— Ракс опустил левое щупальце в свою нижнюю сумку, нашупал там что-то и вынул чек.— Вот. Как мне сказали, это вознаграждение вдвое больше того, что ты получаешь на своей работе. От тебя требуется только слушать. А то, что ты услышишь, может подсказать тебе путь к гораздо большим заработкам.

— Ла-а-дно...— она положила деньги в сумку, достала сигарету и закурила. Свои внутренние ощущения она определила частично как страх — он вызван предложением, направленным против Амона (он играет довольно грубо), — частично как возбуждение, появившееся в результате возможности сделать настоящие деньги. Может быть, их будет достаточно, чтобы покончить с этой жалкой суетой и начать хорошую жизнь?

Ракс разместил себя рядом с Дианой. У нее не было возможности разглядеть выражение его лица.

— Я расскажу тебе, какой информацией обладает тот, кого я представляю,— сообщил голосовой преобразователь Ракса.— Младший лейтенант Доминик Флэндри был замечен несколько раз во время секретных разговоров с Леоном Аммоном.

«Почему же это их так интересует?» — удивилась Диана. Но мысль ее оборвалась, и она стала внимательно следить за выходившими из преобразователя словами.

— Слежка показала, что люди Амона что-то, похоже, раскопали в космосе. Что именно — известно только ему и нескольким доверенным лицам. Мы подозреваем, что другие, знаяшие об этом, получили вознаграждение за согласие подвергнуться процедуре стирания участков памяти, где хранилась информация об этом деле. Кроме одного неподатливого типа, его тело найдено на дороге Куриных Слевдов. Ты тоже была сведена с Аммоном и с Флэндри.

— Ну как же,— сказала Диана,— ведь он...

— Чистое совпадение неправдоподобно,— ответил Ракс,— особенно если учсть, что Аммон едва смог выдать

тебе зарплату младшего лейтенанта. Кроме того, известно, что Аммон потихоньку приобретает компоненты для космического корабля, нанял дисквалифицированных межпланетных извозчиков с целью забросить их на самую удаленную планету этой системы и оставить там в условленном месте, в пещере, отмеченной маленьким радиомаяком. Он сам включится, когда корабль подлетит поближе.

Диана вдруг поняла, почему шкипер Орсини искал ее и был таким расточительным после своего возвращения. Предложение Ракса купило его.

— Я не могу понять, к чему вы клоните,— сказала она и глубоко вдохнула дым от сигареты.

— Ты можешь,— ответил Ракс.— Доминик Флэндри является пилотом разведывательного корабля. Скоро он отправится в очередной дежурный полет. Аммон должен был нанять Флэндри для выполнения задания, которое не входит в его служебные обязанности. Так как груз, доставленный на планету номер восемь, включает импеллеры* и другое аналогичное оборудование, это задание, по-видимому, состоит в изучении мира где-нибудь в необитаемой области галактики. По всей видимости, открытие Амона было следствием расшифровки старой записи. Он узнал о существовании огромной ценности одной из планет. Ты должна наблюдать за Флэндри. Зная его пристрастия, не удивлюсь, что он будет настаивать на компаньоне вроде тебя. Следовательно, вы двое должны познакомиться: нужна уверенность, что вы вытерпите совместное пребывание в течение недель на маленьком корабле.

Орсини доставит тебя на восьмую планету. Флэндри тайно остановится там же, заберет тебя, средства обеспечения и отправится в межзвездное пространство. Вернувшись, вы оба перевернете все события и встретитесь в офисе Амона для отчета.

Диана сидела молча.

— Ты не выдала ничего, что подтвердило бы то, о чем я говорил,— сказал Ракс.— Но моя организация все знает. Так где же потеряянная планета? Какова ее природа?

* Средство передвижения, аналогичное вертолету (в составе скафандра).

— На кого ты работаешь? — спросила Диана, пристально глядя на него.

— Это тебя не касается, — тон Ракса был мягким, и Диана не обиделась. Главари банд на Айрумкло были смертельно опасны, Диана это знала.

— Ты не обязана быть честной по отношению к Аммону, — настаивал Ракс. — Более того, ты должна впасть в немилость. Ты привыкла действовать самостоятельно, следовательно, конкурировать с различными группировками, ты должна заплатить Аммону за его «протекцию».

Диана вздохнула:

— Если не он, так кто-нибудь другой.

Ракс вынул пачку хрустящих банкнот и внимательно пересчитал их. Диана прикинула — Боже правый! — десять тысяч кредитов!

— Это за ответы на мои вопросы, — пояснил Ракс. — Не исключаю, что это только начало для тебя.

Диана размышляла, вдыхая сигаретный дым: «Если дело окажется слишком опасным, я могу пойти и все рассказать Леону, объяснить, что я играю в одиночку. Этот пень может узнать о том, что я рассказала, и тогда мне придется удирать. — Диана не на шутку разозлилась: — Я никогда больше не должна удирать! Никогда больше!»

Она старательно обдумывала каждую фразу, прежде чем что-то сказать:

— Никто мне многоного не рассказывал. Вы понимаете, что так и должно быть, по крайней мере, до последней минуты. Ваши идеи правильны, но они значительно превосходят ту информацию, которую я имею.

— Разве Флэндри тебе ничего не рассказывал?

Она решилась:

— Хорошо. Да. Давайте сюда тот пакет.

Получив деньги, она рассказала, что именно пилот был способен открыть ей после того, как она оказала ему весьма определенные услуги. (Довольно сладкая пара ночей, но лучше теперь об этом не думать.)

— Пока он не знает координат, понимаете, он даже не знает, каков характер солнца в той системе, ему известно

только о металлах. Наша цель не должна находиться слишком далеко от его обычного патрульного пути. Он говорит, что это дает тысячи вариантов.

— Или более,— Ракс не позабылся о контроле над интонацией. Был ли этот шелест слов, исходивший из преобразователя, эквивалентом его страшного шепота?

— Так много-много звезд... сотни миллиардов только в одной этой одинокой пылинке Галактики... а мы на краю ее, уединенные в спиральном рукаве, где след звезд истончается по мере приближения пустоты... что же мы знаем... что же мы можем сделать?

Голос снова стал ровным и деловым:

— Это будет вознаграждение, которое тебя заинтересует больше. Мы будем хорошо платить за твои сообщения. При некоторых обстоятельствах — миллион.

«Что там Ники говорил, что он подзаработал? А Леон-то заплатил мне едва сто тысяч»,— Диана тряхнула головой.

— За мной будут постоянно наблюдать, Ракс, если выяснится, что Вэйленд может быть хоть как-то использован. Что может помочь после того, как тебя застрелят? — Она вздрогнула. «А ведь они могут так рассердиться, что решат канализовать мой мозг и...— Сигарета обожгла ее пальцы. Она выбросила окурок в мусоросборник и достала следующую.— Миллион кредитов,— ее мысли метались.— Миллион пачек сигарет. Но нет, конечно, это не то. Следует положить деньги в банк и вести интересную жизнь. Не очень большой доход, но с ним можно чувствовать себя уютно, безопасно и свободно, свободно...»

— Безусловно, ты потребуешь, чтобы тебе позволили исчезнуть,— сказал Ракс,— это является частью плана.

— Вы думаете, мы... наша ракета... не вернется когда-либо назад?

— Точно по плану. Военно-космические силы организуют поиски, но безрезультатно. У Амона нескоро появится возможность достать другую разведывательную ракету, а пока он занят поисками, его можно увести в сторону от цели или покончить с ним. Тебя следует доставить куда-ни-

будь на подходящее удаление, если хочешь — даже на Землю.

Диана закурила. Вкус сигареты был не тот.

— Хорошо, а что мой спутник?

— Младший лейтенант Флэндри? Думаю, от него не будет много вреда, если дело пойдет как надо. За деньги, которые задействованы, можно позволить себе нанять технических специалистов и оборудование, способное устраниć свежую память из его мозга без вреда для остальной части его тела. Он может быть оставлен там, где его скоро найдут. Возникнут предположения, например, что его похитили мерсияне и пытались вытянуть из него информацию методом испытаний под гипнозом.— Ракс подался вперед.

— Теперь разреши сделать самое интересное предложение,— продолжал он.— Если Вэйленд окажется стоящим местом, ты просто-напросто сообщаешь об этом Аммону, как приказано. Когда будешь в безопасности, находишь меня и рассказываешь мне все подробности. Особенно меня интересует вся информация о Флэндри, которую ты сможешь извлечь из него. Например, задумал ли он еще что-нибудь в связи со своей миссией, кроме того, что ему поручали. Видишь, моя организация может найти свое применение поддающимся подкупу офицерам космического флота. Это не потребует от тебя особых усилий и не подвергнет опасности, твоим вознаграждением будут сто тысяч кредитов.

«Плюс то, что уже лежит в моей сумке,— ликовала Диана,— плюс то, что заплатил Леон!»

— А если эта луна имеет значение? — пробормотала она.

— Тогда ты должна захватить ракету. Это не будет трудно. Флэндри ничего не заподозрит. Более того, наши агенты должны будут проследить за тем, чтобы в упаковках не оказалось импеллеров. Тут проблем не будет: пещера, отведенная под склад, не охраняется.

Диана нахмурилась:

— Это еще зачем? Как же он проверит то место, если не сможет летать даже по окрестностям в своем скафандре.

— Ты не будешь виновата, если его выводы окажутся ложными по тем или иным причинам. Но у Флэндри должна быть возможность выполнять работу хорошо, совсем не так, словно он отправился в какую-нибудь ксенологическую экспедицию или что-то в этом роде. Мы вынуждены ограничить его передвижения из-за того, что он слишком силен и молод. А так он с меньшей вероятностью предпримет шаги, которые могут подвергнуть и тебя, и нашу встречу опасности.

— Хорошо! — обрадовалась Диана.— Очень мило с вашей стороны.

— После того, как Флэндри станет твоим пленником, ты направишь корабль в область, координаты которой тебе дадут,— закончил Ракс.— Твоя ракета попадет в сферу чувствительности приборов нашего корабля, который возьмет тебя на свой борт. Твое вознаграждение составит миллион кредитов.

— Гм-м-м... «Проверь каждый угол, девонька,— пронеслось в ее голове.— Не сомневайся в том, что тот единственный угол, который ты не проверишь, будет скрывать стальной капкан».— Диана вздрогнула, вспомнив, как ужасные челюсти терзали ее за неподчинение влиятельной персоне. Собравшись с мыслями, она спросила:

— Почему нельзя просто украсть ракету?

— Космические вибрации, создаваемые во время полета с гиперсветовой скоростью, непрерывно регистрируются на расстояниях до одного светового года,— пояснил Ракс, терпеливо реагируя на ее абсолютное незнание физических законов космонавтики.— Это очень ограничивает возможности связи с помощью физических объектов. Если наш корабль зарегистрирует, где находится ракета Флэндри, он сможет сделать то же самое, и нетрудно догадаться, что он примет ответные меры.

— Понятно.— Диана еще немного посидела, обдумывая свои дальнейшие действия. Наконец она подняла взгляд и сказала:

— Бог с вами, вы убедили меня. Но я должна быть честной, я боюсь. Я наверняка знаю, что за мной следят с того

момента, когда я согласилась на эту работу, и Леону может прийти в голову устроить мне экзамен под наркотиками. Вам это известно?

— Это тоже просчитывалось,— сказал Ракс,— вон за той дверью находится датчик гипноза с устройством для амнезии. Я хорошо владею этой техникой. Если ты согласишься помочь нам за предложенную сумму, тебе покажут координаты встречи, и ты запомнишь их. После окончания дела твои воспоминания об этой ночи будут убраны из твоего подсознания.

— Что? — Впечатление было такое, словно рука больно сжала ее сердце. Она осела в своем кресле. Сигарета выпала из похолодевших пальцев.

— Не надо бояться,— сказал Ракс,— не путай это с производством зомби. Незапланированного принуждения не будет, если не считать постгипнотическое побуждение. Оно заставит тебя изучать мышление Флэндри. После чего ты вынудишь его показать, как управлять ракетой. Просто ты завтра проснешься немного в рассеянном состоянии, которое вскоре пройдет. Ты не сможешь вспомнить, что произошло после того, как ты переступила порог этой комнаты. Внушение покажет, что была ночь с наркотиками, а деньги в твоей сумке станут свидетельством того, что ночь не была потрачена зря. Я думаю, ты недолго будешь беспокоиться об этом, особенно потому, что тебе вскоре предстоит улететь в космос.

— Я... ну, как это... Я не трогаю тяжелых наркотиков, Ракс.

— Может быть, твой клиент подсыпал в выпивку. Пrolожаю: твоя скрытая память будет похоронена так, чтобы стать недосягаемой для любой сплошной наркотической проверки. Две альтернативные ситуации будут вновь побуждать твою память. Одна из них — это интервью, в котором Флэндри сказал Аммону, будто Вэйленд — пустышка. Другая — его признание на месте в том, что Вэйленд ценен. В том или ином случае, полное знание вернется в твое сознание, и ты сможешь предпринять подходящие действия.

Диана тряхнула головой.

— И я буду с канализированным мозгом... с сожженным мозгом — ну нет! — Она задыхалась. Каждая деталь в комнате, шахматный узор кресел, движущаяся морщинка на «лице» Ракса, панели внутренней двери — все это казалось ей видениями ночного кошмара.

— Нет, я не согласна.

— Я не говорю о кабальных условиях,— сказал Ракс.— Это сделало бы тебя слишком негибкой. Кстати, это займет час или около этого — время, которое мы потратили на переговоры. Я говорю о добровольном соглашении между нами, которое включает твое согласие на безопасную амнезию, устранием заданным сигналом.

Диана встала. Ее колени дрожали.

— Вы — вы можете совершить ошибку. Нет. Я ухожу. Дайте мне выйти.— Диана сунула руку в свою сумку.

Но она опоздала. В комнате уже стоял боевой робот. Диана с ужасом смотрела на его дуло.

— Если ты не будешь с нами сотрудничать, начиная с сегодняшнего дня, то ты мертва,— спокойно сказал Ракс.— Следовательно, почему бы тебе не предоставить самой себе шанс выиграть миллион кредитов? Эти деньги помогут тебе освободиться от твоих нынешних занятий.

IV

Очередной этап приключений наступил через месяц. Это было тогда, когда началась смертельная опасность.

Солнце, которое человек назвал однажды Мимир, светило в четыре раза ярче нашего Солнца, тем не менее на расстоянии пяти астрономических единиц оно выглядело маленьким бело-голубым сияющим пятнышком, слишком ярким для незащищенного глаза. Закрыв диск Мимира пальцем, вы можете увидеть облако вокруг него — газ, пыль, метеориты, туманность — миниатюрную, но плотную, как любая другая, существующая в той или иной точке вселенной, и лучи света, созданные отражениями внутри этой туманности. Дальше темнота перемешалась с отдаленными

звездами, и Млечный Путь пенится в небесном пространстве.

На расстоянии немногим более четырех миллионов километров от разведывательной ракеты планета Риджин имела поперечник в два с половиной раза больше небесного диаметра Луны, видимой с Земли. Дневная сторона гигантской планеты ослепляюще отражала солнечный свет от облаков своей сильно сжатой атмосферы. Ночная сторона имела пепельно-серый оттенок, частично из-за зари, частично из-за света, отражающегося от нескольких Лун.

Среди них был спутник Вэйленд. Несмотря на то, что Вэйленд был не больше Луны, он занимал практически весь передний обзор: ракета опускалась на него с орбиты. Открывалась картина с остроконечными застывшими скалами, ледяными полями, бесплодными равнинами, кратерами, старыми, разрушенными, или новыми, с незастывшей лавой, все это едва смягчалось тонким слоем воздуха.

Флэндри начал колдовать над пультом управления. Ракета класса Комета, его корабль, давно устарел и был плохо оборудован. Без подходящего боевого компьютера Флэндри пришлось совершить посадку вручную. Это его не беспокоило. Получив необходимые данные во время свободного падения по круговой орбите, он должен был только наблюдать за приборами и правильно направлять гравитационный двигатель корабля. Для него это был танец с ракетой под веселую песню космических сил, и действительно, он тихонько насыпал мелодию какого-то вальса...

Несмотря ни на что, Флэндри был предельно собран. Слабые вибрации мощности, шорох вентилятора, химически обработанный воздух, напряжение внутреннего гравитационного поля четко зафиксировались в его сознании. Он слышал, как кровь стучит в его висках.

Сидящая рядом Диана воскликнула:

— Ты идешь не по центру. Ты отклонился.

Флэндри посмотрел на нее. Даже в эти напряженные минуты он насладился увиденным.

— Конечно.

— Что? Почему?

— Разве это не очевидно? Там происходит что-то очень странное. Я не собираюсь неуклюже вваливаться туда.— Флэнди засмеялся.— Хотя, я бы лучше продолжил ловлю кошечки.

Черты ее лица застыли:

— Если ты только попытаешься...

— Ах-ах, не надо кокетничать.

Флэнди снова переключил свое внимание на пульт управления и экран.

Его голос снова возник, немного отрешенный:

— Ты меня удивляешь. Я вот о чем. Старая калоша насколько упрямая, настолько и прелестна, поэтому, без сомнения, мы сначала произведем разведку. Я собираюсь сесть вон в том кратере — ты видишь его? Поверхность должна быть твердой, но мы испытаем ее лучом, прежде чем отключить двигатель. Если нам повезет, все эти летающие странности, которые проносились у нас над головой, зарегистрируют нас как какой-нибудь метеорит. Правда, я не рассчитываю на случайную встречу. Это, возможно, миниатюрная планета, но на ней полно всякой всячины. Я оставлю тебя на борту и осторожно осмотрю окрестности. Если все нормально, мы повторим наши усилия, приближаясь к цели. И не думай, что я не хочу сконструировать хорошенькую печь для мусора, того самого, чьи пластмассовые мозги преуспели в упаковывании ящиков с импеллерами и кислородными баллонами.

Он не делал этого признания до тех пор, пока не достиг Риджина и не выломал околопланетный датчик, который Аммон поставил для своих целей. Обычно космонавту не нужны индивидуальные средства для повседневных работ. Теперь следовало сделать главное — приземлиться.

Индивидуальные средства передвижения в открытом космосе даже не были включены в спасательное оборудование. Если космонавт попадает в беду, они все равно не выручат.

«Мне необходимо было все проверить сразу после загрузки на борт на восьмой планете,— размышлял Флэнди.— Я виноват в том, что принял что-то на веру. Как

Макс Абрамс разделяет меня!.. Ладно, я думаю, что агенты службы безопасности, как и остальные, учатся уму-разуму на собственных промахах».

Флэндри как следует отчитал Диану, заставив ее покраснеть, и всерьез подумал о том, чтобы прекратить Вэй-лендскую миссию. Нет. В самом деле, какая опасность может исходить от безлюдного куска скалы?

Странно, но загадочные вещи, которые он наблюдал с орбиты, усилили его желание спуститься. А может, это не так уж и странно? Он жаждал действий. Кроме того, он не мог допустить (в его-то возрасте), чтобы девушка так сильно была напугана.

Флэндри заметил, что его спутница съежилась. Это произошло впервые за время их путешествия. Ведь она была созданием больших городов, частицей цивилизации, а не порождением Великого Космоса.

Впереди была тайна, навстречу которой они спускались. Там могли быть комплексы действующих роботов (или, в лучшем случае, пассивно ожидающих в течение долгого времени), какие-нибудь перекрестные линии, тянувшиеся на протяжении сотен километров вдоль старых построек, масса других странных предметов, никогда ранее не виданных, если только в дурных снах. Да, все это пугало. Будь у Флэндри полет с четко установленным, а не двойным заданием, он бы непременно вернулся за подкреплением. Но сейчас, в сложившейся ситуации, это было невозможно.

Вдруг он почувствовал жалость к Диане. Он знал, что она из себя представляла: кроткая, любящая, сострадающая, как криогенный двигатель. Но тем не менее, она была прекрасна: маленькая, изящная, с изысканными формами, большими голубыми глазами, золотистыми волосами. По мнению Флэндри, это свидетельствовало о добродетельности. Диана не возражала, чтобы он готовил еду — а он был, без сомнения, превосходным поваром, — и восприняла на сей раз тесноту и аскетизм корабля с иронией. В течение трех недель их путешествия Диана продемонстрировала все стороны таланта хозяйки, который заслуживал высших по-

хвал. Безусловно, в ее образовании было много пробелов, но она была забавным собеседником.

Диана могла быть наполовину врагом, а Флэндри неблагородазумно позволил себе роскошь слегка влюбиться и чувствовал себя обязанным ей. Ни одно космическое путешествие не было для него таким приятным!

Диана встретилась лицом к лицу с реальным космосом, с той единственной правдой, которую мы знаем об этом пространстве,— оно безжалостно. Флэндри хотелось обнять и утешить ее.

Корабль входил в атмосферу. Свист стал проникать внутрь корабля, корпус задрожал.

— Вперед, Джейк,— умолял Флэндри.— Будь хорошей девочкой.

— Почему ты всегда называешь ракету «Джейк»? — спросила Диана, пытаясь, очевидно, этим вопросом отстичься от скал, которые неслись ей навстречу.

— Показания датчиков Якобини-Зиннера просто нелепы! — крикнул он.— А компьютерные распечатки вообще невозможно пристойно объяснить!

«Я воздерживаюсь от вопросов, как тебя звали в детстве,— думал он.— Скажем так, я предпочитаю не верить Эрминтруду Багтвэйту, который вкладывал деньги в... ах... сочинение имен и строительство человеческих тел...»

— Пожалуйста, тихо,— попросил он.— Дело тонкое. Разреженная атмосфера означает сильные ветры.

Двигатель взревел. Внутренняя сила, противодействующая ускорению, уже не компенсировала крен корабля. Казалось, что корпус наклонился. Руки Флэндри взлетели, ступни соскользнули на педали. Он постоянно отдавал приказы свихнувшемуся центральному компьютеру. Флэндри и прежде приходилось совершать подобные посадки, бывали случаи и потруднее. И каждый раз он выходил победителем.

Появились штурмовики.

У Флэндри была лишь минута, чтобы предупредить о них Диану. Она ужаснулась, когда штурмовики вынырнули из пелены быстро несущегося серого облака. Металличе-

ские, блестящие при свете Мимира и дневного полумесяца Риджина, висящего над горизонтом. Широкие, остроконечные крылья несли стреловидные тела: хвостовое оперение, клювы и когти. Они казались гораздо меньше корабля, но их было десятка два, пожалуй, даже больше.

Штурмовики атаковали. Они не могли причинить серьезного вреда кораблю. Их удары и царапанье гулко отдавались в корпусе. Но построенная по стандартам настоящих космических кораблей, Комета была способна выдержать и более тяжелое воздействие.

Штурмовики ужесточили атаки. Кружка и планируя, они закрыли полосу обзора, мешали работе радара, акустических излучателей, датчиков и приборов. Только теперь до Флэндри дошло, что он ведет корабль вслепую, ничего не было видно, лишь изредка появлялись мелькающие полоски света.

Сильный ветер вращал корабль и заносил его в сторону.

Флэндри выстрелил из автоматической пушки в носовой части ракеты. Штурмовик превратился в дым и осколки. Второй, с поврежденными крыльями, упал и разбился. Но все равно их оставалось слишком много, и реакция штурмовиков была отличной.

— Нам необходимо побыстрее выбраться отсюда! — Флэндри услышал собственный голос и увеличил мощность двигателей.

Корабль получил новый удар. На этот раз металл заскрежетал. Изображение на экранах закружилось. Наконец он понял, что произошло. Из-за отсутствия сигналов датчиков обзора корабль чуть-чуть не срезал верхушку горы.

Для страха и отчаяния не было времени. В экстремальных ситуациях это непозволительная роскошь. Флэндри слился с кораблем. Он соображал: два тяговых сопла — явно недостаточно, чтобы сесть и не разбиться в лепешку. Он решил не обращать внимания на стаю «стервятников» и занялся разбалансированным гравитационным двигателем. Если получится развернуть хвостовое оперение корабля вперед, сила тяги отгонит противника. «На корме есть целый сканер, его можно направить на экран при пульте управления и использовать для визуального контроля посадки». Это воз-

можно лишь в том случае, если удастся удержать ракету. Если нет — что ж, жизнь была хороша...

Шум уменьшился, слышался лишь свист ветра. Двигатель зарычал, по корпусу снова били клювы. Флэндри изумился, услышав голос Дианы, посмотрел на нее: глаза закрыты, руки молитвенно сложены, с губ слетали древние слова, снова и снова:

— Святая дева Мария, милосердная...

Как? И это Диана? А он-то думал, что хорошо ее знает!

V

Они садились тяжело. Ослабленные узлы ракеты зловеще скрипели и гулко скрежетали. Но приземление состоялось.

Флэндри сразу же занялся автоматической пушкой. Останавливаясь то на одной, то на другой мишени, голубой луч гонялся за нападавшими птицами. Вот крылатое чудовище рухнуло вблизи кромки кратера. Пара других штурмовиков получила серьезные повреждения и улетела. Остальные вскоре последовали их примеру. Через несколько минут последний «стервятник» исчез из поля зрения.

Но что это — высоко в пасмурных небесах, за пределом досягаемости оружия, парит светлое пятно? Флэндри сфокусировал экран обзора, довел до максимума усиление.

— Вот как.— Он довольно кивнул головой.— Один из наших приятелей на всякий случай остался для того, чтобы наблюдать за нами своими мерзкими глазенками.

— О-о-ох! — прохныкала Диана.

— Соберись-ка с мыслями,— приказал он.— Ты знаешь как. Часть «А» вставить в паз «В», прикрепить к секции «С» и так далее. Если же тебя не научили этому, у нас будут проблемы.

Его внимание, пока он освобождался от ремней, было занято изучением бортовых индикаторов. Некоторое количество воздуха было потеряно, пришлось восполнить из резервного бака. Утечки больше не было. Очевидно, корпус

слегка треснул, не очень серьезно — это можно было исправить своими силами, но без ремонта в космос теперь выйти было невозможно. Внутрикорпусные повреждения были более серьезными: гравитационное поле исчезло — теперь они перемещались под действием силы тяжести Вэйленда, которая вдвое меньше земной. Легкость, с которой Флэндри двигался в корабле, не вселяла в него никакого энтузиазма. Но хуже всего было то, что ядерный генератор абсолютно вышел из строя. Вот это «о-о-ох!» Освещение, тепло, водный цикл — все сохранилось благодаря энергии аккумуляторов.

— Продолжай наблюдать,— сказал он Диане.— Если ты увидишь что-нибудь необычное, кричи изо всех сил.

Он пошел на корму, увидел хаос в носовой части и в камбузе, оттуда прошел в машинный зал. Часовой осмотр корабля показал, что не оправдались ни самые мрачные, ни самые оптимистические прогнозы Флэндри. Ракету «Джейк» можно было починить, и даже в сравнительно короткие сроки, но только если специальное оборудование было с собой.

— Есть что-нибудь новенькое? — спросил он и вернулся на свое место.

Диана была занята. Она стояла в углу, разложив все имевшееся у них оружие на стуле: пучковый бластер*, игольчатое ружье, личный мерсеянский боевой нож Флэндри. Там не было только ее внушительного пистолета. Диана держала его в руке со взведенным курком.

— Какого черта,— воскликнул Флэндри,— хотелось бы знать?! Что за дешевая игра?

Флэндри направился к ней. Диана подняла пистолет.

— Стой.— Ее высокий голос стал бесцветным.

Флэндри повиновался. Она запросто может свалить его. Здесь не было места, где можно было укрыться и оставаться в безопасности до тех пор, пока в голову не придет подходящее решение. Конечно, он может освободиться от любых узлов, которые она способна завязать. Но Флэндри на этот раз проглотил свое разочарование — он продолжал изучать

* Пистолет или ружье, стреляющее электромагнитными зарядами.

Диану. Страх ушел, хотя он все еще был бледен, а губы застыли в прямой линии.

— Что произошло? — спросил он медленно.— В моем поведении и моих намерениях не было ничего шокирующего.

— Может быть, ничего и не произошло, Ники,— она попыталась улыбнуться.— Я должна быть осторожной. Ты понимаешь это, не так ли? Ты имперский офицер, а я веду ракету Леона Амона. Возможно, мы и продолжим нашу совместную работу. А возможно, и нет. Так что же все-таки произошло с кораблем?

Он соображал.

— Инте-ре-е-сный вопрос,— протянул он.— Если ты думаешь, что это ловушка для тебя... Ну, хорошо, рассуди сама, моя дорогая, ты прекрасно знаешь, что ни одна разработанная функциональная ловушка не работает. Я точно так же сбит с толку, как и ты... и обеспокоен, если это может служить тебе хоть каким-то утешением. Сейчас я ничего так не желаю, как вернуться целым и невредимым к выдержаным винам, изысканной еде, приятным беседам, хорошей музыке, интересным книгам, крепкому табаку, в компанию очаровательных женщин, ко всему остальному, что может дать цивилизация и что осталось там.

Он был честен на 99 процентов. Один процент включал желание положить в карман миллион. А может, и не только это...

Девушка не отреагировала на его слова:

— Ну как, можем ли мы взлететь?

Он объяснил, каково реальное состояние дел.

Диана кивнула. Волна волос цвета амбры мягко прошла над ее красиво очерченными скулами.

— Я думаю, это более или менее так,— сказала она.— Что ты собираешься делать?

Флэндри изменил позу, почесал в затылке.

— Еще один интересный вопрос. Мы не можем находиться тут до бесконечности, ты понимаешь. Учитывая внешнюю температуру и другие факторы, я должен доложить тебе, что, если мы переведем все системы в режим работы с минимальным потреблением энергии и если нам не придется

опять стрелять из пушки, энергии аккумуляторов хватит приблизительно на три месяца. Еды хватит на более длительный срок. Но когда термометр покажет ниже ста градусов*, мясные сэндвичи смогут только облегчить страдания, но вылечить они не смогут.

Диана топнула ногой:

— Не хватит ли тебе прикидываться шутом?!

«Странно, мне показалось, что я преуспел,— хотел сказать Флэндри,— а это твое случайное движение имело ослепительный эффект, особенно в обтягивающем свитере, который ты носишь. Давай повторим это еще раз?»

Диана преодолела гнев.

— Мы нуждаемся в помощи,— сказала она.

— Никакого смысла пытаться радиоровать об этом,— ответил Флэндри.— Так как воздух атмосферы очень разрежен, практически нет ионосферы, необходимой для передачи радиоволн. Особенно когда солнце, хоть и яркое, расположено так далеко. Мы смогли бы послать сигналы с Риджина или с любой другой Луны, но для этого необходимы направляющий и контролирующий датчики, которых на нашем Джейке нет.

Диана посмотрела на него с откровенным удивлением:

— Радио?

— Я имею в виду главный компьютер в горнодобывающем центре; в то время это была первоклассная машина, с полным пакетом программ, если только за это время она не испортилась по какой-либо причине. Обычно она давала команды на ремонт и установку оборудования. Если нам удастся оживить ее и получить положительный результат, через несколько часов у нас будут подходящие роботы и схемы, которые мне понадобятся через несколько дней.

Флэндри как-то невовко улыбнулся.

— Я хотел было дать сигнал с орбиты,— продолжал он,— но из-за этого хоровода, который мы видели, эта возможность упущена. Теперь придется самим идти туда и смотреть, что можно сделать.

Диана снова напряглась.

— Я знала, что именно это ты и придумаешь,— сказала

* Имеется в виду температура по Фаренгейту: приблизительно 37° С.

она, став белее снега,— не надо ничего делать, дружочек. Слишком рискованно.

— Что еще...

Диана не произнесла еще ни слова, но он уже знал, что она ответит. Флэндри услышал, как бешено колотится его сердце.

— Я присоединилась к тебе не вслепую,— сказала она.— Сначала я изучила положение, все, что я могла бы изучить, включая стандартные приборы этой ракеты. На каждой из таких ракет есть по несколько курьеров. Один из них можно послать назад, в Айрумкло, он долетит за две недели и доставит сообщение о том, где мы находимся и в каком положении.

— Но,— запротестовал Флэндри.— Но, послушай, то нападение на нас, судя по всему, не было последней попыткой. Я не гарантирую, что мы выдержим следующую атаку. Нам лучше оставаться здесь, под прикрытием холмов...

— Может быть. Мы будем играть в эту игру так, как она будет разыгрываться. Однако я не хочу упустить главный шанс выжить, который может привести сюда корабль военно-космических сил.— Смех Дианы был неприятно визглив.— Я могу рассказать тебе, о чем ты думаешь,— продолжала она.— Ведь еще буду я в твоем раскладе. Сколько законов это опрокинет? Власти будут проверять дальше. Когда они узнают, что ты взял деньги за то, чтобы выполнить работу для Амона, да еще на служебном корабле,— представляю, каким будет приговор — как минимум — рабская жизнь.

— А что насчет тебя? — поинтересовался он.

Ее веки опустились, губы сомкнулись, их скривила усмешка:

— Меня? Я жертва обстоятельств. Я боялась возражать, так как ваши безнравственные типы принуждали меня... пока у меня есть только этот шанс сделать правильный выбор... Я уверена, что я сумею заставить твое командование думать таким образом и вынести мне оправдательный приговор. Может быть, даже — представить к награде. Ведь мы в жизни хорошие друзья с адмиралом Джгулиусом.

— Ты не прорвешься к цели без моей помощи,— сказал Флэндри,— особенно, если нас опять станут атаковать.

— Возможно, смогу, а возможно, и не смогу,— ее тон смягчился.

— Ники, дорогой, почему мы должны враждовать? У нас есть время, чтобы выработать план для тебя. Легенду или, может быть, ты можешь спрятаться где-нибудь, взяв с собой средства обеспечения, а я могла бы вернуться позже и забрать тебя. Клянусь, я приду,— она качнулась в его сторону.— Клянусь, я желаю этого. Ты был превосходен. Я не позволю тебе погибнуть.

— Несмотря на это,— сказал он,— ты настаиваешь на том, чтобы послать весточку о нас.

— Да.

— Ты умеешь запускать курьера? Что, если я откажусь сделать это?

— Тогда я оглушу тебя, свяжу и буду пытать до тех пор, пока ты не согласишься,— сказала она, став вдруг совершенно бесцветной,— я знаю достаточно обо всем этом.— Ее словно прорвало.— Тебе и в голову не приходило, как много я знаю! Ты умрешь прежде, чем я закончу. Вспомни, как ты хвастался передо мной, что встречался с трудностями в своих полетах, ты, бедный мальчик, пытающийся пробиться по службе только за счет своих возможностей! Если бы ты только слышал, как я хохотала про себя, пока целовала тебя! Я поднялась из рабства — в Черной Яме Джиханната — вот через что я прошла, и то, что они там в Старом Городе Айрумkle называют самым худшим, на самом деле — ясельная игра, и я не собираюсь назад в ад — Бог свидетель, не собираюсь! — Она судорожно вздохнула и словно опять надела маску...

Диана достала из кармана лист бумаги:

— Вот послание.

Флэндри с трудом удерживался на своем месте. Ему необходимо было обезвредить Диану. Если он будет действовать быстро, и счастье будет ему сопутствовать... он обязательно должен...

Но вдруг он понял, что риск бесполезен. Флэндри задыхался.

— В чем дело? — голос Дианы стал истерическим.

Он встрыхнулся.

— Ничего. Хорошо, ты победила. Давай отправим твое послание.

Курьеры располагались около главного люка. Флэндри шел впереди, за ним следовала Диана. Пистолет она по-прежнему держала наготове. На самом деле она знала, как самостоятельно привести в действие курьера. Она быстро выучила, как повернуть корабль домой, — вложить координаты цели в автопилот, выключить ручной контроль и так далее. Все эти четыре приспособления были гораздо проще, чем могло показаться сначала.

Внутри каждого торпедообразного курьера длиной 120 сантиметров находились миниатюрные двигатели для гравитационного и гиперскоростного полетов, датчики и навигационный компьютер, ведущий курьера к желаемой цели; радиопередатчик, способный давать необходимые сигналы, аккумуляторные батареи питания и небольшое пространство для посылки, которая могла быть документом, пластиинкой или еще чем-нибудь.

Демонстративно послушный, Флэндри открыл помещение и отшел в сторону, пока Диана вкладывала в курьера свое письмо и закрывала створку, на которую по трафарету были нанесены координаты Айрумкло.

Диана наблюдала, как Флэндри нажимал контрольные кнопки. Он протолкнул курьера вперед, для запуска. Чуть погодя он попросил:

— Я бы хотел запрограммировать это на задержку в шестьдесят секунд, если ты не возражаешь.

— Почему?

— Тогда мы смогли бы вернуться в рубку и наблюдать, как курьер отчаливает. Для того, чтобы у нас была уверенность, ты понимаешь?

— Гм-м-м... Что ж, это, пожалуй, имеет смысл, — Диана поиграла пистолетом. — Я буду наблюдать за тобой, что-

бы ты был плотно прикрыт до тех пор, пока курьер не уйдет в космос, усекаешь?

— Логично. После этого мы оба сможем раскрыться?

— Стой на месте!

Флэндри запустил механизм, они вернулись в носовую часть ракеты и стали следить за курьером.

Вид бы унылый. Корабль «Джейк» лежал вблизи стенки кратера, устремленной в небо примерно на три километра. Скалистый частокол кратерной кромки уходил так далеко, что пропадал из видимости близ горизонта. Темные скалы и дно кратера были словно посыпаны чем-то белым: на самом деле их покрывали двуокись углерода и аммиачный снег. Все это начинало испаряться в начале шестнадцатидневного периода солнечного света на Вэйленде; клубились туманы, поднимались струи газа, обнажая кромки сверкающего льда.

Небо над головой было темно-фиолетового цвета, почти черного. Звезды тускло просвечивали сквозь поднимающуюся пелену испарений, так как в этот ранний час огненный диск осветил кольцо кратера. Риджин казался ярким наполовину из-за клубящихся облачных покровов, по цвету его можно было сравнить с раскаленной сталью.

Порыв ветра передался через корпус ракеты.

Диана обратилась к сидевшему рядом Флэндри:

— Когда курьер уйдет, Ники, ты будешь желать меня? Будешь, так же, как и раньше, хорошо ко мне относиться? — В ее голосе была грусть.

Он не ответил сразу. Его плечи и мышцы живота болели от напряжения.

Торпеда ушла из аппарата. На миг она зависла, пока ее идиотские псевдомозги не поняли, что нужно делать и какой путь нужно избрать. Торпеда поднялась. Находясь над атмосферой, она пролетит мимо мерцающей Бетельгейзе и ляжет на курс до Айрумкло.

Но — вдруг! — Диана издала вопль. Флэндри закашлялся. Штурмовик, парящий высоко над ними, внезапно ударил. Огненная точка сверкнула в небе.

Флэндри бросился к экрану обзора и поставил усиление

на максимум. У торпеды не было защитного панциря — только тонкая алюминиевая оболочка, которую очень быстро пробил клювом штурмовик. А сейчас его когти прочно держали торпеду. Курьер обладал достаточной маневренностью для того, чтобы сбросить нападающего, но не хватало «сообразительности». Курьер продолжал подниматься, но далеко уйти не мог, так как были уничтожены некоторые важные цепи. Штурмовик сделал свое дело: когти разжались, торпеда рухнула и разбилась.

— Я думал, что так и будет,— пробормотал Флэндри.

Штурмовик вернулся на свою позицию. Три других присоединились к нему.

— Они, должно быть, почувствовали нашего посланника, или их позвали на подмогу,— сказал Флэндри.— Никакой нужды пытаться еще раз, не так ли? Та энергия, которая требуется для запуска курьера, пригодится нам для других целей.

Диана, пребывавшая в оцепенении, кинула пистолет в сторону и бросилась с плачем в объятия Флэндри. Он погладил ее по волосам и стал успокаивать.

Наконец она пришла в себя, посмотрела на него и сказала, всхлипывая и икая:

— Ты ведь доволен, не правда ли?

— Да, я не могу сказать, что я сожалею,— признался он.

— Т-т-тебе лучше быть мертвым, чем...

— Чем работом? Да, банально или нет,— но ты права.

Некоторое время она выжидающе смотрела на него.

— Хорошо,— сказала она более спокойно.— Это устраивает нас обоих.

VI

Флэндри успел взобраться на вершину кольцевого кратера до того, как жуки обнаружили его.

Он хотел исследовать штурмовик, упавший на другой склон кратера, пока Диана упаковывала вещи для похода.

Может быть, ему удастся раздобыть какой-нибудь ключ к тому, что произошло здесь. Однако все время существовала угроза новой атаки «стервятников». Хорошо бы удалось найти пещеру, скалу или хотя бы щель на неровной стороне кратера, куда можно спрятаться. Бластер, настроенный на ближний бой, позволит избавиться от нападающих (недаром пушка подстрелила нескольких), если, конечно, на их стороне не будет слишком большого численного перевеса. Тогда, к сожалению, бластер быстро разрядится.

Ничего не произошло. Настраивая радио по всему диапазону, он обнаружил участок, где шла модулированная волна: щелчок — молчание,— код, передаваемый с огромной скоростью. В его ушах он звучал почти как непрерывное, высокочастотное улюлюканье. Сначала он хотел передать несколько фраз на этих частотах, но решил не привлекать к себе внимания. Новая встреча со штурмовиками была нежелательна. Остальная часть доступного спектра радиочастот была пуста, лишь космический шум шелестел и трещал в приемнике. И мир молчал, только ветер стонал, скрипел снег и трещали камни у него под ногами; слышалось его собственное дыхание и удары сердца.

Дно кратера было скалистым, заледенелым. Пелена снега и туман снижали освещенность, но ультрафиолетовые лучи, частично проходящие через стекло шлема, обжигали лицо Флэндри. Облака клубились на фоне удаленных созвездий и возмущали поверхность Риджина. Стена кратера поднималась далеко вверх неотесанной громадой.

Путь не был слишком тяжелым. Эрозия сделала выемки в скалистой поверхности, удобные для подъема, кроме того, при существовавшей здесь силе тяжести, даже в костюме космонавта, Флэндри был легче абсолютно раздетого человека в земных условиях. Он быстро приспособился к новому соотношению веса и инерции. Но он не догадался сказать об этом Диане, могут возникнуть неудобства, а это значительно замедлит их продвижение. Кроме постоянной угрозы нападения сверху, его заботила плохая работа системы регенерации воздуха и терmostатирования. Флэндри вспотел и задыхался в отравленном воздухе. «Необходимо устранить

эту неполадку перед тем, как мы вместе отправимся в путь!» — подумал он.— И надо задать обслуживающему персоналу хорошенъкую взбучку, когда... вернее, если я вернусь».

Вдруг в его мозгу вспыхнуло:

«Но какой смысл? Они никуда не годятся, потому что высшие эшелоны власти некомпетентны, потому что Империя больше не несет никакой реальной ответственности за удержание этой части космоса... В дни моего деда мы все еще сохраняли то, что действительно принадлежало нам, во всяком случае, большей частью. В дни моего отца лозунгом стало «согласие и объединение», которые на самом деле означали отступление. В мои дни — моя очень личная борьба дневного света против двух бесконечных темниц — не обернется ли она длинной ночью?»

Он сксал зубы и с новой силой полез вверх.

«Ночь не наступит, если я не позволю ей!» — думал он.
Появились жуки.

Они вылетели из-за валунов и ледяных торосов: штук двадцать, возможно, больше, и двигались прямо на него. Длинной сантиметров в тридцать, каждый из них имел десять когтистых лап, хвост, кончающийся раздвоенным шипом, голову, на которой двигалось не менее полутора антенн. Свет Мимира окрасил их вооруженные тела в пурпурный цвет.

В течение секунды Флэндри казалось, что он потерял рассудок. Старые записи говорили, что Вэйленд был необитаем, всегда был таким и всегда будет. Он ожидал всего, только не этого. Жизнь просто-напросто не могла существовать там, где царил постоянный глубокий холод, воздух разрежен, металл преобладал в породах, а фоновая радиация была так высока. А если предположить, что жизнь все-таки могла зародиться на этой планете? — Мимир был молодой звездой, образовавшей свою планетную систему лишь несколько миллионов лет назад из туманности, обогащенной тяжелыми металлами за счет прежних поколений звезд. Система еще не кончила конденсироваться, о чем свидетельствовало облако вокруг солнца и следы ударов ог-

ромных метеоритов на поверхности планеты. Слишком мало прошло времени для того, чтобы жизнь здесь началась.

Эти мысли быстро пронеслись в сознании Флэндри. Он очнулся, когда опасные жуки завились прямо над ним. Двое уже находились на его шлеме. Флэндри услышал щелчки, почувствовал странный удар. Осмотревшись, он заметил других: сидевших у него на талии, вцепившихся в ноги, облепивших бутсы. Клыки грызли, когти царапали. Они нашли подходящие места в его амуниции и принялись за работу. Ни одно живое существо, меньше Линатаврианского слонового волка, не в состоянии было хоть что-то сделать с металлическими сплавами и пластиками, из которых состоял костюм Флэндри. Он увидел, как отскакивают стружки, словно огненные искры. Он заметил белую струйку водяного пара, возникшую от первой пробоины рядом со своей левой лодыжкой. Создание, сделавшее это, продолжало усердно грызть.

Флэндри непристойно выругался. Он стряхнул одного подонка и ухитрился дать ему пинка. Боль от удара в большом пальце ошеломила его. Жук отлетел недалеко, совершенно невредимый. Он снова вспрыгнул на прежнее место. Флэндри пытался сбросить другую тварь, которая слишком сильно присосалась к нему.

Наконец он вытащил бластер. Настроил его на игольчатый луч и низкую интенсивность, направил дуло на панцирь жука и спустил курок.

Создание не задымилось и не взорвалось, с ним не произошло ничего, что обычно бывает в таких случаях с обычными животными. Но через две или три секунды жук упал на землю и замер.

Остальные продолжали свою дикую атаку. Флэндри сбросил их с себя и с помощью энергетических стрел заставил удирать тех, кто собирался напасть. Ни один организм такого размера, такой силы, с такой защитной оболочкой не мог бы выдержать его резкие, короткие выстрелы.

Последние два жука находились сзади, и он не мог их рассмотреть. Он расширил дуло бластера и пальнул за спину. Жуки упали. Тепло резко подняло температуру его

одежды и заставило газ быстрее выходить через несколько пробитых отверстий. Барабанные перепонки Флэндри с болью выгнулись. Голова гудела и кружилась.

Но сказалась тренированность. Едва соображая, он закрыл отверстия специальными заплатами и включил резервный баллон для освежения атмосферы. Только после этого Флэндри сел. Он задыхался и судорожно дрожал. Но, наконец, удалось освежить пересохший рот струйкой воды из трубки.

Переведя дух, он приобрел способность изучать дохлых жуков. Бросив пару экземпляров в рюкзак, Флэндри продолжил путь. С вершины кольцевой горы он разглядел подбитый штурмовик и добрался до него через наледи. Штурмовик разлетелся на мелкие фрагменты. Флэндри собрал некоторые обломки и вернулся к «Джейку».

Путешествие проходило в угрюмом молчании, лишь изредка Флэндри прерывал его. Одиночество и незнание обстановки совершенно выбили Диану из колеи. Она встрепенулась, увидев Флэндри. Он рассеянно поцеловал Диану, попросил что-нибудь поесть и большую чашку кофе. Завершив трапезу, Флэндри, не обращая внимания на спутницу, пошел по своим делам.

VII

Им предстояло пройти около 200 километров. Это расстояние Флэндри получил на основе карт, которые сделал еще на орбите: от места стоянки ракеты до очень высокой горы.

— Мы не будем подходить ближе разумного расстояния,— объявил он.— Нам потребуется надежное укрытие, чтобы прятаться: вдруг окажется, что тут орудуют создания, которые питаются людьми.

Диана поперхнулась.

— Куда же мы можем убежать?

— Это хороший вопрос. Но вообще-то я не собираюсь

лежать в грациозной позе и помирать. Я слишком труслив для этого.

Диана не ответила на его улыбку. Флэндри надеялся, что она не воспримет его слова буквально, хотя в них содержалась большая доля правды.

Путь можно было сократить, пересекая две связанные между собой лощины. Флэндри отказался от этого.

— Я предпочитаю прятаться,— сказал он, прокладывая извилистую дорогу по подножиям холмов и гор, которые изобиловали местами для укрытия. Флэндри понимал и учтивал все: и то, что путь был далеко не легким, и что Диана не имела никакого опыта в подобных делах, и что им придется тащить на себе тяжелый груз — оборудование Аммона и околопланетный датчик, и все-таки он надеялся, что они смогут проходить от тридцати до сорока километров в сутки. К сожалению, почти все тут работало против них, разве что слабая гравитация, отсутствие рек, которые пришлось бы переплывать, и еще, пожалуй, стабильная, ровная погода. Вэйленд всегда повернут к Риджину одной и той же стороной, поэтому на протяжении всего пути их ждал непрерывный день, исключая, правда, полуденное солнцестояние, когда планета перекрывает солнце. Кроме того, нельзя забывать и о комплекте стимуляторов. «Это,— подумал Флэндри,— поможет скоротать путь».

Он решил, что перед дорогой стоит как следует поесть, послушать музыку, позаниматься любовью и хорошенько поспать, пока ракетные датчики следят за обстановкой.

Вечеринка получилась довольно бесцветной, так как Диана слишком боялась, что все это может быть в последний раз. И Флэндри не упрекал ее за это.

Они взяли груз и пошли. Они карабкались по стене кратера, по гряде острых холмов и по скользким, отполированным ветрами ледникам. Флэндри разрешал отдыхать лишь десять минут в час. В эти короткие перерывы он еще и еще раз изучал карты, проверял гирокомпас и секстант, чтобы убедиться в правильности своего маршрута.

Когда Диана объявила, что больше не может, Флэндри ответил:

— Да, я понимаю, тебе больше не нужно то, что у тебя за спиной.

Обидевшись, она тут же вскочила на ноги.

«Я не должен доводить ее до изнеможения, — размышлял Флэндри. — Постепенное увеличение темпов доставит нас по нужному адресу гораздо быстрее. А вот без этого она, возможно, не дойдет вовсе. Имеет ли это значение? Да, имеет, я не могу покинуть ее. Почему нет? Потому что она поступит точно так же со мной. Гм-м-м... Я точно не знаю... скажем так: несмотря ни на что, она женщина. Хочешь не хочешь — это так».

Когда Диана стала спотыкаться, он согласился разбить лагерь и всю необходимую работу по хозяйству сделал сам. Первым делом он выбрал место — под нависающей скалой.

— Тут-то уж, думаю, наши крылатые приятели не смогут нас рассмотреть, — пояснил он шутливо, — или сбросить на нас эквивалент того, что обычно сбрасывают настоящие пернатые. Кроме того, заметь, довольно легкий подъем доставит нас на вершину скалы, если к нам пожалуют сухопутные гости. Отсюда мы можем стрелять, бросать камни, или любым другим способом показать им, что их не очень-то хотели видеть.

Тяжело опустившись на валун, Диана не обратила никакого внимания ни на Флэндри, ни на его слова.

Он расстелил пол и натянул раму палатки. Ветер мешал, вырывая тяжелую ткань, которую Флэндри все время пытался расправить, пока, наконец, это ему удалось. Температура опустилась почти до минус пятидесяти градусов, Флэндри не поставил дополнительные слои в палатке, а просто наполнил сегменты воздухом.

Откачивая внутреннее атмосферное наполнение палатки, Флэндри работал насосом вручную, чтобы сохранить заряд аккумулятора. Очень сильная декомпрессия не была нужна, так как атмосфера Вэйленда состояла в основном из благородных газов и азота. Портативный восстановитель воздуха, который Флэндри положил внутрь вместе с нагревательным элементом, устранили остатки отравляющих паров и избыток диоксида углерода. Флэндри наполнил палат-

ку кислородом при давлении 200 миллибар. (Оборудование, необходимое для всего этого, было тяжелым. Но все это было необходимо, по крайней мере, до тех пор, пока Диана не вернется в более или менее нормальное состояние и не будет нуждаться в частом отдыхе после коротких переходов по пересеченной местности. Она обязательно почувствует себя лучше! Флэндри рассчитал, что при той нагрузке, которая была у них, они могут позволить себе приблизительно пятнадцать остановок.) Пока восстановитель и нагреватель делали свое дело, Флэндри растопил водяной лед, чтобы была вода.

Они вошли в палатку через пластмассовый гермоввод. Флэндри показал Диане, как надо приспособить космический скафандр к окружающему давлению. Когда они сняли амуницию, Диана легла на пол и, усталая, сонная, наблюдала за ним.

Он соорудил дистиллятор, поставил его на нагреватель и наполнил льдом.

— Для чего ты это делаешь? — прошептала Диана.

— Могут быть неприятные ингредиенты. Газы, такие как аммиак, выходят первыми и поглощаются активированными коллоидами вот в этой емкости. Мы не можем позволить им загрязнять наш воздух; один из наших восстановителей занят, очищая то, что мы выдыхаем.

Когда вода начнет кипеть, я закрою клапан емкости для сбора примесей и открою клапан водяной емкости. Мы не можем подвергать себя опасности употреблять соли тяжелых металлов, особенно здесь, где их предостаточно. Если ты, к примеру, примешь с едой или водой микроколичество плутония, то здесь, вдали от медицинской помощи, умрешь самым несимпатичным образом. Кстати, думаю, ты знаешь, что мы ни в коем случае не должны курить в чисто кислородной атмосфере палатки.

Она вздрогнула и отвернулась.

Обед немного оживил ее. Потом она сидела, обняв ноги, положив подбородок на колени, и наблюдала, как Флэндри прибирается. В этой маленькой палатке все его движения были рассчитаны.

— Ты был прав,— сказала она мрачно,— я не ступила бы и шагу без тебя.

— Вид пищи, хоть сублимированной и замороженной, все-таки заставил тебя поесть. Оказывается, ты проголодалась?

— Ты же знаешь, что я имела в виду, Ники. Что же я могу сделать?

— Ты можешь занять свое место наблюдателя за монстрами,— отозвался он мгновенно.

Диана поморщилась:

— Ты действительно думаешь...

— Нет, я не думаю. Слишком мало свидетельств того, что дела так плохи. К несчастью, мы точно знаем, что здесь обитают по крайней мере два вида монстров, манеры которых не только не заслуживают похвалы, но и необъяснимы.

— Но они же машины!

— Ты так думаешь?

Диана внимательно посмотрела на него из-под спутанной челки.

Флэндри продолжал работать.

— А где, по-твоему, кончается «робот» и начинается «организм»? В течение сотен лет существуют компьютерные системы типа «датчик — компьютер — исполнитель», более сложные и гибкие, чем некоторые виды органической жизни. Они функционируют, воспринимают, поглощают, имеют средства для починки повреждений, а также для воспроизведения; они гомеостазируют, если это ужасное слово является как раз тем, которое я имел в виду; некоторые из них даже думают. Ничего подобного не происходит в системах, из которых состоит органическая жизнь, и тем не менее они работают и при этом очень похожим образом заканчивают свое существование.

Эти жуки, которые атаковали меня, имеют металлические защитные оболочки под пурпурным панцирем и электронные внутренности. Вот почему они так успешно противостояли лучу моего бластера: высокотемпературная проводимость, увеличенная рабочая температура, электронные элементы, разработанные для обычных на Вэйленде усло-

вий. Но тем не менее они были машинами, когда их сделали, и оставались машинами до тех пор, пока я их не разрушил. Я уже говорил тебе, у меня не было ни времени, ни нужной аппаратуры для того, чтобы все правильно сделать при изучении их внутреннего устройства. Насколько я могу судить, они пытаются от аккумуляторов. Их сенсорные устройства являются исключительно точными датчиками — магнитными, электрическими, радиационными, термическими и так далее. Кроме того, у них есть оптические и акустические системы. Действительно, за одним исключением, они являются великолепными инженерными сооружениями, так что это чисто семантическое различие — являются они роботами или искусственными животными. То же самое касается и штурмовиков, которых, кстати говоря, я бы назвал кусающимися летающими драконами. Они могут летать благодаря подъемной силе своих крыльев и турбореактивного двигателя; они используют клюв и когти для того, чтобы рвать, а не резать металл, но они имеют датчики и компьютеры, как и жуки. И, кажется, они могут действовать более независимо, так как имеют — по твоему выражению — больше ума.

Флэндри отложил в сторону последнюю тарелку, присел и потянулся за сигаретой.

— Что ты имел в виду под «одним исключением»? — спросила Диана.

— Я могу вообразить себе робототехническую экологию, основанную на самовоспроизводящихся солнечных элементах, которые действуют на принципах, эквивалентных фотосинтезу. Кажется, припоминаю, когда-то были проведены эксперименты в этом направлении. Но эти создания, которых мы встретили, не имеют ничего, чтобы я мог определить их как обладающих возможностью питаться, восстанавливаться или воспроизводиться. Без сомнения, есть какое-то место, куда они возвращаются для замены своих частей и подзарядки энергией, место, где изготавливаются также новые образцы — наиболее вероятно, в центральной области. Но что происходит с поврежденными особями? Как мне представляется, нет никакого интереса к регенерации

ценных частей и даже металла. Поэтому об экологии тут речь не идет — это, скорее всего, разомкнутый цикл. Эти машины имеют лишь одно-единственное назначение — разрушение.

Флэндри прервался на некоторое время.

— Вот почему мне кажется, что они предназначались для охраны этого мира или для другой подобной работы. Потому что, подумай сама, какой чертов лунатик сделал бы боевого робота, забыв приделать к нему пушку? Допустим, Диана, каким-то образом Вэйленд постигло бедствие, породившее монстров. Пока мы не знаем, сколько их тут обитает и каких видов, я надеюсь, что сойдемся на предположении, что каждая тварь, которую мы встречаем, хочет сожрать нас.

Несколько раз на протяжении следующих дней Диане и Флэндри приходилось прятаться, когда они видели движущиеся предметы. По всей вероятности, это были штурмовики, парящие высоко над головой, а однажды они видели этих «стервятников» сидящими на какой-то добыче, спрятанной около горного выступа. Как-то пришлось скрываться от пары лоуперов — существ, напоминающих охотничих собак с огромными челюстями (снабженных датчиками) и шестью ногами. Они искали добычу. Обитали здесь чудовища и большего размера — рогатые и с хвостами, снабженными шипами, они прогромыхали на гусеничном ходу вдоль дна лощины. Дважды Флэндри лежал ничком и наблюдал сражения: жуки облепили катящийся красный шар с ракьими клещами и конструктора, пойманного подвижным боевым тараном. Оба результата этих сражений также подтвердили его предположения: остатки чудовищ продолжали валяться там, где они упали.

А победители продолжали свой путь.

По дороге им не раз встречались разбитые, поломанные монстры — напоминание прежних битв, и все это в который раз оправдывало гипотезу Флэндри. Но главным все-таки было не изучение странных обитателей здешних мест, а преодоление дистанции. Пока Диана и Флэндри находились на ногах, у них было мало возможности, а когда отды-

* Фантастическая аналогия удава.

хали, было слишком мало сил, чтобы думать о значительности того, что они видят. Флэндри совершенно не беспокоился о том, что в любой момент мог появиться убийца. Если это произойдет, значит, так тому и быть, думал он. Хотя и не ждал такого рода приключений... Все же... Это была слишком огромная и грубая планета для того, чтобы испытывать к ней симпатию.

Вскоре произошли события, о которых стоит рассказать подробнее.

Флэндри вдруг заметил, что диапазон работы радиоприемника становится шире того нестандартного диапазона, который используют роботы. Неудивительно! Он приближался к месту, которое могло быть оперативным центром или еще черт знает чем.

«Действительно, ад,— подумал Флэндри.— Похоже, кто-то здорово навредил Вэйленду, скорее всего, давно, построив фабрику по производству хищных роботов? Или это произошло случайно? Люди могли сражаться друг с другом вблизи этих мест, и, думаю, ближний взрыв мог разладить главный компьютер».

Ни одна из его догадок не подтвердилась. Чудовищные машины не могли дать эффективный отпор современному оружию. Они угрожали жизням двух людей, высаженных на необитаемом острове, но единственный хорошо вооруженный космический корабль, оборудованный детекторами, с командой настороже, вероятно, смог бы уничтожить их без особого труда. Этот факт выводил на первое место версию о вредительстве, о саботаже. Что касается поломки машины окончательного контроля, то, во-первых, она должна была бы иметь чрезвычайно мощную защиту, плюс возможность производить любой ремонт, например, в случае прямого попадания метеорита. Во-вторых, если предположить, что машина постоянно ломалась, выходили из строя детали, она едва смогла бы производить этих чрезвычайно сковористых фантастических уродов.

Флэндри все-таки удовлетворил свой интерес.

Наступило время, когда он и Диана остановились в часе ходьбы от вершины горы, которая была их целью. Они на-

шли пещеру, защищенную высокими остроконечными скалами, там установили палатку.

— Дальше не пойдем,— сказал Флэндри.— Кроме всего прочего, ты знаешь, как долго приходится взбираться и спускаться снова, мы не можем позволить себе такие большие потери кислорода после каждого переоснащения лагеря. Поэтому, если нам не удастся получить подмогу, если мы опять спровоцируем охоту за нами, наша затея не будет оправдана. Это приятное, трудно обнаруживаемое, защищенное место.

— Когда мы начнем передачу? — поинтересовалась Диана.

— После того, как затаимся в течение приблизительно двенадцати часов. Я бы хотел хорошо отдохнуть.

Диана сама была очень уставшей и почти сразу уснула.

Утром душевное равновесие Флэндри было почти восстановлено. Он насвистывал, пока поднимался, а когда встал на пике, провозгласил:

— Я нарекаю тебя «Гора девственниц»!

Его внимание постоянно было приковано к тому, что происходило над головой.

Ниже и на другой стороне были такие же нагромождения скал, льда и каких-то чернильных теней. Небо темнело, на нем были рассеянные облака и звезды, потускневший свет Мимира пробивался сквозь туман, виднелась яркая кромка диска Риджина. Ветер гулял вовсю. Флэндри было приятно в своем теплом, хотя и изрядно пропотевшем облачении.

Впереди, как показывали топографические карты, гора резко обрывалась под уклоном, который был бы невозможен под действием земной силы тяжести. Горизонт был плоский, обозначая край равнины, на которой находился центр, а пространство, которое видел Флэндри, нельзя было сравнить ни с чем ранее виденным. С помощью бинокля он выяснил, где находятся четыре крестообразные мачты радиопередатчика. Они стояли с того времени, как люди покинули Вэйленд; остальные мачты были рассеяны по безлюдным местам; с орбиты он узнал некоторые из них по не-

обычной форме — антенны были построены роботами. Флэндри продумал вариант передачи сообщения с одного из таких мест, это казалось более разумным, чем подниматься в горы. Но все-таки от этого варианта пришлось отказаться. Подобного рода роботы слишком специализированы. Кроме того, ближайшая такая мачта была опасно далеко от места посадки «Джейка».

Он развернул легкий направленный передатчик, стоящий на треноге, подключил вспомогательный прибор, включающий гнездо для его собственного шлемного радиопередатчика. Присев на корточки, Флэндри поворачивал сборку до тех пор, пока не направил на одну из мачт. Диана ждала. Ее лицо казалось еще более изможденным и мрачным, чем лицо Флэндри, глаза ее запали и горели, как в лихорадке.

— Начинаем, — объявил Флэндри.

— Боже, будь милосердным, помоги нам, — услышал он в своих наушниках. На короткое время он задумался, удивляясь тому, что даже после кошмарного детства религия была для Дианы жизненной основой. Флэндри посоветовал ей соблюдать тишину.

Он вызвал стандартный диапазон.

— Два человека, потерпели кораблекрушение, нуждаются в помощи. Прием. — Он повторял это снова и снова. В ответ была тишина, нарушаемая лишь огненными вспышками разрядов космической энергии.

Он попытался сделать то же самое на волне роботов. Цифровой код ушел в пространство без какой-либо ответной реакции. Флэндри попытался передать сообщение на других частотах.

Через час или около этого он отключился и встал. Его мускулы болели, рот был иссущен, голос хрипло вырывался из пересохшего горла.

— Боюсь, ничего не вышло.

Диана сидела на аптечном сундучке из ее рюкзака, он одновременно служил ей стулом и предохранял от холода, идущего снизу. Флэндри заметил, что Диана погружается в глубь себя.

— Итак, с нами покончено,— промямлила она.

Флэндри вздохнул.

— Обстоятельства могут стать более обнадеживающими. Большой компьютер должен непрерывно отвечать на зов отчаяния...— Он сделал паузу. Ветер дул, звезды мигали, словно смеясь над ними. Он выпрямился.— Я должен пойти сам и посмотреть.

— Как, в открытую? — она вскочила и судорожно обхватила Флэндри:

— На тебя нападут и убьют!

— Не обязательно. Мы же видели из своего корабля, эти твари совершенно не обращают внимания на посторонних. Например, тебе совершенно нечего бояться, если между ними идет сражение. В любом случае это наш последний шанс.

Флэндри похлопал ее по-отечески:

— Ты, безусловно, останешься в палатке и будешь ждать меня.

Диана облизала губы:

— Нет, я пойду с тобой...

— Стоп! Ты можешь превратиться в скелет.

— Это лучше, чем медленная смерть, которая грозит мне, если ты не сделаешь намеченное. Я не хочу быть тебе помехой, Ники. Никогда больше. Если нам удастся прорваться, я всегда буду с тобой. И я буду тебе хорошей подругой.

Он задумался.

— Да, если ты настаиваешь.

В то же время он размышлял: «Она скорее говорит правду, чем врет,— это живое существо. Да, это очень похоже на нее. Я думаю, что у нее за душой больше, чем одна причина для такого поведения. То есть ей надо быть уверенной на все сто, что я не затею что-нибудь тайное? Только такое объяснение кажется правдоподобным».

Когда они приблизились к равнине, началось затмение Мимира. Последний всплеск отня от серповидного Риджина исчез вместе солнцем. В то же время показалась планета, похожая на плоский черный диск, тронутый слабым, мерцающим сиянием зари и окольцованный темно-красным туманом, где свет проходит сквозь атмосферу.

Флэндри предвидел это. Звезды, внезапно рассыпавшиеся во множестве по небу, и маленькие полумесяцы двух спутников давали достаточно освещения для безопасного путешествия. В случае необходимости они могут использовать свои фонари на шлемах, хотя, конечно, лучше совсем не обнаруживать себя.

Флэндри забыл о том, что должна снизиться температура. Буквально через несколько минут начал конденсироваться туман. Это продолжалось до тех пор, пока мир не окутал бесформенный мрак. Через некоторое время началось образование снега, сопровождавшееся порывистым, заывающим ветром. В основном это двуокись углерода, догадался Флэндри, может быть, и некоторое количество аммиака. Он нашел точку опоры, взглянул на свой гирокомпас и продолжил путь.

Диана поймала его за руку.

— Не следует ли нам обождать? — с трудом он разобрал сквозь шум. Флэндри отрицательно покачал головой, прежде чем вспомнил, что для нее он стал облаком.

— Нет. Это шанс успеть, не будучи замеченными,— громко произнес он.

— Слава Богу, это первая наша удача! — послышался в ответ голос Дианы.

В течение всего времени, пока они шли на ощупь, Флэндри думал о том, что, похоже, акустические датчики его шлема регистрировали шум двигателя. Действительно ли он чувствовал вибрацию от большой движущейся массы? Он немного изменил направление, ничего не говоря об этом девушки.

Затмение в этом районе продолжалось около двух часов.

«Станция скорее всего находится на противоположной стороне равнины,— размышлял Флэндри,— и должна быть довольно хорошо освещена благодаря тому, что Риджин высоко в ночном небе. В момент полного затмения планета должна наполнить свой круг мягким, очень эффектным излучением света.

Все-таки я сомневаюсь, что роботы хоть в какой-то степени интересуются обстановкой,— думал Флэндри, внимательно смотря вниз, чтобы суметь обойти заносы и расщелины.— Если это не центральный компьютер... Да, это он, должно быть. В земной технологии не использовалось много абсолютно самостоятельных машин — в них попросту была малая необходимость, так как прошел период искания приключений в новых областях галактики.— Поэтому я, в любом случае, знаю меньше о них, чем знали мои предшественники. Но все-таки я могу предположить, что «мозг» такой мощности неизбежно должен проявлять интерес ко всему, что находится за пределами его обычной работы.

Его функции — его назначение, если сформулировать это антропоморфно — служить человеческим интересам. Но в промежутках между выполнением заданий клиентов, конструированием, приемом кораблей — рутинная работа могла занимать только малую часть его возможностей — не повернулся ли этот компьютер свои датчики к ночному небу и не начал ли наслаждаться им?»

Дневной свет стал просачиваться сквозь снегопад. Ветер затих, его порывы напоминали теперь не рев, а вздохи. «Земля» быстро проявлялась. Осадки еще не прошли, но уже возвращался туман, только что замороженные газы начали сублимироваться под действием лучей Мимира и реконденсироваться в воздух.

Флэндри произнес через акустическое устройство:

— Радио не включать. Двигайся так тихо, как только можешь.

Это было бесполезное предупреждение. В наушниках звучал цифровой код и слышался металлический грохот, идущий спереди.

Еще раз Вэйленд застал Флэндри врасплох. Он рассчи-

тывал, что пелена тумана будет рассеиваться медленно, как это было перед закатом, что давало ему и Диане время выяснить обстановку вокруг до того, как их могли заметить. Их наблюдения с орбиты показывали, что так и должно было происходить.

В течение нескольких минут плотная пелена окутала их. В двух метрах от них — мокрый лед и скалы, низвергающиеся с высоты струи воды, кипящие лужи, превращающиеся в дымное ничто.

Пелена сошла на нет. Сквозь ее разрывы Флэндри увидел равнину и машины. Пелена быстро таяла. Туман вскоре превратился в облачка, которые вспорхнули и вмиг исчезли.

Диана вскрикнула.

В голове Флэндри пронеслось:

«Какого черта я острял? Почему я не думал вместо этого? Ведь нужно много времени, чтобы нагреть предметы после двух недель ночи. Но — не после двух часов. Поэтому при низком давлении испарение идет быстро. То, что я видел из космоса и принимал за медленный подъем тумана над землей,— на самом деле было облаками, расположеными гораздо выше, как те, которые только что испарились над нашими головами...»

Это промелькнуло у него в подсознании. Но большая часть сознания Флэндри была обращена к тому, что его окружало. Бластер буквально впрыгнул в его руку. Так как гора была недалеко, сзади, поднимаясь от острой как нож ее границы, Флэндри и Диана прошли вблизи ближайшей радиомачты и вскоре оказались внизу, на равнине. Как и другие прерии Вэйленда, она не была абсолютно плоской; она была холмистой, на ней возвышались рассеянные — то тут, то там — застывшие иглы скал и небольшие кратеры, которые были усыпаны каменными осколками, покрыты узкими трещинами, а местами и ледяными наносами.

Путешественники ступили на территорию, которая была размечена на квадраты. Более чем в километре от них линии бежали строго прямолинейно на восток и на запад, на юг и на север. Линии эти тянулись гораздо дальше, чем мог

охватить человеческий взор, и заканчивались там, где кризисна поверхности отрезала их. Флэндри оказался рядом с одной из таких линий и смог определить ее как широкую полоску черных гранул, вбитых в камень.

Тотчас он увидел и роботов.

Метрах в ста справа от него шли три шестиногих лоупера, похожие на собак. Немного дальше и левее от него катился рогатый гигант на гусеничном ходу. Еще дальше впереди шевелились штук шесть различных чудовищных созданий. Десятка два жуков прыгали и ползали по земле. Штурмовики носились по небу. Флэндри обернулся и увидел, что отступление отрезано чудовищем (с ногами!), несущим циркулярную пилу.

Диана упала на колени. Флэндри притаился, от ужаса крепко скжав зубы, и ждал первого нападения. Сердце его учащенно билось.

Но нападения не произошло.

Страшилища просто-напросто проигнорировали их.

Не обращали они внимания и друг на друга.

Пока еще не окончательно осознанное облегчение заставило бешено работать мозг Флэндри. Придя, наконец, в себя, он увидел, что машины сходятся в одной точке. Но до горизонта ничего не было видно, их цель была слишком далеко. Он знал, что это такое: центральный комплекс зданий.

Диана начала хохотать — все более и более истерично. Флэндри подумал, что подобных нервных срывов допускать никак нельзя.

— Прекрати, пока я не выбил это из тебя!

Так как слова не подействовали, он взял Диану за лодыжки, перевернул ее вверх тормашками и исполнил свою угрозу.

Пока она всхлипывала, глотала слезы и постепенно приходила в себя, Флэндри изучал поведение роботов. Большинство из них было в плохом состоянии: дыры в облицовке, отсутствие конечностей... Не удивительно, что они гремят и бряцают металлом в тумане.

Некоторые чудовища со стороны выглядели абсолютно

целыми, имели только небольшие царапины или выбоины. Но, возможно, у них сели аккумуляторы. В конце концов он смог объяснить Диане:

— Я так и думал с самого начала, что те роботы, которые переживут сражения, должны подзаряжаться и ремонтироваться где-то в этой области. Гм-м-м...она не может полностью обслуживать весь Вэйленд... Я полагаю, что чудовища никогда не удаляются слишком далеко отсюда... и мы обнаружим их конструкторское бюро, то самое, которое постоянно расширяется, в котором, вероятно, планируются новые центры... В любом случае, это место перемирия. Для всех других мест они запрограммированы атаковать все, что движется и не похожее на них. Здесь они ягната. Или это только мое очередное предположение.

— М-мы с-спасены, да-а?

— Я бы не утверждал со всей определенностью. Неясно, что вызвало это всеобщее безумие роботов. Но я думаю, что нам удастся все выяснить.

— Где?

— В центре, конечно. Там, где этим штуковинам представляют соответствующий причал. Они кажутся совершенно безголовыми. Подозреваю, что их станция дозаправки и ремонта расположена на некотором расстоянии от старого компьютера.

— Старого?

— Мы не знаем, существует ли он до сих пор,— сказал Флэндри.

Теперь он был возбужден. Жив! Как хорошо, что его руки взлетают в такт ходьбе, как хорошо, что его пятки чмокают по земле, легкие вдыхают воздух, а немытая голова чешется! Жив!

Риджин начал убывать, снова появились тончайшие арки раскаленных добела лучей Мимира. Вдали еще мерцали звезды. Диана шла молча, опустошенная. Постепенно она пришла в себя, а когда они вернулись в палатку...

Флэндри весело насвистывал, пока они пересекали следующую линию. Но вдруг... Он тронул Диану за руку и показал на что-то впереди:

— Смотри!

Новый тип робота приближался к ним в пределах расчерченного квадрата. Он был размером с человека. Шкура отливалась золотом. Его широкие, как у летучей мыши, крылья были красиво раскрашены; они помогали подпрыгивать двум длинным ногам с копытами и петушиными шпорами. Тело напоминало горизонтально расположенную бочку с балансирующим хвостом сзади, а голова с шеей — слава Богу! — находились впереди. С вытаращенными оптическими и акустическими датчиками, с компьютером в передней части и с гривой торчащих антенн голова чудовища напоминала лошадиную, только уж очень нелепо она выглядела. Спереди на подвижном соединении крепилась пика.

— Мы могли бы взять на себя смелость назвать это «летучая игрушечная лошадка», не так ли? — начал острить Флэндри. — А как насчет летающего бутерброда?..

Его попытка классификации видов не имела успеха у Дианы. Она вскрикнула, когда робот развернулся и большими прыжками направился в их сторону. Пика была нацелена на Флэндри и Диану.

IX

Мишенью окончательно была выбрана Диана. Она стояла парализованная.

— Беги! — рявкнул Флэндри. Он бросился наперерез. Бластер выстрелил. Искры сверкнули там, куда попал луч.

Диана неслась, как пуля. Робот ковылял и прыгал за ней. Он не обратил никакого внимания на Флэндри. К удивлению Флэндри, выстрел не имел никакого эффекта.

«Он, должно быть, защищен от энергетических лучей — до сих пор ничего похожего мы здесь не встречали, да и вообще где-либо», — Флэндри перевел регулятор мощности на максимум. Сильная огненная вспышка заслонила металлические силуэты. Ослепленный, робот промахнулся.

— Давай ко мне, — закричал Флэндри.

Она услышала и подчинилась. Копье ударило сзади. Оно не пробило баллон с воздухом, но могло пробить более тонкую оболочку скафандра. Удар сбил Диану с ног. Она покатилась, быстро поднялась на ноги и пустилась бежать. Крылья хлопали над головой. Машина пыталась достать ее, теперь уже спереди.

Диана поравнялась с Флэндри. Он прыгнул. Его руки сомкнулись вокруг шеи «лошади». Флэндри закинул ногу и оседлал робота. Крылья хлопали сзади, а Флэндри восседал ближе к голове чудовища.

Но, странно, эта тварь не пыталась убить Флэндри и все еще гналась за Дианой. Масса Флэндри замедлила движения робота, он начал спотыкаться. Повернувшись, Флэндри выстрелил в правое крыло. Листовой металл тут же распавился. Изуродованный робот рухнул на землю. Он бился и дергался. Каким-то образом Флэндри сумел высвободиться. Побитый, оглушенный, он почти приставил дуло своего бластера к голове робота и нажал спусковой крючок.

Лицо Флэндри, похоже, даже загорело под действием яростного пламени. Тепло ударило в него, как легкий укус зубами. Наступило спокойствие. Огонь задел жизненно важную часть робота-убийцы и прикончил его.

Флэндри в неуклюжей позе лежал поперек остатков робота, тяжело вдыхая нагретый, словно из печки, воздух, напоминающий ему об исподнем, пропитанном потом и мускусом. Покрытый синяками и ссадинами, измученный, Флэндри смутно сознавал, что ему лучше было бы встать. Но Диана пока не вернулась, а сам подняться он был не в состоянии.

Глоток воды и стимулирующая таблетка, полученные через трубку подачи пищи, частично восстановили его силы. Он посмотрел на машину, которую уничтожил, и как-то туманно определил, что она была довольно красивой. Будто рыцарь мира мечтаний... Сами по себе его руки поднялись для салюта и голос едва слышно зазвучал:

- Эй, на корабле, заделать легкую пробоину!
- Что? — спросила Диана так же тихо.

— Ничего,— Флэндри пытался изгнать боль из сознания и из тела.

— Давай-ка пойдем,— произнес он.

— Д-д-да.— Ее реакция на произшедшее была гораздо более тяжелой, чем у Флэндри. Ее силы, похоже, были полностью истощены. Она поплелась, механически переставляя ноги, назад, к горе.

— Подожди-ка секунду! — Флэндри тронул ее за плечо.— Ты куда это собралась?

— Подальше отсюда,— сказала она с отсутствующим видом.— Прежде, чем что-нибудь еще не придет за нами.

— Сидеть в палатке или, в лучшем случае, в ракете — и ждать смерти? Нет, спасибо.— Флэндри развернул Диану. Она была слишком измучена, чтобы сопротивляться.

— Для начала проглоти стимулятор.

Флэндри сам потерял очень много сил, но капелька надежды в нем оставалась. Центр был расположен на отдаленной стороне равнины, приблизительно в десяти километрах от них. Если роботы были запрограммированы для того, чтобы атаковать людей,— значит, это близко от того места, где был главный компьютер.

«Мы, без сомнения, изучим это еще чуть-чуть. Почему бы нет?» — думал Флэндри.

Появилась машина. Поначалу это был всплеск огня на горизонте, отражение света Мимира в металле. Быстро перемещаясь по равнине, машина приобрела очертания. «Направляется точно на нас. И какой большой!» — подумал Флэндри. Почти волоча на себе Диану, он взобрался на метеоритный камень размером с небольшой дом. С его вершины можно будет держать оборону.

Робот прошел мимо.

Диана прошептала благодарности всевышнему. Буквально через секунду Флэндри очнулся от шока по поводу своего последнего открытия. Он вдруг осознал, где он стоит, держит перед собой девушку да еще и наблюдает за роботом. Машина не имела намерения нападать. Это была саморазгружающаяся насыпная вагонетка с парой подъемных рук.

Она подняла упавшего «улана» на борт и ушла туда, откуда пришла.

— В ремонт,— выдохнул Флэндри.— Вот почему мы не находили остатков роботов в этой области.

Диана вздрагивала в его руках.

— Таким образом,— медленно формулировал свои мысли Флэндри,— мы видим два класса роботов-убийц. Один имеет неограниченный радиус действия, нападает без разбора, приходит сюда для ремонта и заправки, если ему удается преодолеть расстояние после битвы, и — без сомнения — возвращается в необжитые места для продолжения охоты. Пока он находится здесь, он ведет себя мирно.

Другой вид робота-убийцы остается здесь, сражается здесь — вот почему он не мешает первому типу или обслуживающим машинам — и его старательно подбирают, когда он разрушается.

Флэндри яростно потряс головой. «Я не знаю, обнадеживает это или нет». И, посмотрев на Диану, произнес:

— Как ты себя чувствуешь?

Таблетка, которую он заставил Диану принять, возымела свое действие. Это не было волшебством: она не могла воссоздать утраченные ресурсы организма. Но теперь, после принятия стимуляторов, в течение некоторого времени они будут более бдительными, ясноголовыми, сильными, быстро реагирующими. «И нам будет лучше, если мы завершим дело до того, как метаболические таблетки прекратят свое действие», — подумал Флэндри.

Губы Дианы изобразили некое подобие улыбки:

— Думаю, что мне уже лучше,— сказала она.— Ты уверен, что нам следует продолжать?

— Нет. Однако мы все-таки продолжим.

Следующие два квадрата, которые они пересекли, были пустыми. Один, слева от них, был занят роботом. Диана и Флэндри бдительно следили за этим роботом, пока проходили мимо, но он не шевельнулся. Это был цилиндр на гусеничном ходу, более высокий и более широкий, чем человек, две руки его заканчивались гигантскими молотами, его голова (верхушка, где находилось нечто, напоминающее

датчик) была окольцована зубцами, как боевая часть средневековой башни. Этот вид робота расшевелил память Флэндри. Идея родилась в его мозгу, но испарилась прежде, чем он смог осознать и сформулировать ее. Это может подождать, а вот с готовностью к новому нападению ждать нельзя. Диана вывела его из состояния задумчивости:

— Ники, похоже, каждый из этих роботов остается в своем квадрате?

— И обороняет этот кусок территории от захватчиков? — память Флэндри вспыхнула. Он хлопнул кулаком о ладонь.

— Клянусь Юпитером, думаю, что ты права! Это может быть схема обороны центра... против действительно опасных созданий, которые неправильно ведут себя на этой равнине... таинственная схема, но ладно, все на Вэйленде таинственно. Да, типы — гм... — диких роботов, которых мы видели, и скорая помощь для них, и то, что они признавались безопасными для других и оставались без последнего милосердия. Мы явно не вписываемся в эту программу, поэтому мы стали объектами охоты.

— Но не все квадраты заняты, — засомневалась она. Флэндри пожал плечами. — Может быть, много особей сейчас находятся в ремонте?

Флэндри оживился:

— Важным обстоятельством является то, что мы можем пройти поперек. Либо прямо поперек линий, либо вдоль границы вокруг всего участка. Мы просто обойдем те секции, где находятся машины. При этом, конечно, нам нужна уверенность, что никто не притаился за скалой или еще что-нибудь в этом роде.

Он крепко сжал в своих объятиях Диану.

— Дорогая моя, я уверен, что мы непременно добьемся своего!

Похожая уверенность вселилась и в нее. Диана и Флэндри продолжили свой путь.

Когда они спустились с холма, впереди, на расстоянии примерно двух километров, увидели чью-то фигуру.

Диана не сдержалась:

— Ники, человек!

Он остановился как вкопанный, поднес к глазам бинокль. Объект действительно до мурашек был похож на большого, одетого в скафандр человека. Но в деталях все-таки имелись различия, да и стоял он как неодушевленный предмет, как башня. Существо было вооружено мечом и щитом. Флэндри опустил бинокль.

— К сожалению, нам не так повезло, как хотелось бы,— сказал он.— Но это и не могло быть везением. Любой, кто сюда придет с такой нагрузкой, как у этого парня, должен, вероятно, напасть на нас врасплох и убить. Похоже, это еще один тип охраняющего робота.— Флэндри попытался пошутить:— Это означает, что мы можем отправляться дальше в дорогу. Я, например, делаю гораздо больше упражнений, чем хотел бы, а ты?

— Ты можешь уничтожить это.

— Наверное, да, но, возможно, и нет. Если наш друг-рыцарь является типичным роботом, как я подозреваю, то большая часть их достаточно хорошо бронирована и защищена от воздействия энергетических лучей. Поэтому я бы не хотел зря тратить заряды. Чертовски много использовал в последний раз. Еще одно такое шумное дело, и мы можем остаться безоружными.

Флэндри зашагал через квадрат.

— Мы должны избежать этого и пройти четырехугольник мимо владений этого сравнительно миролюбивого на вид парня,— сказал он.

В отдалении маячили другие неподвижные фигуры: лошадеподобные и человекоподобные, последних было 3. Без сомнения, большинство их прятались в неровностях почвы или в ступенчатых склонах гор, ближе к горизонту. Машина, которую Флэндри держал в памяти, находилась ближе, как раз на его пути. Это был еще один цилиндр, более длинный и тонкий, чем робот с молотками. Гладкая яркая поверхность его была абсолютно целой. Голова в виде конуса частично разрезана посередине, там находилась направляющая для инструментов.

— Этот может быть простым наблюдателем, — теоретизировал Флэндри.

Когда они проходили мимо, высокая статуя тронулась за ними.

Диана вскрикнула. Флэндри насторожился.

Робот оставил свой квадрат и вошел в тот, где находились они.

Пыль и сверкающие кристаллы льда кружились в метровом зазоре между основанием статуи и землей. «Двигатель на воздушной подушке», — ударило в сознании Флэндри, он озирался по сторонам в поисках укрытия. Ничего. Этот квадрат — только базальт и замороженная вода.

— Беги! — крикнул он. Флэндри обернулся — бластер наизготовку. Сердце забилось учащенно, дыхание стало прерывистым и все еще жарким после предыдущего сражения. Стержень белого огня ударил в него из расщепленной головы чудовища. Он попал в цель без пристрелки, но безрезультатно. Флэндри почувствовал тепловой удар — энергетический луч попал в скафандр, произошел паровой взрыв. Раздался небольшой хлопок. «Так у этого есть оружие!» — изумился Флэндри. Инстинктивно он выстрелил в ответ. Менее мощный, его луч все же сорвал защитную оболочку из специального сплава. Робот подмял ее. Флэндри слышал шум работы его двигателя. Прямой выстрел с более близкого расстояния должен прошить корпус и начинку робота. Флэндри вновь выстрелил и приготовился бежать.

«Если мне удастся отвлечь жестяного подонка...» — до Флэндри не дошло, что это может принести ему славу храбреца.

Он бросился бежать в направлении, противоположном от Дианы. Длинноногий, сильный, он имел немного больше шансов, чем она, уйти от смерти, спрятаться и устроить засаду... Возбужденный от ожидания «молнии», в надежде, что его воздушные баллоны будут служить защитой от нее, Флэндри почти достиг следующей линии, когда вдруг понял, что огня-то не было. Он обернулся. Робот остановился сразу же после обмена выстрелами. Его макушка моталась туда-сюда, словно он что-то искал. Без сомнения, чудовище

должно чувствовать Флэндри. Но робот опять отправился за Дианой. Флэндри грубо выругался и бросился на помощь. Диана шла хорошим темпом, но машина двигалась быстрее, и если она пересекла одну линию, то вполне может пересечь и другую.

Бутсы Флэндри тяжело ступали по камням. Его мозг страдал от кислородного голодаия, поэтому перед глазами мелькали темные пятна, а голова очень кружилась. Путь наперерез привел его прямо к роботу. Флэндри выстрелил. Промашка. Робот побежал быстрее. Флэндри снова выстрелил. На этот раз он попал.

Робот замедлил ход, изменил направление, как будто встретил противника, который может быть опасным, вновь отвернулся и продолжил преследование Дианы. Флэндри утопил спусковой крючок и вылил на робота струю пламени. Девушка пересекла границу квадрата. Робот остановился. «Но-но...» — стучало в мозгу Флэндри.

Робот зашевелился, поднялся и направился к Флэндри. Чудовище двигалось нерешительно, слегка покачиваясь из стороны в сторону, не так, будто оно повреждено, а так, словно оно... озадачено.

«Мне не следует нести бластер, — подумал Флэндри, путаясь в сумятице мыслей. — Предполагается, что существо с моими очертаниями должно нести меч и щит». Правда ударила в его мозг. Он не стал тратить время на проверку догадки. Он просто знал, что должен попасть в тот же самый квадрат, где находилась Диана. Антропоид с мечом и щитом в руках не мог быстро двигаться ползком. Флэндри пополз на четвереньках. Он удирал. Длинная фигура ковыляла за ним, но не быстро. Его компьютер — искусственный мозг, довольно слабый, с ограниченными возможностями — не мог принять решение, что же все-таки делать с этим человеком.

Флэндри пересек линию. Робот рухнул на землю.

Флэндри поднялся и поспешил к Диане. Она упала в нескольких метрах от него. Мрак опустился над ним. Просто светело только через несколько минут, после того, как воздушная установка очистила атмосферу в костюме и его

клетки глотнули кислорода. Флэндри сел. Машина, которая преследовала их, упала на середину соседнего квадрата, другая маячила в темноте равнины, под ночным небом. Флэндри посмотрел на индикатор заряда бластера. Показывало почти нуль. Он мог бы подзарядить оружие от аккумулятора, который нес, но его системы жизнеобеспечения в большей степени нуждались в энергии.

Диана пыталась подняться. Она приподнялась, но тут же упала поперек его скафандра и заплакала.

— Бесполезно, Ники. Мы не сможем сделать это. Нас убьют. А если даже мы добьемся своего, рассуди сам, что мы найдем? Штуковину, которая строит убивающие машины? Давай вернемся. Мы можем вернуться тем путем, каким пришли. Разве не так? И побудем хотя бы чуть-чуть, чуть-чуть вдвоем, пока мы живы...

Он старался утешить Диану. Но холод и неудобная поза заставили его подняться. Флэндри помог ей встать на ноги. Его голос звучал отдаленно и странно:

— В другой ситуации я бы согласился с тобой, дорогая. Но все-таки, думаю, я знаю теперь, как там все устроено. Благодаря тому, как вел себя этот слон. Ты заметила?

— С-с-слон?

— Смотри. Так же, как и рыцарь, я уверен, что слон атакует, когда в квадрат, который он занимает, кто-то вторгается. Я уверен, что результат движения на этой доске зависит от борьбы, которая следует за этим движением. Теперь слон может атаковать вдоль диагонали. А мишени, в соответствии с заложенной программой, могут быть атакованы только по одной в данный момент времени; причем мишени только определенного свойства. Я догадываюсь, что антропоиды являются пешками. Я удивляюсь, почему. Может быть, потому, что они наиболее многочисленны среди роботов, а главный компьютер скучал по людям?

— Главный компьютер? — она вторглась в его рассуждения.

— Должен быть. Ничто больше не могло бы сотворить это. Он использовал инженерные сооружения, которые имелись, может быть, построил еще дополнительную сбороч-

ную фабрику. Он не позаботился раскрасить квадраты или роботов, хорошо зная, кто есть кто. Вот почему я сразу не рассмотрел, что мы в действительности находимся на огромной шахматной доске.— Флэндри поморщился.— Если я не прав... мы закончим путешествие, вернемся и умрем. Пошли.

Он потащил ее вперед.

— Мы не можем идти дальше,— умоляла она.— Нас убьют.

— Нет, если мы изучим позиции фигур,— настаивал Флэндри,— и будем путешествовать по квадратам, на которые никто не входит, все будет хорошо.

После некоторого молчания Флэндри продолжал:

— Моя догадка состоит в том, что главный компьютер разделил свою оперативную память на несколько частей. Одна или более частей для того, чтобы следить за дикими роботами. Две, не имеющие взаимодействующих коммуникаций,— для того, чтобы быть соперничающими мастерами в шахматных играх. Это может объяснить, почему главный компьютер не заметил, что происходит нечто странное. Я удивлюсь, если компьютер сможет заметить что-либо новое когда-либо,— без постороннего принуждения.

Диана и Флэндри зигзагами бродили по доске, направляясь к вожделенной безопасной нерасчерченной части земли, шли вокруг границы. В конце пути Флэндри видел робота, который, должен по его предположению быть королем. Это было четырехметровое человекоподобное создание, одетое в костюм древних времен, отделанный золотом. Голову короля венчала корона, усыпанная бриллиантами. У него не было оружия. Позже Флэндри узнал, что король пленял божественным даром.

Они достигли старых строений. Рабочие машины, которые сновали вокруг, содержали их в хорошем состоянии. Флэндри остановился перед главной структурой, настроил свое радио на стандартную частоту.

— В этом диапазоне,— сказал он,— ты должен иметь некоторый приемник, который уловит мою передачу.

В наушниках Флэндри затрещало и быстро защелкало,

потом медленно, словно зажавело, но постепенно набирая уверенность, голос отвечал:

— Это... ты? Человек?.. Вернулся наконец?.. Нет... два человека, я засек...

— Больше или меньше,— ответил Флэндри.

На всей равнине «звери» и шахматные фигуры замерли.

— Входите. Через гермоввод... Снимайте свои костюмы внутри. Там условия Земли, с оборудованными помещениями... Обследование показало наличие неиспорченной пищи и питья... Я надеюсь, что вы найдете все в подходящем состоянии... Возможны некоторые неполадки.

Время тянулось долго и шло впустую.

X

Диана рухнула на кровать и не просыпалась на протяжении тридцати часов. Флэндри потребовалось меньше времени для отдыха. После завтрака он занялся делом, сначала шло трудновато, но постепенно вернулся нормальный темп. То, что он узнал, очень удивило его. Теперь Флэндри ни чуть не жалел о том времени, которое он потратил на изучение истории последних пяти веков Вэйленда.

Он находился в главном пультовом зале, обсуждая технические детали с первым компьютером, вдруг микрофоны этого странного на вид прибора сообщили на непривычно звучащем английском:

— Как было указано, я непрерывно наблюдал за вашей спутницей. Ее ресницы двигаются.

Флэндри встал.

— Спасибо,— сказал он автоматически. Ему трудно было представить себе, что ни одно живое существо не обратило внимания на эти измерительные и показывающие приборы. Может быть, перед этими экранами стояли когда-либо существа, обладавшие сознанием, непохожие на обитателей тех миров, которых он видел. Не важно, насколько они были странными, на взгляд человека, они были — так или иначе — представителями органической жизни, это главное.

«Пойду-ка я к ней. Хм... съем-ка, пожалуй, поданный первороботом теплый суп и, хм, чай с бутербродом, если он там есть».

Он шел коридорами, тишина которых нарушалась не-громким шумом машин, миновал помещения, где в запечатанных саркофагах находились останки давно умерших людей. Наконец он добрался до Дианы.

— Ники,— она сонно моргнула и протянула к нему дрожащие руки. Какая тоненькая и бледная она стала! Он едва слышал ее голос. Склонившись для поцелуя, он почувствовал, что ее губы безответны.

— Ники... с нами... все в порядке? — легкий полу值得一-пот-полувздох коснулся его уха.

— Безусловно,— он погладил Диану по щеке.— Все в полном порядке.

— А что снаружи?

— Спокойно, как и в нашем убежище. Я бы сказал, спокойнее, чем во многих убежищах,— Флэндри выпрямился.

— Отдыхай. Через несколько минут мы начнем наращивать мясо на эти прелестные косточки. К моменту отправки ты должна будешь полностью стать самой собой.

Она нахмурилась, озадаченно тряхнула головой, попыталась сесть.

— Обожди, еще рано,— сказал он, положив руки на ее обнаженные плечи.— Я предписываю тебе постельный режим. Когда ты станешь достаточно сильной и когда тебе надоест лежать, я покажу тебе некоторые диапозитивы. Компьютер сообщил, что тут кое-что есть. Должно быть интересно: на них прошлое Вэйленда.

Но она все еще слабо сопротивлялась. Слегка отдающий химией воздух вибрировал. Диана быстро дышала, глубоко вдыхая и выдыхая.

— В чем дело, Диана?

— Я... не знаю. Голова кружится...

— О да, еще бы! После всего того, что ты перенесла.

Холодные пальцы схватили его руку.

— Ники. Эта луна. Она... стоит... чего-нибудь?

— Что?

— Деньги! — взвизгнула она, как раненое животное.— Стоит ли она денег?

«Какое это может иметь значение сейчас? — мелькнуло у него в голове.— Ее прежняя жизнь сделала ее алчной до денег, как я предполагаю, и...»

— Безусловно.

— Ты уверен? — настаивала она.

— Дорогая моя,— сказал он.— Если Леон Аммон не хотел бы стать самым богатым человеком во всей Империи, он бы не затратил так много сил на это дело.

Ее глаза закатились так, что Флэндри видел только белки. Она обмякла в его объятиях.

— Совсем ослабла,— пробормотал он и помог ей сесть. Встал и почесал в своей шевелюре:

— Компьютер, какие медицинские знания есть в твоих банках данных?

Очнувшись, Диана зарыдала. Она не скажет ему, почему. Сейчас она была так близка к истерическому состоянию! Она так измотана, так устала!

Компьютер обнаружил успокаивающее средство, которое Флэндри принес и попросил ее принять.

После следующего пробуждения Диана была спокойна, во всяком случае, так казалось, но по отношению к Флэндри она держалась настороженно. Она отвечала ему кратко и неохотно, словно давая понять, что не намерена говорить. Правда, от еды Диана не отказалась. Поев, она молча легла. Флэндри оставил ее одну.

Диана была более приветлива при следующем появлении Флэндри и почти вернулась в свое обычное состояние. Теперь они редко виделись, редко бывали вместе. Так продолжалось до тех пор, пока они вновь не оказались в космосе, не вернулись к обычному кругу обязанностей на корабле (который разомкнулся на Айрумкло — там же, где он и образовался). Большую часть времени Диана провела в постели, пока она выздоравливала, за ней ухаживали роботы.

К Флэндри вскоре вернулась его обычная сила, и он был по горло занят устройством дел на луне и обеспечением ремонта «Джейка». Флэндри пришлось тратить время и на

«заметание некоторых следов». Он не хотел, чтобы его начальство поставило под сомнение запись в бортовом журнале о поломке осциллятора гиперсветового двигателя, ремонт которого отнял у него целых три недели.

* * *

Окоченевший Вэйленд остался далеко позади, и могучий Риджин, и огненный Мимир, одинокая ракета летела среди великолепия звезд.

Флэндри и Диана сидели в пультовой кабине управления ракетой, которая была единственным мало-мальски удобным помещением. Отдохнувший, сытый, чисто выбритый, даже слегка навеселе, он наслаждался и ароматом воздуха и ощущением силы земного притяжения, даже едва заметная пульсация машины доставляла ему удовольствие. Он закурил сигарету, похлопал Диану по руке и слегка улыбнулся — его радовала вновь рожденная миловидная Диана.

— Путешествие завершено,— сказал он.— Я бы хотел, чтобы ты выразила свою благодарность способом, который ты знаешь лучше всего.

— Х-х-хорошо,— промурлыкала она. А через мгновение переспросила:

— Что ты говоришь, Ники?

— Гм?

— Я все еще не понимаю, что же происходило неправильно. Ты пытался объяснить раньше, но я была слишком ошеломлена, насколько я помню.

— Это очень просто,— сказал он, снова демонстрируя желание быть умным.— Как только я понял, что мы попались на шахматной игре, я усвоил и все остальное. Например, я вспомнил те радиомачты, которые были натянуты в дикой местности. Возможное их назначение, кроме направления роботов,— отводить атаки. Вот почему ожесточенность находившихся на местности машин была ограничена их собственным видом. Это другая игра, как ты видишь: с большими возможностями и с меньшей предсказуе-

мостью, чем ходы в шахматы. Новые типы убийц производились время от времени, и их посылали для того, чтобы посмотреть, как они могут действовать против старых моделей. Наша ракета, а немного позже и мы сами были приняты за таких новых пришельцев; роботы не были снабжены информацией о человеке.

— Вот почему, когда мы попытались позвать на помощь...

— Ты имеешь в виду с вершины горы Девственниц? Хорошо, вероятно ни один из диких роботов не признал нашего сигнала из-за диапазона частот, в котором они действуют. И та часть оперативной памяти компьютера, которая работала на прием сигналов своих «детенышей», просто-напросто отфильтровывала мой голос. Получилось точно так же, как если бы ты или я не слышали звуков, будь мы чем-нибудь сильно заняты. Это не удивительно, если учесть, как много электростатических разрядов было в атмосфере Вэйленда.

Те мачты были сконструированы строго по назначению — для связи с роботами — для высокочастотных сигналов, которые несли цифровые сообщения. Это объясняет, почему они не среагировали на мой призыв на других частотах. Компьютер постоянно оставляет место в памяти для приема неожиданного сигнала, идущего на стандартной частоте. Но это предполагает, что, если люди вернутся, они будут спускаться вертикально и приземляться вблизи строений, как бывало раньше. Вот почему он не принял мер для детектирования радиосигнала, подаваемого человеком с любых других направлений.

Флэнди выпустил облачко дыма. Он клубился перед экранами обзора, как бы покрывая вуалью бездну, лежавшую вокруг.

— Теоретически все это может быть и так,— продолжал он.— Однако по прошествии веков этот компьютер стал кое-чем иным, нежели тихим помешанным. Действительно, первое, что он сделал,— придумал эту шахматную игру, потом изменил ее, потом произвел бойцов, которые не подчиняются правилам, потом расширил поле их деятельности

и разнообразие боевых действий, при этом компьютер увеличивал и площадь своего влияния,— и все это было сделано для того, чтобы сохранить вменяемость умнейшей машины.

— Что? — удивилась Диана.

— Почему бы нет? Подумай сама: такая мыслящая штука, как этот главный компьютер,— и нате вам: ничего, кроме рутинных исполнений чьей-то воли, без притока новой информации. И все это десятилетие за десятилетием! — Флэндри поежился: — Бр-р! Ты должна представлять, что ухудшение чувствительности датчиков делает с органическими созданиями. Наш компьютер осуществил самостоятельный поиск, разработав нечто усложненное и непредсказуемое для постороннего наблюдателя.— Флэндри сделал паузу.— Я не допускаю мысли об аналогии с Создателем, в которого ты веришь...

Он пожалел о сказанном: Диана вскинулась, как взнужданная кобылка, и отрезала:

— Я бы хотела получить полный отчет о том, как ты овладел ситуацией.

— О, конечно, к вашим услугам,— опешил он.— Не то, чтобы это было очень сложно, но... В тот момент, когда я разбудил Белого Короля, мир, о котором он мечтал, испарился.

Его метафора прошла мимо нее, поэтому Флэндри продолжал:

— Компьютер оказался совершенно неспособным вернуться к первоначальному характеру операций. Братец Аммон найдет свое счастье в металлах, ожидающих его первый корабль. Я убежден, что твой моральный долг рекомендовать Аммону выдать мне значительное вознаграждение. В обычной ситуации он просто обязан был бы выплатить мне немалую сумму.

— Моральный! — в ней всколыхнулась горечь. Диана уже кое-что узнала о жизни.— Моральный!

Флэндри обратил внимание на этот акцент, но понял его по-своему: он расценил это как раскаяние Дианы в столь эмоциональном поведении.

— Кто ты такой, Доминик Флэндри, чтобы толковать о морали, ты, который принес клятву на верность Империи и схватил взятку, чтобы служить Леону Аммону?

Флэндри словно ужалили, он отпрянул:

— Что еще я мог сделать?

— Отказаться! — Ее тон вдруг смягчился. Она тряхнула своими янтарного цвета волосами, улыбнулась печально и потрепала его руку:

— Ничего, не печалься. Я от тебя слишком много требую, не так ли? Давай будем взяточниками вместе, Ники, дорогой, и давай будем добры по отношению друг к другу до тех пор, пока нам не придется попрощаться.

Он смотрел на нее долгим взглядом, затем перевел его на звезды... Голос Флэндри звучал тихо, спокойно:

— Думаю, Диана, я смогу рассказать тебе, что у меня было на уме. Я возьму плату за эту работу, ведь это также плата за риск — на всю мою оставшуюся жизнь — быть раскрытым и сломанным. Это представляется разумной платой за то, чтобы удерживать границу неприкосновенности.

Ее губы раскрылись. Глаза удивленно смотрели на Флэндри:

— Я не понимаю тебя.

— Айрумкло должны были все покинуть, — сказал он. — Это знают все, знали все. Самопрочество сбылось: гарнизон стал некомпетентным. Способные граждане уехали, забрав с собой все накопленное. Экономический и оборонный капиталы находились в глубоком штопоре. Падение дошло до той точки, где уже нет рационального объяснения нашего дальнейшего присутствия здесь. В конце концов Империя должна будет отдать Айрумкло. А без этого якоря вся граница будет отброшена назад на целые парсеки; а Мерсейя и Длинная Ночь станут еще ближе. — Флэндри вздохнул. — Леон Аммон злой, презренный человек, — продолжал он. — В иных обстоятельствах я бы предложил тебе зарезать его перочинным ножом. Но у него есть сила, цель, некоторая смелость и своеобразный дар предвидения. Я пришел к нему для того, чтобы узнать о его намерениях. Когда Аммон

рассказал мне об этом деле, я согласился, потому что... Ну хорошо, если имперские бюрократы получили бы Вэйленд, они не знали бы, что с ним делать. Может быть, они наложили бы на его существование штамп секретности, чтобы никто не строил планы насчет него и вообще чтобы не тратить на Вэйленд дополнительные усилия. Кроме этого, какое еще вознаграждение могло бы сделать «единомыслие и консолидацию» такими уж нереальными? Однако у Амона есть свой собственный интерес, который он стремится реализовать. Ему еще придется оставаться на своем месте. Его предприятие будет человеческим предприятием. Он вложит в него очень много средств — и добудет столько экономических и политических средств для собственного продвижения наверх, что это может заставить правительство защищать его интересы. А это означает — мертвое стоять на Айрумкло. Это означает удерживать эту границу, и даже простираять контроль во внешние области. Таким образом,— заключил Флэндри как говорит пословица, он может быть сукиным сыном, но он наш сукин сын.

Он выбросил сигарету каким-то яростным движением и опять повернулся к Диане, ему просто хотелось забыть обо всем на свете. Странно, несмотря на его влюбленный взгляд, Диана продемонстрировала полное равнодушие. Ее руки отстранили его. Взгляд был тревожен:

— Пожалуйста, Ники, я должна подумать... о том, что ты мне рассказал.

Он откинулся в кресле, закинув ногу на ногу.

— Должен тебе сказать, что некоторое время я смогу себя сдерживать.— Вид ее смягчил грубость, которая возникла в нем. Он прокашлялся:

— Но учти, что это не может продолжаться очень долго. Ты слишком привлекательна.

Ее рот скривился, но улыбки не получилось:

— Я никогда не думала, что такие вещи могут иметь для тебя значение.

— Имеют. Я живу в Земной Империи,— ответил он, пожимая плечами.

— Но если...— она наклонилась вперед,— ты действи-

тельно веришь, Ники, что Вэйленд может круто изменить нашу жизнь?

— Я бы очень хотел в это верить. Но почему ты спросила об этом? Я не могу представить себе, что ты вдруг сама без приглашения стала заботиться о будущих поколениях.

— Вот что я имела в виду... Предположи... Ники, предположи, ох, ну, происходит нечто, и Леон не сможет эксплуатировать Вэйленд. Тогда никто не сможет. И как это повлияет на нас — на тебя и меня?

— Это зависит от продолжительности нашей жизни, кроме всего прочего. Может быть, мы не увидим никаких изменений. Или, может быть, через двадцать-тридцать лет после этих событий мы увидим, что Империя потерпела поражение так, как я тебе рассказывал.

— Но это не означает, что Империя закончит свое существование!

— Нет-нет. Не сразу. Без сомнения, мы сможем закончить нашу жизнь так, как мы больше всего привыкли. — Флэндри заколебался. — Но так ли это? Отзвук политических потрясений у нас дома... вероятно, к перевороту... ну, ладно, я не знаю.

— Мы можем в любой момент найти себе безопасное место, — сказала Диана. — Уютное местечко в стороне от заселенных планет — не очень сильно удаленное, это было бы слишком примитивно, но...

— Вероятно, да, — Флэндри нахмурился. — Я не понимаю, что тебя смущает. Мы сообщим Аммону результаты нашего путешествия, и на этом наша часть работы закончится. Ты не забыла, что у него все еще находится остаток нашего гонорара?

Она кивнула. Некоторое время оба они молчали. Звезды, светящиеся на экране обзора, сплетали ореол вокруг ее золотистой головы.

Потом хитрость посетила ее, и она улыбнулась и проговорила:

— Ведь не будет никакой разницы, не так ли, если кто-нибудь еще на Айрумкло — кроме Леона — получит Вэйленд. Разве не так?

— Думаю, что нет. Если ты, конечно, имеешь в виду одного из его братцев-антрепренеров,— беспокойство Флэндри нарастало.— «О чём думаешь ты, девушка? Пытаясь побольше загрести под себя, выдав секрет конкуренту? Я бы не рекомендовал делать этого. Смертельно опасно».

— Ты?..

— Естественно, нет! Я выброшу к чертовой бабушке свои деньги и до конца моей жизни на Айрумкло ты не поверишь, что я могу быть таким хорошим мальчиком. Никаких пикников и тому подобного в Старом Городе; круглогодичное пребывание на базе и изучение навигационных манускриптов. К счастью, время моей службы на Айрумкло практически закончилось.

Флэндри поймал ее руки.

— Я никогда даже случайно не увижу тебя,— произнес он.— И у тебя не будет ни малейшей возможности увидеться со мной. Вселенная будет слишком пустынна без тебя.

Ее губы плотно сжались:

— Если это то, что ты в действительности чувствуешь...

— Да! — Флэндри смотрел на нее влюбленными глазами.— К счастью, у нас еще дни и дни впереди, прежде чем мы прибудем на Айрумкло. Давай используем их, а?

Ее глаза закрылись, открылись, и она прильнула к нему, обнимая. Такая теплая, мягкая, улыбающаяся, с широко раскрытыми глазами, обрамленными длинными ресницами, и действительно, ее душа пела тихую песенку радости...

Молния оборвала мечту. Наступила пустота...

Он очнулся и сразу понял, что лучше было бы не просыпаться вовсе. Словно кто-то продырявил череп для того, чтобы засунуть туда ракетный ядерный генератор.

Но нет... Он попытался повернуться... и не смог.

Когда он застонал, чья-то рука приподняла его голову. Прохладная влага коснулась губ.

— Выпей это,— сказал голос Дианы откуда-то издалека.

Он проглотил пару таблеток, запил водой, после чего смог открыть глаза. Она стояла рядом с кроватью, смотря вниз. Когда стимулирующий препарат оказал свое действие

и боль утихла, ее силуэт стал менее расплывчатым,— он смог различить жесткость, которая легла на ее лицо. Повернув голову, он понял, что лежит на спине со связанными локтями и лодыжками и впридачу прочно привязан к раме кровати.

— Тебе лучше? — ее голос был бесцветным.

— Я думаю, что ты мне бабахнула по башке из своего станера после того, как я заснул,— удалось кое-как прокаркать Флэндри.

— Мне очень жаль, Ники.

Неужели ее оболочка немножко треснула, или ему это только померещилось?

— Какая была нужда в этом?

Она рассказала ему о Раксе, закончив так:

— Мы почти готовы к встрече. Если я правильно запомнила то, чему ты меня учил, это приблизительно сорок или пятьдесят световых лет; и я перевела автопилот на максимальную гиперскорость, именно так, как ты мне говорил.

Его сознание было еще слишком неустойчивым, чтобы понять, что его просчет не только теоретический. Разочарование все-таки ударило в него, как острый гвоздь: «Четыре или пять дней лететь, а я в скрученном состоянии?»

— Мне очень жаль,— повторила она.— Я не дам тебе ни малейшего шанса схватить меня или сделать что-нибудь в этом роде.— Она поколебалась.— Я буду следить за тобой так, как только смогу. В этом нет ничего личного. Ты понял? Есть только миллион кредитов.

— А почему ты думаешь, что твои неизвестные друзья честно выполнят свое обещание после окончания дела?

— Если Вэйленд является тем, что ты мне описал, то мегакредит будет мельчайшей тратой для них. Это они будут нуждаться во мне, а не я в них.— Вдруг словно молния сверкнула над Флэндри:

— Такая сумма даст мне возможность начать свою собственную жизнь.

Он оказался во власти своей физической немощи. Недомогание пройдет, самое страшное и унизительное то, что он прикован к постели. Флэндри не мог выполнять большинст-

во из своих привычных физических упражнений. Веревки могли разрезать мышцы. Некоторые, правда, ему удавалось проделывать, и он проводил часы, упражняя те группы мышц, которые было возможно. Диана все-таки хорошо его раньше массажировала. Но у него постоянно болела голова и звенело в ушах.

Диана исполняла свое обещание следить за ним — была неплохой сиделкой. Навыков к этому у нее не было, никто ее этому не учил, но она старалась, и получалось довольно хорошо. Она читала ему каждый день по часу какую-нибудь из книг, которые он держал на борту. Диана даже предложила заняться любовью. На третий день он согласился.

Теперь между ними обычно царило молчание: его стесненное положение не располагало к длительным диалогам. Они проводили большую часть времени раздельно, коротая его кто как может. Сначала положение пленника просто убивало его, но потом Флэндри сумел собраться и заставил себя приспособиться к обстоятельствам. Не обладая достаточными теоретическими знаниями, он имел интересный жизненный и профессиональный опыт, идеи, обладал большим объемом информации, которую можно было проигрывать в уме. Но однообразие занятий и окружающей обстановки удручающе влияло на него, и каждый лишний час казался ему веком пустынного странствования.

Когда, наконец, детекторы зажужжали, он постарался особенно не радоваться — мало ли что означал этот шум. Когда же внешние датчики связи ожили и заговорили, он стал неестественно весел.

Но вот гиперскорости сравнялись, фазирование завершено, подсоединены гермовводы: команда незнакомцев вошла на корабль. Диана вскрикнула.

XI

Мерсеяне обращались с ним холодно, корректно. Он был освобожден от пут, препровожден на борт их эскадренного

миноносца*. Его осмотрел медик, имеющий опыт в обращении с инопланетными пациентами. Флэндри разрешили помыться и привести себя в порядок. Ему вернули все вещи, за исключением оружия. Для Флэндри и Дианы была найдена и быстро приготовлена каюта. Им принесли еду, а Диане даже объяснили, как пользоваться мерсеянскими средствами косметики. За ними наблюдал страж, который не надоедал им. Пленники редко бывают на борту военного корабля такого класса; по всей вероятности, время пребывания в космосе не должно быть продолжительным.

Диана причитала:

— Я думала, что они — люди, что они — люди, только др-р-ру-гая, чертова банда.— Она вцепилась в Флэндри.— Что они сделают с нами?

— Я не могу этого сказать,— сухо ответил он,— но не думаю, что они позволят нам спокойно увезти домой нашу историю. «Историю сети шпионажа на Айрумкло, возглавляемой этим Раксом.— Он, без всякого сомнения, родом из Ройдханата, а не из нашей Империи — и, вероятно, субсидируется членами тамошних синдикатов. Наверное, мерсеянская база есть и в свободном космосе, поблизости от наших границ.— Мурашки пробежали по спине Флэндри.— Ну, а когда мой рассказ дойдет до их властей, кто-нибудь из них обязательно захочет поговорить со мной лично».

Эсминец притянул патрульную ракету Флэндри к себе, там ее закрепили вдоль оси, и он стартовал.

Флэндри пытался вовлечь стражника в разговор, но у того был приказ молчать, Незнакомец, приносивший еду, согласился отвечать на вопросы. Флэндри был очень удивлен, когда ему позволили наблюдать за приземлением и посадкой. «А почему бы и нет? Для того, чтобы земляне ничего не узнали, они просто-напросто не вернут меня обратно, и я не смогу рассказать о том, что видел»,— с грустью размышлял Флэндри.

Вероятно, координаты цели, полученные Дианой от Ракса, означали, что ракета Флэндри будет придерживаться курса, который доставит ее в область чувствительности датчиков дежурного корабля; а любой такой корабль не дол-

* Автор применяет терминологию, принятую в военно-морском флоте.

жен уходить далеко от базы. В течение двух или трех часов Флэндри получил все необходимые свидетельства этого. Он оставил Диану хлопотать вокруг ее жалкого барабана — следи за ним хорошенько, тупая неряха! — и зашагал впереди своего вооруженного стражника.

Внутреннее устройство напоминало конструкцию земного космического корабля. Отличия заключались в деталях: размерах, очертаниях и так далее. Это обуславливалось различиями уровней и характеров культуры, науки, языков. Тем не менее это была та же закованная в металл стреловидная форма, те же гудение и вибрация, те же самые теплые, пахнущие маслом потоки воздуха от вентиляционных жалюзей, те же самые обязанности команды и прочее.

Но члены команды были высокими, зеленокожими, безволосыми, хвостатыми, с защитными хребтами на спине, как у древних ящеров. Они были одеты во все черное, их форма была непривычного фасона и покроя, на ремнях висели боевые ножи. У них были приняты ритуальные обряды и приветствия: жест, слово, шаг в сторону, причем плавно, как требовала вековая традиция.

Запахи тел, которые заполнили здешний спрятый воздух, были более резкими, и до некоторой степени более сухими, чем человеческие. Темные глаза, которые тут и там — повсюду сопровождали его, не имели белизны.

Брох — приблизительно Второй Помощник, Тринтаф Высокий приветствовал Флэндри в приемной комнате.

— Вы имеете право на вежливое обращение, лейтенант. Действительно, Вы арестованы за нарушение границ ненейтрального космоса; но наши страны не находятся в состоянии войны.

— Я благодарю броха, — сказал Флэндри на своем лучшем ирайо, дополнив слова отданием чести. Он воздержался от замечания, что среди других положений, договор Альфзара требовал от обеих цивилизаций воздерживаться от претензий на территорию в буферной зоне. Безусловно, здесь, как и на Старкадах и еще где-нибудь, был подписан

«пакт о взаимопомощи» со скворчивыми, а скорее всего с запуганными аборигенами.

Он заинтересовался тем, что вдруг увидел. Вероятно, это было место его смерти.

Видеотерминал показывал обычные звезды, в таком большом количестве, что нетренированному взгляду они могли показаться хаосом. Но Флэндри был обучен кое-каким приемам — пропускать как можно меньше света сквозь ресницы; найти видимые отовсюду реперные точки, например, Магеллановы Облака; оценить за счет их магнитуды расстояние до ближайшего гиганта, Бетельгейзе. Он вскоре обнаружил, что не нуждается в мерселях, чтобы отгадать, где находится. Еще раньше, когда дело только начиналось, он заставил Диану четко прочесть несколько раз эти координаты и запомнил их хорошенько; кроме того, солнце, которое он видел, было довольно необычным, отличалось по типу от большинства красных карликов — только одна или две звезды подобного рода должны были существовать в этой части галактики.

В действительности, звезда была похожа на Мимир — только менее массивная и менее лучистая, но такая же ярко-белая, с той же высокотемпературной плазмой внутри и протуберанцами. Она должна быть значительно старше, потому что у нее нет окружающей туманности. С этого расстояния она занимала приблизительно треть углового диаметра Солнца, видимого с Земли..

— Ф-5,— сказал Тринтаф,— масса 1,34, яркость 3,06, радиус 1,25.— Стандарт, относительно которого он давал цифры, был в действительности его родным солнцем — Корих; но Флэндри пересчитал значения в солнечных единицах с большой легкостью.

— Мы называем ее Сайекх. Планета, к которой мы направляемся, называется у нас Тэлвин.

— Ага,— кивнул Флэндри.— А каких еще героев вашей гражданской войны выувековечили?

Тринтаф пристально взглянул на него. «Черт побери,— подумал он,— я опять забыл, что всегда надо делать так, чтобы противник недооценивал тебя».

— Я удивлен вашим знанием нашей истории периода до Ройдханата, лейтенант,— сказал мерсеянин.— Но, учитывая, что наши дежурные корабли имели приказ наблюдать за земной ракетой-разведчиком, ее пилот должен представлять особый интерес.

— Конечно, конечно,— скромно сказал Флэндри.

— Отвечая на ваш вопрос, скажу, что именами героев названы некоторые космические тела в здешних местах. Пояса астероидов, кроме того, четыре настоящие планеты, самая маленькая из которых, кажется, оторвавшийся спутник. Орбиты искривлены и эксцентричны. Наши астрономы теоретизируют по поводу того, что на раннем этапе жизни этой звездной системы сквозь нее прошла какая-то звезда, разрушив обычную конфигурацию планет.

Флэндри изучал мир, растущий перед его глазами. Корабль вышел из гиперскорости и начал полет под действием силы тяжести — совсем небольшая скорость, измеряемая километрами в секунду, как бы подтверждающая идею о большом скоплении метеоритов. (Они не угрожают кораблю, который способен зарегистрировать их задолго до встречи и вовремя повернуть или просто-напросто уничтожить их с помощью силового поля, но последнее подмочило бы репутацию шкипера, который так нерассудительно тратит энергию.) Полумесяц Тэлвина, ослепляюще-белый, расплывающийся по краям, как и Венера, со всех сторон окутан облаками, сквозь которые кое-где проглядывали красные точки и полоски.

— Выглядит не очень обнадеживающе,— заметил Флэндри.— Не находимся ли мы очень близко к солнцу?

— Планета находится близко к солнцу,— сказал Тринтаф,— сейчас везде позднее лето; у нас практически нет аксиального параллакса, поэтому температура остается свирепой. Оденьтесь полегче, лейтенант, прежде, чем покинуть борт корабля! В периастроне Тэлвин проходит на расстоянии 0,87 астрономических единиц от Сайекха; но апоастрон происходит при удалении на полных 2,62 астрономические единицы.

Флэндри присвистнул.

— Это ~~такой~~ эксцентрик, о котором я никогда и не слышал, по крайней мере, что касается планет. Ух... порядка одной второй, правильно? — это был шанс произвести впечатление на мерсеян.— Как вы можете переносить это? Я полагаю, достаточно большой аксиальный параллакс мог бы защитить одну полусферу, по крайней мере, от худших эффектов экстремальной орбиты. Если на этом шарике и есть какая-нибудь форма жизни, она должна сильно отличаться от той, что на вашей и моей планетах.

— Неправильно,— ответ мерсеянина ударил по честолюбию Флэндри.— Атмосфера и гидросфера в некоторой степени смягчают климат, ситуация также зависит и от места нахождения на планете. Эти полоски, которые вы видите, биологического происхождения, это споры, внесенные в верхние слои атмосферы. Фотосинтез дает смесь азота с кислородом, пригодную для дыхания.

— А как же болезни? «Нет, погоди, теперь ты действуешь слишком прямолинейно. Ведь то, что безопасно для мерсеянина, не обязательно безопасно для человека. Можно иметь уникально совпадающую с нами биохимию, но вот — пожалуйста: у нас появляются вши, когда мы общаемся с уважаемыми домашними животными. Мир, так сильно отличающийся от земного, как Тэлвин, не собирается порождать нечто, что повлияет на нас... По крайней мере, то, что может вызвать синдром, который современная медицина не в состоянии ликвидировать. Тринтаф понимает, что я это знаю».— Все это, словно молния, пронеслось в сознании Флэндри. Он вернулся к разговору:

— Я имел в виду аллергены и другие яды.

— Есть немного. Они не вызывают серьезных нарушений. Биологическая форма в основном сродни нашей. Л-амино протеин в водном растворе. Отклонения случаются, конечно. Но вы и я можем существовать пока за счет своей провизии, если будем выбирать ее с осторожностью. Более длительный срок потребует от нас соблюдения диеты.

Флэндри подумал, что Тринтаф абсолютно лишен чувства юмора. Большая часть мерсеян была лишена этого недостатка; иногда они реагировали бурно, порывисто, иногда

жестоко, часто очень странно, непредсказуемо, на наш, человеческий, взгляд. Флэндри, в свою очередь, озадачивал многих из них: мерсеяне никак не могли понять, почему надо смеяться, если один обедающий по-французски сказал: «Хорошего аппетита», а другой ответил: «Гинзберг».

«Конечно,— подумал Флэндри,— они отличаются друг от друга, как и мы. Моя жизнь может зависеть от личности здешнего командира. Смогу ли я распознать и поймать свой шанс на спасение, который он мне предоставит?»

Только он решил поизучать своего спутника, как тот удалился под предлогом занятости. Одиночество Флэндри скрашивал молчаливый служака, который присел на свой хвост около двери.

Наблюдение за всем, что его окружало, позволяло Флэндри обобщать и делать выводы там, где непрофессионал был бы слеп, Флэндри умел замечать многое.

У Тэлвина не было луны. Может быть, когда-то она была, но исчезла после вторжения звезды, которая сильно нарушила эту систему. Флэндри уже видел две смены сверкнувших спутников, расположение которых выдавало их принадлежность к синхронной триаде. Если мерсеяне не установили ничего, кроме этих спутников-наблюдателей, то получается, у них здесь совершенно неприкрытая база. Это именно то, что можно было предвидеть на конце длинной линии связи: пост наблюдения — склад — станция первичной информации для сообщений от пограничных агентов вроде Ракса.

В отличие от босса, простые агенты не знали координат Сайекха, они не знали даже, что Сайекх существует. Эти агенты должны были прятать курьерские торпеды подальше от границы, где-нибудь внутри имперских владений, цель полета должна быть стерта из памяти компьютера, ключи спрятаны. В результате элементарных предосторожностей ни один преданный Империи служащий не мог видеть отправление курьера. Получение новых курьеров было проблемой. Но не для контрабандистов, особенно если учсть, что земная служба безопасности была недоукомплектована и вообще небрежно относилась к своим обязанностям.

Передача новых сообщений и вовсе не была сопряжена с трудностями: кому какой дело, что за мужчина или женщина направились к магазину наркотиков Ракса?

Итак, значение Тэлвина было очевидным: там действовали системы наблюдений за деятельностью землян, осуществлялся более близкий контакт со шпионами. Флэндри удивился бы, если б его организация, принадлежавшая Империи, действовала столь же энергично против Ройдханата. Мерсейне были очень бдительны — правительство землян оставалось слишком инертным, богатые люди Империи не хотели оплачивать расходы по укреплению границ.

Флэндри передернулся, как бы желая сбросить с себя скованность и меланхолию, и сконцентрировался на том, что видел.

После того, как были вычислены угол атаки и кривая спуска, эсминец вошел в спираль, которая понесла его вокруг планеты. Похоже, его траектория была рассчитана на то, чтобы не попасть в шторм. Прохладный воздух, двигаясь от полярных областей к экватору, должен превратить лето в период муссонов. Учитывая поступающую от солнца энергию, атмосферное давление (о котором упомянул Тринтаф, — оно на двадцать процентов больше, чем земное), и период обращения (день более восемнадцати часов — предупредил Тринтаф), Флэндри пришел к выводу, что погода должна быть гораздо более резкой, чем где-либо Дома. А эсминец в этих условиях значительно больше подвержен воздействию ветра, чем где бы то ни было.

Водяной пар высоко поднимался, прежде чем сконденсироваться в облака. Пролетая по дневной стороне, ниже верхних слоев атмосферы, Флэндри получил хорошую возможность для наблюдения. На Тэлвине, который немного меньше Земли (экваториальный диаметр 0,97), не такой плотный, был лишь один материк. Он имел клиновидную форму, простирался от северного полюса до экватора, которого почти касался его узкий край. Остальная суши была представлена островами. Их было много: мелких, разбросанных друг от друга на большие расстояния.

Флэндри догадался, что образование и таяние огромных

полярных шапок в течение удвоенного земного года возмущает изостатический баланс. По всей вероятности, мощные штормы в летнее время, замерзание воды зимой, ускорили эрозию и перераспределение масс. Тектонические процессы должны происходить с яростной силой; землетрясения, извержения вулканов, уничтожение старой суши и образование новой должны быть обычным делом для здешних мест.

Он открыл один гористый район, простирающийся с востока на запад — вдоль 400-километровой полосы континента, примерно в центре него. Эти пики были ниже Гималаев, там не лежал снег, скалы были обнажены. Кое-где подъемы были значительно ниже, округлы, изношены. Северные склоны этой горной страны казались сильно слаженными потоками воды. «Ого! — подумал Флэндри. — Это означает, что зимой полярная шапка спускается до 45 градуса северной широты. Ледник делает все плоским». Далекие южные земли были не чем иным, как иссушенная пустыня, избитая ураганами. Вполне вероятно, что в середине лета озера и реки здесь не просто высыхают, они выкипают, а экваториальный океан становится укрытием для всего живого. Было бы очень интересно узнать, как шла эволюция в двух полу сферах этой планеты.

За пределами стерильных тропиков жизнь не так давно была необыкновенно разнообразна, джунгли занимали центральную зону, арктику покрывала низкорастущая растительность. Теперь же ежегодные засухи берут свое во многих областях, листва блекнет, стволы искривляются, возникают дикие пожары, оставляющие черные пепелища и бесцветные плеши. Но в других районах, особенно около побережья, все еще шли спасительные дожди. Огромные стада животных виднелись на открытых пространствах; вокруг летали птицы; мелкие воды кишили рыбой. Большая часть островов также казалась плодородной. Преобладающим цветом растительности был голубой, — отраженный в тысячах лоскутков. Фотосинтезирующая молекула не была хлорофиллом, хотя, похоже, могла быть каким-то близким химическим соединением. Глаз встречал здесь коричневые,

красные, желтые оттенки, и уж совсем неожиданными, ошеломляющими были земные всплески зеленого.

Спускаясь под аккомпанементы раскатов грома, корабль пересек ночную сторону планеты. Флэндри применил фотомультивизор и инфракрасный телескопический датчик для того, чтобы продолжать наблюдения. Они подтвердили его выводы — результат впечатлений от текущего дня.

Корабль стал черным во мраке — солнце спряталось — он летел низко, готовясь сесть. Место посадки находилось на сороковом градусе северной широты. Флэндри увидел недалеко вулкан, который пускал в небо дым. Тут же текла река, пробивающаяся через каньоны. Дальше, на юге, на поросших лесом равнинах, она становилась широкой и безмятежно продолжала свой путь. От рассеянного света река отливалась тусклым свинцовым блеском. Наконец она впадала в довольно большой залив примерно километровой ширины.

Серо-зеленое море было украшено, словно белым кремом, бурунами прибоя вдоль большей части побережья. Приливное воздействие Сайекха летом приблизительно равнялось приливным усилиям Луны и Солнца на Земле, океанические течения были сильны. Ближе к центру материка высохший, потрескавшийся, в солевых отложениях ил оживляли лишь редкие разновидности растений, мужественно приспособившиеся к крайне тяжелым условиям жизни.

«Вот еще что,— отметил про себя Флэндри,— весной полярные шапки тают. Уровень моря поднимается на несколько метров. Штормы становятся просто устрашающими, они и увеличивающиеся приливы нагнетали волны, которые встречались с потоками, бегущими с гор... А Диана верит в Бога, который ни черта не дает! Или я бы сказал, в того, Кто дает благословение!

Он потер щеку, наблюдая, с какой высочайшей точностью жилка самописца фиксировала давление, текстуру, температуру, положение и скорость движения. «Хорошо,— подумал Флэндри,— я должен признать, что если Кто-то и

был заинтересован в моем существовании, то Он обставил это изысканными удовольствиями».

Вдруг страх ударил в его сердце и заставил губы пересохнуть. «Ведь Он не собирается отобрать у меня эти удовольствия, не так ли? Не теперь! Позже, когда я стану старым, когда мне будет уже все равно, тогда — пожалуйста, но не сейчас!»

Флэндри вспомнил товарищев по армии, которые не дожили до его возраста. Это не было утешением, но заставило его овладеть собой. Те ребята не хныкали...

А может быть, все изменится к лучшему.

Корабль качнулся. Двигатели взревели на надрывной ноте. Приземление...

Мерсейянская база стояла у обрыва над рекой, на расстоянии примерно тридцати километров на север от ее устья. Космодром был маленький, оборудование, как оценил его Флэндри, — ничего особенного, несколько эсминцев и более мелких кораблей могут начинать операции с этой базы. Но он заметил внутри базы несколько зданий, которые, казалось, не имели космического назначения.

«Хм! Разве у мерсейян есть еще какой-нибудь интерес к Тэлвину?.. Похоже, что да. Иначе они наверняка нашли бы более уютную планету для своей базы или, лучше, закамуфлированную планету, например, бессолнечную темницу... Их разведывательная активность здесь напоминает мысль, пришедшую слишком поздно».

Появился Тринтаф, отдал приказ и снова исчез. Флэндри провели к выходному люку. Диана ожидала его в окружении стражи. Она казалась невероятно тонкой и хрупкой рядом с мерсейнином — фарфоровая статуэтка.

— Ники, — простонала она, двинувшись по направлению к нему, — Ники, пожалуйста, прости меня, пожалуйста, будь снисходителен ко мне. Я даже не знаю, что они говорят.

— Позже я, может быть, и буду снисходителен, — отрезал он, — если мне дадут возможность для этого.

Она закрыла глаза и отшатнулась. Он пожалел о том, что так сказал. Диана была измученной и опустошенной —

к этому ее привела собственная алчность; конечно, приятно ощущать ее руку в своей — это, безусловно, скрасит его пребывание здесь. Но гордость не должна ему позволить размякнуть.

Люк открылся. Трап был спущен. Пленникам объяснили, что надо выходить. Диана одеревенела. Флэндри спохватился: «Иуда на сковородке! Ведь меня же предупреждали, что нужно сменить одежду, а я забыл».

Тепло обволокло его, втекло в него, стало им самим и напомнило о преисподней. Температура, по всей вероятности, была не меньше 80 градусов по Цельсию (а может быть, и выше), вот это да: всего на 20 градусов ниже земной точки кипения воды. Нагретый, как из доменной печи, воздух несся с ревом сквозь бронированный козырек, который как-то волнообразно колебался в помутневшем взгляде Флэндри. Он весь был окутан, обмыт, даже не потом, а противной, липкой влагой. Влажность при такой дикой температуре была максимальной. Дыхание напоминало вздохи тонущего.

Шумы сильно отдавались в его ушах сквозь этот плотный воздушный поток, все голоса, скрежет машин. Запахи, доносившиеся из джунглей, были едкими и мускусными, со следами сернистых испарений. Флэндри увидел вознесенное к облакам строение, на вершине — колокол; это для того, чтобы призывать верующих в Бога из мира, находящегося отсюда на расстоянии двести пятьдесят световых лет. Освещение, не создающее теней, делало расстояние не поддающимся оценке. Было ли это пристанище с кондиционированным воздухом так далеко, как ему пригрезилось?

Команда направилась к этому зданию. Они не построились, но во всем чувствовалась дисциплина: в их близко расположенных друг от друга рядах, и в неспешной трусце. Мерсеяне, которые выходили из здания по делу, были одеты в белые покрывала, оборудование они несли на спине.

— Пошли, землянин,— сказал стражник Флэндри,— или ты наслаждаешься нашей погодой?

Флэндри тронулся с места.

— Я знал более комфортабельные печи для момен-

тального приготовления еды,— ответил он. Но так как его стражник никогда в жизни не слышал о таких кулинарных печах и даже о кофе-экспрессо ничего не знал, остроумие Флэндри опять пропало даром.

XII

В соответствии со спартанскими традициями властителей Вэча, в офисе Айдвайра-Искателя не было никакой мебели, кроме стола и шкафа. Айдвайр и Мориох Солнце-в-Глазах сидели на ногах и хвосте, для человека это выглядело так, будто они собираются прыгнуть. Размеры этих существ, слишком большие даже для мерсеян Уилдвидха, их слабый, но резкий запах, грохочущий басовитый голос, взрывные гортанные звуки языка ирайо заставили Диану почувствовать угрозу, которая могла сорваться с цепи и превратиться в резню. Она заметила, что и Флэндри беспокоен, поймала его руку и сжала в своей холодной влажной ладони. Он не отреагировал, стоял прямо, напрягшись,— он слушал.

— Вероятно, датолх был дезинформирован по поводу этого дела,— сказал Мориох с натянутой вежливостью. Флэндри не знал, что означал этот титул — градации чинов, должностей у мерсеян были тонкие, неуловимые. Он понял только, что это явно кто-то из главных чинов, так как была применена форма обращения, отличавшаяся подчеркнутой вежливостью.

— Я бы хотел услышать, что желает сказать кзанриф,— ответил Айдвайр так же натянуто, но облачив ответ в более вежливую глагольную конструкцию. Флэндри понял, к кому относилось слово «кзанриф» (первая буква представляла собой что-то похожее на «к», за которой следовало «дх» и произносилось это как звонкий межзубный звук, нечто среднее между «т» и «з»), по серебристым аксельбантам черной униформы Мориоха, хотя он никогда не встречал этого слова раньше. Мориох был командиром этой базы

или, по крайней мере, ее аэрокосмической части. Но база была меньшей из двух, второстепенной.

Он, крепко скроенный, с тяжеловесной фигурой, как-то не сочетался с книгами и кассетами, которыми был заставлен каждый квадратный сантиметр поверхности стены. Флэндри услышал его голос:

— Мы имеем не просто захват разведывательной ракеты, которая случайно залетела в чужие области. Женщина, помещенная отдельно... безусловно расскажет датолху правду. Но я не хотел бы вторгаться в вашу работу, говоря с вами о своих делах. Кстати, так как это дело конфиденциальное, то чем меньше персон посвящено, тем лучше. Правильно?

Шеф и стражники ждали за занавесями арки. Нельзя сказать, чтобы они совсем не пропускали звук. Напротив было открытое окно, сквозь которое проникало ядовитое лето Тэлвина. Огромное черно-синее грозовое облако нависло над частоколом, где знамена Вэней и областей, имеющих здесь своих представителей, развевались на ветру.

Рот Айдвайра превратился в две тонкие линии:

— Мне можно было бы довериться,— сказал он.

Флэндри не поверил, что просто ущемленное самолюбие говорит в нем. Была ли нарушена какая-то прерогатива? Кто такой Айдвайр?

Айдвайр носил серую робу без знаков отличия, на его кушаке висел только кошелек. Он был выше, чем Мориох, но тоньше, морщинистее, старше.

Когда люди были доставлены к нему из помещения, где их содержали по его приказу, он разговаривал мягко. Как только командир сказал ему пару ласковых слов, Айдвайр набычился, и сила как будто сверкала из него во все стороны.

Мориох смело противился этому.

— Здесь не нужны приказы,— сказал он.— Я надеюсь, датолх понимает, что нет причин беспокоить вас делами, выходящими за пределы ваших интересов здесь.

— Разве кзанриф знает каждый возможный предел моих интересов?

— Нет... однако... — он издал короткий неясный звук.—
Могу я объяснить все датолху?

Айдвайр разрешил одним вздохом. Мориох затаил дыхание и начал:

— Когда «Брайтиох» остановился неподалеку несколько месяцев назад, главный офицер разведки на корабле сказал мне, что это дело не кажется ему очень интересным. Вы помните, что наш корабль был на Айрумкло, на передовом посту землян. Там мей — у меня записано его имя, но я не помню его — разговаривал с пилотом разведывательной ракеты землян, с которым он встречался раньше. Пилот,— а именно человек, который находится здесь, проводил наблюдение, являвшееся частью его обучения в Корпусе Разведки. Обычно это не означало бы ничего особенного — стандартная процедура для землян, но этот конкретный человек был раньше на Мерсейе в компании старшего агента землян. Я не знаю, чем были заняты эти двое, но догадываюсь, что их деятельность нанесла немалый ущерб Ройдханату. Защитник Брехдан Айронрид (Железная Судьба), как рассказывают, пришел в ярость.

Айдвайр шевельнулся. Он медленно поднял костиистую зеленую руку и сказал:

— Вы не назвали мне имени пленника.

— Да будет известно датолху, что это младший лейтенант Доминик Флэндри.— Наступило молчание, только ветер с нарастающим звуком волынки буравил мощно изолированные стены. Взгляд Айдвайра жег. Диана фанатически шептала, повторяя заклинания. Флэндри почувствовал, что пот заструился по его ребрам. Ему потребовалось все самообладание, чтобы остаться спокойным.

— Да,— сказал наконец Айдвайр,— я кое-что слышал о нем.

— Тогда датолх может принять это дело более спокойно, чем я,— сказал Мориох, у него гора с плеч упала.— Честно говоря, я ничего не знал о Флэндри до тех пор, пока «Брайтиох»...

— Продолжайте же ваши доводы,— сказал Айдвайр бесцеремонно.

Облегчение Мориоха испарилось, но он продолжал:

— Как пожелает датолх. Независимо от значения Флэндри, он совершенно новичок для меня,— он был связан с другим агентом... кхрэйч, да... вспомним Максом Абрамсом. А Абрамс был, несомненно, мастером нарушений наихудшего свойства. Похоже, Флэндри его протеже. Но, может быть, все-таки связан с ним? Не могло ли его назначение на Айрумкло включать нечто большее, чем можно прочитать на его лице? Это то, что мей сообщил начальнику службы разведки его корабля. Офицер, в свою очередь, направил наших агентов в столицу («Ракс, конечно, и те, кому Ракс платит»,— подумал Флэндри) для того, чтобы пристально следить за этим молодым мужчиной. Если бы он сделал что-нибудь необычное, это было бы изучено самым тщательным образом.

Офицер попросил меня остаться,— продолжал Мориох.— Как я уже говорил, ничего не произошло за несколько месяцев, я уже почти забыл это дело. Мы всегда получаем так много наводок, что они не ведут никуда в разведывательной работе. Но позже прибыла курьерская ракета. В послании было сказано, что Флэндри сотрудничал близко, но, вероятно, секретно, с лидером подпольного синдиката. Секретность понятна — сверхнелегальное положение. Наши агенты правильно все поняли — речь шла об обычной коррупции.— Презрение овладело Мориохом.— Однако, следя приказам, они просочились в операцию. И узнали кое-что.

Он описал Вэйленд так, как это было известно Аммону, и Айдвайр кивнул.

— Да,— сказал пожилой мерсиянин,— я понимаю. Планета слишком удалена от дома, для того, чтобы быть для нас стоящей, по крайней мере, в настоящее время, но все-таки очень нежелательно, чтобы земляне вновь заняли ее.

— Наши люди на Айрумкло оказались на высоте,— сказал Мориох.— Они должны были принимать решения и действовать по своему усмотрению. Их план удался. Не согласится ли датолх с тем, что они заслуживают дополнительного вознаграждения?

— Они могли бы сработать получше,— сказал Айдвайр сухо.— Или они могут решить, что земляне — более щедрые хозяева? Вы ведь уже сказали им, что необходимо уничтожить тех, кто знает о потерянной планете? Но что они сделали?

— Датолх видит эту женщину, она перед ним. После того, как Флэндри исследовал планету, она пленила его и привела его ракету в область, где наши пикеты были готовы зарегистрировать их.

— Хм-м... разве она одна из наших?

— Нет, она думала, что работает на конкурирующую земную банду. Но датолх мог бы согласиться, что она проявила талант к такому роду предприятиям.

Флэндри не мог сдержать жалости к Диане — он наклонил к ней голову и пробормотал:

— Не бойся. Они довольны тем, что ты сделала для них. Я думаю что-нибудь заплатят тебе и отпустят.

«Отпустят для того, чтобы ты шпионила за нами, побуждаемая жаждой денег. Но ты можешь скрыться где-нибудь во внутренних областях Империи. Или... может быть, ты захочешь работать. Твои хозяева никогда не были щедры по отношению к тебе», — рассуждал про себя Флэндри.

— Вы закончили, кзанриф? — спросил Айдвайр.

— Да,— ответил Мориох.— Теперь датолху видна важность этого дела. Достаточно плохо то, что нам пришлось захватить ракету. Это спровоцирует поиски землян в более широкой области, и они могут наткнуться на такое место, как Тэлвин. Из общих соображений этого нельзя было делать. Но у нас действительно не было выбора. И вот еще что: мы не можем освободить Флэндри.

— Я не говорил об этом,— снова холодно сказал Айдвайр.— Я хочу лишь, чтобы эти двое были под моей опекой.

— Но...

— Вы боитесь, что они смогут сбежать?

— Нет. Безусловно, нет. Но датолх должен знать... Значение этого пленника как субъекта для допросов...

— Методы, к которым прибегнут ваши коллеги, приведут к тому, что он уже не будет пригоден для чего-нибудь

еще. И мы не сможем иметь информацию, которой до сих пор не обладаем. Я предполагаю, что Корпус Разведки не интересуется его частной жизнью. Он здесь только благодаря случайности.

— Может ли датолх принять с уверенностью, что именно по случайности? Флэндри встретил меня случайно, да. Но то, что именно он, а не кто-нибудь другой полетел на поиски потерянной планеты по случайности — нет, уже с этим-то я не соглашусь.

— Я говорю, да. Он как раз тот тип человека, с которым такие истории происходят. Если кто-то подставляется, кзанриф, то с ним непременно что-то случится. У меня есть свои собственные интересы к Флэндри и я не хочу, чтобы его уничтожили. Я также хочу узнать побольше об этой женщине. Они переходят в мое подчинение.

Мориох вспыхнул и почти проревел:

— Датолх забывает, что Флэндри работал хвост к хвосту с Абрамсом, который одурачил Зашитника!

Айдвайр поднял руку, ладонью вниз и хлопнул ею попереck груди. Флэндри затаил дыхание. Этот жест редко употреблялся, и никогда теми, кто не имел наследственной власти. Мориох сжался, опустил голову над сложенными руками и пробормотал:

— Я прошу прощения у датолха.

«Мерсеяне, однако, не часто просят», — подумал Флэндри.

— Прощаю, — сказал Айдвайр, — забудем.

— К-х-х... Датолх понимает, что я должен сообщить об этом властям с тем, чтобы исполнить служебные рекомендации?

— Конечно. Я сам пошлю сообщение. В нем не будет цензуры. — Хотя улыбка Айдвайра не была человеческой — только верхняя губа поднялась над зубами, — Флэндри узнал дружелюбие.

— Хорошей охоты, Мориох Солнце-в-Глазах.

— Я благодарю... и желаю хорошей охоты... Вам.

Мориох встал, отдал честь и ушел.

Небо казалось почти черным. Сверкали молнии, громы-

хал гром, ветер неистовствовал, подгоняя струи дождя. Вода моментально испарялась.

Диана прильнула к Флэндри, они поддерживали друг друга. Флэндри повернулся к Айдвайру и продемонстрировал самый лучший салют чести по-мерселянски, на какой только был способен землянин.

— Благодарю датолха всей моей душой,— сказал он на ирайо.

Айдвайр снова улыбнулся.

— Садитесь, если желаете,— пригласил он Флэндри и Диану.

Они без колебаний приняли приглашение, опустились на каучуковый пол и прислонились к шкафу. Теперь Айдвайр возвышался над ними, как языческий бог.

«Но ведь меня не собираются накачивать наркотиками, выскребать мои мозги, застрелить. Не сегодня. Может быть... может быть, случайно, при перемене места заключения...» — мысли Флэндри путались.

Айдвайр вернулся в состояние величественного равнодушия.

«Я не должен заставлять его ждать», — подумал Флэндри. Сила снова влилась в его клетки. Он сказал:

— Могу я попросить датолха назвать мне его чин для того, чтобы я смог попытаться оказать ему подобающую честь?

— Мы обычно оставляем все ритуалы в стороне, если нет необходимости — здесь, в моей группе, — ответил мерселянин. — Но я удивлен, что человек, который свободно говорит на ирайо и был на нашей родной планете, не ознакомился с этим раньше.

— Э... как это?.. датолх... могу я сообщить датолху, его родной язык был вбит в меня с ослепляющей скоростью; мое пребывание в его восхитительном мире было кратковременным; и то, что я выучил в Академии, касалось большей части... гм...

— Я говорил вам, что простые формы оказания уважения годятся для большинства слушаев. — Улыбка Айдвайра на сей раз была не столь любезной. — И я знаю, как вы хо-

тели закончить предложение, которое оборвали. Вас учили видеть в нас первоочередных врагов,— он вздохнул.— Кхрэйч, я не боюсь нетактичной правды. У мерсеян много похожего на вас; одному Богу известно, сколько. Такое положение, хоть и неизбежно, но достойно сожаления, по крайней мере, до тех пор, пока ваше правительство не изменит своей политики. Я не пытаю к вам персональной вражды, лейтенант Доминик Флэндри. Я предпочитаю дружбу прежде всего, и надежда вырастить ее может завязать общий корень между нами, пока мы вместе. Что касается вашего вопроса, то «датолх» — не военный, а гражданский ранг...

Он говорил, используя неточные по земным меркам термины, так как для мерсеян разница между понятиями «гражданский» и «военный» отличается от земной, но Флэндри уловил смысл.

— Этот ранг,— продолжал Айдвайр,— принадлежит аристократу, который возглавляет представительство, занятое вопросами расширения границ Расы.

(Границ знаний, торговли, влияния, территории, или чего-то еще? Он не сказал. Вполне вероятно, ему не пришло в голову, что могут быть различия в толкованиях каких-то слов.)

— Что касается моего положения,— я принадлежу к роду Вэч Урдиолх и,— Айдвайр встал и тронул бровь,— мое высокое происхождение идет от брата моего благородного отца, во славу Бога, Всемогущего Ройдхана, повелителя Мерсейи, Расы и всех владений, доминионов и прочих вассалов Расы!

Флэндри вскочил на ноги и рывком поднял Диану.

— Приветствуй,— прошипел он на английском ей в самое ухо,— приветствуй же, как я! Этот парень племянник их самой большой шишке! Ну же, Диана!

Мог или не мог кто-то из жителей Ройдханата стать начальником, всецело зависело от решения датолха. Его выбирали (руками Вэчей и умом руководителей мерсеянских государств) вопреки канонам древней культуры.

Конечно, это было своего рода проверкой, испытанием

духовного могущества датолха. Очевидным было то, что даже жестокий, диктаторский Защитник Брехдан Айронрид относился к Ройдхану почти с таким же благоговейным страхом и гордостью, которые вдохновляли на подвиги самых безродных «лап» или «хвостов». Ройдхан стоял как Бог, как единство и надежда простых солдат...— мысли Флэндри пришли в состояние, близкое хаосу, он с трудом привел их в порядок.

— Расслабьтесь,— Айдвайр вновь сел и указал людям, что они могут сделать то же самое.— Я не более, чем ученик,— он наклонился вперед.— Конечно, в свое время я служил в Космическом Флоте, и продолжаю держать билет офицера запаса; но мои интересы сугубо ксенологические. Это — обычная исследовательская станция. Тэлвин был открыт случайно приблизительно — гм — пятнадцать земных лет назад. Астрономы отметили необычный тип пульсара вблизи этой планеты, исключительно старый, потухающий. Группа физиков полетела для исследования. На обратном пути, ведя обычные наблюдения, они зарегистрировали уникальное орбитальное скопление вокруг Сайекха и исследовали его.

Флэндри с грустью подумал, что люди могли бы просто прилететь на этот пульсар гораздо раньше. Пульсар безусловно, был занесен в справочники для пилотов, летавших в этих областях космоса. Он был одним из редких космических объектов, полезных для навигации. Но вряд ли сегодня найдется хотя бы один землянин, готовый полететь почти к границам враждебного государства лишь для того, чтобы удовлетворить научный интерес.

Айдвайр продолжал:

— Когда я узнал о выдающихся обитателях Тэлвина, я решил, что они должны быть изучены. Даже несмотря на то, что звезда расположена неприлично близко от ваших границ.

Флэндри мог вообразить себе, какие диспуты на эту тему происходили, какой шел обмен мнениями. А компромисс, который в конце концов был достигнут, состоял в том, что Тэлвин должен был играть роль передовой базы

для слежения за землянами. Ни стоимость проекта, ни риск... ни шанс ускорить продвижение по службе, а только этот последний факт мог объяснить, почему Мориох старался изо всех сил выжать своих плеников досуха.

Флэндри облизал губы:

— Вы, кх-кх, вы исключительно добры, сэр,— сказал он; почтительность проявилась косвенно в манере произношения.— Что бы вы хотели от нас?

— Я бы хотел получше узнать вас,— сказал Айдвайр откровенно.— Я изучал вашу расу по некоторым деталям; я встречал отдельных индивидуумов; я работал на дипломатической службе; но вы остаетесь полностью абстракцией, загадкой; гораздо более сложным силовым полем, чем набор живых существ с мыслительными способностями, душами, целями, стремлениями. Это любопытно, и меня раздражает то, что я лучше знаю домратов и руадратов, чем землян,— в прошлом наших спасителей и учителей, а теперь — могу-чих соперников. Я хочу вести с вами беседы.

Более того, так как любой агент разведки должен знать ксенологию, вы могли бы во многом быть нам полезны, чтобы помочь исследовать здешних аборигенов. Они отличаются от нас породой, культурой и чем-то другим, вы могли бы увидеть то, что ускользнуло от нашего взгляда.

Но есть и еще кое-какая правда: вы, безусловно, более загадочны, чем кажется, это вытекает из вашей профессии. За счет моих семейных связей я узнал эту историю — о деле Старкада. Вы либо исключительно способный, Доминик Флэндри, либо же очень везучий, и я сомневаюсь, что в вас нет никакого предназначения.

Термин, который употребил Айдвайр, был неясный, возможно архаичный, и Флэндри должен был догадываться о его значении из контекста и родства понятий. Рок? Судьба? Пустые слова и понятия для ученого.

— В ответ,— продолжал свою мысль Айдвайр,— я буду делать все, что могу, для того, чтобы защитить вас.— И он добавил со спокойной холодностью аристократа: — Я не обещаю, что защита будет успешной.

— Не думаете ли вы, сэр... что я могу быть когда-нибудь освобожден? — спросил Флэндри.

— Нет. С той информацией, которой вы владеете, — нет. Или только после очень глубокой очистки памяти, когда не останется ничего похожего на вашу личность. Но вы сочтете жизнь сносной у меня на службе.

«Если ты сочтешь мою службу стоящей, — отметил про себя Флэндри, — и если вышестоящие начальники не убедят тебя отдать меня, когда узнают обо мне все». Вслух он произнес:

— Безусловно, сэр, я буду служить вам. Как вы считаете, не мог бы я начать с предложения для вас: сходить к кзанрифу, если у вас есть настроение. — Айдвайр ждал. — Я слышал, — продолжал Флэндри, — как начальники говорили о... кх... приказе, чтобы человек, который нанял меня, — Леон Аммон... — Флэндри оборвал фразу, подумав: «Можно как бы между прочим дать Айдвайру это имя, оно будет фигурировать в сообщении Раксу...» — Леон Аммон должен быть устранен, для того, чтобы похоронить знание о Вэйленде вместе с последними землянами, которые им владели. Думаю, что это надо делать не спеша и осторожно. Вы знаете, сэр, как они будут удивлены и встревожены на этой солнной, старой базе Айрумкло, если вдруг я не передам сообщения. Думаю, опасно и неправильно — поручать исполнение этого лишь вашим агентам. Лучше всего немного подождать. Кстати, я не знаю, скольким людям Аммон сказал о существовании Вэйленда. Ваши оперативные работники должны быть абсолютно уверены в том, что они определили каждого, кто мог быть посвящен в эту тайну, прежде чем приводить приказ в исполнение. Кроме того, повторяю, нет нужды спешить, сэр. Аммон не имеет собственного корабля, он не осмелится нанять ни один из гражданских кораблей. Посмотрите, как легко было разрушить межпланетный перевоз, который мы наметили, и какие сокровища были поставлены на карту! Вы до сих пор не слышали об этой подробности, не так ли, сэр? Это часть истории о том, как я был пойман.

Аммон вынужден будет попытаться узнать, что же про-

изошло. Затем постарается убить тех, кто его предал, по крайней мере, того, кого он сможет найти или будет думать, что нашел. Он предпримет меры к тому, чтобы не быть убитым первым. Он станет искать другого подходящего пилота-разведчика, будет проверять его на протяжении месяцев и ждать предписанной службой ротации для того, чтобы доставить этого пилота по маршруту, пролегающему в наибольшей близости от Вэйленда. Поэтому, сэр, ничего такого быстро произойти не может. Ничего, что заставило бы вас беспокоиться, по крайней мере, в течение года. Если вы хотите быть сверхосторожными, возможно, вам надо поставить военный корабль в системе Мимира; я могу сообщить координаты, хотя, по-моему, такие усилия будут потрачены зря. Но главное, сэр, состоит в том, что ваша сторона может потерять все и ничего не приобрести, если будут предприняты быстрые действия против Амона.

— Кхрэйч,— Айдвайр потер ладонью щеку — звук трущейся наждачной бумаги был тише, чем шум шторма (датолх не имел бороды).— Ваши доводы хорошо выстроены,— произнес он.— Да, я думаю, что я рекомендую ваш план действий Мориоху. И, хотя мой авторитет в космических делах теоретически ниже его, на практике...

Его взгляд стал неистовым!

— Я считаю доказанным, Доминик Флэндри, что ты говорил кое-что в надежде снискать расположение, но лишь в такой степени, которая сохранила бы дела на Айрумкло в неизменном состоянии до момента твоего побега.

— Но как же так, сэр...

Айдвайр крякнул.

— Не отвечай. Я тоже когда-то был молодым человеком. Я действительно верю, что ты не настолько глуп, чтобы пытаться удрать. Если ты все-таки сбежишь, наша планета очень быстро тебя уничтожит. Когда твой побег провалится, у меня не будет иного выбора, как отдать тебя на растерзание инквизиторам Мориоха.

XIII

Аэробус был более стойким и более мощным, чем обычные,— он должен был противостоять яростной погоде. Когда Флэндри направлялся к домратам, небо буквально кипело под его высокой, серого цвета кабиной.

Он прилетел туда через несколько восемнадцатичасовых тэлвинских дней.

Айдвайр устроил Флэндри и Диане комнату в здании, где расположилась его научная группа. Все вместе пообедали. Мерсияне из гражданских были сердечны с ними и проявили неподдельный интерес к землянам. Представители двух видов разумных существ угостили друг друга едой и напитками — полезное совмещалось с приятным.

Флэндри стоило больших усилий, чтобы вернуться в обычное физическое состояние,— ему необходимо было как можно больше узнать об этой планете. Естественно, он помирисился с Дианой, что ж, она была жертвой обстоятельств. Диана делала все, чтобы смягчить своего спутника — единственного здесь человека. Она постаралась сделать его ночи очень приятными. Вообще-то говоря, если отвлечься от того, что они являлись пленниками, чья судьба была полностью неопределенна, и от того, что здесь совершенно не было табака, Флэндри находил такое существование вполне сносным.

Диана тоже чувствовала себя совсем неплохо. Она испытывала легкое чувство страха, но, возможно, она кое-что и выиграла. Если она никогда не вернется в Империю — что ж, не очень большая потеря, если несколько человек живут в Ройдханате. Как кошка, которая мягко приземлилась на лапы, она, оглядевшись, сразу начала изучать все новое, что ее окружало. Ее внимание привлекали и длинные разговоры с тридцатью или более членами команды Айдвайра. Она не владела мерсиянским языком (знала лишь стандартный набор слов), собеседники владели лишь несколькими английскими словами. Но у них всегда был наготове лингвистический компьютер для общения с аборигенами. Банк

памяти этого компьютера обычно содержал лексику всех языков известного космоса.

«Она приживется тут,— размышлял Флэндри.— Такие всегда приспосабливаются, как она похожа на гадюку...»

Айдвар предложил Флэндри сопровождать экспедицию, отправляющуюся на поиски Кипящих Ручьев. Он ухватился за такую возможность, и из любопытства, и из чисто практических соображений. Если ему предстояло быть полурабом, то что ж, он мог получить гораздо худшего хозяина; поэтому надо делать приятное хорошему хозяину. Более того, он не оставил мечту о возвращении свободы, для этого может пригодиться все, что он узнает.

В экспедиции принимали участие с полдюжины мерсеян.

— Это совершенно обычная процедура, но она будет стимулировать,— сказал Книф хью Ванден, ксенолог, который уже подружился с Флэндри.— Домраты находятся на пути к зимней спячке,— по крайней мере, та группа, которую мы наблюдаем, она обитает между Кипящими Ручьями и горой Нижнего Грота. Мы никогда не наблюдали этот процесс у них. Домраты имеют свои обычай летнего времени, которые более нигде не наблюдаются, зимняя миграция также имеет особенности.— Он вздохнул.— Ох уж это наше необузданное стремление понять весь мир!

— Я знаю,— ответил Флэндри.— Когда я учился, мне прожужжали все уши, что надо вкладывать деньги в перспективные дела.— Он характерно вытянул руки.— Хорошо, что вы имели в виду? Вы сказали — весь мир. Ведь только буквально вчера наши расы начали понимать, что происходит на их собственных планетах. И теперь, когда мы вступили на этот путь, я не знаю, как долго нам придется идти, даже если мы знаем направление движения...

Книф не вникал в проблему, его внимание было занято чем-то другим. Этот крепко скроенный, желтокожий, слегка плосколицый мерсеянин принадлежал к роду Вэчей. Его предки перед расселением в космосе жили в южном полушарии Мерсейи, в республике Лэфдайгу. До настоящего времени их потомки сохранили особенности тех обычаяв и

одежды, тот старый язык и многие законы. Но Книф был рожден в колонии; он не видел родного мира до тех пор, пока не попал туда для продолжения образования, многое казалось ему непонятным и странным.

Аэробус продвигался вперед. Первый шлюз тепловой изоляции ангара закрылся за ним, второй открылся, и машина начала подниматься под аккомпанемент мурлыкающего мотора и свистящего ветра. При отметке 5000 метров аэробус перешел на горизонтальный полет и взял курс на север-север-восток. Этот курс более или менее следовал руслу реки. Пассажиры в основном сидели безмолвно, держа пожитки и думая о своем. Мерсеяне никогда не болтают в пути, как земляне.

Книф указал отметины на поверхности планеты, видневшиеся из окна:

— Смотрите, вон там, под нами,— эстуарий, который мы называем Барьерная Бухта: ранней зимой она становится скоплением айсбергов и плывунов, оставленных полодьем. Когда весной они тают, поток становится невероятно турбулентным, взвихренным.

Пар прокрадывался, как сонная змея, сквозь мириады голубых островков джунглей.

— Мы зовем ее Золотая Река, несмотря на то, что она коричневая из-за обилия наносов. Золотоносные пески, вы знаете, принесены с гор. Большая часть наименований — наши. Некоторые являются грубыми переводами с языка домратов. У руадратов нет названий мест в нашем понимании, вот почему мы редко заимствуем что-то из их языка.

Слова, обозначающие понятия из жизни аборигенов, были искусственными. Иными они и не могли быть. Слово «домрат» состояло из двух частей: «дом» — название народности на языке аборигенов и «рат» — что в переводе с языка ирайо означает «народ». Слово «руадрат» означаеточные сверхъестественные существа из мерсеянской мифологии, что-то вроде эльфа.

Заросшая лесом равнина сменилась пологими холмами. Серый свет, не оставляющий теней, делал контуры размы-

тыми, но Флэндри увидел Золотую реку, текущую среди глубоких каньонов.

— Они полны до краев, когда тают ледники,— сказал Книф,— но так как процессы испарения идут очень интенсивно, уровень воды значительно понижается; скоро дожди здесь прекратятся, появится первый туман, а чуть позже пойдут снег и град. Сейчас здесь конец лета.

Флэндри вспомнил, что читал и слышал еще на базе. Тэлвин проходил около Сайекха по эксцентричному эллипсу, который, конечно же, имел светило в одном из фокусов. Можно определить летнее положение на орбите следующим образом: провести линию через этот фокус перпендикулярно главной оси, пересекая кривую в двух точках. Тогда летом является период в шесть месяцев, в течение которого Тэлвин проходит от одной из этих точек, через периастрон, к другому концу линии, ограничивающей сегмент. Зима продолжалась пятнадцать месяцев, за это время Тэлвин максимально удалялся от светила и возвращался обратно, к противоположной точке пересечения малой оси с дугой эллипса. После этого наступала весна и длилась шесть недель, затем вновь достигалась точка, которая знаменовала наступление лета.

На практике все обстояло не так просто. Было три степени аксиального параллакса; климатические зоны; топографическая вибрация; кроме того, была тепловая инерция почвы, скал, воздуха и воды. Смена времен года отставала от реального положения планеты в пространстве и зависела от факторов, не все из которых мерсияне смогли разгадать.

Если погода начинала меняться, она менялась с удивительной скоростью. Книф объяснял это Флэндри, используя скорее практические, нежели теоретические понятия.

Сквозь испарения возникли самые высокие пики гор Адского Котла, они возвышались над холмами. Несколько столбов дыма поднималось в темное небо. Огромная гора стояла в стороне от других, боковые склоны ее словно покрыты шрамами. Это застывшие скопления лавы — до самой вершины, которая, казалось, только-только возникла.

— Гора Нижнего Грому,— пояснил Книф.

Аэробус свернул влево и опустился на длинный склон над притоком Золотой реки. Воды его бурлили и пенелись.

— Незамерзающая река. Почти все здешние водоемы, даже самые большие, замерзают зимой, но эту реку питают горячие ручьи, которые берут энергию из глубин вулканов. Вот почему руадраты — я имею в виду одно племя из уиррдов — так преуспели в этих местах. Водная жизнь остается активной и в зимнее время, поэтому местным жителям есть чем питаться.

Дымные испарения исчезли с плато. Лес рождал гейзеры, кипящие озера, серные испарения. Аэробус остановился на плато. Флэндри следил за действиями экипажа, изучал что-то похожее на деревню, хотя видимость была плохой, и сквозь высокие деревья почти ничего нельзя было разобрать.

Пока аэробус снижался, начальник экспедиции разговаривал по сети внешней связи.

— Мы распределили здесь миниатюрные передатчики, — объяснял Книф. — Лучше попросить местное население отойти, пока мы не сядем. Это не означает, что мы боимся непредвиденных действий с их стороны, просто не хотим испугать их. Однажды тут кое-что произошло... Ну, хорошо... знаете ли вы, что несколько лет назад один новичок из нашей группы случайно попал в берлогу для спячки перед тем, как мужские особи проснулись. Он думал, что все уже отошли от спячки, но ошибся.

В тот год была особенно холодная весна. Двое разбуженных поднялись и разорвали его буквально на кусочки. Мы воздержались от ответных действий. Они действовали не вполне осознанно, ими управлял инстинкт.

Тон Книфа не был злым, он скорее подразумевал высокомерное сочувствие: бедные животные, они не способны к лучшему поведению.

«Вы, аллигаторовы хвосты, — думал Флэндри, — черпаете свой динамизм из веры, что именно вы являетесь естественными будущими хозяевами вселенной, но ваши усилия ставят вас в невыгодное положение. Не то, чтобы вы абсолютно противопоставляете себя любой другой расе до тех

пор, пока она не доставляет вам беспокойства. Но вы не используете их возможностей настолько, насколько могли бы. Кажется, Айдвайр это понимает. Он сказал, что я могу быть полезен, потому что я не мерсейнин. Получается, что он предпочел бы иметь команду, набранную не из областей, подчиненных Ройдханату. Догадываюсь, что он нахлебался достаточно горя, пока проталкивал свой проект сквозь сопротивляющееся правительство с егоочно укоренившимися привычками к денежным вливаниям (о которых, кстати, средний мерсейнин никогда в жизни и не подозревал)».

Глава экспедиции дал по радио сигнал на базу. Он не захотел пользоваться голосовым преобразователем, а говорил на ирайо прямо в пульт компьютера. С помощью набора сведений, которые хранил его банк памяти, речь командира преобразовывалась в местный диалект, на котором говорили в Кта-г-клек. Ворчащие, щелкающие звуки шли из мини-датчиков, установленных в деревне. Обратная связь работала через ретрансляторы, расположенные рядом с аэробусом.

Искусственный мерсейнский голос произнес:

— Будьте как дома. Мы напряженно трудимся, но думаем, что сможем уделить вам внимание.

— Мы могли бы предложить вам подняться к нам на борт,— сказал командир экипажа.

Домрат колебался.

«Примитивный консерватизм,— оценил происходящее Флэндри.— Он не уверен, что воздушные лифты не приносят несчастье или еще что-нибудь в этом роде».

— Идите к нам,— прозвучало повторное приглашение домрата.

Каждому из находившихся на борту предстояло облачиться в теплоустойчивый костюм. Такой костюм достался и Флэндри. Он представлял собой белое покрывало с многочисленными карманами и футлярами; бутсы, рукавицы — все изолировано кольцами термопроводного материала. Шарообразный шлем с каким-то рыбьим спинным плавником был оборудован пищевым вводом, механическими очистите-

лями, двусторонним акустическим усилителем, радиопередатчиком ближнего действия.

Тепловой насос, соединенный с термопроводниками и питающийся от аккумуляторов, был вмонтирован сзади. Облачение было тяжелым, не таким уж несимпатичным — Флэндри ожидал увидеть в здешних условиях нечто худшее. Вес его был хорошо распределен; перчатки — толстые и прочные, аппарат снабжен плектрообразными* приспособлениями для какой-нибудь тонкой работы.

«В любом случае,— думал Флэндри,— необходимо рассмотреть альтернативу. То, что я узнал, не означает, что человек или мерсеянин не могут существовать в течение некоторого времени в этой сауне. Напротив, я думаю, что могут, если, конечно, это ограниченное время будет не очень-то продолжительным. Это как раз тот период времени, который мне, например, совсем не хотелось бы увеличивать».

После радиообмена корабль начал постепенно снижаться. На этой высоте связь с базой поддерживалась автоматически.

Первой заботой Флэндри был вес, устройство нагнетающего насоса, который подавал охлажденный сухой воздух. Без такой предварительной обработки атмосфера содержала всевозможные запахи: распада, тления, выделений цветов и животных, вулканических испарений... Все это заставило шевельнуться туманные воспоминания в подсознании Флэндри. Он отогнал их и сконцентрировал внимание на окружающем.

Река текла по широкой равнине, образуя водяную пыль и пар вдоль берегов. Выше, по обе ее стороны, вырисовывались джунгли — заросли высоких деревьев с широкими кронами, массы голубых листьев, причудливо переплетенных так, что взгляд терял их контуры в густом мраке. Но стволы растений выглядели хилыми и бесформенными, листва кое-где уже высыхала. Упавшие стволы крючились, словно

* Плектр (медиатор) приспособление для звукоизвлечения на струнных музыкальных инструментах типа лютней и цитр; костяная, пластмассовая, металлическая пластинка, гусиное перо или кольцо с «когтем», надеваемое на палец (греч.).

в ожидании бриза, короткая жизнь летнего леса приближалась к концу.

На открытой местности росло самое упорное овощное растение, которое мерсеяне называли «вэир»: столь же распространенное и экологически фундаментальное, как трава на Земле. Весной оно вырастает из семени с твердой скорлупой, быстро превращается в густую листву с корнем, напоминающим клубень. Листва была довольно крупной и походила на кружево. Теперь она увядала, вэир засыпал. Но скоро он поглотит свой корень и выбросит семена, а когда мороз взломает их оболочки, семена упадут в почву.

Над верхушками деревьев виднелась темнеющая гора Нижнего Грома. Легкое дрожание пошло по телу Флэндри и застряло в голенях. Он услышал булькающее ворчание — вулкан прочищал свое горло. Вверх устремилось облако дыма.

Приближались домраты. Флэндри сосредоточенно наблюдал за ними.

Жизнь на Тэльвине следовала тому же курсу, что и на большинстве землеподобных планет. Отличия конечно же были, без них невозможно. Например, живые ткани были в основном построены из L-амино-протеинов, растворенных в воде (как и ткани Флэндри, Книфа), здесь они нормально метаболизировали левовращающиеся соединения сахара. Человек мог употреблять привычную для него пищу, но обязательно устранив ядовитые примеси, кроме того, он должен принимать специальные диетические капсулы, подготовленные мерсеянами. Произошло и обычное разделение фотосинтезирующих растений и дышащих кислородом животных. Большая часть животных походила друг на друга структурой тела: скелетами, четырьмя конечностями, парой глаз и ушей. Если говорить обaborигенах, то домраты по сравнению с остальными выглядели наиболее симпатично.

У них было две ноги, две руки, на каждой из которых было по четыре пальца. Их внешний вид напоминал человеческий, но пропорции были совсем другие: ноги от бедра до ступни очень длинные, огромные, толстые ступни с когтистыми пальцами — домратам необходимо преодолевать

бурные весенние потоки и летние твердые подпочвенные слои. Кожа их была гладкой, голубоватого цвета, с коричневыми и черными подпалинами. Цвет подпалин менялся в зависимости от сезона года. Голова домрата слегка напоминала слоновью: круглая, с маленькими, блестящими глазками и большими, торчащими ушами (они служили дополнительными охлаждающими поверхностями), коротким хоботом (который был одновременно химическим датчиком и трубкой для подводного дыхания в периоды половодья), двумя загнутыми книзу клыками (только у мужских особей). Домраты носили повязки вокруг бедер, неплотно сплетенные соломенные накидки, для того, чтобы предотвратить попадание насекомых на тело, ожерелья и другие украшения из костей, раковин, зерен, зубов, окрашенной глины. Некоторые хозяйствственные инструменты и оружие были сделаны из бронзы.

Размеры домратов были значительными: взрослые мужские особи достигали высоты более двух метров, вес некоторых превышал сто килограммов. Женщины порой были еще массивнее, но это не производило ужасного впечатления. Домраты были двуполыми, живородящими существами. Младенцев они не выкармливали грудным молоком: матери давали детям частично пережеванную пищу. Температура их тела зависела от температуры окружающей среды, сейчас она была гораздо выше, чем у любой земной рептилии. Флэндри никогда не слышал о чем-либо подобном.

«Да,— думал он,— это, конечно, уникальные твари. Подумать только: твоя энергия, твои мыслительные способности и все прочее является функцией температуры. Ты не только спишь ночью, но и проводишь две трети своей жизни в сумрачном забытьи зимней спячки».

Среди тех, кто пришел встретить группу ксенологов, было несколько молодых домратов, они держались на некотором расстоянии сзади. Домраты-подростки шествовали с тяжеловесной величавостью. Некоторые несли что-то за спиной. За ними Флэндри увидел других, они продолжали работу: что-то упаковывали, нагружали свои коромысла, вычищали жилища, которые скоро должны опустеть.

Встречающие остановились в нескольких метрах от мерсейн. Их лидер поднял хобот и начал говорить. Звуки, которые человеческая гортань не в состоянии воспроизвести, исходили из открытого рта этого существа. Флэндри слышал голос компьютера в своем радиоприемнике:

— Это место называется «Кипящие Ручьи». Я (компьютер не дал перевода) — Г'янг, являюсь тем, кто отвечает в этом году за наше племя. Зачем вы пришли?

Вопрос не нес угрозы. Домраты были по натуре своей общительными, незлобными, хотя всегда имели при себе необходимое оружие — этого требовал их кочевой образ жизни. Они были всеядны, но охота не являлась основным занятием. Их недавние предки жили в условиях, не позволявших даже в разгар плодородного лета полностью обеспечить себя пищей. Поэтому они начали мигрировать. Конечно, не было и привязанности к какому-то определенному месту. Они считали себя вправе находиться там, где им за благорассудится в данный момент. Народ Кипящих Ручьев отличался от остальных сородичей тем, что ежегодно возвращался в постоянные жилища, а не сооружал временных укрытий в местах, где случайно оказывался. Возможно, так получилось потому, что место их зимней спячки было близ этой деревни. Ни один из них не противился этому.

Г'янг откровенно удивился тому, что привело сюда мерсейн.

— Мы рассказали о причинах, побудивших нас приехать сюда. Когда мы в последний раз были у вас... с дарами,— старался объяснить глава делегации. Его спутники несли различные товары, металлические инструменты и тому подобное, вид которых очень обрадовалaborигенов.

— Мы хотели бы изучить ваше племя.

— Это понятно.— Ни Г'янг, ни кто-либо из его спутников не выразили большой радости.

Домраты не показали страха. Будучи на вид довольно грозными существами, они никогда не развивали в себе ни жестокости, ни агрессивности. Они находились пока на ранних ступенях самосознания, поэтому жили среди такого обилия тайн и предрассудков, что не пугались вида меж-

планетного корабля, несущего неизвестных и непохожих на них живых существ. Кроме того, Айдвайр всегда, при каждой встрече строго придерживался корректности в обращении с ними. Тогда почему же они все-таки колеблются?

Ответ был в словах Г'янга:

— Но раньше вы приходили в разгар лета. Скоротечное Празднество уже прошло, племена разошлись, еда была запасена в изобилии, и наши головы хорошо работали. Теперь же мы работаем, чтобы собрать необходимое для нашей зимней спячки. Когда мы попадем туда, мы будем праздновать и играть свадьбы до тех пор, пока не заснем. Сейчас у нас нет времени и желания тратить себя на посторонних.

— Ясно, Г'янг,— сказал мерсеянин.— Мы не собираемся стеснять вас или мешать. Мы хотели бы только понаблюдать. Мы наблюдали за другими племенами, пока они переходили в состояние спячки. Мы знаем, что вы переходите к спячке иначе, чем другие, по крайней мере, в одном отношении. Ради этого мы принесли вам дары и, если вы согласитесь, можем помочь вам перенести на нашем летающем доме ваши запасы.

Домраты посоветовались между собой. Похоже, они колебались. Отказаться от помощи в такой тяжелой работе они могли лишь из-за боязни прогневить богов... (ведь ничего подобного до сих пор не происходило!) Известно, что домраты были религиозны...

— Ваше предложение необходимо хорошенько расчленить и разжевать,— решительно произнес Г'янг.— Мы придем к решению к вечеру. Пока надо много сделать, до наступления темноты.

Летняя темнота на Тэлвине была смолисто-черной; в это сухое время года запрещалось жечь костры.

Домрат не произнес слов приглашения, так как это было не принято в его племени, он кивнул в ту сторону, куда следовало идти. Мерсеяне и Флэндри пошли за ним.

Деревня была аккуратно расчерчена улицами, рисунком напоминая паутину — возможно, для обороны? Строения различались и по размерам и по назначению, но все до единого были построены из камня, сложены без замазки между

блоками, поэтому виднелись большие и малые щели. Массивные деревянные столбы поддерживали пропитанные смолой дерновые крыши.

Подошли к одному из строений: низкие потолки, узкие дверные проемы, щелевидные окна с тяжелыми ставнями, все это говорило о том, что домраты не строили его. Собравшись более сотни домратов — от мала до велика, они суетились, многие были уже на пути к спячке. Вокруг раздавались голоса, доносились звуки быстрых шагов. Несмотря на очевидное любопытство — каждому хотелось взглянуть на пришельцев, — ни один из них не остановил работу больше, чем на минуту. Осень была слишком близко, необходимо успеть все сделать.

На центральной площади, где прежние жители готовили общую еду над костром, Г'янг показал мерселям на скамейки.

— Я буду говорить среди своих людей, — сказал он. — К концу сегодняшнего дня вы получите нас в этом месте, и мы разделим себя с вами в том деле, которое вас интересует. Но скажите мне прямо: имеют ли отношение руадраты к нашему плану?

— Я заверяю вас, что руадраты не имеют к этому никакого отношения, — ответил Книф.

«Если исходить из того, что я узнал, — размышлял Флэндри, — не думаю, что это правда, а ведь домраты могут это однажды выяснить...»

— Я видела руадрата, когда я была маленькой... была ранняя весна, — сбивчиво рассказывала пожилая домрака, — но чтобы видеть их каждый год... — она тряхнула головой, как бы отгоняя от себя мерзкое видение.

С согласия Книфа Флэндри зашел в дом, стоящий у площади. Он увидел глинобитный пол, очаг и дымовое окно, лежаки вдоль стен и полки над ними. Яркие картишки с изображением кого-то и причудливые изразцы красовались на стенах. В одном из углов стоял рюкзак, подготовленный к путешествию. Со стропил, вместе с бесхитростным оружием висели сушеные фрукты и копченое мясо — домраты редко ели сырую пищу.

В хижине сидел мужчина и неторопливо чистил ржавые бронзовые котлы, топор, ножи, пилу. Его жена, отправив чадо убирать единственную комнату, заправляла новые соломенные матрацы.

Флэндри приветствовал семейство домратов.

— И все это будет оставлено? — спросил он. Все эти вещи казались достаточно большой ценностью для диких бедняков.

— Придется, а как же иначе? — ответил домрат. Он ни на секунду не оторвался от своей работы. Но самое удивительное — он не обратил никакого внимания на то, что Флэндри не мерселянин. В его глазах, по-видимому, различие было незначительным.

— Металлические вещи принадлежат руадратам, как и дом. За использование этого мы платим, так что они, вероятно, будут очень довольны, когда выйдут из моря.— Он остановился, сделал жест, который можно было принять за утвердительный, или, наоборот, отрицательный — хотя, возможно, не означал ни того, ни другого, но, безусловно, отражал универсальное чувство смертного существа, встретившегося с неизвестным.

— Таков закон, по которому жили наши предки, поколение за поколением. Тч ра'а,— он издал непонятный гортанный звук.

Так кто же такие руадраты: эльфы, боги, зимние привидения?

XIV

Все больше и больше, пока текли недели без Флэндри, собственное существование казалось Диане нереальным. Или, может быть, уже начался процесс постижения ею высшей истины, той, что управляет ветром за пределами ее жилища?..

Она не так уж часто размышляла об этом, но... Мысли возвращались к тому случаю, когда волшебник опутал ее своими чарами.

Вообще-то Диана проводила свои дни обычно: спала в комнате, которую прежде разделял с ней Флэндри, упражняла и закаляла себя (до этого, правда, это не входило в ее привычки). Теперь ее жизнь во многом зависела от состояния тела, поэтому его надо держать в отличной форме.

Мерсияне брали ее с собой на богослужения, она уважительно стояла там в стороне, пока мерсияне отправляли свои недлинные религиозные обряды. Со стороны они выглядели довольно забавно: сплоченные, патриотически настроенные, вдохновленные и взволнованные. Это при их-то телосложении, с их голосами! Да еще отведенные назад боевые ножи, торжественный бой барабанов!

По окончании церемоний Диана присоединялась к ним, чтобы съесть черствого хлеба, сырых овощей, сыра из молока гвидха и выпить земного чая, который мерсияне выращивают на всей территории Ройдханата (после того, как земляне передали его мерсиянам...).

За этим следовали занятия, разговоры, иногда — специальные интервью или прогулки по окрестностям. Потом простой ужин; опять учеба, сон (в отличие от ее обычного земного цикла), занятия до ужина (так как Мерсия вращается со скоростью, приблизительно вдвое меньшей, чем скорость вращения Тэлвина, ночь уже опустилась над ней). Позже она могла продолжать беседы, пойти на концерт или на просмотр какого-нибудь шоу, записанного на пленку, на любительский спектакль, или просто могла отдыхать в одиночестве, слушая музыку. Но в любом случае Диана рано ложилась спать.

«Разговорами» назывались изучение записей на ирайо или просматривание проецируемых текстов с помощью специального лингвистического компьютера (в нем было много свободных каналов, и он выдавал визуально перевод так же легко, как и акустический прибор). Диане преподавали также историю и культуру Мерсии.

Она охотно училась. Окончательное решение ее дела зависело от воли вышестоящего начальства, но никаких известий пока не было. Диана решила для себя, что, по крайней мере, страдать не стоит хотя бы потому, что принц крови

(Айдвайр) был на ее стороне.— А в лучшем случае... ну, ладно, не стоит пока об этом думать. Никто ничего определенно не знает.

Занятия давали ей новые знания и отвлекали от бездействия. Чем больше нового узнавала Диана, тем интереснее казались ей уроки. В конце концов учеба целиком захватила ее.

Мерсейя — конкурент, агрессор, создатель беспокойства, угроза, находящаяся сразу за Бетельгейзе; Диана приняла на веру эти лозунги, как и все остальные, никогда не пытаясь поразмыслить над ними. О да, мерсеяне были ужасны, но они жили слишком далеко от Империи, военно-космические силы Земли предназначались для того, чтобы удерживать их там, пока корпус дипломатии не установит непростой мир.

У Дианы возникли сомнения.

Здесь она живет среди живых существ, которые обращались с ней с примитивно-грубою добротой. «Однажды изучив их,— думала она,— узнаешь, что они... они имеют такие же дома и такие же семьи, как люди, они также погибают, как люди; у них есть искусство, музыка, спорт, игры, шутки, несовершенства и пороки. Хотя, конечно, необходимо понять их законы, обычаи, строй мышления для того, чтобы признать их... Они не хотели войны с Землей, они видели в Империи надменное, но слабое чудовище, которое со старческой хитростью затеяло мешать и угрожать им...

Нет, они не мечтали завоевать галактику, это было бы абсурдно — она слишком огромна; они просто хотели, чтобы свобода распространялась повсюду и правила без границ. При этом слово «править» вовсе не означает тиранию и диктаторство над другими, оно означает лишь, что другие не будут стоять на пути полного осуществления духовной сущности, которая лежит в основе Расы... Духовная сущность часто бывает тяжела и груба, но может быть предельно честной с самой собой».

Эти откровения показались Диане свежим морским бризом после удушающего зловония — то есть того, что она знала и принимала раньше: не изнуренные и безродные, но

стремящиеся к бесконечности, к самому Богу за этой бесконечностью, и вместе с тем глубокое чувство семьи, преданность памяти предков, уважение понятий смелости, гордости, самопожертвования... Диана почувствовала, что это означает многое, что глава Вэчей назывался не Главой рода, но его Рукой.

Были ли те земляне, которые служили Мерсейе, предателями?..

Но не это медленно нараставшее удивление заставило рухнуть ее внутренние Бастилии. В первую очередь в этом повинен Айдвайр-Искатель и его чары: да, да, именно он и породил сомнение в ее сознании, он заставил возникнуть эти вопросы.

Во-первых, он постоянно проводил с ней беседы. Выяснилось, что его интерес к ее прошлому, опыту, привычкам, стремлениям,— чисто научный. Как правило, они встречались вдвоем в его офисе.

— Сейчас нет необходимости помнить, что я племянник Ройдхана,— сказал он как-то с кривой усмешкой. Страх сковал ее на секунду. Его взгляд пронизал Диану:

— Никто не контролирует канал нашего общения.

Она собрала всю волю, но произнесла только:

— Кзанриф...

— У нас есть разногласия,— ответил Айдвайр,— но Мориох — честный мерселянин.

Она подумала: «Сколько имперских офицеров в такой ситуации осмелятся защищаться от залезания в душу и шантажа?»

В комнате Айдвайра был стул земной конструкции, сделанный специально для Дианы, каждый раз он предлагал ей сесть и выпить стакан дамского ягодного вина. Диана начинала готовиться к собеседованиям задолго до назначенного часа, втайне желая, чтобы он уделял меньше времени всему остальному: управлению работами, научным обобщениям данных и другому.

Айдвайр не давил на нее, не требовал быстрых ответов, он расслаблялся и позволял разговору как бы свободно, без цели, развиваться. Айдвайр открыл себя с неожиданной сто-

роны — он делился с ней своими воспоминаниями и приключениями на отдаленных планетах.

Диана впитывала все это и поняла, что изучение иных планет всегда привлекало его, поэтому он редко бывал дома. Почти по случайности, и благодаря своему происхождению, он женился и обзавелся потомством. Иногда он брал своих повзрослевших сыновей в космические полеты, считая, однако, что для самостоятельных путешествий они пока недостаточно взрослые. Айдвайр не потерял теплоты. Подчиненные обожали его. Когда однажды он, разговорившись, рассказал о семье, в которой родился, о родителях, братьях и сестрах, об окружающих, чьи отцы служили его предкам в течении поколений, она уловила нотки нежности в его голосе.

За окном был мрак — горячий, плотный мрак конца лета, тепловые молнии ударяли за оградой базы по засохшим деревьям. Айдвайр вызвал ее. Когда она появилась в его кабинете, он встал:

— Пошли в мои частные апартаменты.

На мгновение Диана испугалась. Он был большой, исхудавший, в серой робе. Они были совсем одни здесь. Флюoresцентная панель холодно светилась, и воздух, который скользил по ее коже, кажется, тоже стал холодным.

Она улыбнулась в ответ на его мерселянскую улыбку, которая, как ей казалось, должна изображать дружелюбие. Морщинки побежали от маленьких чешуек у рта и глаз по всей коже.

— Я хочу показать тебе то, что прячу от своих парней, — сказал он. — Ты можешь понять, они — нет.

Маленькая переговорная коробочка висела у него на шее — так же, как и у нее — и говорила на бесцветном английском языке, пропущенном через компьютер. Она выяснила это, когда занималась с ним ирайо. Теперь звуки мерселянского языка не звучали грубо и гортанно; ирайо казалась ей довольно мягким и богатым оттенками. Она могла уже различать отдельные слова. Она услышала в его приглашении не что иное, как:

«Отца я никогда не знала».

Неожиданно в ней появилось презрение к самой себе за то, что она испытывала страх. Как она должна смотреть на него? Лицо старческое, узкое; лицо ведьмы-карги, бело-восковое, исключение — лишь причудливо толстые красные губы, за которыми видны две скрученные хрящевидные складки. Тело физически недоразвитое, сухое, с бочкообразной, выпяченной грудью, впалой талией, тяжелым задом, недоразвитым хвостом и деформированными ступнями. Кожа: никаких намеков хотя бы на малейшую гибкость и эластичность; о ее подвижности говорили разве что линии складок и грубые поры. А волосы! Всюду волосы — в виде причудливых пучков, кисточек, словно плесень на трупе, словно грибовидный нарост на старом пне. Запах: какой? Прокисший? Каким бы он ни был,— ничего приятного.

«Человек! — думала она.— Боже ты мой, я не имела в виду осуждать Твою работу, но Ты сотворил также собак, чтобы охранять человека, и разве Ты не согласен, что они имеют много общего, эти два живых существа? Грязные, вонючие, шумные, ленивые, вороватые, готовые быстро укусить, когда ты совершенно не ждешь этого, готовые быстро убежать или работать, когда вы даете отпор; они бесполезны, они ничего не создают, ты должен всегда ждать их, слушать их хвастливое гавканье, поощрять их болезненное мелкое самолюбие до тех пор, пока они снова не распустят перед вами слюни...»

Мне очень жаль, крокодил. Иисус Христос имел облик человека, не так ли? Но нес этот облик — к сожалению — потому что мы нуждались в этом; и что же мы сотворили с его даром?»

Перед ней мелькнуло изображение мерселянского бога, вооруженного и сверкающего, ни великодушного, ни жестокого,— мессия нового дня... Она не слышала ни о какой-либо похожей вере у мерселян. Может быть, у них нет необходимости в покаянии; может быть, они избраны Богом...

Айдвайр поймал ее руки в свои — прохладные и сухие.

— Диана, с тобой все в порядке?

Она тряхнула головой, будто отгоняя видение. «О многом придется помалкивать. И многое придется понять самой

здесь, в этом мире, который никогда не сможет быть моим. Ники нет слишком долго. Однажды я видела борзую собаку, хорошо дрессированную, горделивую, лосняющуюся, быструю. Борзую Ники... Нет, я не смогу забыть о своей принадлежности к роду человеческому. И не хочу этого, не хочу!»

— Н-ничего, сэр. Я почувствовала легкую слабость. Теперь все будет正常но.

— Тогда пошли.

Приблизившись, он взял Диану под руку — земной жест, о котором она рассказала ему,— и повел ее в свои апартаменты.

Первая комната была примерно такой, какой представляла себе Диана: обычная комната офицера базы: символы Вэча Урдиолха, картины с изображением родных мест, где поросшие лесом холмы тянутся к штурмящему океану, свет четырех лун... Полки с книгами, памятные предметы, развшанное по стенам оружие, тяжеловесные шторы; на пластмассовом полу — резной непокрытый стол черного дерева, камень в кристально прозрачной воде, заполняющей аквариум в виде раковины, святыня алькова, и ничего больше. Арка, наполовину закрытая, указывала путь в монашескую спальню и небольшое соседнее помещение.

Но они прошли в другую комнату. Диана остановилась в сумерках и вскрикнула.

— Можешь сесть, если хочешь.— Он помог ей устроиться на ложе, застеленном шкурой рептилии. Локоны кружились над ее плечами, пока она вертела головой, разглядывая окружающее.

Чучела двух животных — одно рогатое, второе клыкастое; свернутые спиралью опоки рядом со скамейкой в темном углу; каменный монолит, испещренный какими-то силуэтами (глаз не мог их полностью уловить) — похоже на могильный камень. На сучковатой ветке сидело, не мигая, длинноклювое, покрытое кожей существо, размах его потрепанных крыльев был равен длине тела.

Тут было и многое, многое другое. Все это освещали факелы в причудливых канделябрах, непрерывное голубое

пламя делало тени демоническими, а легкое потрескивание напоминало давно забытую мелодию.

Но дым оказался довольно едким и скоро вызвал покалывание у нее в мозгу.

Она посмотрела наверх, на резко освещенное лицо Айдвайра.

— Не бойся,— послышался львиный голос.— Все это не атрибуты зла, это указатели пути к неизвестному.

Он присел на хвост, подняв свою остроконечную голову до уровня головы Дианы. Вспышки отраженного света появлялись во впадинах под надбровными дугами. Но речь его оставалась спокойной, голос звучал задумчиво и даже грустно:

— Вэчи Урдиолхи безземельны, не имеют владений. Закон таков, что они вследствие этого должны были долго и беззаветно служить Расе. Наши дома, в которых мы жили на протяжении веков, мы сдаем в аренду. Наше состояние формировалось в меньшей степени благодаря службе, освещенной веками, и в большей степени благодаря тому, что мы могли завоевать на других планетах. Это привело нас в конце концов на передний край распространения Расы, но это также вплотную приблизило нас к мирам, с которыми никто из нас никогда не был знаком.

Моей нянькой была колдунья. Она служила нашей семье с тех времен, когда еще мой дед был младенцем. У нее было четыре руки и шесть ног, и то, что было ее лицом, тоже возвышалось над ее плечами, она пела мне песни, состоящие из звуков такой высоты, что я не всегда мог услышать их, и она творила чудеса, принесенные с Эбонитовых гор, ее родины. Нянька была умна и добра и во мне нашла внимательного слушателя.

Я думаю, благодаря ей у меня зародился интерес к жителям других планет. Это было полезно Мерсейе, мы нуждались в новых знаниях, в новых открытиях, у меня был узко профессиональный интерес к инопланетным существам. И, понимаешь, Диана, не всегда я находил примитивные суеверия. Обычаи, традиции, история, философия... Мы осмеливались утверждать, что ничего особенного в них

нет, едва успев попасть в мир, который дал жизнь тем, кто в нем обитал...

Среди тех народов, которые не имеют техники, я не раз видел такое, что не под силу никаким машинам.

В некоторой степени я стал мистиком, правда, в остальном я по-прежнему рационален. И вообще, кто точно может указать, где проходит граница между «естественным» и «трансцендентным»? Гипноз, истерическая сила, стигматы, обострение чувственного восприятия, психосоматические эффекты, телепатия — все это презиралось на ранней стадии развития науки обществом, и лишь потом было признано и принято, когда поняли все эти процессы и явления.

Я просто применяю свое умение, которым обладаю, которое, может быть, поможет улучшить восприятие там, где датчики и измерительные приборы бессильны.

Однажды я отправился в путешествие на Ширейон. Это наиболее страшная, сверхъестественная планета из всех, какие я когда-либо видел. Она является доминионом Ройдханата, но только потому, что Ройдханат помогал существовать остаткам жителей этой планеты, кем бы они там ни были. Все происходило из-за того, что эта планета была очень, очень старой. Там была цивилизация еще миллион лет назад, она могла бы обосноваться в этой области галактики, где мы только что начали обживаться — в конце одного спирального ответвления. Эта цивилизация исчезла, никто из остатков жителей не мог, а может быть, и не хотел сказать, почему так произошло. Этим жалким остаткам жителей Ширейона очень нравится предостерегать нас, мерсеян, от соблазна разозлить их. Да, мы — высокомерные завоеватели, ходим по струночке среди них!

Я был принят апостолами Айчарайха, в его крепости Ра-але. Он старался проникнуть глубже в сознание — не в сознание своего народа, или ваше, или в чье-то еще, он имел в виду проникнуть в то совершенство всеобщего Сознания, которое, как утверждают ученые, не существует.

Он старался заглянуть гораздо глубже туда — я думаю, глубже, чем кто-либо из живущих на всех планетах. Он не вызвал во мне того, чего я сам не хотел вызывать, а воз-

можно, он и не пытался этого сделать. Но он научил меня пользоваться тем, о чем рассказал мне; и без этого умения, нового для меня способа существования в космосе, я бы никогда не сделал и половины того, что я уже успел.

Подумай только: прошла лишь одна декада, а мы уже находимся на верном пути к полному взаимопониманию с двумя расами Тэлвина.

Я хочу, Диана, не просто испытать твою душу, но вместе с тобой изучить ее. Я хочу знать, где находятся границы того, что называется «быть человеком»; а ты узнаешь, что означает быть мерселянином или мерселянкой.

Отблески пламени плясали и шептали среди движущихся теней; фигуры и надписи на монолите, который перекрыл тропинку, уже почти можно было различить. Дым клубился в ее венах; вокруг нее и внутри нее тихо, монотонно звучал убаюкивающий голос Отца.

Не бойся того, что ты видишь, Диана. Все это очень древнее, да, они говорят о языческих культурах и колдовской силе, но это потому, что они попали сюда из первоисточников, это принадлежало животному, которое жило в то время, когда сознание еще не пришло к нему. Однажды все эти тотемы могут стать ненужными, но, возможно, ты все-таки захочешь не раз обратиться к ним. Вероятно, их значение гораздо глубже, чем я себе могу вообразить. Я не знаю, но хочу знать. Это поможет полностью разобраться с землянами, Диана... ты не терроризированная пленница, не слизывающий плевки перебежчик, ты не распускаешь слюни по поводу мира и братства, не являешься псевдоморфным существом, выросшим среди нас, вдали от своего рода... Ты та, что пришла ко мне по своей воле, свободная от предрасудков, удерживавших тебя — одну из тех, кто знает и радость и горе человеческое.

Это символы, Диана, это четкие воздействия, определенные обряды, которые, как обнаруживают различные думающие существа, помогают вызвать глубоко спрятанные области души. Вызволенные на свет божий, они становятся понятными и подконтрольными, их можно развивать и усиливать. Вспомни, к чему приводят физические упражнения

тела. Вспомни, по аналогии упражнения духа: внутреннее спокойствие, смелость, способность к действию — они также могут быть познаны. Мы ощущаем порой некоторые духовные проявления, но определить их не в состоянии. Спроси себя, Диана, что еще осталось непознанным в тебе самой? Диана, ты сможешь стать сильной?

— Да,— отозвалась она.

Диана смотрела, как зачарованная, на воду, на огонь, на кристалл, на тени внутри этого кристалла...

Жилище ночью. Пляска желто-красных огней костра, освещавших компанию друзей, грубо сколоченную мебель, скрипача, который собирается играть какую-то танцевальную мелодию. За дальним концом стола сидит женщина, с крутыми формами, которая держит в объятиях сноп и ребенка.

Ветер. Черная птица пролетает поперек оконного стекла. Звук ее царапающего клюва.

Ведущие вниз ступени бесконечной лестницы. В темноте по ним ступает тот, кто никогда не оглядывается. Лодка. Река.

На противоположной стороне не различить лиц.

— Я извиняюсь,— сказал Айдвайр,— мы не держим медицинские препараты для вашего вида. Тебе следует принять снотворное. Более того, Старый Путь не предназначен для того, чтобы вести тебя до его конца. По крайней мере, не с моей помощью. Это целый огромный мир, с которым нам предстоит познакомиться. Но не теперь. Есть некоторые причины, по которым мы не можем этого сделать.

Расскажи мне о своих мыслях. Если они слишком плохи, вызови меня по моей частной линии. Я приду к тебе в течение часа.

Змея, которая опоясывает пространство, поднимает свою звездную голову, широко раскрывает пасть. Вскрик. Бег.

Туго свернутые кольца с шипением устремляются вслед. Топкая грязь прилипла к ногам. Миллионы лет, шаг за шагом приходится выбираться из засасывающего болота. Змея все ближе и ближе.

Всплеск молнии. Падение. Черная вода.

Он держал Диану ночью в ее комнате.

— С моей точки зрения,— сказал Айдвайр,— я приобретаю бесценный опыт, касающийся древних людей.

Сухая деловитость, сама по себе успокаивающая, располагала к мягкости и расслаблению. Большая рука гладила ее волосы.

— Ведь ты, Диана, гораздо большее, чем просто живое существо для меня. Ты стала как бы моим ребенком. Разве ты не чувствуешь этого? Я хочу опять поднять твой дух и провести тебя сквозь аллею теней, которую ты должна пройти прежде, чем приобретешь свою собственную силу.

К утру он покинул ее. Она немного поспала, но поднялась к завтраку и, как обычно, продолжила свое обучение. Но это не могло отвлечь ее от дум.

На мокрую почву упал первый снег поздней осени.

Эти воды мирные. Дремли, мечтай... нет, змея еще не убита. Змея не мертва.

Ее ядовитый зуб. Борьба. Вскрик. Теплые воды исчезли в жутком реве воронки. Пустота. Пустота.

Пустой звук копыт, сотрясающих мост. Его не заставили дрогнуть девять предыдущих королей. Свет.

Змея снова возникла вместе со светом, сверкающая. Поднять руки к ней. Преклониться перед ее великолепием. Это лезвие из копья Мессии.

— Кхрэйч. Я бы хотел узнать, были ли предприняты попытки убить тебя? Хотя это не очень важно, так как ты осталась в живых.

Твоя наипервейшая задача — понять, что ты пережила и что ты в состоянии сделать.

Не чувствуешь ли ты себя готовой к сеансу сегодня вечером? Я бы хотел, чтобы ты пришла и сосредоточилась на Могильном Камне. Кажется, что он имеет какое-то отношение к тому, что вы, земляне называете... мандала*. Однажды я читал об этом.

* Одно из основных понятий экзистенциализма, введенное немецким философом М. Хайдеггером; отражает возможность личности стать сильной путем приведения ее в пограничное состояние между жизнью и смертью и последующего отчуждения от мира.

Зеркало. В зеркале лицо.

Кто-то беззвучно подходит сзади и подставляет зеркало к зеркалу. Бесконечность превратилась в ничто. Яркая вспышка в центре этого ничто. Она ослепляет, и ничто отпрянуло и летит назад в бесконечность, под рев триумфальных труб.

— Ур-р-х.— Айдвайр нахмурился, размышая над результатами ее испытаний. Они сидели, отдыхая в его комнатае — если можно отдохнуть в строгой, аскетичной обстановке.

— Без сомнения, мы потихоньку продвигаемся вперед. До сих пор не реализованный потенциал... — но это не телепатия. Я бы надеялся...

— Старый Путь к Всевышнему,— сказала она и стала смотреть, как растворяется стена.

Он долго смотрел на нее, прежде чем твердо ответить:

— Ты продвинулась по этой дороге настолько далеко, насколько я осмелился допустить тебя, моя дорогая. Может быть, не так далеко, как хотелось бы, но я не способен... я подозреваю, что никто, кроме Айчарайха не может продвинуться дальше; а если ты пойдешь одна, то потеряешь себя в себе.

— Неужели? — Диана испытующе посмотрела на него.— Айдвайр, я знаю, что я запала в твоё сознание, я чувствовала тебя.

— Заблуждение. Мистицизм есть некоторый набор символов. Символы нужны, чтобы с их помощью можно было жить, да какие могут быть сомнения на этот счет? — Они не должны быть искажены той реальностью, ради которой существуют.

Пока мы недостаточно знаем о телепатии, меньше, возможно, чем физиологии, но мы совершенно уверены, что телепатия — это определенный физический эффект. Чрезвычайно длинные волны летят с большой скоростью, их энергия уменьшается обратно пропорционально квадрату расстояния. Известны также и другие законы природы; применяются принципы кодирования информации; не существует ничего особенного (кроме принципиально разной чувстви-

тельности от индивидуума к индивидууму, от эпохи к эпохе), что бы поставило под сомнение существование телепатии. Сегодня мы умеем определять ее, когда она проявляется.

Что бы ни произошло в наших с тобой последних экспериментах, ты не становишься телепатическим приемником. Влияние общего характера ощущается, это так. Приборы показали изменения напряженности биополя чуть выше порогового уровня. Но анализ утверждает, что ты не вызывала образы, с которыми оперировал я, если иметь в виду статистически обусловленную точность. Это тем более наглядно, что я оперировал этими образами не случайно.

Однако подсознательно я на тебя повлиял: угаданные тобой образы ты приписывала мне.

— Я хотела, чтобы вы были довольны,— промямлила Диана.

Айдвайр сказал строго:

— Я повторяю, мы вошли в область, где я не могу, не имею права быть твоим провожатым. Опасности слишком велики — принципиально для тебя и, может быть, для меня. Позже, наверное, Айчарайх сможет сделать это, но сейчас мы останавливаемся. Ты вернешься в естественный, живой мир, Диана. Больше никаких волшебств. Завтра мы отправим тебя заниматься гимнастикой, валять дурака, отдыхать, изучать ирайо. Все это приведет тебя в чувство.

Он восседал на троне:

— За то, что они грешили без всякого удержу, их грехи не могут быть прощены, так как они хулят Святого Духа, и потому будет так, что они больше — не мои люди.

Клянусь, я отвергну их от себя; я подниму против них новых людей под новым солнцем; и имя им будет Сила.

Открой теперь Книгу семи громов.

Короткая осень на Тэлвине завершалась, когда пришел корабль от властей. Но он не был мерсеянским. Ни одна территория, похожая на Ройдханат, не могла бы управляться с одной планеты, даже если бы Раса была заинтересована в этом. Однако прибывшая ракета несла прямое указание от Зашитника.

Она стояла на поле, стройная, гладкая — ракета-эсминец с пушками, вытянутыми к небу, похожими на пушки танкетки. По сравнению с ней корабли из команды Морионха, расположенные на космодроме, имели довольно глупый вид. Захваченная ракета землян сиротливо стояла в углу.

Несколько деревьев возвышались над оградой базы. Ранние морозы уже расщепили их непрочные стволы и почти впрессовали в почву. Воздух был прохладным и влажным. Пар клубился вокруг мерсейян, работающих на свежем воздухе, а небеса над головой очистились, стали ярко голубыми, и только отдельные облачка сверкали ослепительно белым светом под Сайекхом.

Диана не была приглашена на встречу с ракетой Защитника, да она и не ожидала, что ее пригласят. Айдвайр позвонил ей по внутренней сети:

— Ничего не бойся, я уполномочен вести твоё дело, как я и запрашивал в своем послании.

Ну разве он не был великолепен? Диана отправилась на прогулку, точнее, в настоящее путешествие, на километры вдоль высоких, обрывистых берегов Золотой реки и назад через бывшие джунгли, теперь там была тундра, пространство, где дышится полной грудью, мышцы становятся упругими,— и так час за часом, пока она не вернулась домой, обретя новую цель.

«Я изменилась,— думала Диана.— Но все еще я не знаю, как сильно я изменилась».

Недели под покровительством Айдвайра смутно отпечатались в ее сознании, их часто трудно или даже невозможно было отделить от снов, которые она видела в то время. Постепенно Диана привела свои мысли в порядок. Но на самом деле это была уже не совсем ее сущность. Прежняя Диана была очень запугана, и это отражалось на ее внешности: жадная той жадностью, которая обычно заполняет внутреннюю пустоту, одинокая тем одиночеством, которое не осмеливается любить кого-либо. Новая Диана была... хорошо, она пыталась выяснить, какой стала. Диана могла теперь во время прогулки остановиться, чтобы полюбоваться красотой запоздалого цветка. Могла наивно мечтать о том,

что Ники очень скоро вернется из своей экспедиции, что он грезит о чем-то прекрасном, возникшем между ними. При этом Диана совсем не думала о том, что нуждается в Ники или еще в ком-то, кто бы охранял ее от чудовищ.

Может быть, они даже не существовали. Опасности, конечно, были. Но опасность в худшем случае может привести к смерти, а у Вэчей есть поговорка: «Тот, кто не уважает смерть, не может уважать жизнь». Нет, погодите, она все-таки встречала чудовищ, там, в Империи. Диана больше не вздрагивала при воспоминаниях о них, но по-прежнему считала, что их необходимо уничтожить, пока они не отравили таких симпатичных созданий, как Айдвайр и Ники, и Улфангриф, и Авалрик и, ну хорошо, все — даже по-своему — Мориох...

Дул ветер, перебирая ее волосы, лаская кожу. Диана оделась слишком легко для прохладного дня. Она увидела яркие крылатые создания, и дважды поманила их, маленький гость, довольный, сидел на ее пальце, пока она не сказала ему, что пора продолжать путь к зимовке. Ей самой казалось, что возможность использовать ее новое могущество равносильно возвращению в детство — Диана правда почувствовала себя на короткое время ребенком и остро желала повторения этого. Айдвайр предположил, что это проявление различных оттенков телепатического свойства и что спорадические появления подобного в ее сознании порождали легенды о всякого рода проклятиях, кощунствах, обольщениях.

«Но большую часть времени я не могу контролировать это и не переживаю по этому поводу. Я не хочу быть суперженщиной. Я счастлива быть просто женщиной; женщиной в полном смысле этого слова, безотносительно к какой-нибудь живущей там или здесь расе — вот что сделал из меня Айдвайр. Как я смогу отблагодарить его?»

Двор перед домов внутри огороженного участка был пуст, когда она вошла туда. Вероятно, весь персонал общался с командой корабля. Сгущались сумерки, с каждой минутой нарастал холод, ветер усиливался, звезды становились ярче. Диана поспешила в свою комнату.

Она обратила внимание, что задействован сигнал внутренней связи, нажала кнопку ответа. Прибор произнес:

— Сообщить датолху в его офис немедленно после возвращения.— Было указано время — звонили час назад. Это означало, что прошло почти четыре земных часа; у мерсеяни было принято десятичное деление суток. Ее сердце екнуло.

Она переключила контрольные тумблеры, как делала это во время ночных кошмаров.

— Вы здесь, Айдвайр?

— Ты слышишь меня,— услышала она уверенный голос датолха. Теперь Диана практически не нуждалась в компьютере. Она бежала через пустые залы вниз, к нему. Откуда-то издали доносилось громкое, хриплое пение. Когда мерсеяне празднуют, они стараются петь что есть мочи, не щадя глоток. Занавес на его двери упал за ней, отсекая звук.

Она держалась рукой за грудь и тяжело дышала. Айдвайр отошел от конторки, за которой работал.

— Заходи,— сказал он. Его широкая серая роба разевалась за ним.

Они находились среди факелов и черепов со скрещенными костями, он склонился, заслоняя собой свет и прошептал на одном дыхании — каждое слово шевелило волосы над ее ухом:

— Корабль принес недвусмысленные приказы. Ты в безопасности. Им безразлично, что ты будешь делать, если только не принесешь землянам информацию, которой обладаешь. Но у Доминика Флэндри есть могущественные враги. И что хуже всего — могущественные враги есть у начальника Флэндри — Абрамса, они подозревают, что юноша знает секреты старшего. Флэндри возьмут назад, в эсминце. Пытки, которым его подвергнут, оставят после себя простую ткань, которая, вероятнее всего, будет уничтожена.

— О, Ники,— простонала Диана, и внутри у нее все оборвалось.

Он положил свои большие руки на ее плечи, встретился с ней глазами и продолжал:

— Мои самые аргументированные рекомендации были отвергнуты, и мой дальнейший протест был бы бесполезным. Я уважаю Флэндри и догадываюсь, что ты питаешь к нему симпатию. То, что собираются сделать с Флэндри, несправедливо как по отношению к нему, так и к Мерсейе. Ты научилась уважать чистую смерть?

Она выпрямилась. Язык ирайо сделал естественным ее ответ:

— Да, Айдвайр, отец мой.

— Ты знаешь, что наш переговорный канал подключен к лингвистическому компьютеру, а тот, в свою очередь, к компьютеру, обслуживающему экспедицию. Он не хранит записей переговоров, если нет специальных инструкций на этот счет. Под видом персонального сообщения, а такие передаются часто для тех, кто находится в поле, ты сможешь сказать ему, что хочешь. Но ты должна изменить свои слова, никто из сопровождающих Флэндри не знает английского языка. Он может заблудиться — «потеряться» — и хладнокровен будет милосердный палац.

Она сказала с присущей ей твердостью:

— Да, сэр.

Вернувшись в свою комнату, она упала на кровать и долго плакала. Одна мысль неустанно билась в ее мозгу:

«Он хороший. Он не позволит выбить сознание из Ники, моего Ники. Никакая Имперская Земля не шелохнется, чтобы спасти его. Но Айдвайр очень похож на лучших представителей своей расы. Он благороден. Он добр».

XV

Туман, вечный спутник уходящей осени, скрыл гору Нижнего Грома и другие возвышенности в серой сырости, видимость уменьшилась до нескольких метров. Флэндри поклонился и пробежал рукой по волосам, стараясь стряхнуть воду с шевелюры. Он остановился, коснулся каменистой, влажной почвы, она была слегка теплой; время от времени он чувствовал ее дрожание и слышал рокот вулкана.

Его мерселянские спутники маячили сзади и спереди по поднимающейся узкой тропинке. Многих из них он едва мог различить в густом тумане, а домраты, за которыми они следовали, были совершенно невидимыми.

Флэндри установил, что аборигены ушли из лагеря и направлялись к месту спячки: тяжело нагруженные мужские особи, их вождь Г'янг в конце.

Такое шествие было опасным — позднее лето или ранняя зима могут преподнести сюрприз, например, неожиданное нападение хищников. (В этом году этого не должно было случиться, так как у них было прикрытие из группы внешних наблюдателей, вооруженных бластерами и пулеметами.) Домраты работали на пределе своих сил и едва осознавали себя в поглощающем энергию холоде.

Флэндри сочувствовал этим трудягам. Подумать только — теплоизолирующие костюмы были необходимы какой-нибудь месяц назад. Так мало времени осталось у ксенологов, что не имело смысла возвращаться за теплой одеждой. Флэндри продолжал свой путь сквозь туман и старался не думать о неудобствах.

Миграция — из Кхта-г-клек шла к новому месту стоянки — на плоскогорье у склонов горы Нижнего Грона. Домраты сгружали там запасы еды, собранные в течение лета. Сооружали грубые жилища.

Это было счастливое время года. Погода была мягкой для Тэлвина. Демоническая энергия домратов, порожденная высокими температурами, сменилась приятной расслабленностью. Умственные способности также снизились, но остались достаточными для того, чтобы выполнять рутинную работу и даже совершать ритуалы. По сути дела, переход к зимней спячке был одной длинной оргией. Домраты ели до тех пор, пока не становились шарообразными, и занимались любовью до тех пор, пока каждая женская особь детородного возраста не беременела. Время от времени они пели, плясали, шутили и при этом не обращали никакого внимания на пришельцев.

Тэлвин тем временем отошел дальше от Сайекха; проливные дожди стали холодными, похолодали также ночи,

затем дни. Облачный покров разорвался, обнаруживая звезды ночью и солнце днем. Листья на деревьях, трава завяли и высохли. Животные исчезли, они ушли в свои места спячки. По утрам лужи покрывались льдом, который трескался, если на него наступали. Источники обеспечения жизни истошились, но теперь это не имело значения, так как аппетит у аборигенов упал — они становились все инертнее и в конце концов устроились группами в берлогах, оказавшихся поблизости.

«А нам еще предстоит возвращаться назад, на базу, — думал Флэндри. — Черт побери, но я был бы рад опять погреться вместе с Дианой! Почему же она до сих пор не связалась со мной и не ответила на мои послания? Они говорят, что с ней все в порядке, пусть так и будет, иначе я им задам!»

Тропинка вышла из ущелья на открытое место у уступа, пониже нависающей скалы. В темной базальтовой скале зиял черным вход в пещеру. Потухшие дымовые трубы, боковые ответвления вулканов — фумаролы, — заблокированные в своих истоках коллапсом при извержении, часто встречались в этих местах. Очевидно, они были хорошо защищены от возможных потоков лавы — лишь слегка обогревались теплом расплавленного ядра горы.

Другие группы домратов в большинстве своем перемещались к югу, в те районы, где холод не был смертельным. Они могли выдерживать температуру гораздо более низкую, чем температура замерзания воды, потому что, кроме всего прочего, жидкости, наполняющие их тела, становились очень солеными, а испарение во время сна увеличивало эту концентрацию. В северной стране, на больших высотах, без специальной защиты домраты умирали. Народ Кипящих Ручьев использовал преимущество пещер с естественным обогревом.

Среди основных проблем, которые должен был решать живой мир Тэлвина, была такая: как уберечься животным, которые переходят к спячке, и тем, что остаются на подножном корму, от плотоядных существ, таких активных в холодные периоды года? Различные виды решают эту задачу

чу по-своему, например, маскируясь; используя защитные раковины, всевозможные иглы или ядовитые ткани; зарываясь глубоко в землю (предпочтительно под скалы); прячась в местах, где ледник накрывал их. Домратов во время спячки старались не трогать, их берлоги обходили стороной даже дикие животные.

Поеживаясь от холода, засунув руки поглубже в карманы своего жакета, тяжело дыша во влажном воздухе, Флэндри наблюдал, как Г'янг устраивает своих соплеменников в берлоге. Они двигались, как лунатики.

— Я думаю, что мы можем войти внутрь,— пробормотал мерселянин, стоящий рядом с Флэндри,— лучшего всего всем вместе, готовясь к неприятности. Мы не можем предсказать, как они будут реагировать. Я спрашивал об этом, они сказали, что никогда не помнят этот период.

— Нельзя допускать контакта,— посоветовал другой мерселянин.

Ученые выстроились с четкостью, приобретенной за время военной службы. Флэндри присоединился к ним. Флэндри не дали оружия, хотя в остальном мерселяне обращались с ним как с равным. В случае яростной схватки он мог спрятаться за их спины.

Ничего подобного не произошло. Похоже, домраты не подозревали об их присутствии. Эта пещера была маленькой. Пещеры большего размера вмещали большие группы домратов, каждая из которых входила в племя. Пол пещеры был заранее выстлан листвой, соломой и грубо связанными циновками. Воздух внутри был не таким холодным, как снаружи,— это подтверждал и термометр Вайтана Скарчика. Медленно, покрякивая от напряжения, сонные домраты вгрызались в землю и рыли норы. Потом они улеглись, прижавшись друг к другу так, чтобы в случае чего сильный мог защитить более слабого.

Г'янг остался на ногах в одиночестве. Он тяжело двигался в сумраке уходящего дня. Отправился закрывать ворота, установленные при входе в пещеру. Это была бревенчатая рама, увшанная шкурами животных. Закрывалась она на крючок и кожаную петлю.

— Нгугакатч,— пробормотал он, как обычно бормочут спящие во сне.— Шоа т'кухкех.

Перевода от компьютера не поступало, в его памяти не было таких слов. Что это: мистическая формула, заклинание, пожелание, просто шум? Как много лет назад обнаружилось значение этих слов?

— Лучше всего уйти,— прошептал мерселянин, похожий на тень во влажном, сумрачном воздухе пещеры.

— Нет, мы сможем спокойно войти после того, как они заснут,— спокойно возразил начальник экспедиции,— и аккуратно закрыть дверь снаружи. Углубление, которое они вырыли, достаточно широко, чтобы пробраться через него. Наблюдайте. Хорошо наблюдайте. Никому еще не удавалось увидеть что-нибудь похожее.

Объективы камер засверкали.

«Они будут спать, эти громоздкие, дружелюбные создания,— думал Флэнди,— более, чем земной год в ледниковый период. Нет, все-таки не спать, а пребывать в спячке: коматозное состояние, близкое к бессознательному. Эти существа сохраняют энергию своего тела так, как человек сокращал бы в абсолютной темноте единственную лампу. Жесткая необходимость может заставить сработать спусковой механизм пробуждения, пойдет цепная химическая реакция, которую мерселяне еще не распознали. Возникнет жестокая, первобытная ярость — своеобразный механизм самозащиты. Он необходим, чтобы дать отпор любой угрозе и вернуться к отдыху, пока не израсходовано слишком много резервной энергии. Но даже если никто не потревожит домиков в течение всей спячки, они обязательно проснутся».

Первыми встречают весну беременные доматки. Они откликаются на раннее тепло, выходят наружу, не боясь штормов и наводнений в это время года, восстанавливают силы и приступают к поискам пищи. Интересно, природа так устроила, что у них нет конкурентов в этом важном для них деле — первая добыча доставалась только им. Другие члены племени пробуждались позднее, когда становилось теплее, и вовсю зеленела растительность. Они появлялись

исхудальные, изможденные, ужасно страшные, и занимались только тем, что ели, ели, ели...

Потом — по крайней мере, в этой части континента — племена по обычаяу встречались в условленных местах. Наступало Скоротечное Празднество — религиозная церемония, которая усиливала уже существующие и давала возможность установить новые связи.

После этого группы расходились. Жители побережья искали земли, где приливы и тающие льды создавали плодородные, кишевшие всякой живностью заливы, озера, луга. Жители внутренних областей искали пищу, охотились в джунглях, которые становились день ото дня гуще. Вскоре приходило время появления детенышей.

Разгар лета приносил спелость корней вэира и других овощей, жирное мясо сухопутных и морских животных. Тепло этого времени года способствовало полноте физических сил и наилучшей работе ума домратов. Так было устроено: они постепенно начинали готовиться к переходу в зимнюю спячку. Домратки, более привязанные к своим жилищам и детенышам, нежели домраты, стали основными хранителями той культуры, которая здесь образовалась.

Осень: постепенный переход к спячке в зимних норах; отдых от летних дел, свадьбы, осенние пиршества, заботы о будущем потомстве.

Зима и долгая спячка.

Г'янг неуклюже копошился у ворот. Рядом, у стены, стояло копье с каменным наконечником.

«Сколько времени жили они таким образом, замкнутые в этом цикле? — с удивлением думал Флэндри. — Удастся ли им когда-нибудь сломать этот круг? А если даже и удастся, что тогда? Удивительно, как они еще чего-то смогли достичь под этим невыносимым грузом. Разрывая кандалы, которые им навязал Тэлвин со своим неистовым годовым циклом... каким-то образом... и, хм, может выясниться, что новые

властелины этой части галактики будут выглядеть, как старый бог Ганеша*.

В переговорных устройствах Флэндри и мерсеян раздался голос Книфа хью Вандена:

— Доминик Флэндри!

— Тихо! — выдохнул глава экспедиции.

— Ух, я, пожалуй, выйду, — сказал Флэндри. Он прокользнул через закрывающиеся со скрипом ворота и остановился на открытом месте. Он был один. Туман опускался и сгущался. Надвигалась темнота. Холод усиливался.

— Переключи на местный диапазон, Книф, — сказал он и сделал это в своем приемнике. Пальцы его свободной руки дрожали. — В чем дело?

— Вызов тебе с базы. — Ксенолог, которому было предписано наблюдать за аэробусом, пока остальные сопровождали домратов, ответил с искренним удивлением: — От твоей женщины. Я объяснил, что ты вышел и сможешь позвонить ей попозже, но она настаивала на том, что дело неотложное, угрожающее.

— Что?..

— Ты не понимаешь? Я тоже. Сначала она позволила неделям пройти, не передав тебе ни слова, и вдруг — на тебе! Кстати, она говорила на беглом ирайо — и не может ждать. Это то, что происходит от вашего земного нонсенса равенства полов. Не то, чтобы секс не-мерсеян касается нас... Ну, ладно, я сказал, что постараюсь тебя подключить. Надо?

— Да, конечно, — заволновался Флэндри, — спасибо.

Ему нравилась рассудительность Книфа. Они даже сблизились во время этого довольно сурового и монотонного путешествия. Проходили целые дни в ожидании чего-то достойного внимания. Можно провести свою жизнь не худшим образом среди таких друзей, как Книф и Диана...

Щелчок, слабое царапанье эфира и ее взвинченный, неестественный голос:

* В индустской мифологии Ганеша почитается как бог мудрости и устранитель препятствий. Изображается с человеческим туловищем красного или желтого цвета, большим шарообразным животом, четырьмя руками и головой слона, из пасти которой торчит лишь один, левый бивень.

— Ники?

— Я здесь, но хотел бы быть там, с тобой,— объявил он игриво.

Вулкан рычал в камнях и в воздухе.

— Не показывай удивления,— послышались быстрые английские слова.— Новости просто ужасные.

— Я один,— ответил он.— «Если бы ты знала, как я одинок»,— подумал он.

Ночь стояла перед глазами.

— Ники, дорогой, я должна попрощаться с тобой. Навсегда.

— Что? Ты имеешь в виду, что ты...— Он слышал свою речь одновременно громко и приглушенно где-то в облаках, а ее голос — слабо, бесконечно далеко...

— Нет! Ты слушай! Меня могут прервать в любую секунду...

Он удивлялся, какая перемена произошла в ней. Она стала какой-то абсолютно бесчувственной, не давала ему вставить ни слова.

— Прибыл мерсеянский корабль. Они увезут тебя на допрос. Ты превратишься в растение, прежде чем они тебя убьют. Твоя экспедиция скоро возвращается, не так ли? Действуй первым. Умри достойно, Ники. Умри свободным и будучи самим собой.

Даже странно, насколько равнодушно он выслушал это. Еще более странно то, что он осознавал это. Возможно, он еще не понял сути ее слов. Ему не раз приходилось видеть смертельно раненные существа, глазеющие на свои раны и не понимающие, что жизнь вытекает из них.

— Откуда тебе это известно, Диана? Ты уверена в этом?

— Айдвайр. Жди. Кто-то идет. Люди Айдвайра, опасности нет, но если кто-нибудь с корабля заинтересуется этим — подожди...

Молчание, туман, сгущающаяся ночь над влажной землей, которая начинает замерзать. Какие-то негромкие звуки и бледные отблески света возникают за воротами пещеры. Домрата должны уже устроиться, прижавшись друг к

другу, а мерсеяне, вероятно, заканчивают свои исследования в тусклой пещере, скоро они уйдут оттуда.

— Все в порядке, Ники. Он, слава богу, прошел мимо. Я предугадала, что его намерение заглянуть в мою комнату не было сильным, иначе он обязательно зашел бы...

— Что? — спроси Флэнди, удивившись.

— Я занималась тем, что... Айдвайр работал со мной. Я училась, я выработала... способность. Я могу заставить мыслящее существо, животное — делать что-либо, и в тех случаях, когда мне везет, мое желание сбывается. Но — не беда!

Ее натянутость ушла, оборвалась где-то внутри нее; теперь этот голос звучал почти так же, как прежде.

— Айдвайр является одним из тех, кто спас тебя, Ники. Он предупредил меня и сказал, что надо предостеречь тебя. Попспеши!

— А что станет с тобой? — Флэнди говорил автоматически. Его главным желанием было удержать ее голос.

— Айдвайр позаботится обо мне. Он... он благороден. Мерсеяне не так плохи, как кажется, за редким исключением. Мы хотим спасти тебя от этих негодяев. Если только ты... — ее тон стал неопределенным и неестественным. — Скройся, спрячься, дорогой. Прежде, чем станет слишком поздно. Я хочу на-п-помнить тебе... как ты был... Да хранит тебя Бог!

Она затихла и прервала связь.

Он стоял, не ощущая времени, до тех пор, пока...

— Что-нибудь не так, Доминик? — спросил Книф.

— Да, «кхрэйч», черт побери, запутанная история. — Флэнди встряхнулся. Он начинал понимать... В нем проснулось негодование.

«Ну уж нет! — подумал он. — Я не пойду, как баран, под их машину, промывающую мозги. Не буду я также по собственной воле резать себе горло или ускользать в горы и превращаться в ледяную сосульку! Дудки, господа мерсеяне! Не на того напали!»

Его все еще детское существо ревело от ужаса перед все-поглощающей темнотой, но ум работал четко:

«Если они хотят проникнуть в мою сущность и полностью овладеть моим сознанием, клянусь Юпитером, они дорого заплатят за это развлечение!»

— Доминик, ты здесь?

— Да,— мысли Флэндри стали кристально ясными. Без малейших усилий он вызывал в своем сознании необходимые фрагменты информации, идеи, решения. Безусловно, не все его карты можно смело пускать в дело. И надо признать, все они чертовски малого достоинства: на руках Флэндри имел только двойку и четверку. Но они были одной масти, а это значит, что возможен прямой удар пиками, которые в битве станут мечами!

— Да. Я обдумывал то, что она мне рассказала, Книф. Дело в том, что Диана решила полететь в Ройдханат.

И тут Флэндри подумал: «Смотри, не ошибись, парень, ведь они наверняка заметили, что она как бы попрощалась со мной. Поэтому, я думаю, Диана не особенно обидится на меня за такие слова. Но больше я ничего не скажу. Они не должны догадаться, что она пыталась уберечь меня от худшего. Пусть считают, под чутким руководством Айдвайра, что те новости, которые она мне сообщила — ее дезертирство — сбили меня с ног. Никогда не упоминай о своем чувстве благодарности или привязанности к ней, парень; тебе потребуется даже самая никчемная карта, которую ты сможешь сохранить и, может статься, именно она будет решающей».

— Вы же заметили, что я... я обеспокоен. Я больше тут не понадоблюсь. Они в любом случае скоро свернут свою экспедицию. Я пойду вперед и, пожалуй, обдумаю положение вещей.

— Иди,— спокойно согласился Книф.— Я оставляю тебя одного.— Мерсекину казалось, что он понимает душевые и физические страдания Флэндри.

— Благодарю,— сказал Флэндри и усмехнулся.

Он отправился назад по тропинке. Его бутсы глухо шлепали по замерзшей почве, время от времени какой-нибудь камешек уносился вниз по склону каменистой осыпи, или Флэндри скользил, а то и почти падал на ледяную глыбу.

Темнота была густой, лишь местами одинокий луч его фонаря пробивался сквозь холодный туман. Флэндри больше не ощущал холода, он был слишком занят обдумыванием своих последующих действий.

Книф естественно расскажет остальным, что землянин не стал их дожидаться. Они не бросятся догонять: куда он денется? Книф, между прочим, мог бы налить что-нибудь крепенькое своему приятелю, убитому печальными известиями.

Занавешенные отсеки аэробуса были самым уединенным местом, Флэндри мог бы пойти туда и спокойно напиться.

С носовой части корабля падал свет прожектора. Он рассеивался на осенних жилищах домротов, построенных на скорую руку. Остовы многих из них уже почти разрушились. Бледное лицо Книфа показалось из-за переднего строения. Флэндри погасил фонарь и стал на четвереньки. Попав вокруг, он нашел увесистый камень. Флэндри поднялся, уверенным шагом прошел через тепловой ввод.

Книф ждал, держа в руке стакан, как и было договорено, неуверенная улыбка играла на его лице.

— Вот,— сказал он в грубоватой манере завоевателя и небрежно сунул Флэндри стакан. Флэндри взял его, но пить не стал, поставил на полку.

— Я благодарю вас за вашу учтивость,— ответил он на ирайо.— Не выпьете ли вы со мной? Мне необходим компаньон.

— Не-е... я на службе... кх-х-х.. Да. Ничто не может нам повредить здесь. Схожу-ка я за стаканчиком, пока ты разденешься.— Книф повернулся. В тесной переходной камере его хвост задел талию Флэндри. Книф слегка провел им по телу Флэндри, выражая тем самым мерсеянский жест удовлетворения.

«Быстро! — мелькнуло в сознании Флэндри.— Он тяжелее килограммов на двадцать!»

Флэндри прыгнул. Его левая рука обхватила горло Книфа, правая опустила камень между челюстью и ухом. В академии рассказывали, что у мерсеян это слабое место.

Удар был настолько силен, что почти распрымил пальцы

Флэндри, сжимавшие камень. Шатаясь и тяжело дыша, мерсиянин судорожно мотал хвостом. Флэндри принял удар на бедро. Если бы у Книфа было больше места для размаха, он бы переломал человеку все кости. Флэндри обмяк и упал на пол. Дыхание его прервалось. Он лежал оглушенный и смотрел на огромный силуэт, возвышавшийся над ним, словно башня.

Но контратака Книфа была последним судорожным рефлексом. Мерсиянин пошатнулся и рухнул на колени и живот. Его падение звучно отозвалось во всем аэробусе. Своим телом он прижал ногу Флэндри. Когда тот вновь обрел способность двигаться, высвободил ее.

Флэндри посмотрел на свою жертву. Кровь сильно текла из тела мерсиянина — кровь такого же красного цвета... Книф еще дышал. Под роговой оболочкой, содранной острым камнем, открылась поверхность глаза мерсиянина. Он был равномерно окрашен. Белого обода по краям не было.

«Хорошо,— думал Флэндри и слегка потрепал большую, ребристую голову.— Мне ненавистно то, что я сделал с тобой, старый приятель. Видит бог, я вынужден был так поступить, но я ненавижу себя за это».

«Поспеши, ты, сентиментальный сопляк! — напомнил себе другой Флэндри.— Остальные скоро заявятся, а у них есть оружие».

Он выкатил тело Книфа наружу, нашел покрывало, чтобы завернуть в него мерсиянина, и оставил портативный нагреватель. С его помощью ученые не будут испытывать неудобства. Они вернутся замерзшие, промокшие и голодные. Может быть, некоторые из них спустятся с гор простуженными. Если Айдвайр долго ничего не будет знать о них, он пошлет самолет.

Флэндри вернулся в аэробус, прикинул, как можно управлять им. Оказалось, основные технические решения полностью аналогичны конструктивам Технических цивилизаций. Ручное управление было исключительно неудобным для человеческих рук, место пилота более или менее подходило. В конце концов ему удалось устроиться.

Двигатель заработал. Ускорение отбросило его назад.

Аэробус поднялся. В ночном небе Флэндри размышлял о своих последующих действиях, строил планы. Он ни в коем случае не должен держаться за украденную машину. В этом мире, лишенном электричества и обработанных металлов, его корабль обнаружат сразу, как только хватятся. Необходимо приземлиться где-нибудь, снять с корабля все необходимое — вещи и съестные припасы — и услать его в направлении, которое выбрал бы, ну, например, дикий гусь.

Но где же ему спрятаться, и как долго он может находиться на этой поглощенной зимой земле?

Флэндри вспомнил то, что узнал на мерсейянской базе и принял решение. Снегопад перемещался на юг от северного полюса. Руадраты должны выходить из океана. Вероятно, это уже происходит. Надежда Флэндри на лучший исход была невелика, у нее было не больше шансов, чем у надежды на восстание в аду. Он направил аэробус по круговому маршруту — к западному побережью Барьерной Бухты.

XVI

Когда они проснулись в первый раз, Жители еще не имели имен. Тот, кто стал Ринном на берегу, был животным на морском дне.

Именно изменения, происходившие в море, подняли его на поверхность.

Давление воды уменьшалось вместе с понижением уровня; падение температуры означало наличие более высоких равновесных концентраций растворенного кислорода, который питал довольно небольшие глубины, где обосновались Жители. Течения изменяли направления потоков, содержание минералов, поднимающихся со дна океана. Ринн ничего этого не знал. Он понимал лишь, что Короткая Смерть прошла, и он вернулся в состояние Короткого Рождения... хотя он не может даже ухватить смысл всего происходящего — но это пока.

Он долго лежал в липкой грязи, которая слегка закры-

вала его тело. Постепенно шли беспокойство и голод. Он шевельнулся. Его жаберные створки вибрировали, сфинкстеры, расположенные за ними, накачивали все больше и больше крови, требующейся организму. Когда он становился достаточно сильным, начинал загребать воду руками, перепончатыми ногами и хвостом.— Он двигался.

Множество других продолговатых тел плавало вокруг него. Он ощущал их присутствие скорее по движению воды и привкусу, который эти тела придавали ей. На эту глубину не проникал ни один луч света. Тем не менее, они различали друг друга по цветам синему и черному. Освещение шло от неясного, голубого мерцания скоплений аоао (это название им дали Жители, овладевшие языком), растущих по краям заводи, эти крохотные существа всегда обитали в море и помогали уиррдам выбираться на свободу.

Все существа по-своему защищали себя от опасностей в течение Короткой Смерти. Зенневирры, например, приручили сгусток морских змей стоять на страже их покоя. Уиррды спали в заводи, в надежном укрытии. Ворота туда представляли собой тканую сеть, натянутую на деревянный остов, так, что ничто, представляющее опасность, не могло проникнуть внутрь. Это укрытие было построено давно, и каждый год его ремонтировали и обустраивали. Каждую весну Жители возвращались туда, все еще обладая способностью дышать воздухом. Это давало им энергию, и они могли нырять, выполнять тяжелую работу под водой, заставляя сокращаться возрождающиеся к деятельности жабры. Первое время такие «тренировки» продолжались час или два. Наконец, легкие уиррдов полностью отключались, и они превращались в водных обитателей.

Солнце в это время года жгло так жестоко, что воздух напоминал сухой огонь, уиррды радовались прекрасной возможности избежать пекла и находиться безвылазно в прохладном сумраке.

Сознание Ринна все еще пребывало в полусонном состоянии, это помогало сохранить клетки, которым иначе не хватало бы кислорода. Инстинкты, рефлексы и приобретенные навыкиправляли им. Он нашел выход из укрытия, от-

крыл его. Ринн плыл вперед, в море, вместе со своими со-племенниками. Они кормились в зарослях аоао тем, что падалось.

Когда пища кончалась, уиррды покидали освоенное место и отправлялись в другое. Они плыли большой группой — их было около двухсот. Путеводные нити запахов, течений и многоного такого, о чем они еще не подозревали, направляли их в нужную сторону.

В ясный день они поднимались на поверхность не торопясь — их глаза должны были привыкнуть к ослепляющему блеску. Но в пасмурную погоду толстый слой снежной крупы делал подъем безопасным. Лучше всего уиррды чувствовали себя среди волн.

Они часто охотились — находили стаи (не обязательно рыбы), собирались все вместе, устраивали облаву.

Ринн рывками двигался вперед, нырял, помогая себе бьющим о воду хвостом и работающими, как поршень, ногами. Он повторял эти движения до тех пор, пока руки не подносили к открытой клыкастой пасти упитанную жертву. Наконец, насытившись, он продолжал охоту ради забавы, оставляя добычу молодым уиррдам.

Они родились с зубами, способные с раннего возраста питаться сырьим мясом. Родители заранее запасали его, предвидя запросы малышей. Проходили годы, прежде чем они могли вместе со взрослыми добывать себе пищу.

Странно, но ни один из уиррдов не был идеально приспособлен для жизни в океане. Их отдаленные предки, жившие в предыдущие геологические эпохи, обитали в континентальном шельфе, что вынуждало их бороться как с наводнениями, так и с засухой. Постепенно у них выработалась двойная система дыхания, это помогало адаптироваться к тяжелым условиям существования как на суше, так и под водой. Но все-таки уиррды чувствовали себя уютнее на берегу, нежели в море. Им больше нравилось ходить, чем плавать, и две трети своей жизни они проводили «дома». Они считались лишь отчасти морскими хищниками, лишь на какой-то период времени.

Ринн знал все это: ему рассказывали мерсеянские па-

леонтологи. Он обязательно вспомнит, когда его мозг окончательно проснется.

А пока, среди волн, он находился в состоянии прострации и не воспринимал ничего, кроме окружающего безвременя. Он ассоциировал место своей лежанки с пищей, удовольствиями, охотой и ...

Снегопад продолжался днем и ночью. Уиррды охотились за морской добычей. Все чаще и чаще они поднимались на поверхность. Ощущения от воды в жабрах становились приятными, их манил воздух, прохладный, освежающий.

Вскоре Ринн почувствовал сильное течение, коснувшееся его меха, услышал рокот и волнение больших, гребенчатых, покрытых пеной волн, ветер, который завел свою волынку... Гребни огромных серых волн разлетались на мелкие осколки соленых брызг.

Снегопад заканчивался. Наступила кристально прозрачная ночь, в которой существовал лишь один океан. Над головой мерцали бесчисленные звезды. Названия наиболее ярких возникли в его сознании. Он вспомнил также свое имя. И еще: если плыть мимо острова с двуглавой вершиной, по направлению, которое указывает Ссэрро, Который-Постоянно-Стоит-на-Страже, можно добраться до плодородных участков с большей точностью, чем, ориентируясь по течению. Он направился в задуманном направлении, остальные последовали за ним. И тут он осознал, что является их вожаком. Рассвело, но это больше не беспокоило уиррдов. Они равномерно двигались в направлении, которое указывал им Ринн. К вечеру они увидели контуры земли, легкое облачко на горизонте, плавающую траву и кусочки дерева,— свидетельства новой жизни. В эту ночь они много ели, поглощая добычу среди миллионов небольших фосфоресцирующих тел; яркие струйки стекали с их челюстей и отражались в каждой волне. На следующее утро они услышали прибой.

Ринн определил, где находится риф, по рваным краям прибоя и поплыл туда, где уиррды всегда выходили на берег. В середине дня стая достигла заветного места.

На севере и на юге, закрывая почти половину поверхно-

сти планеты, бушевали метели. Начались сильные снегопады, океан превратился в ледник. Моря вокруг полюсов замерзали, снег оседал на больших пространствах. Но стоило появиться теплу, размеры ледников начали уменьшаться, вновь открывалась суши.

Ринн узнает об этом позже. Сейчас он радуется тому, что снова ступил на землю. Буруны ревели, бились и бежали вдоль гористого берега; здесь и там нагромождались торосы льда. Зимние приливы были слабы. А впереди возвышался шельф, неровный, суровый, многоцветный под сияющим небом.

Снег лежал повсюду, лед блестел там, где совсем недавно плескалась вода озера. Воздух являл собой буйство, разгул, фейерверк различных запахов, он был упругим, ветреным и холодным, очень холодным.

День ото дня стая наращивала телеса, тучнела до тех пор, пока ворвань* не сделала гладкими их шкуры.

Отступившие воды оставили толстый слой мертвых растений и животных. В пластах сапропеля** пустили ростки прошлогодние семена растений, содержащих в своих тканях соли и эфирные масла,— они помогут уиррдам бороться с холодом. Многие морские животные копошились здесь, птицы в огромных количествах кружили над легкой добычей; время от времени какой-нибудь хищник камнем кидался вниз, завидя падаль. Самцы из стаи Ринна пускали в ход руки и зубы, кидаясь на доклятину, самки делали арканы из сухожилий и кишок мертвых животных, чтобы вылавливать рыбу, моллюсков, млекопитающих.

Уиррды оставались единственными настоящими охотниками в этих краях. Они тихо напевали обрывки каких-то песен, неловко пытались танцевать, разговаривали, издавая прерывистые звуки. Многие из них уединялись и в течение долгих часов сидели, наблюдая заход солнца или мерцание звезд. Это продолжалось, пока память не возникала из глубины веков.

Однажды Ринн, прокладывая путь среди снежной белизны, встретил подругу, которая осталась рядом с ним на-

* Название жира морских млекопитающих и некоторых рыб.

** Ил, состоящий в основном из органических веществ и остатков водных организмов.

всегда. Они остановились посреди бесконечного сияющего простора — холодное море шипело у их ног, ветер хлестал в лицо — и поглядели в глаза друг другу. Она была великолепна. Так решил он. И не мог удержать восторга:

— Я знаю — тебя зовут Куварра!

— А ты Ринн,— прокричала она. Они упали друг другу в объятия. Они стали мужем и женой.

Процесс созревания у уиррдов происходил сезонно, их любовное влечение друг к другу нарастало в течение зимы.

Родители заботились о детенышах в течение первых месяцев их жизни. Потом для всех наступала Короткая Смерть, после которой повзрослевшие дети жили на общих правах. Большая часть супружеских пар оставались вместе до конца своих дней.

Внутри континента каждый год уиррды встречались с браао и храуфами. Дикие территории, на которых уиррды строили дома после выхода на берег, не простирались до шельфа, они обычно отыскивали самые удобные для проживания места.

Три разных племени беспорядочно смешивались. Игры, танцы, обряды, свадьбы, охота — все это устраивалось и проводилось совместно.

Тем временем мозг уиррдов окончательно пробуждался, становясь активным, легкие тоже приходили в полный порядок, жабры высыхали и прекращали функционировать.

Ринн думал о судьбе уиррдов; на высоких предгорьях, за тундрой, кипели горячие ручьи и не замерзала река. Он поднялся на скалу и заревел. Уиррды из его стаи поднялись, вскоре собралось все племя.

— Теперь мы пойдем к себе домой,— объявил Ринн.

Многие юноши и девушки пытались протестовать — их личные связи с представителями племен браао и храуфов только-только завязывались. Некоторые свадьбы еще играли, кто-то только договорился о женитьбе... (В звенящем холоде разгара зимы уиррды много путешествовали пешком, на санях, на лыжах и в ледяных лодках. Несмотря на то, что участки охоты охранялись и защищались до последнего вздоха, мирным гостям всегда были рады. Нередко раз-

ноплеменные стаи собирались вместе в установленное время для осуществления торговых дел).

В первый же погожий день после своего заявления Рринн повел уиррдов в горы. Он не сразу направился на север. Направление, выбранное Рринном, привело их к непрерывной прибрежной полосе. Она представляла собой бесплодную череду наносов. Мерсиянские знакомые Рринна однажды показали ему «подвижные картинки» этих мест в теплый период года: затопленные весной, заросшие в разгар лета, позже высущенные и покрытые трещинами. Теперь же эти места были пусты, крупные хищники больше не пересекали эти белые заструги в поисках добычи. Рринн гнал свое племя дальше.

Они не обращали внимания на холод. Наоборот, им казалось, что все еще чересчур тепло. Ворвань создавала теплоизоляцию и служила биологическим резервом. У них происходил интенсивный гомеотермический метаболизм, с соответствующими энергетическими затратами. Уиррды нуждались в большом количестве пищи. Но Рринн вел их безжизненными землями, потому что иной путь — через льды Барьерной Бухты — был бы более медленным и слишком трудным.

После трех дней тяжелого путешествия уиррды заметили мерцание в воздухе, это означало, что недалеко скопление ледяных завалов. Рринн посоветовался с Куваррой. Уиррды считали, что умственные способности уиррдок не очень-то велики, поэтому не стоит принимать во внимание их мнение. Но Рринн знал, что может положиться на ее интуицию. Куварра указала ему нужное направление, да с какой точностью! Взобравшись на холм, Рринн увидел прямо перед собой цель своего путешествия.

Там, на вершине горы, стоял каменный дом, покрытый дерновой крышей, на ней белой шапкой лежал снег. У подножия горы находилась бухта — испещренная изгибами, похожими на фантастические рисунки. Севернее должна быть Золотая река, застывшая, замороженная, заснеженная. Воздух был алмазно-чистым, небо яркое, лазурное.

— Идем! — крикнул Рринн во все горло. Он лег на брю-

хо и заскользил с горы, словно на тобогтане или салазках. Племя последовало за ним. Приземлившись, они вскочили на ноги и побежали. Снег трещал, сковывая движения.

Но вот они приблизились к зданию — дверь открылась. Ринн остановился, зашипев от ужаса. Жестом он отогнал племя назад. Мех встал дыбом. Животное... Мерсиянин? Что делал мерсиянин в доме, где находился их тайный склад оружия, инструментов, еды? Однажды им показали эти места и объяснили, что все, что здесь хранится, — не-прикосновенно. Они поняли, согласились с этим — и ...

Это не мерсиянин! Он слишком прямо держится. Нет хвоста. Лицо желто-коричневое в тех местах, где не покрыто волосами...

Сердито рыча, Ринн прыгнул вперед.

Небо расцвело звездами. Казалось, их свет замерз на пути вниз, а затем разбрзгал вдребезги на еще видимом льду Тэлвина. Глубокое молчание заполняло этот мир; звуки словно умерли от холода.

У Фленди было впечатление, что его ноздри дышат жидкостью. И это — на пороге зимы!

Руадраты собирались перед ним, образуя полуокружность. Он воспринимал уиррдов как неясную массу, лишь вспышки света в их глазах были яркими и определенными. Только Ринна, стоявшего напротив, Фленди видел отчетливо.

Фленди уже совсем освоился здесь и не чувствовал себя слишком неуютно. Воздух был сухим, поэтому холод переносился гораздо легче, нежели многие прохладные дни туманной осени. Из аэробуса он взял кое-какие полезные вещи, в том числе и теплую одежду. В доме он установил нагреватель, и там стало довольно уютно. Но энергия батарей, питающих его отопительное устройство, за три недели значительно поубавилась, быстро расходовались и запасы еды. Тайные складыaborигенов он не решался трогать. Выход был один — охота. В аэробусе Фленди нашел большое количество оружия, взрывчатки. К сожалению, он плохо знал и саму местность, и здешние условия, поэтому нередко его

походы заканчивались лишь потерей новых и новых пуль, а запас их не был бесконечным.

«Если ты не прекратишь это тихое, размеренное житье-бытье,— напоминал себе Флэндри,— то ты мертвец».

Ринн произнес через голосовой преобразователь:

— Как мог ты, новый небесный пловец, предвидеть, что кто-то из нас будет говорить на ирайо?

Прибор превратил его рычащие, громкие,ibriрующие звуки в мерселянские слова. Но так как он понятия не имел о правилах грамматики, речь его звучала и воспринималась своеобразно.

Флэндри уже попадал в подобные ситуации, поэтому не растерялся:

— Перед тем, как покинуть мерселянскую базу, я кое-что узнал, им хорошо знакомы эти места. У них накопилось много материалов обо всех руадратах и, в частности, о вашем племени, уирды. Там есть упоминание и о вашем месторасположении, оно указано на карте. Я знал, что вы прибудете сюда, потому что так бывает каждый год. «А самое-то главное,— думал Флэндри,— что крокодиловы хвосты вряд ли будут искать меня здесь, так близко от их лагеря». Более того,— продолжал он,— вы находились в контакте с ними с тех пор, как они впервые появились — гораздо раньше, чем домраты. Потому, что вы больше бодрствуете и потому, что мерселяне о вас более высокого мнения. Интерес к вам в их работах был часто... изображен (он вовремя вспомнил, что зимний народ не знает алфавита, а использует запоминающиеся картинки и фигурки). Вот и было принято разумное решение: некоторые из вас должны говорить на ирайо для того, чтобы обсуждать те события, которые не могут быть объяснены ни на одном из языков руадратов. И действительно, в материалах мерселян обо всем этом говорилось...

— С-с-с-с,—Ринн чесал свою челюсть. Его клыки сверкали, освещенные яркими звездами и отблесками Млечного Пути. Его дыхание не клубилось паром на холоде, как у человека или мерселянина; система дыхания уирдов была защищена маслами, а не влагой. Ринн убрал гарпун, кото-

рый достал было из оружейного колчана. Подвешенный на ремне, он отдаленно напоминал боевой нож мерсеян.

— Остается тебе только сказать нам, почему ты здесь один и сильно отличаешься от представителей того мира, с которым мы привыкли иметь дело,— решительно заявил Ринн.

Флэндри залюбовался им. Ринн был красивым созданием. Он не был высоким (рост всего около 150 сантиметров, а вес — 65 килограммов), — он был гибким и грациозным, как выдра. Действительно, очертания тела, мех цвета красного дерева, короткие руки... Голова его больше напоминала голову морского льва: заостренная, с усами, острыми зубами, маленькими ушами, плотно прижатыми к макушке, задняя часть головы сильно скошена. Глаза Ринна были большие, золотистые, с защитными нистагмическими мемранами. У него не было носа, дыхание происходило при помощи трех заслонок, которые защищали его жабры.

Ни одна земная аналогия не могла быть абсолютной. Руки уиррдов заканчивались четырьмя подобиями когтистых пальцев. Стойка напоминала мерсеянскую, с наклоном вперед, уравновешенная длинным, сильным хвостом. Ноги были длинными и мускулистыми, заканчивались широкими ступнями, которые служили лопастями при плавании или снегоходами при хождении в зимние дни. Речь их была мелодична, но человек не мог воспроизвести ничего из услышанного без помощи голосового преобразователя.

А самое главное, эти глаза были выразительными — Флэндри заметил это сразу.

— Я знал, что вы будете рассержены моим вторжением в дом, где вы храните свои запасы,— сказал он.— Я рассчитывал на присущее вам чувство великодушия — вы видите, я не стараюсь убежать, не сопротивляюсь. «Ну, ладно,— думал Флэндри,— на всякий случай у меня на спине есть бластер».— Посмотрите, я ничего не взял и ничего не разрушил. Напротив, я сделал подарки для вас. «Доставленные в основном с аэробуса»,— усмехнулся он про себя.— Вы заметили, что я принадлежу к отличающейся от мерсеян расе. Мы не похожи, может быть, даже больше, чем домраты

и руадраты. Поэтому подумайте, мог ли я быть принят их миром? Нет, не мог, и так давайте искать нового мира, сближения между уиррдами и мной.

Флэндри показал на зенит. Взгляд Ринна последовал за его жестом. Флэндри начал беспокоиться, не заблуждается ли он насчет уиррдов, поможет ли ему сейчас тот благоговейный страх, который испытывает любой абориген, верящий, что его душа улетает вверх и витает среди звезд.

«Мне бы лучше не заблуждаться на его счет», — подумал Флэндри. Но вслух он произнес совсем другое:

— Я еще не все вам поведал, уиррды. Я принес вам известие о грозящей опасности.

XVII

Это было замечательно — иметь спутников и снова двигаться. Для Флэндри время изгнания не было полной изоляцией от окружающего мира. Перед тем, как утопить аэробус в море, чтобы враги не получили ключ к его местонахождению, Флэндри возился с оборудованием для показа кинофильмов. Рассматривал все, что было записано на магнитоносители. Среди прочих вещей он нашел немало книг и журналов. «Книга Профессиональной Мудрости» и «Журнал пилота» осточертели ему еще прежде, зато поэзия Дэйра Айнвора и томик с описанием Тэлвина и методов выживания на нем доставили удовольствие.

Кроме того, он обнаружил рукописные материалы и сделанный совершенно в человеческом стиле ящик с картотекой.

Флэндри не осмеливался отходить далеко от своего укрытия; штормы налетали слишком часто и яростно. Он уже потратил большую часть запасов терпения, когда был привязан Дианой к койке на «Джейке», — хватит! Флэндри по своей природе был активным и общительным, обладал чертами, присущими юности. Сначала он решил, что чтение дополнительного параграфа в день вовсе не повредит хрусталику его глаза, напротив, сделает его более выпуклым.

Он решил даже начать рисовать, но вскоре обнаружил, что его достижения в этой области весьма далеки от творений Микеланджело...

Много времени он проводил за сочинением непристойных шуточно-бессмысленных стихотворений, посвященных в основном знакомым мерсеянам и старшим офицерам из Империи. «Некоторым «шедеврам» предстоит стать межзвездной классикой,— подшучивал он над собой без притворной застенчивости.— Если ему удастся вырваться на свободу, чтобы довести их до человечества!..» Это означало, что у него был сильный положительный мотив для выживания...

Он задумал также разработать новые виды пасьянсов и проводил долгие часы за раскладыванием карт.

Принципиальным преимуществом его ссылки была возможность строить планы. Мысленно он предусматривал все возможные случайности, находил выходы из трудных положений. В результате этих умственных тренировок он пришел к заключению, что все проекты должны быть максимально приближены к реальности,— иначе, слишком размечтавшись, можно потерять быструю реакцию.

— Все, о чем я думал,— сказал Флэндри Ринну,— вселило в меня существенные надежды.

— И для нас тоже? — Ринн вопросительно смотрел на человека.— Небесный пловец, не говорил ли ты нам, что мы должны положиться на тебя в твоих намерениях сделать нам добро?

— Мое появление здесь доказывает, что мерсеяне не обо всем вас информируют. Они никогда не упоминали о расах, которые им знакомы, не так ли?

— Да, это так. Когда Айдвайр и другие его спутники объявили, что мир вращается вокруг солнца, и звезды тоже являются солнцами, со своими мирами, похожими, может быть, на наш... то потребовались годы для того, чтобы осознать это. И я спросил однажды, были ли еще жители в тех мирах, которые они встречали, кроме них самих, и он ответил, что мерсеяне дружественны со многими. Но больше он никогда не возвращался к этому вопросу.

— Ты понял? — спросил Флэндри, внутренне ликую.
(Точнее, он спросил: «Ты ухватил?» Он постарался облечь идиоматическое выражение руадратов в понятную форму на ирайо. Человек или мерсейнин скорее сформулировали бы свой вопрос так: «Ты видишь? или «Тебе ясно?».)

— С-с-с-с... Но есть ведь дары, которые они нам преподносили, и то добро, которое они нам делали.

«А почему бы им не дарить подарки и не делать добро? — внутренне усмехнулся Флэндри.— Ученые не собираются враждовать с объектами своих исследований, а военно-космическим силам просто нет надобности это делать. Причина того, что мерсеяне ведут себя иногда по-детски наивно в вопросах межзвездной политики довольно прозрачна. Во-первых, так как этот парень здесь, на Тэлвине, обладает достаточным сознанием, чтобы понять, что происходит, то необходимо дозировать информацию, она должна поступать медленно, по частям, слишком же большое ее количество, да к тому же поступившее одновременно, может только сбить с толку, обескуражить. Во-вторых, с учетом того влияния, которое оказывает на аборигенов религия, верования и тому подобное, похоже, что правдивая информация может вывести из равновесия те культуры, которые изучает Айдвайр и его команда.

Поэтому, друг Рринн, мерсеяне любят твой народ и даже восхищаются им. Гораздо больше, чем домратами — ведь ты помнишь мерсеян — или нами, особенно в дни нашего первоискательства.

Но нельзя допустить, чтобы ты продолжал оставаться в плену своих верований».

— У их народа, как и моего, есть обычай держать в загоне мясных животных,— сказал Флэндри.— Жертвы хорошо содержатся, их кормят до отвала... до тех пор, пока не наступает время забоя.

Рринн выгнулся свою спину. Его хвост встал вертикально. Он обнажил зубы и инстинктивно схватил нож.

Он шел вместе с Флэндри впереди группы. Она состояла главным образом из молодых, пожилых уирдов и женщин. Охотники рассеялись маленькими группами в поисках до-

бычи. Некоторые из них не увидят свои семьи в течение многих дней. Когда Рринн внезапно остановился, напряжение чувствовалось в каждом из этих коричнево-красных тел, стоявших за ним. Лидер, очевидно, почувствовал, что ему не следовало сейчас останавливаться. После некоторого колебания он сделал жест когтистой лапой и продолжил путь.

Флэндри, который приспособил для себя пару мерсейянских снегоходов, старался не сбавлять темп. Несмотря на то, что он не был создан для тэлвинской зимы, здешний снег все-таки выдерживал его большой вес. Кроме того, эта ходьба была не очень трудной.

Уиррды перебирались через тундру, которая каждое лето превращалась в джунгли. Практически ежегодно они приходили к мерсейянской базе, которая была не очень далеко от их прямого пути — для приветствий, переговоров и обмена подарками. Однако эта практика не была неизменной — все зависело от разных факторов, например, от погоды. Подозрительность, которую вызвал Флэндри, заставила их сильно отклониться от обычного пути. Они решили не проходить слишком близко от территории базы. Тем временем Флэндри продолжал разжигать их недоверие к мерсейямам.

Адские Котлы уже должны показаться, если только их не окутают грозовые облака. Та часть горизонта, куда они смотрели, была экранирована огромной черно-синей занавеской. Если в течение нескольких недель атмосфера полностью не очистится, то зима будет гораздо холоднее, чем обычно. Но в других местах небо было бледно-голубым, лишь несколько перистых облачков на нем, отражающих лучи солнца.

Солнечного света здесь было гораздо меньше, чем на Земле в это время года. (Действительно, точка равноудаленности была пройдена в момент, считающийся метеорологическим ранним началом зимы. Вероятно, что минимальная температура установится сразу после того, как Тэлвин пройдет через апоастрон, где освещение составляет приблизительно 0,45 земного.)

Флэндри тем не менее носил защитные очки против белого сияния.

То, что окружало Флэндри, начинало сильно раздражать. Он имел опыт пребывания в зимний период на многих планетах, но ни одна зима не была такой, как на Тэльвине. Здесь холодный сезон занимал большую часть длинного года. Водоемы в меньшей мере подвергались стихийным воздействиям, чем суши, поэтому многие живущие на берегу животные, которые питались дарами моря, не впадали в спячку, но и не оставались полностью сухопутными. Семена и другие остатки жизнедеятельности растений и иных организмов, подверженных сезонным колебаниям, давали, хоть и скучное, но все-таки питание.

Мерсейне едва-едва только начали понимать ткань, хитросплетения загадочных тэльвинских взаимодействий: структурных, химических, биологических и еще неизвестно каких — между формами жизни на этой планете в теплые и холодные периоды года. Вот один из простейших примеров: здесь не существовало эквивалента вечнозеленых растений Земли; летний яростный рост обычной растительности подавил бы их; кроме того, распадаясь в переходной к зиме период, деревья, кустарники, травы давали гумус* для зимней вегетации.

Тундра представляла собой замершие дюны и отшлифованные ветрами ледяные озера. Но если хорошенко присмотреться, она не была пуста: на фоне голубых теней черные листья пробивали себе дорогу. Они проталкивались на верх, похожие на отдельные сгустки маленьких травянистых кустиков. На самом же деле их стебли часто пробивались сквозь метры снега и на поверхности жадно поглощали солнечный свет.

Некоторые растения часть этой энергии затратили на то, чтобы перевести воду в жидкое состояние; другие — чтобы заместить воду спиртом или иными органическими соединениями, обладающими более низкой точкой замерзания.

Севернее ледники становились слишком большим преп-

* Высокомолекулярные темноокрашенные органические вещества почвы. Содержат элементы питания растений. Почвы, богатые гумусом, плодородны.

пятствием для растений. Но южнее гор и на островах растения продолжали свой жизненный цикл. Поскольку острова были разбросаны в океане, растительность там даже в летнее время не достигала такого великолепия, как на материце. Она подкармливала колонии животных, останавливающиеся на островах, но это была скучная пища, не сравнимая с той, что получали многие другие обитатели Тэлвина, например руадраты.

По этой причине можно понять, почему у них так развито чувство ревности к своей территории...

От дыхания Флэндри в воздухе появлялись облачка пара, а ему самому было жарко в теплом одеянии, он даже слегка вспотел. День был спокойный, тихий, он отчетливо слышал размеренное шарканье своих снегоходов.

— Ринн,— произнес он после долгих размышлений,— я не прошу тебя следовать моим советам слепо. Действительно, я ведь могу говорить тебе и неправду. Но ты можешь сам либо доказать справедливость моих слов, либо опровергнуть их, не так ли? Возможно, как вождю уирдов, тебе надо принять решение и соответственно действовать. Подумай сам. Если мой народ находится в конфликте с мерсеянами из-за выбора лучшей позиции в звездном пространстве, ясно, что нам нужны гавани для лодок, на которых мы плаваем по небу. Разве не так? Ты же видел, что не все мерсеяне находятся здесь для простого научного изучения планеты и ее жителей. Многие из них прилетели сюда, да и в другие места тоже, по особым поручениям своего правительства. Ты помнишь — я говорил тебе про разведку и различные нападения на мой народ. Пойдем дальше: военная гавань нуждается в обороне. Готовясь к тому, что неприятель может обнаружить ее (а это непременно когда-нибудь произойдет), мерсеяне превратят ее в нечто иное, чем маленький, уединенный лагерь. Может статься, что весь этот мир будет оккупирован и превратится в крепость.— Флэндри подумал: «Какой же я все-таки казуист!» — и продолжал: — Ты уверен, что мерсеяне влезли в вашу жизнь, не имея в виду получше узнать вас, а затем малой кровью покорить?

Ринн прорычал в ответ:

— А где у меня уверенность в том, что твой народ оставит нас в живых?

— У тебя ничего нет, кроме моих слов,— признал Флэндри,— вот почему тебе следует спросить других.

— Как? Мне что, пригласить Айдвайра, показать ему тебя и выцарапывать из него правду, почему это он ничего подобного мне не сказал?

— Н-н-нет. Я имел в виду другое. После этого ему ничего не останется, кроме как убить меня и наговорить тебе всякой чепухи. Лучше всего сделать так, чтобы он пришел к вам, но только ничего не говорите обо мне и о том, что я жив. Здесь вы можете заставить его обсудить этот вопрос и выяснить, совпадает ли то, что скажет он, с тем, что ты узнал от меня.

— С-с-с-с,— Ринн сжал свой голосовой преобразователь так, словно это было оружие. Он был сильно обеспокоен и очень несчастен. Внутреннее сопротивление тому, что он услышал от Флэндри, окончательно лишило его души мира и спокойствия. Это было заложено в его хромосомах, передавалось от отца к сыну, из поколения в поколение: главное — это своя земля, потеря участков охоты означает голодную смерть, вырождение всего племени.

— Во время оставшейся части пути мы должны хорошенько обдумать, что вам делать дальше,— Флэндри продолжал настаивать на своем. Про себя он подумал: «А моя задача состоит в том, чтобы подтолкнуть тебя, как бы невзначай, к тому, чтобы ты думал по схеме, которую я вынашивал, в доме с вашими тайными припасами. И при этом ты должен принимать мою схему за свою собственную. Я надеюсь, что теперь мы оба думаем и чувствуем примерно одинаково и я могу сыграть с тобой эту шутку. Но будь осторожен, Флэндри, не напирай на них слишком сильно! Выдели время для наблюдений, участия в их делах. Страйся заслужить их симпатию, заставь окончательно поверить тебе. Более того, уже сейчас надо разрабатывать дальнейшую стратегию поведения — на случай, если ты выживешь, парень». Случай изменил ход его мыслей. Несколько дви-

жушихся пятнышек возникло у отдаленного холма. На более близком расстоянии оказалось, что группа руадратов-охотников преследует животное, напоминающее американского лося, с лопатообразными клыками. Клич охотников рассек воздух. Рринн издал радостный крик и поспешил на помощь. Флэндри оставили сзади, хотя он был готов продемонстрировать свою доблесть. Флэндри увидел, как Рринн обезглавил большое животное и всерьез занялся им, сдирая ножом и копьем шкуру, пока остальные расхватывали куски мяса.

По этому поводу в тот вечер было празднество. Грация, изящество танцев, веселье, песни и бой маленьких барабанов красноречиво говорили Флэндри о том, что для понимания не всегда нужно знание языка и биологическое сходство. Он наслаждался искусством руадратов: тонкая резьба на каждой хозяйственной принадлежности, элегантные очертания предметов, например, лыж, сумок. Позднее, во время отдыха в одной из хижин, построенных на скорую руку (старые женщины предсказали приближение бурана), он услышал историю. Рринн вполголоса давал синхронный перевод на ирайо. Несмотря на то, что перевод был очень неуклюжим, Флэндри смог уловить стиль, чувство достоинства и философию племени, сочинившего балладу о героическом событии. Ночью, засыпая в своем спальном мешке, он вспоминал этот рассказ и чувствовал прилив оптимизма — его шансы повести за собой уиррдов увеличились.

Теперь надо спать, все важные решения — до завтра. На свежую голову он будет думать, как победить мерсеян.

Айдвайр сказал спокойно:

— Нет, я не верю, что ты можешь стать предательницей своей расы. Но разве не почетно служить высшим интересам, ради которых ты поможешь разбить имперскую цепь?

— Какую еще цепь? — раздраженно переспросила Диана.

«Да, но где был Император и его закон,— пронеслась в сознании Дианы,— когда я пыталась убежать из Черной Дыры. Мне было всего пятнадцать лет. Хозяин поймал меня

и отдал на растерзание Хихикающему Человеку, чтобы на-
всегда проучить...»

Айдвайр приблизился. Его пальцы коснулись ее локонов, слегка потрепали щеки, с минуту задержались на ее плечах. Она была здесь чужой. Ее тело для этих созданий не было ни желанным, ни отталкивающим. Диане не для кого было наряжаться, а так как в помещении было очень тепло, она носила только юбочку шотландского горца с карманами. Прикосновение Айдвойра к ее коже было уверенным и нежным; его небольшая грубость только подчеркивала силу. Любовь перетекла в нее через это прикосновение и вернулось в виде обратного излучения. Маленькая комната, где они находились, была хорошо освещена, и ей на миг показалось, что она на родном планете, и закат насыщает воздух своим золотистым светом.

«Love? Нет, наверное, не совсем так. Это типичное, затертое английское слово. Я помню, кто-то говорил мне, я думаю, что я помню... не является ли это той милостью, которую Бог дарует нам, смертным?»

Айдвайр ожидающе смотрел на нее, могущественный и добрый.

«Я не должна называть тебя Богом. Но я могу называть тебя Отцом — сама для себя — разве не так? На ирайо они говорят «рохадванн»: влияние, лояльность, основанные на уважении и на собственном достоинстве.»

— Да, пожалуй, лучше всего мне было бы сказать о выжигании язвы,— заговорил Айдвайр.— Низведение законных властей до слабости и сокрушения, которые есть два аспекта одной и той же проблемы — превращения Рук в Головы — является поздней стадией фатального разрушения.

Земной мужик постарался бы поскорее заключить ее в объятия и стал бы нашептывать утешения и будить воспоминания, которые до сих пор поддерживали ее стойкость и иногда туманили взгляд. Он стал бы страшно негодовать, не заберись она быстренько с ним в постель.

— Ты имела твердость, чтобы пережить свои мучения и в конце концов — перехитрить своих мучителей. Разве не

является твоим долгом помочь своей расе освободиться, тем из них, кто не последовал твоему примеру?

Она потупила взгляд. Ее пальцы сплелись вместе.

— Как? Я думала... Ну, что вы уничтожите, заглушите человечество... Разве не так?

— Я вижу, что ты заучила в чистом виде пропагандистские штучки,— возразил он.— Независимо от того, каким будет конечный результат, ты не увидишь значительных изменений; впереди лежат века усилий. А целью является освобождение мерсейн. Да, мы не издает телячьего мычания по поводу того, что является нашей самой заветной целью, но мы всегда приветствуем партнеров — и наши основные усилия направлены на то, чтобы наложить Волю на действия слепой Природы и Случая.

«Младших партнеров,— добавила она про себя.— Хорошо, но насколько все это крокодильство неизбежно будет наносить вред человечеству?»

Она закрыла глаза и увидела кого-то с лицом Ники Флэндри (может быть, сына?), бодро шагающего в авангарде армии, которая следует за мерсейским Христом. Он не несет никакой дополнительной ноши, в отличие от продажных начальников и равнодушных коллег, его лицо не омрачено мерзкими мелкими грехами, он не держит за пазухой камень против своих близких. В его руке — лишь боевой нож с кастетной рукояткой. Флэндри (или его сын?) открыто улыбался. За ним шла Диана. Ветер трепал ее густые волосы. Они никогда не покинут друг друга...

«Ники... мертв... почему? Они не могли убить его; нет, даже тот тип, который хотел выпотрошить мозги Флэндри, не мог. Они скорее стали бы его друзьями, если бы захотели. Но Империя не допустила бы этого».

Она открыла глаза и поняла, что Айдвайр ждет.

— Искатель,— сказала она робко.— Все это слишком неожиданно для меня. Я думаю, когда ксанриф Мориох говорит, что я должна, должна, должна все-таки стать шпионкой Ройдханата...

— То ты последуешь моему совету,— Айдвайр закончил фразу за нее.— Ты всегда ему следовала.

— Но как я могу...

Он улыбнулся.

— Это будет зависеть от обстоятельств, моя дорогая. После обучения тебя поместят туда, где ты покажешь себя наиболее полезной. Я думаю, ты понимаешь, что эффектные, смелые предприятия являются просто выдумкой. Большая часть твоей жизни будет совсем не примечательной, хотя я уверен, что при твоей квалификации у тебя будет довольно много удовольствий и роскоши. Например, ты можешь заставить стратегически важного для нас земного чиновника сделать тебя своей любовницей или женой. Время от времени ты будешь входить в контакт со своей организацией. Уверяю, риск от этого гораздо меньше, чем риск, которому ты подвергалась прежде, чем попала сюда; а материальное вознаграждение будет значительным.

Он становился все серьезнее.

— Истинной наградой для тебя, почти моей дочери, станет сама служба. И знание того, что твое имя будет упоминаться в Секретных Молитвах, пока существуют Вэчи Урдиолхи, дорого стоит.

— Вы действительно думаете, что я там буду? — она жадно сглотнула.

— Да. Те, кто не имеет интереса в жизни, кроме интереса к самим себе,— наполовину живы.

Сработала внутренняя связь. Айдвайр что-то раздраженно пробормотал и дал отбой. Раздался более продолжительный, более настойчивый сигнал. Он напрягся.

— Экстренный вызов,— сказал Айдвайр и включил кнопку приема.

Изображение Книфа хью Вандена выплыло на экран.

— Мое почтение датолху,— сказал он торопливо.— Вас бы не прерывали, если бы не обстоятельства, которые требуют вашего немедленного участия. К нам прибыл посланник из Кипящих Ручьев.

Диана вспомнила чей-то рассказ о том, как быстро могут перемещаться руадраты, если в данный момент не обременены семьей, хозяйственным скарбом или еще чем-нибудь.

— Кхр-р-р, они должны были решить все на месте,— конец хвоста, высывающийся из-под робы, завибрировал, что было единственным проявлением раздражения, которое он себе позволил.— Ну, что там? — спросил он Книфа.

— Посланник ждет во дворе. Должен ли я дать датолху прямую связь?

— Давай.

Диана подумала, что человек в первую очередь попросил бы устроить короткую личную встречу. Действительно, у землян нет мерселянской самоуверенности.

Она не могла уследить за разговором между Айдвайром и существом, которое стояло в снегу. Айдвайру пришлось использовать голосовой преобразователь для того, чтобы говорить с существом на его языке.

Он отключил экран, сел и долго молчал, нахмурившись. Кончик его хвоста постукивал по полу.

— Могу я помочь? — в конце концов осмелилась спросить Диана,— или же мне уйти?

— Швай,— он заметил ее.— Кхр-р.— После недолгого размышления он произнес: — Нет, я, пожалуй, смогу сказать тебе сейчас. Ты в любом случае скоро узнаешь.

Она постаралась держать себя в руках. Мерселянский аристократ не шелохнулся. Но ее пульс неистово бился.

— Послание от вождя того племени,— начал Айдвайр,— озадачивает: руадраты не имеют привычки использовать двусмысленные фразы, а курьер отказывается разъяснять то, что он запомнил. Насколько я мог понять, они наткнулись на замерзший труп Доминика Флэндри.

Тьма сомкнулась перед ее глазами. Каким-то образом она устояла на ногах.

— Судя по всему, это так,— продолжал он, слегка облокотившись о стену,— описание человека совпадает. Да какой еще человек это может быть? В результате стечения некоторых обстоятельств вместо того, чтобы вызвать удивление, это, кажется, вызвало у них недоверие и настороженность по отношению к нам. Словно их находка, о которой мы не предупредили, показывает, что мы можем иметь ка-

кие-то замыслы и против них. Вождь требует, чтобы я дал объяснения.

Он передернул плечами.

— Пусть будет так. Я, по-видимому, должен буду уделять этому делу особое внимание, не считаясь ни с чем. Беспокойство должно быть смягчено, наше влияние на их общество сведено к минимуму. В то же время, наблюдения за всем этим могут научить нас чему-нибудь новому. Я вылечу туда завтра с...

Он поглядел на нее с удивлением.

— Диана, почему ты плачешь?

— Я извиняюсь,— она закрыла руками лицо, слезы были такими солеными! — Я не могу удержаться.

— Ты же знала, что он должен быть мертв. Чистая смерть, на которую ты послала его.

— Да, но, но,— она подняла лицо:— Возьми меня с собой, умоляю!

— Хаадох? Нет. Невозможно. Руадраты увидят тебя и...

— И что? — Она встала на колени перед ним и вцепилась в подол его одежды.— Я хочу попрощаться с ним. И... дать ему... все, что я смогу из христианского обряда погребения. Разве ты не понимаешь, лорд? Он же будет лежать тут один. Навсегда!..

— Дай мне подумать.— Айдвайр сидел без движения, пока она пыталась утихомирить свои рыдания. Наконец он улыбнулся, опять потрепал ее волосы и сказал: — Ты можешь пойти.

Диана забыла изобразить мерсиянский жест благодарности.

— Спасибо, спасибо,— сказала она на небрежном английском.

— Это было бы неправильно отказывать в последних почестях мертвому человеку. Однако, откровенно говоря, не думаю, что полезно показывать руадратам живого землянина. Я должен смоделировать наш разговор с ними, и тебе придется хорошо выучить свою роль до утра. Ты способна на это?

— Конечно,— она подняла подбородок,— после этого, да, я буду работать на Мерсейю.

— Не давай скоропалительных обещаний, хотя я действительно надеюсь, что ты присоединишься к нашему делу. Этот возникающий у тебя талант — заставлять других хотеть то, что хочешь ты — не использовала ли ты его против меня? — Айдвайр предупредил ее ответ поднятой ладонью: — Подожди. Я выяснил, что ты не предпринимала вторжения в мысли другого сознательно. Но бессознательно... Кхрэйч... Я не считаю, что в данном случае существует значительная разница. Иди к себе, Диана, дочь моя. Отдохни немного. Я вызову тебя через несколько часов.

XVIII

Там, где территории домратов и руадратов пересекались, они избегали вступать в какие-либо взаимоотношения. Домраты воспринимали руадратов как нечто сверхъестественное; последние же, получив шансы исследовать берлоги, предназначенные для зимовки, смотрели на иноплеменных более реально. Большая часть домратов оставляла имущество руадратов нетронутым. Точно так же руадраты не использовали в своем хозяйстве примитивные артефакты^{*} домратов. В основном общественный уклад тех и других находился на уровне бронзового века землян.

Но однажды, как утверждают предания, эти правила были нарушены. Все произошло в районе Кипящих Ручьев...

Айдвайр много размышлял над этим и пришел к выводу, что однажды необычные стечения обстоятельств заставили одно племя появиться здесь раньше времени, пока другое все еще бодрствовало. Руадраты разрешили пользоваться в летнее время своими крепкими домами, превосходными инструментами и красивыми украшениями при условии, что

* В данном случае артефакт — предмет неприродного происхождения. Автор имеет в виду сделанные руками аборигенов домашнюю утварь, примитивные художественные поделки, оружие и др.

домраты будут аккуратны и оставят взамен достаточно еды, шкур, какой-нибудь полезной в хозяйстве утвари.

Для домратов это обстоятельство явилось ключевым звеном их религии. Руадраты обнаружили церемониальные предметы и сделали такой вывод.

Это стало предметом гордости уиррдов.

Флэндри понял, что может сыграть на этом также успешно, как и на инстинкте защиты территории. Небесные пловцы, думал он, могут делать то, что ни одно племя не умеет. А раз тебя считают богом, ты должен рассказывать о том, что происходит на небесах.

Рринн и его консультанты в конце концов согласились с предложением человека: послать мерсеянам туманно сформулированное послание. В основном его составил Флэндри. Из сообщения можно было понять, что его нет в живых. Теперь необходимо уйти подальше от прибрежной полосы. Сюда придут мерсеяне, уиррды ничего не смогут сделать против «огненных рук», а молодежь пусть пока побудет в стороне.

Деревня была безмолвной, когда появился аэробус.

Придавленные снегом, строения казались карликовыми. Зимнее небо выглядело высоким и голубым, а лишенный растительности зимний горизонт — таким отдаленным. Пар от ручьев и гейзеров сразу же ослепил Флэндри, он пожалел, что не надел защитные очки. В течение минуты световые пятна скрывали беловатую массу горы Нижнего Грома и блеск ледников на пиках скал Адского Котла. Сконденсированные, пары больше не поднимались над Никогда-не-Замерзающей Рекой. В ледяной тишине громко звенел камыш.

Наблюдатель крикнул: «Три-и-и-ин!» — Флэндри понял значение этого призыва. Он побежал в южном направлении, где виднелось сверкающее пятнышко. Он буквально впрыгнул в домик, где должен был прятаться.

Дверь дома оставалась открытой, вход прикрыт попоной из шкуры — как обычно, ничто не должно привлекать внимание мерсеян. Внутри он увидел сложенные в кипы меха и предметы хозяйственного обихода, принадлежавшие зажи-

точному владельцу, лучи солнца пробивались сквозь трещины в стенах и высвечивали боевой арсенал, который Флэндри прихватил с украденного самолета. Он унес два ручных пулемета, бластер, станер, дополнительную амуницию, зарядные устройства и боевой нож. Он был нагружен на пределе человеческих возможностей. Остальное уирды путь берут себе.

Дом, где прятался Флэндри, выходил на центральную площадь. Напротив входа, в том месте, где должна была стояться встреча с мерселями, стоял Ринн. Руадраты рассчитали, что в нужный момент смогут позвать человека, чтобы он ошеломил мерселя своим появлением. (Так думал Ринн.)

Через маленькую дырочку в попоне Флэндри видел девять уирдов, которые остались на площади. Они были вооружены. Айдвайр никогда не давал им оружия. С его точки зрения оно могло слишком сильно повлиять на их культуру. Но бронзовые мечи и томагавки могли быть достаточно эффективными в умелых руках.

Ринн с мрачным видом говорил в свой коротковолновый передатчик. Флэндри знал слова, которые он не понимал: «Садитесь на краю нашей деревни, сразу за кожевенными мастерскими. Идите пешком и без оружия».

«Айдвайр должен подчиниться,— обдумывал создавшееся положение Флэндри.— Или он сделает, как приказывают, или наступит конец ксенологическим исследованиям этого племени. И почему, в самом деле, он должен бояться? Айдвайр оставит нескольких своих парней в аэробусе с контролем по радиоканалу, готовых в любую секунду выдернуть его из любой беды. Это то, что думает Айдвайр».

Мерселя показались через несколько минут. Их было четверо. Несмотря на их неуклюжие теплозащитные костюмы, Флэндри узнал босса и остальных — они участвовали в том самом первом путешествии на эту планету так много лет или недель назад...

Маленький силуэт, особенно на фоне этих мерселянских тираннозавров* попал в его поле зрения. Он затаил дыхание.

* Один из самых страшных хищных ящеров, обитавший на Земле более 60 млн. лет назад; по описаниям похож на мерселянина.

Диана. Разве удивительно, что она тоже оказалась здесь? После такой долгой разлуки ее нежные очертания, золотые волосы ударили по глазам Флэндри.

Руадраты поприветствовали гостей и пригласили войти. Рринн вошел последним, занавесив дверь попоной. Площадь опустела.

«Пора».

Руки Флэндри дрожали, выступил липкий пот, сердце бешено стучало. Скоро он может погибнуть. А как восхитительна Вселенная!

Пот начал замерзать на его не защищенном от мороза лице. Борода, которую он отрастил,— последняя порция ингибитора потеряла свое действие,— была ледяной. Через несколько тэльвинских дней он закончил бы свои запасы питательных капсул. Если употреблять здешнюю пищу, практически не содержащую ни одного необходимого человеку витамина и обычных для него аминокислот,— это верная смерть от цинги. Если убьют — по крайней мере, быстрый вариант. Либо это сделают мерсеяне, либо он сам, если плен станет неизбежным.

Он решил чуть-чуть переждать. Медленно вдыхая холодный воздух, Флэндри усилием воли заставлял пульс уняться, для чего начал вспоминать формулы веществ, составляющих успокаивающие таблетки. В Академии могут хорошо натренировать, если у тебя есть взгляд в будущее и настойчивость в работе.

Спокойный и опустошенный, он выскоцилзнул наружу. И сразу, через секунду, стал слишком занят, чтобы бояться.

Он быстро бежал вокруг дома, чтобы кто-нибудь из дома Рринна не увидел его... снег громко хрустел под его ногами... он заглянул за угол кожевенной мастерской. Да, аэробус сел здесь, где и предполагалось, длинный корпус с вытянутыми очертаниями, солнечное сияние иллюминаторов...

Если те парни внутри засекли его и дали тревогу по радиоканалу, то это конец.

«Внутренний голос говорит, что никто не захочет прогуляться под луной в этом направлении. Но тебе известно, какой он врунишка, этот внутренний голос».

Флэндри вытащил станер, взвел курок и приблизился к главному тепловому гермовводу. Все это он проделал за две секунды. Флэндри ждал, прислонившись к стенке аэробуса. Ничего не происходило. Его щека коснулась поверхности корпуса. Сильная боль пронзила его. Флэндри дернулся, оставив на металле примерзший лоскут кожи. Пытаясь унять боль, вытирая слезы перчаткой, он забыл о страхе.

Флэндри добрался до внешнего шлюза. Он был открыт. Вероятно, мерсияне проходили через него и в спешке забыли захлопнуть. Флэндри проскользнул в переходную камеру. Подождал. Ни звука. Он открыл внутреннюю дверь шлюза и прошел к входу. Там тоже было пустынно.

«Кто-нибудь находится в передней части, рядом с панелью управления и устройствами радиосвязи. Наверное, кто-то есть и в главном салоне. Но сначала займемся тем, кто откроет».

Он просочился сквозь короткий проход.

Мерсиянин, который, вероятно, услышал шум или почувствовал дыхание холодного воздуха — в этом фантастическом, пахнущем техническими маслами тепле, — ввалился через дверь кабины управления. Флэндри выстрелил из станера. Сверкнул ярко-красный луч, последовал беззвучный молотоподобный удар сверхзвукового потока. Большое тело упало головой вниз и замерло. Другое зеленое страшилище выворачивало из кабины пилота, «Гвай...» — больше оно ничего не успело произнести. Эта туша рухнула прямо на палубу воздушного корабля.

Флэндри поспешил в хвостовую часть самолета. Иллюминаторы салона позволяли воспринимать действительность в трехмерном изображении, наблюдения выявили еще кое-что. Здесь находились еще два мерсиянина. Один поднялся, намереваясь, видимо, выяснить, что происходит. Его оружие было наготове, но Флэндри опередил его. Второй был более простой мишенью, не успев встать, он осел в своем кресле.

Флэндри торопился. Из передатчика вытекали голоса: мерсиянский бас, ворчание и трели руадратов, которые использовали голосовой преобразователь. На всякий случай

он удостоверился во избежание недоразумения, что из аэробуса не идут передачи.

Флэндри позволил себе присесть, отдохнуться. Он почувствовал головокружение.

«Мне удалось это сделать. Я действительно сделал это».

Что значит преимущество внезапного нападения — а ведь он только что начал действовать. Наработанные ловкие приемы, которыми он хорошо владел, сделали свое дело. Он поднялся, осмотрелся. Убедившись, что все в порядке, он вернулся к своим пленникам. Они не должны быстро прийти в себя, но зачем рисковать? Одним из них был Книф. Флэндри скривил улыбку: «У меня появляется странное хобби коллекционировать тебя, Книф, в качестве боевого трофея?»

Стачив мерсеян вместе, он привязал их к койкам — «Спасибо, Диана, опыт пригодился!» — заткнул им кляпами рты. Флэндри прихватил голосовой преобразователь и пару звукозаписывающих аппаратов. В кабине пилота он выключил прием сигналов из дома Рринна.

Теперь надо было подготовиться к основной роли. Он долго репетировал, но получалось не очень-то достоверно. Снова и снова Флэндри прокручивал куски диалогов, настраивал датчик, отрабатывал скорость речи и тембр голоса.

План Флэндри и руадратов предусматривал, что Рринн изо всех сил будет стараться затянуть переговоры, чтобы довести делегацию Айдвайра до изнеможения. Но старый ксенолог был далеко не наивным, и, кажется, самым волевым из всех, с кем когда-либо сталкивался Флэндри. Айдвайр в любой момент мог сделать что-нибудь непредсказуемое. Диалог мерсеян с руадратами продолжался...

Флэндри снова и снова пробовал подражать чужому голосу. Вот, похоже, имитация удалась.

Он настроил записывающие устройства вблизи рабочего диапазона радиопередатчика дальнего действия. Сигналы полетели через 300 заснеженных километров. Передатчик заговорил:

— Датолх Айдвайр вызывает пульт управления военно-космических сил. Экстренный сигнал об опасности. Прием!

— Вызов датолха принят меем Чвирохом, Вэч Халлен,— ответил громкоговоритель. Флэндри вновь нажал кнопку на передачу:

— Запиши этот приказ. Сообщи своим начальникам немедленно. Мое первое впечатление было неправильным. Землянин Флэндри жив. Он в Кипящих Ручьях, но в предсмертном состоянии из-за недоедания и обморожения. Должны быть предприняты усилия для его спасения. Выяснилось, что он применил абсолютно новую, очень эффективную технику переговоров с руадратами, и нам может потребоваться его опыт в этом деле. Медицинские препараты, подходящие для его биологического вида, найдете в разведывательной ракете, которая была захвачена. Время может быть потеряно, если мы решим переправлять его на базу. Высылайте ракету немедленно.

— Команда датолха принята и будет исполнена. Знает ли кто-нибудь, как управлять захваченной ракетой?

Флэндри включил второй прибор для записи голоса:

— Кх-р-р,— это могло сойти за выражение презрения.— «Пилот, который не может это выяснить в течение пяти минут,— ведь мы используем одни и те же базовые технические решения,— должен быть разжалован в полотеры и распылен на отдельные электроны».

Флэндри заставил первый микрофон произнести:

— Приземлитесь на открытом кольцевом пространстве в центре деревни. Мы поместили Флэндри в соседнем доме. Спешите! Теперь я должен вернуться к руадратам и помочь, чем могу. Не вмешивайтесь до тех пор, пока ракета не сядет. Все. Отбой. Хвала Богу, Расе и Ройдхану!

Флэндри прослушал ответ, прекратил передачу и снова настроил приемник на переговоры руадратов с марселями. Страсти накалились до предела, казалось, шерсть у одних и роговые чешуи у других стояли дыбом.

Нельзя зря тратить здесь время. Кроме того, «Джейк» должен был прилететь через несколько минут, если, конечно, его схема сработала.

Если...

В отделе военного управления космосом не должны очень уже хорошо знать манеру разговора Айдвайра... А высокопоставленного офицера, такого, к примеру, как Мориох, можно и обойти ради оперативности выполнения задания. Ведь молодежь Мерсейи должна оказывать помочь братьям меньшим... Или так: раз старший офицер дал ответ, значит, он, очевидно, не заметил ничего подозрительного, а если даже и заметил, то, вероятно, отнес это за счет простуженного горла...

Или... Или... Или...

Флэндри снова влез в верхнюю одежду, которую снял, когда работал. Он положил в карман моток провода. Хроонометр показал, что прошло около часа. Он остановился, когда Флэндри выстрелил из бластера в основной радиопередатчик. Выходя из аэробуса, Флэндри испортил также двигатель, подняв защитную плиту, расстреляв компьютер, который регулировал направление гравитационных лучей. Флэндри надеялся, что никого не убил, но в то же время не хотел, чтобы оставшиеся здесь могли поделиться новостями до того, как он окажется далеко отсюда. Конечно, если потребуется убить, он сделает это, и сна потом не потеряет.

А будет ли это «потом»?

Ветер жег его рану на лице. Флэндри бежал вприпрыжку по трескучему снегу к дому Рринна. Приблизившись, стал двигаться осторожно, остановился возле входа, крепко зажмурив глаза, пока поднимал защитные очки. Ввалившись в дом, не адаптировав глаза к темноте, очень неумно. Итак, станер в правой руке, бластер в левой — Флэндри резко толкнул попону. Она с шумом откинулась.

Марсияне и руадраты повернулись в его сторону. Они сидели на хвостах в отдаленном конце комнаты, команды расположились друг напротив друга. Почему-то в такой момент Флэндри заметил, какими яркими были настенные фрески, и пожалел о том, что вскоре потеряет дружбу художника.

Диана вскрикнула.

Рринн зашипел. Флэндри Айдвайр прошептал фразу на

языке, которого человек никогда раньше не слышал. Несколько фигур из каждой команды пришли в движение. Флэндри потряс своим бластером и закричал на ирайо:

— Ни с места! Пушка настроена на широкий луч! Я могу поджарить многих из вас за два выстрела!

Напряженные и сердито огрызающиеся, они вернулись на свои места, Диана приближалась к Флэндри, механически переставляя ноги и беззвучно шевеля губами. Айдвайр что-то выпалил в свой голосовой преобразователь. Рринн ответил в свой. Землянин угадал:

— Что означает это предательство? (Айдвайр.)

— Действительно, он был жив, однако я не предполагал, что схватится за оружие. (Рринн.)

Флэндри перебил:

— Очень сожалею, но я должен оглушить тебя. Никакого вреда причинено не будет. Просто поболит голова, когда очнешься. Если кто-нибудь попытается атаковать меня, направлю луч бластера. Взрыв, по всей вероятности, убьет и других. Рринн, я даю тебе несколько дыханий для того, чтобы ты объяснил это своей группе.

— Ты не сделаешь этого! — дико закричала Диана.

— Не с тобой, моя дорогая, — сказал Флэндри. Он видел, что руадраты переговариваются. — Пойди и встань рядом со мной, Диана. — Она сделала глотательное движение, стиснула кулаки, выпрямившись, твердо ответила:

— Нет.

— Почему?

— Я не перебежчик, как ты.

— Не знал, что я перебежчик, — Флэндри взглянул на Айдвайра. — Что ты с ней сделал?

— Я показал ей правду, — ответил мерсиянин. Он сохранил спокойствие. — Что ты собираешься делать?

— Увидишь, — сказал ему Флэндри. И обратился к Рринну:

— Ты закончил?

— Снага.

Не имело особого значения, что руадрат был другой по-

роды, нельзя было ошибиться относительно не высказанной до конца ненависти.

Флэндри вздохнул:

— Я глубоко опечален. Мы хорошо путешествовали вместе. Пусть тебе всегда везет в охоте.

Оглушающий луч станера бил и бил. Руадраты пытались где-нибудь укрыться, но не находили ничего подходящего для этого. Мерсияне принимали пилюли с завидным мужеством. Приблизительно через минуту все были без сознания, кроме Айдвайра и Дианы.

— Теперь вот что,— Флэндри бросил ей моток провода,— свяжи его локти за спиной, притяни кверху его хвост, да покрепче, потом возьми конец и стреножь его.

— Нет! — взвизгнула она.

— Детка,— сказало измощденное, потемневшее от солнечного загара, раненое лицо,— на карту поставлено гораздо большее, чем моя жизнь, но я бы очень хотел начать ее сначала. Мне нужен заложник. Я бы предпочитал не волочить его. Если мне придется все-таки сделать это, то я сначала уложу вас обоих.

— Подчинись,— сказал Айдвайр Диане и обратился к Флэндри:

— Хорошо сработано. И каков же следующий этап твоего плана?

— Нет комментариев,— ответил человек.— Я бы не хотел показаться невежливым, но если вы чего-то не знаете, то и не можете, следовательно, организовать противодействие.

— Согласен. Становится ясным, что твои предыдущие достижения не были результатом простого везения. Мои поздравления, Доминик Флэндри!

— Я благодарю датолха, получишь заряд, женщина! — Взгляд Дианы яростно скользнул по его лицу. Усилием воли она заставляла себя не плакать.

Старания Дианы, когда она связывала марсиянина, были ниже всяких похвал, но Флэндри, все время наблюдавший за ее действиями, понял, что Айдвайр не сможет скоро

выбраться из этих пут. Когда Диана закончила, Флэндри привлек ее к себе.

— Мне бы хотелось, чтобы наш товарищ по детским играм, был вне твоей досягаемости,— сказал Флэндри. Заглянув в ее голубые глаза, он улыбнулся. Теперь не было острой необходимости держать в руке оружие. Он положил обе руки на ее талию.— Я бы хотел, чтобы ты была в моей досягаемости.

— Ники,— прошептала она,— ты не ведаешь, чтотворишь. Пожалуйста, пожалуйста, послушай.

— Попозже.— Нарастающий гул заставил горшки на полках прыгать. Несмотря на абсолютную собранность, к которой приучил себя Флэндри, радость вырвалась из него:

— А вот и мой билет домой.— Он выглянул.— Да, Якобини-Зиннер, близкий и родной остроносенький «Джейк», опускающийся на снежное поле, кружящий вихри вокруг себя!.. Но... Погоди-ка! Высоко в небе, откуда только прилетел «Джейк»...

Флэндри застонал. Похоже, еще одна ракета. Мориох или еще кто-нибудь решил быть осторожным и послал сопровождение.

Хорошо, он учел и такую возможность. У Кометы посадочные ножки гораздо выше, чем у большей части других ракет, если не всех; а в атмосфере, особенно в такой, как на Тэлвине...

Входной люк открылся. Трап для спуска спущен. Появился мерсиянин, по всей вероятности, врач — он нес медицинский саквояж. Мерсиянин не был одет в тепловой костюм с электрообогревом, только космонавты получают такую зимнюю одежду. Флэндри показалась до колик смешной эта нелепая фигура, стоящая тут и удивленно глазеющая по сторонам, при этом хвост был спрятан в специально сшитый чехол.

Никогда еще не приходилось Флэндри так тяжело работать, как на сей раз. Он издавал что-то вроде гиканья и вскриков, стараясь походить на мерсиянина:

— Идите сюда! Вдвоем! И пилот тоже!

— Пилот...

«Быстро!» — мелькнуло в сознании Флэндри.

Доктор вызвал пилота из ракеты. Оба мерселянина спустились и пошли через площадь. Флэндри стоял, как натянутая до предела струна, искоса поглядывая на них сквозь щель между дверным косяком и попоной. Он повернулся почти спиной к Диане и Айдвайру, поэтому ему приходилось попеременно глядеть то туда, то сюда. Если вдруг кто-то из прибывших что-нибудь заподозрит или кто-то закричит, прежде чем пришельцы будут в диапазоне достигаемости луча станера, он пошлет в них смертельных заряд бластера и постарается как можно быстрее добраться до ракеты.

Пилот и доктор вошли. Он свалил их с ног. Подбирав медицинский саквояж, Флэндри поднял и свое оружие.

— Пошли, Айдвайр.— Он поколебался.— Диана, ты можешь остаться, если хочешь.

— Нет,— ответила девушка едва слышно.— Я пойду.

— Не советую,— изрек Айдвайр,— опасность весьма велика. Мы имеем дело с доведенным до отчаяния, безрассудным существом.

— Может быть, я смогу помочь тебе,— предложила Диана.

— Тебе было бы лучше помочь Мерсейе,— укорил ее Айдвайр.

Флэндри завопил, не помня себя от ярости:

— Так вот чем ты являешься для него, крошка, послушным инструментом его проклятой планеты!

И прибавил на ирайо:

— Пошел!

Девушка неопределенно покачала головой. Было не совсем ясно, кому из них двоих она предлагала помочь. Несчастная, одинокая, она устало тащилась за высокой фигурой мерселянина и человеком, нацелившим на него оружие. Далеко, выглядящая яркой точкой, стояла неприятельская ракета. Экраны внешнего обзора позволяют определить, что трое покинули дом и идут к ракете, но кто именно — нет,— надеялся Флэндри. Всего-навсего трое — для выполнения какого-то задания... Сходни заскрипели под ними.

— Назад! — приказал Флэндри. — Извиняюсь, — сказал он, когда они приблизились к койке, и оглушил Айдвайра. Он использовал провод, чтобы подстражовать пленника, и подтолкнул Диану вперед. Ее губы, все ее тело дрожали.

— Что ты будешь делать? — спросила она.

— Попытаюсь убежать, — сказал Флэндри. — Ты имела в виду, что здесь затевают что-то другое?

Она рухнула в кресло рядом с Флэндри, перед панелью управления. Он обвязал, что было скорее мерой предосторожности от ее импульсивных выпадов, чем от воздействия внутренней гравитации, и занял свое место. Она уставилась на Флэндри совершенно отсутствующим взглядом.

— Ты не понимаешь, — без конца повторяла она, — он хороший, он мудрый, ты делаешь такую ужасную ошибку, пожалуйста, не надо.

— Хорошо, ты хочешь, чтобы мне выскобили все мозги?

— Я не знаю, я не знаю. Оставь меня одну!

Флэндри забыл о ней, пока проверял показания приборов. Похоже, все в порядке — никаких следов поломки, вандальства или следов работы идиотов-полицейских. Он не спеша включил двигатель. Сходни втянуты, входной люк задраен. «Прощай, Тэлвин. Прощай, жизнь? Это мы еще посмотрим!»

Он начал манипулировать на панели управления. Пальцы слушались его. «Джейк» плавно поднялся. Деревня уменьшалась, затем гейзеры, горы. Он был в небе!

Вновь и вновь срабатывал сигнал внешнего вызова. Флэндри не обращал на него никакого внимания, пока направлялся на север. Другой космический корабль летел рядом. Это ракета типа «корвет» — не очень мощная военная машина, но способная запросто проглотить «Джейка» на завтрак. Флэндри принял ее вызов.

— Санью — земному кораблю. Куда вы направляетесь и зачем?

— Борт земного корабля — и это действительно земной корабль — для Санью. Слушай внимательно, внимай обоими ушами. Говорит Доминик Флэндри. Это именно тот са-

мый Доминик Флэндри. Я собираюсь домой. Датолх Айдвайр, Вэч Урдиолх, племянник наиболее высокопоставленного чиновника в Ройдханате и так далее, у меня на борту, он мой гость. Если вы не верите мне, проверьте город аборигенов и попытайтесь найти его. Когда он очухается от легкого недомогания, я обязательно покажу его вам. Если вы расстреляете меня, то и с ним будет покончено.

Пауза.

— Если ты говоришь правду, Доминик Флэндри, неужели ты вообразил себе, что датолх будет торговать своей честью в течение многих лет?

— Нет. Я себе представляю так, что вы попытаетесь спасти его каким-либо способом.

— Правильно. Вы будете взяты на абордаж, захвачены и доставлены на борт нашего корабля. Если датолху был причинен вред, пеняй на себя.

— Сначала вам следует меня догнать. Затем — убедить в том, что проклятие, которое вы пошлете, сможет повредить мне больше, чем это удавалось вам до сих пор.

Я предлагаю вам посоветоваться с кзанрифом, прежде чем броситься очертя голову. Пока, — и на английском он добавил: — Будь здоров!

Флэндри отключил связь. На той же скорости он пересек Горы Адского Котла. Северные земли широко раскинулись внизу, лед сверкал, темными кляксами выглядели снежные бураны. Приборы предсказывали настоящий, мощный шторм. Это и понятно, зимой в здешних краях не обходится без сильных бурь. Да!

Стена мрака поднималась до самых небес. Прежде чем он попал в это царство мглы, почувствовал удар о борт и услышал вой ветра ураганной силы. Флэндри вошел туда, темнота и хаос заполнили все вокруг.

Корвет не должен был сунуться в такую заварушку. Ничто, кроме метеорологического самолета, не могло находиться здесь; остальные могут летать выше или на достаточном удалении. Но маленькая космическая ракета, ведомая первоклассным пилотом, который начинал свою карье-

ру в военно-воздушных войсках и участвовал в воздушных сражениях, может уцелеть и теперь.

Любые детекторы, действующие снаружи, должны потерять его.

Флэндри совершенно забыл об окружающем мире в борьбе за жизнь.

Через полчаса он освободился от пут темного царства и устремился в космос.

Тэлвин крутился, как гигантский глобус, на экранах обзора. Половина поверхности каждого полюса сияла зимней белизной; туманная дымка голубого океана между заснеженными вершинами казалась черной из-за контрастной игры света и тени. Флэндри помахал рукой.

— До свидания,— произнес он с новыми ощущениями.— Счастливо!

Измерители буквально выпалили: впереди их ожидают патрульные корабли.

Так близко от планеты и солнца нельзя развивать гиперсветовую скорость. Плотность вещества слишком высока, поэтому есть вероятность гравитационного рассогласования квантовых переходов. Состояние окружающей среды было вполне нормальным. Руки Флэндри плясали от волнения.

Переключение на вторичное состояние создало такое сильное поле, что корпус корабля зазвенел. Экраны изменили характер дисплея на компенсированный, сверхсветовой режим. Тэлвин исчез, Сайекх погас среди звезд. Воздух загудел. Палуба дрожала.

Через несколько минут порывистый сигнал привлек внимание Флэндри к переговорному устройству.

— Вот как,— Флэндри размышлял вслух.— Один шкипер решил быть храбрым и последовал нашему примеру. Он также догадался войти внутрь шторма и счастливо миновал его, пристроившись в кильватер к нам. Иначе бы он не зарегистрировал наш постоянный пеленг. Мы движемся быстрее, но боюсь, что не удастся оторваться от него, а ведь он может послужить проводником и для других, тех, кто действительно способен догнать нас.

Диана шевельнулась. Все это время она сидела безмолвно. «Потеряна совершенно», — подумал Флэнди, когда смог наконец уделить ей немного внимания. Ее лицо выглядело из-под тяжелой шапки волос.

— И у тебя есть какая-нибудь надежда? — спросила она потухшим голосом.

Он энергично работал с навигационными данными.

— Гонка с преследованием — это долгая гонка, — сказал он. — Я слышал о том, что в нескольких парсеках отсюда есть пульсар. Он может помочь нам сбросить с хвоста наших назойливых приятелей.

Она не ответила, лишь посмотрела назад, в космос. То ли она не знала, насколько опасен был пульсар, то ли ей было все равно.

XIX

Однажды, очень давно, зажглась голубая гигантская звезда, в 50000 раз более яркая, чем еще не родившееся наше солнце. Процессы развития продолжались много миллионов лет; потом водородное топливо, необходимое для сохранения первоначального равновесия, выгорело. Звезда коллапсировала. Моментальная вспышка — словно взорвалась целая галактика. Сверхновая звезда прекратила свое существование.

Такая энергия не могла быстро рассеяться. В течение веков сорванные взрывом верхние слои образовывали туманность, похожую на красное кружево. Она окружала ядро, дававшее больше рентгеновского излучения, чем света. Постепенно газы рассеялись, часть из них образовали солнце и новые планеты. Центральный шар, который остался, продолжал непрерывно сжиматься под действием собственного веса. Это продолжалось до тех пор, пока плотность вещества не достигла нескольких тонн на кубический сантиметр, а период вращения вокруг собственной оси не стал измеряться секундами. Все слабее и слабее он светил, белый карлик, черный карлик, нейтронная звезда...

Сжатые до степени, которая находится близ предела, допускаемого законами природы, атомы (если их можно так назвать) подошли к моменту окончательного преобразования. Начались фотонные вспышки, фотоны накачивались через искаженное пространство-время внутри и вокруг ядра нейтронной звезды и, обретя свободу, улетали со скоростью света.

Подозрительно регулярными были эти всплески радиоактивности, хотя очень медленно частота их, амплитуда и скорость ее нарастания отклонялись в сторону спада — как вспышки потухающего вулкана.

Это было дыхание пульсара.

Диана, не отрываясь, словно загипнотизированная, смотрела на экран переднего обзора. Ничтожно маленькой, но яркой возникла среди звезд эта красная искра... Искра... Искра... Она не могла припомнить, чтобы когда-то видела нечто подобное. Тепло и яркий свет внутри ракеты делали еще более черной пустоту снаружи; шум двигателя и шелест вентиляции подчеркивали леденящее молчание этого бесконечного пространства.

Она положила ладонь на руку Флэндри:

— Ники...

— Молчи.— Его глаза ни на секунду не оставляли приборную панель, пальцы бегали по клавиатуре компьютера.

— Ники, мы можем умереть в любую минуту, а ты даже не скажешь мне ни одного словечка?

— Перестань отвлекать меня, иначе мы с тобой гарантированно погибнем.

Она замерла в своем кресле: «Будь сильной, будь сильной...»

Диана не сопротивлялась, когда Флэндри привязывал ее к месту, не жаловалась, не уговаривала его. Флэндри не доверял ей больше. Он так устал, ему необходимо было отдохнуть, хоть чуточку забыться, поспать. Он принес бутерброды своим пленникам — еду приходилось готовить самому, на Диану он не рассчитывал — она запросто могла подсыпать снотворное или наркотик. А уж это было совсем ни к чему.

Флэндри с головой ушел в математические расчеты, наблюдение за приборами. Он не обращал на Диану абсолютно никакого внимания, словно ничего и никогда не было между ними. А она-то думала, что обладает сильными чарами, что Флэндри сильно привязан к ней. Но его воля преодолела все. Чары ушли на второй план. Ему было не до этого.

Флэндри наклонился над панелью пилота. Он сильно запрос — львиная грива скрывала выражение его лица, — чужой облик натянуто-делового человека; напряженный, со средоточенный взгляд; руки, контролирующие машину. Казалось, вид этого человека говорит о том, что он теперь охотник, мужчина, который охотится.

И — за которым охотятся.

Четыре мерсеянских корабля почти наступали им на пятки. Он сказал об этом Диане перед тем, как пойти отдохнуть. Флэндри прикинул, что мерсеяне могут догнать их за 25 световых лет. От Сайекха до пульсара было 17.

Искра... искра... искра... один раз в 1,3275 секунды. Цифры возникали на дисплее панели управления. Флэндри кивнул, быстро взял штурвал. Звезды ушли в сторону, когда он менял курс ракеты.

Через некоторое время он сказал, может быть, самому себе:

— Да. Они замедляются. Они не осмеливаются идти на такой скорости.

— Что? — прошептала Диана.

— Погоня. Им кажется, что мы направляемся прямо на этот маяк. Приблизиться вплотную — это легко сделать на гиперскорости, но градиент гравитации тут же раздолбает тебя на атомы. Зачем подвергаться риску вместе с нами? Если мы не избежим опасности, то Айдвайр будет более дорогостоящим, чем весь его корабль и его команда. Если нам удастся выжить, они смогут поймать нас позже.

«Флэндри согласовывает фазы, направляет корабль строго по курсу, он прилагает все усилия, чтобы спасти Айдвайра... и ее... Но, Ники, Ники...

Ведь они могут догнать нас и выжечь его сознание.

Но разве это имеет значение? Я буду очень сожалеть об этом, мы оба — я и Айдвайр — будем очень сожалеть об этом, но Мерсейя...»

Флэндри повернулся к ней. Его улыбка, его серые глаза просветили Диану.

— Это то, что они думают, — сказал он.

«Я беспокоюсь о тебе, только потому что ты — мужчина, один-одинешенек в этой пустоте, но, может, я испытываю беспокойство по отношению к любому другому мужчине? Только мое тело испытывает беспокойство, мое грешное тело».

Флэндри наклонился вперед и взял ее подбородок, как чашку, в свою правую руку:

— Приношу извинения за грубость, — он улыбнулся. — Еще больше я сожалею, что приходится играть с твоей жизнью. Я должен был настоять на том, чтобы ты осталась на Тэлвине... После того, как ты захотела вернуться на Землю, что, помимо всего прочего, отпечаталось в моем сознании, я подумал: ты пришла к окончательному решению и выбрала свободу.

— Я была свободной, — заявила она категорично, — я следовала за своим хозяином.

— Это слова, смыслом между собой не связанные, вот так...

Зажужжал зуммер.

— Угу, — сказал Флэндри, — мне нужно работать. Мы сблизились приблизительно на половину расстояния до планеты, обращающейся вокруг центрального ядра. Я запрограммировал автопилот, при сложившихся обстоятельствах я хочу завести преследующее нас стадо на нее.

— Планету? — раздражение поднялось в ней. — Они поймают нас, это точно! Одновременно одна подумала: «Но это же совсем неплохо».

Тональность звука ракетного двигателя изменилась. Изображения звезд исчезли, пока дисплеи перестраивались. С действительной скоростью, ограниченной (в отличие от фазовой) скоростью света, ракета нырнула в гравитацион-

ное поле. Незримая сила заставила корпус корабля монотонно подвывать; ракета шла с максимальным ускорением.

Искра... искра... искра... Окрашенный в кроваво-красный цвет мигающий прожектор космического маяка стал значительно ярче. Но Диана пока могла смотреть туда, она не находила никакого диска, обычного для планет. Звезды замерзли в кромешной мгле. В каком направлении была Империя?

Флэндри полностью переключился на технику. Дважды он занимался ручной настройкой.

После нескольких минут, в течение которых Диана молила Бога вернуть ей мерсианскую храбрость, шум и вибрации остановились. Так как ее голова все еще была полна ими, она не сразу осознала наступившую тишину. Она заставила свой язык держаться за зубами и не молвить умоляющих слов. Когда Флэндри начал говорить, она вздрогнула.

Он говорил спокойно, так, как будто это было в один из безвозвратно ушедших дней, когда они вдвоем охотились за сокровищем.

— Насколько я могу судить, мы идем точно по курсу. Давай немножко расслабимся и передадим часть нашей работы пространству.

— Ч-ч-что мы делаем?

— Мы свободно падаем по гиперболической орбите к пульсару. Но мерсеяне — нет. Они перераспределились, чтобы держать «под колпаком» большой район поисков. Они не смогут рискнуть приблизиться к нему так близко, как мы. Потенциальная гравитация такой чудовищной массы в слишком маленьком объеме, как ты понимаешь, может заставить дифференциальные силы разрушить их корабли. Наша ракета меньше подвержена этим силам, так как она миниатюрнее. С помощью внутреннего поля — того, что создает искусственную силу тяжести и противодействует давлению; возникающему при ускорении,— наша ракета должна сохраниться. Мерсеяне, думаю, собираются подождать, пока мы снова разовьем гиперскорость,— и уже тогда они завершат охоту.

— Но что станет с нами?

Искра... искра... искра...

Неужели эта зимняя ссылка сделала его сумасшедшим?

— Мы пролетим сквозь самый край бахромы очень искривленного пространства. Концентрация массы деформирует его. Если ядро станет намного плотнее, свет не сможет свободно выходить оттуда. Мы не должны попасть в такие экстремальные условия. Надеюсь, эти силы не заставят нас обращаться вокруг ядра, когда мы минуем периастрон. Наše излучение будет слишком рассеянным; лучи радаров отклонятся на случайные углы. Мерсекне смогут очень приблизительно вычислить, когда и где мы вернемся в космос, не искаженный гравитацией. Но пока мы здесь,— Флэндри расстегнул ремни. Поднимаясь, он сильно потянулся, хотелось расправить каждый мускул.— Кстати о мерсекнах — надо бы повидать старика Айдвайра.

Диана неумело вертела свои пряжки:

— Я, я, я не понимаю тебя совершенно, Ники,— заикаясь, пробормотала она.— Что мы... что ты можешь выиграть, кроме небольшой оттяжки времени? Зачем ты взял нас на борт?

— Что касается твоего первого вопроса, то ответ касается только технических деталей. Что касается второго вопроса, Айдвайр — причина того, что мы забрались так далеко. Не будь Айдвайра на борту, мы бы непременно вступили в ракетную перестрелку.— Флэндри обошел ее кресло сзади.— Разреши-ка мне помочь.

— Как! Ты не освобождаешь меня!

— Нет, я не освобождаю тебя, разве не понятно? — произнес он мечтательно. Наклонившись, он ткнулся носом в то место, где шея переходит в плечо, и сделал короткий, быстрый вдох-выдох, словно нюхал ее. Поцелуй, который последовал за этим, прервал дыхание и вызвал головокружение, которое так и не рассеялось, пока он шел на корму.

Айдвайр спокойно сидел на койке. Флэндри примотал короткий конец кабеля к раме, перед тем, как пойти спать, а другой конец вокруг лодыжки и расслабил веревку. Это

не было жестким ограничением. Действительно, ему следовало держать оружие наготове и быть бдительным.

— Вы слушали наш разговор,— спросил Флэндри,— я оставил включенной внутреннюю связь.

— Спасибо тебе за заботу,— ответил Айдвайр,— но я не понимаю по-английски.

— Ох! — рука Дианы непроизвольно прикрыла рот,— я забыла...

— И я,— признался Флэндри,— мы — земляне, имеем обыкновение думать, что каждое образованное существо должно знать наш официальный язык, на самом же деле это, конечно, не так. Хорошо, я могу рассказать вам.

— Мне кажется, я угадал, о чем вы говорили,— сказал Айдвайр.— Ты стремишься к свободе, рискуешь пройти допустимо близко от пульсара. Достигнув релятивистской скорости, ты вышлешь курьерские торпеды, стянутые вместе, и разовьешь гиперскорость. Что касается эффектов возмущения, ты надеешься, что мои люди ошибутся в выборе импульсов, идущих от ракеты и от пакета курьерских торпед и будут преследовать их. Если твоя ловушка заманит их не менее, чем на световой год, ты будешь вне досягаемости гиперзвуковых детекторов и сможешь взять курс домой. Маловероятно, что значительное искривленное пространство позволит им, при проверке обратного пути, уловить твои вибрации.

— Правильно,— сказал Флэндри одобрительно.— Вы довольно проницательный стервец. Я действительно задумывал что-то в этом духе.

— Если твоя схема принесет успех...— Айдвайр сделал жест, выражавший уважение.— Если нет, и нас возьмут живыми, ты находишься под моей протекцией.

Радость вспыхнула в Диане: «Мои мужчины могут быть друзьями!»

— Вы весьма добры,— сказал Флэндри и поклонился, затем повернулся к Диане:

— Не приготовишь ли ты нам по чашке чая? — Он говорил по-английски.

— Чая? — спросила она с изумлением.

— Он любит чай. Давай будет гостеприимными. Переведи коридорную связь на очень громкий уровень — и сможешь слушать, о чем мы тут беседуем.

Флэндри говорил легко, но она сразу уловила скрытый смысл последней фразы и моментально ее радость замерзла: «Но почему, почему?»

— Не хотел бы... датолк... выпить чаю? — спросила она на ирайо.

— Спасибо,— рассеянно ответил Айдвайр, мысли которого были заняты Флэндри. Диана шла вперед, мимически переставляя ноги. До нее доносились голоса:

— Я не более добр, Доминик Флэндри, нежели тот, кто обычно держит дерзкое, наглое, но работоспособное существо в приемлемом для жизни состоянии.

— В качестве слуги?

— Кхрэйч, мы же могли подобру-поздорову отослать тебя домой, не так ли? Я...

Диана закрыла дверь, ведущую в коридор. Слова прервались. Неверными пальцами она включила внутреннюю связь:

— ...звиняюсь. Вы хорошо все складываете в соответствии со своими стандартами, дорогой Айдвайр. Но я выбираю в пользу устаревшего предрассудка свободы, а не рабства, пусть даже самого сладкого. Вроде того, что вы сотворили с этой бедной девушки.

— Это было ее восстановление. Оно улучшило ее психическое и умственное состояние.

«Нет! Он не может говорить обо мне как о животном!»

— Она теперь действительно выглядит более... хм... уравновешенной,— сказал Флэндри.— Но это, к сожалению, только видимость. Спокойствие девушки продолжается ровно столько, сколько вы держите эту пелену «отцовства» перед ее глазами.

— Х-р-р-р, слышал ли ты что-нибудь о технике Айчарайха?

— Айчарайх? Кто? Н-н-нет... Я спрошу у капитана Абрамса... Черт побери! А может, и не стоит больше играть в прятки с вами, а, Айдвайр? Ладно, я попался, как неуме-

лый котенок, после того, как вы бросили эту наживку прямо в мои лапы. Если вернуться к разговору о Диане, то фиксация отцовства в ее подсознании была совершенно безошибочной находкой.

— А как ты думаешь, что бы еще я мог сделать? Она попала ко мне, иностранный агент, обладающий знаниями, которые не должны попасть на Землю. Она проявила определенные способности. Зачем же убивать ее, если можно развить эти способности? Убить ее мы могли бы в любой момент. Кстати, глубокое психологическое изучение людей всегда очень интересовало меня. Позже, когда проявился ее особенный дар внушать свои желания другим мыслящим существам, мы увидели, какой это для нас подарок. Я должен был во что бы то ни стало заполучить ее в свой лагерь.

— И для того, чтобы завоевать ее доверие, вы рассказали об опасности, грозящей мне. Вы сделали так, чтобы Диана предупредила меня?

— Да. Предупредила о — если уж быть абсолютно честным с тобой, Доминик Флэндри, — несуществующей опасности. Не поступало никаких приказов о твоем устранении, мне разрешили взять тебя под свою охрану. Но шанс окончательно решить дело с ней был очень привлекательным.

Диана закричала по-английски:

— Нет! Будь я проклята во веки веков!

— Я надеюсь, Флэндри, что ты не сердишься.

— Н-н-нет. Это было бы неспортивно, не так ли?

— «Это тем более так, что привело к моему освобождению из заключения гораздо быстрее, чем я мог бы предложить», — подумал Флэндри.

— Поверь мне, я не хотел пожертвовать тобой. Я совсем не хотел включаться в это поганое дело. Честь мерселянина заставила меня. Но я жалел о каждой минуте, потраченной на тэльвинское исследование.

Диана упала на колени и заплакала.

Искра... искра... искра... Ярко-красное свечение было, как дротик, с экранов. Корпус корабля вздрогивал и стонал от напряжения. Сопротивляясь ему, внутреннее поле за-

ставляло воздух дрожать, издавая дикие высокочастотные звуки. Часто, глядя в салон, Флэндри думал о том, что корабль пульсирует. Вероятно, так и было, пока ракета скользила в космосе на грани невозможного вдоль искривленного пространства. Время от времени отвратительная тошнота подкатывала и скручивала, а сознание становилось туманным.

Звезды не выглядели ни как созвездия, ни как светящиеся точки — одни только радужные пятна, кляксы и мазки.

Диана помогла Флэндри запустить курьерские торпеды, которые он запрограммировал в нормальных условиях. Когда торпеды ушли на старт, надел свой костюм для выхода в открытый космос и соединил их. Флэндри отсутствовал довольно долго и вернулся белый и дрожащий.

— Сделано,— это все, что он смог произнести.

Они перебрались в рубку. Флэндри сел в кресло, Диана примостилась сбоку, они держали друг друга в объятиях, пока ракета летела сквозь кошмары ночи.

— Ты молодец,— непрерывно повторяла она,— ты молодец, молодец...

И странная отчужденность исчезла, на смену пришли спокойствие, уверенность. Звезды — одна за другой — все вернулось.

Флэндри, измощденный, через силу посмотрел на приборы. Показания вновь приобрели смысл, теперь он мог анализировать их на свежую голову.

— Остаточные гиперколебания,— выдохнул он,— наш трюк сработал! Скоро мы перестанем их регистрировать, но сначала выключим наши системы.

— Зачем? — Диана вернулась в свое кресло. Ее голос звучал очень утомленно.

— Я не могу сказать, как далеко от нас мерсеянские корабли. Пространство все еще немного перекрученено, и не исключено, что они оставили один корабль на стреме. В тот момент, когда мы проходили порог метрического пространства, должны были возникнуть наши излучения: инфракрасное от корпуса, нейтринное от электрической установки.

Вот такие пироги. Это несмотря на то, что мы создали второй источник.

— Как пожелаешь, дорогой.

Невесомость была как шаг со скалы и падение без конца. Кабина стала темной, вспышки пульсара — с одной стороны и свет звезд — с другой, казалось, игриво прижимались к ракете. Все было отключено, кроме маленького аккумулятора, питающего мотор принудительной вентиляции: в помещение начал вползать холод.

— Держи меня,— попросила Диана умоляющим голосом, не видя ничего в кромешной темноте,— согрей меня.

Тоненький, как карандаш, луч фонарика скользнул от руки Флэндри вдоль консоли управления. Обратно рассеянный свет обозначил его как тень. Молчание длилось долго...

— О-о-ох. Они оказались довольно ловкими, чего я больше всего боялся. Гравитационные волны. Кто-то начинает первичное ускорение. Это, должно быть, их корабль.

— Сын Божий, помоги нам!.. — зашептала Диана.

Пульсар сокращался и мутнел, пока Флэндри наблюдал за ним.

— Похоже, нас засекли радаром.

— Он-н-ни поймают нас?

— М-м-м, они могут посчитать, что мы являемся небольшим бревнышком в космических дебрях. Обычно нельзя точно определить, что означает та или иная мелкая вспышка на экране радара... О-ей-ей! Они выбирают новое направление полета. Если бы я мог безопасно использовать компьютер! Что-то мне кажется, они маневрируют неспроста — хотят пересечь свой курс с нашим, но мне нужно кое-что проверить, чтобы быть уверенным.

— А если это действительно так? — спросила Диана. «Сама теоретическая возможность такого вселяет ужас,— думала она.— Вот сейчас ты, Флэндри, занимаешься считыванием показаний со своих приборов, вычислениями, а меня нет рядом с тобой, я не могу прикоснуться к тебе, я даже толком не вижу тебя. Мы уже не являемся сами собой, мы — объекты. Это — все равно что стать мертвым. Нет,

это неправильно. Иисус Христос обещал, что мы останемся в живых. Он обещал!»

— Совсем не обязательно.— Флэндри отвечал на вопрос Дианы.— Похоже нас все-таки не нашули. Я подозреваю, что они шарили по пространству более или менее наугад. Нас могли зарегистрировать на более близком расстоянии из-за сильного излучения, но они потеряли нас и не нашли. Межпланетное пространство гораздо больше, чем представляют себе многие. Поэтому они могут направиться по приблизительной орбите, в конце которой рассчитывают зарегистрировать нас.

— И это им удастся?

— Я не знаю. Если нас все-таки поймают... Хорошо, я предполагаю, что мы преодолеем это последнее препятствие, эту космическую траншею. Разве реально копать канаву в вакууме? Мы можем сдаться на милость победителя, в надежде, что Айдвайр сможет спасти нас. А потом представится другой шанс совершив побег.— Его голос звучал в темноте не так уверенно и спокойно, как ему хотелось бы.

— Ты поверил Айдвайру? — вырвалось у Дианы.

Луч фонарика обошел поочередно индикаторы приборов.

— Они быстро приближаются,— сказал Флэндри.— Луч радара скоро захватит нас. Мы можем показаться им межзвездным астероидом, но, учитывая вероятность прохождения какого-то пути природным телом за заданное время...

Она слышала и чувствовала его отчаяние.

— Извини, радость моя. Мы позволили им сделать очередную попытку достать нас, не так ли?

В ее сознание ворвалось изображение злейших врагов человека, ужасных существ с акульными очертаниями, они стояли поперек Млечного Пути — оружие наперевес. Сама Диана взлетела к звездам, высоко-высоко.

— Бог милосердный — закричало все ее существо,— ох! Отошли их туда, откуда они явились!

Искра... искра... искра...

Луч света плясал. Там, где он касался поверхности, измерители превращались в солнечные блики. Примерно то же самое происходило на экранах обзора.

— По-о-дож-ди,— бормотал Флэндри,— одну минутку... Они отступают,— вырвалось у него.— Боже правый, они... они решили, должно быть, что тот всплеск на экранах их радаров не означает ничего.

— Они уходят? — она услышала собственный голос.— Они действительно уходят?

— Да. Они уходят. У них не было твердой уверенности насчет мимолетной индикации, которая промелькнула однажды на их экранах... Ого! Они перешли на гиперскорость! Уже! Направляются назад к Сайекху, да, похоже на то. А мы — здесь. Мы можем снова использовать все наши системы жизнеобеспечения. Для начала приведем в действие приемники вторичных волн — да-да: четыре отметки — это наши курьеры, другие три корабля мерсейян вблизи порога обнаружения, и удаляющиеся...

— Диана, мы сделали это! Господи Иуде!

— Не Иуде, дорогой, а Иисусе,— сказала она, ласково глядя на Флэндри.

— Пусть будет кто-нибудь, кто тебе нравится,— Флэндри включил свет. Радость лучилась из него во все стороны.

— Ты само совершенство, совершенство... ты — само...

Вес. Милые, теплые сгустки воздуха. Флэндри отплясал фанданго по всей кабине.

— Мы сможем снова набрать скорость приблизительно через час. Пойдем длинным окружным путем для безопасности — но в конце этого пути будет дом! — Он обнял Диану.

— И никогда не упоминай мне об Айдвайре,— запел он по-соловьевиному. Мы с тобой будем отмечать победу весь остаток пути!

XX

Флэндри стоял в очень неудобной позе из-за ужасной темноты — он находился на безопасном расстоянии от Айдвайра:

— Вы признаете, что полная правда о прошедшем по-

ставила бы меня в затруднительное положение. Я хочу услышать ваше клятвенное обещание, что вы поддержите мои усилия и не пророните ни одного слова о Вэйленде.

— Почему, собственно я должен соглашаться? — ласково спросил мерселянин.

— Потому что, если вы не согласитесь,— сказала Диана, злоба слышалась в каждом ее слове,— я с удовольствием прикончу вас.

— Нет-нет, не надо так драматизировать ситуацию,— вмешался Флэндри.— Считаю, что клятва под принуждением не имеет ценности. Айдвайр, в перечне данных для пилота есть немало планет, где я мог бы высадить вас. У вас есть шанс выжить. На некоторых из этих планет есть воспитанные жители, которых следует изучать. У этих планет, правда, есть один недостаток: никто не посещает их, у вас могут возникнуть некоторые проблемы с опубликованием ваших открытий. Но, если вы не возражаете, я не стану настаивать на вашей высадке где-нибудь там.

— Разве это не угроза? — прогомыхал пленник.

— Не более чем ваша угроза нарушить мои... ну, как это... сторонние финансовые интересы. Независимо от того, что станет со мной или с вами, Тэлвин постепенно утратит свое военное значение. Ну ладно, давайте предположим, я смогу что-либо сделать для сохранения в целости и сохранности вашей научной станции. С учетом существующих обстоятельств, вам не покажется мое предложение слишком самоуверенным?

— Хорошо! — сказал Айдвайр. Он сделал жест, соответствующий формуле чести, затем поднял руку.— А вы, со своей стороны, последуете моему примеру? Давайте ударим на этом по рукам.

Флэндри ответил на предложение Айдвайра. Диана наблюдала, держа в руках станер:

— Я надеюсь, ты не собираешься развязать его? — судя по голосу она была настроена весьма решительно.

— Нет, к сожалению, это не может быть включено в сделку,— сострил Флэндри.— Если только вы не дадите мне свое честное слова, Айдвайр.

Диана выглядела обиженной и озадаченной, пока мерсенин не ответил:

— Я не дам своего честного слова. Вы слишком много знаете. Моя обязанность убить вас при первой же возможности. Он улыбнулся:— Так как это дело сделано, не хотели бы вы сыграть партию в шахматы?

Разработка полезных ископаемых продолжалась то там, то тут в системе планет, к которой принадлежала Айрумкало. Там оставались маленькие колонии землян, как правило, с временным населением. Старателям не разрешалось расспрашивать официальные лица о целях их работ, о характере ведущихся на планете разработок и т.д.

«Джейк» опустился в космическом порту на четвертой планете. Место это находилось в центре огромной красно-коричневой пустыни. Здешняя атмосфера не годилась для дыхания, ее едва хватало на то, чтобы загонять пылевые тучи в пурпурное небо.

Шланг выдвинулся, чтобы соединить воздушный ввод с куполом. Флэндри повел Диану к выходу.

— Ты скоро вернешься? — беспокоилась она.

На какой-то момент эта маленькая стройная фигурка в скромном одеянии, глаза — голубые озера, слегка раскрыты и влажные губы заставили его забыть обо всем нехорошем, подумать о ней как о ребенке. Он всегда испытывал нежные, светлые чувства к детям.

— Скоро, если смогу,— ответил он.— Вероятно, не позже, чем через неделю. Но, пожалуйста, будь ниже травы, тише воды, пока ты не получишь от меня весточку. Думаю, вполне естественно отчитаться перед Леоном Аммоном вместе. Кредиты, которые ты принесла с собой, следует растянуть. Наведывайся в центральное почтовое отделение ежедневно. Получив телеграмму, быстро отбей Леону, чтобы он прислал кого-нибудь за тобой. Я буду рядом.

Флэндри быстро поцеловал ее.

— Будь здоров, партнер!

Она ответила нервным и не совсем уверенным тоном:

— Партнеры... скажешь тоже! — Диана прослезилась.

Она повернулась и быстро пошла прочь. Флэндри вошел в рубку и запросил разрешения на немедленный взлет.

Адмирал Джулиус важно восседал за рабочим столом своего роскошного кабинета. Он был прекрасно одет, но вот лицо... Такого бесцветного, пресного лица Флэндри, пожалуй, никогда прежде не видел.

— Хорошо,— сказал начальственным тоном Джулиус,— завершайте свой рассказ, лейтенант. Завершайте.

— Да, сэр,— ответил Флэндри. Он стоял рядом с Айдвайром, которого только теперь развязал. Айдвайр полусидел на хвосте, с плохо скрываемым презрением он осматривал этот богато обставленный кабинет, дорогую одежду Джулиуса. Сам-то ходил обычно в наспех спитой, дешевенькой робе. Сейчас Айдвайр был абсолютно наг. Зимняя одежда, в которой он попал на корабль Флэндри, оказалась совершенно непригодна для полета. Пришлось отказаться от нее. Взамен ничего не нашлось — и Айдвайр остался раздетым. Таким он ступил на землю Айрумкло. И, честное слово, здесь еще никогда не видели принцев в голом виде!

— Ах... действительно,— Джулиус отвлекся от бумаг, лежащих на его столе,— если я вас правильно понял, вы составляете отчет в полагающейся форме, не так ли? Я понял... Хорошо, но почему вы не рассказали все сами?

— Да, сэр. Совершая полет по предписанному мне маршруту, я засек вибрации, соответствующие кораблю большого размера. Согласно действующим инструкциям, я приблизился, чтобы установить принадлежность этого корабля. Это был мерсеянский военный корабль. Отданные мне приказы допускают, чтобы я имел некоторое право выбора, как хорошо знает адмирал,— сообщать ли лично об увиденном и прекратить преследование, или же постараться узнать побольше. Верно или неверно, я решил в пользу второго варианта. Шансы были за это, а мы могли остаться без связи. Я отошел назад и послал курьера, который, вероятно, так и не долетел до цели. Поэтому в моем отчете будет рекомендация усилить проверку.

Так вот, я следовал, как тень, на пределе обнаружения за мерсеянской ракетой. На пределе — для меня, я думал,

что он позволит держать мой относительно маленький корабль вне действия мерсеянских датчиков. Но мы вошли в радиус действия другого корабля, находящегося в боевом охранении. Он обнаружил меня, приблизился и захватил. Я был доставлен на планету Тэлвин, где, как оказалось, у мерсеян расположена передовая база. После различных приключений я совершил побег, минуя пульсар. С Тэлвина я взял с собой этого сановника в качестве заложника.

— Хм... да,— Джулиус метнул взгляд на Айдвайра,— отвратительное дело, вот что. Технически они были полностью вправе построить эту базу, не так ли? Но они не имели права захватывать имперскую ракету и имперского офицера... в районе, свободном по договору. Хм.

Было совершенно очевидно, что Флэндри вырвался из плена в самый разгар дипломатического кризиса.

— Если адмирал позволит,— сказал Флэндри,— я буду говорить на ирайо. Мы с датолхом Айдвайром довольно долго беседовали на различные темы. Без претензий на большую политику или что-нибудь в этом духе,— знаю, что мне это запрещено,— я мог бы сделать кое-какие предположения. Не будет ли адмирал так любезен послушать мою интерпретацию событий?

(Выяснилось, что лингвистический компьютер базы разложен, и никто не знает, как настроить его.)

— А... да, конечно. Расскажи его... ах... его высочеству, что мы считаем его гостем Империи. Мы постараемся... ах... оказать ему все необходимые почести и организовать его доставку домой как можно быстрее.

— Он до ужаса озабочен тем, чтобы поскорее убрать вас и похоронить все это дело поглубже,— перевел Флэндри Айдвайру.— Он говорит, что мы сможем сделать с вами все, что нам заблагорассудится.

— В таком случае ты будешь действовать в соответствии с планом, не так ли? — спросил Айдвайр. Его голос звучал спокойно и сдержанно, но Флэндри уже научился распознавать сардническое мерцание в глазах мерсеянина.

— Кхрэйч... Не то чтобы план. Факт существования Тэлвина невозможно утаить. Центральные власти будут оз-

накомлены с отчетом и пошлют туда исследователя. Все, что мы хотим,— это сохранить свое лицо перед окружающими. Вам предложили отправиться назад и, как я предполагаю, вы так и поступите. Необходимо принять это предложение как можно быстрее. Когда вы достигнете Тэлвина, заставьте Мориоха ликвидировать всю технику и персонал. После этого планета не будет использоваться для разведывательных целей, ваше же правительство будет вынуждено отдать приказ прекратить эту деятельность. Если наши военно-космические силы не обнаружат ничего, кроме мирной ксенологической экспедиции, они не станут поднимать шума из-за следов прежней, совсем не гражданской деятельности. Вероятнее всего, ни одна из сторон не будет касаться темы противоборства, невольными участниками которого оказались и мы с вами.

— Я уже дал санкцию на то, чтобы ты сделал эти предложения от моего имени. Продолжай,— одобрительно сказал Джулиус.

Флэндри продолжал, старательно подбирая более тактичные выражения.

Адмирал просто сиял. Его подчиненные ой как приготдятся для прекращения нежелательного мерсеянского проекта. Раз так, значит, разговор о нем, адмирале Джулиусе, обязательно зайдет среди тех, кто находится на самом верху. Это повлияло бы на продвижение по службе, а возможно, на его отправку в более перспективные места. Да, да, не имеет значения, что дело проводилось не очень осторожно.

«Вот вам и осторожность,— думал в это время Флэндри,— никто не заметил ни одного слепого конца в моей истории».

— Отлично, лейтенант! — сказал Джулиус.— Моя идея была великолепна! Скажи его высочеству, что я быстро обеспечу все необходимые приготовления.

Айдвайр ответил мрачно:

— Боюсь, что исследовательские работы не смогут продолжаться долго — без допинга военного преимущества.

— Я говорил вам, что сделаю все от меня зависящее, чтобы у вас все было в порядке,— ответил Флэндри,— я

уже обдумал схему. Мне не хотелось детально разывать ее, пока я не был уверен, что мы сможем выстроить свой собственный сценарий игры. Но теперь все в порядке. Пожалуйста: я организовал подобающее отношение к вам, как к важной персоне. Наверное, вашим коллегам не стоило бы так долго задерживать меня, хотя... конечно... вы Вэч Урдилх, и мое бесцеремонное обращение с вами было ударом по Расе. Вы заметили, что наш адмирал жаден до удовольствий, и решили подпитать старого Джулиуса. Вы позволите себе расслабиться и успокоиться, лишь когда он вас свято заверит, что поможет и дальше заниматься ксенологической работой. Той работой, которая официально была причиной появления мерсеян на Тэлвине, а точнее, первой причиной.

Большое зеленое тело тухо натянулось:

— Это возможно?

— Думаю, что да. Мы все равно должны будем наблюдать за Тэлвином отсюда, пока ваши военно-космические силы не отойдут назад. Не обязательно будут задействованы разведывательные ракеты. Несколько выпускников специальных высших учебных заведений или что-то в этом роде, выполнят свои выпускные работы. Они обойдутся гораздо дешевле, чем профессионалы в непрерывном патрулировании. А... если бы вы взяли на себя часть затрат... а я почти уверен, что вы сумеете найти эти деньги у себя дома...

«Небольшой ренессанс земной науки? Вряд ли. Все, как обычно, превратится в поденку. Но все-таки я могу надеяться...»

— Именем Бога,— Айдвайр долго испытующе смотрел на Джулиуса. Бедняге адмиралу начало казаться, что он смешается в пространстве и голова его идет кругом. Он схватил обе руки Флэндри и затараторил:

— Ведь с самого начала оба наших народа работали бок о бок, так, может быть, этот день когда-нибудь придет снова?

«В общем-то ничего особенного. Нужны лишь более сильные мотивы нашего вторжения в эту область,— думал Флэндри.— Эти мерсеяне способны еще долго напоминать

нам, кто в любую минуту готов заполнить каждое доступное пустующее пространство?»

— Датолх лелеет благородные мечты.

— В чем дело? — возник Джулиус.— Что вы вдвоем шушукаетесь?

— Сэр, я боюсь, что мы прозевали одну или две опасности, не заметили пару подводных камней,— сказал Флэндри.

— Неужели? И как долго вы намерены обсуждать это? Я уже начал готовиться к обеду.

— Может быть, все-таки мы могли бы определиться с этим перед вашим обедом, сэр? Разрешите присесть? Благодарю, адмирал, я буду предельно краток. У меня тоже есть кое-какие дела, которые необходимо быстрее закончить.

— Ради бога,— Джулиус оценивающе посмотрел на молодого человека.— Я уже говорил, что вам предстоит отпуск и новое назначение?

— Да, сэр. Я думаю, что эти месяцы на Тэлвине более чем завершили срок моего обязательно пребывания здесь. У меня нет никаких личных замечаний насчет здешней службы, но я предполагаю специализироваться в других направлениях. И мне кажется, я достоин вознаграждения. Мой богатый дядя на одной из наших планет, к сожалению, не совсем благополучен, насколько я слышал о его делах. Я бы хотел получить свою долю раньше, чем обо мне сообщат как о «потере в бою». Иначе уже точно власти отадут мою долю кому-нибудь другому.

— Да. Понимаю. Я проверю ваши дела, лейтенант, и рекомендую вас для повышения (что надо было понимать как «если ты моментально избавишь меня от этого дела»). Вернемся к нашим баранам. Что это за две проблемы, которые вы упомянули?

Комната с номером «666» не изменилась, это было более неприятное и опасное место, чем кабинет адмирала. Горзунский наемник стоял, не проявляя никаких признаков жизни, но блики света шли от клинка кривой восточной сабли, подвешенной под его ружейным ремнем. Сидя за своим столом, Леон Аммон суетился, ерзал, но ни на одно

мгновение не отводил пронзительного, острого взгляда от Флэндри. Диана отвечала на вопросы Леона с гордо поднятой головой, однако пальцы ее постоянно сжимались и разжимались, пока руки лежали на коленях, а для смелости она вплотную придвигнула свой стул к стулу Флэндри.

Он же говорил весело и непринужденно, но в целом, если не считать некоторых обстоятельств, вполне правдиво.

— А сейчас я хотел бы получить свое вознаграждение — в маленьких купюрах и без промедлений, пожалуйста.

— Но ведь ты заставил меня ждать, — заверещал Аммон, — это стоило мне дополнительных денег, так как я пытался выяснить, что же произошло, хотел уже нанять кого-нибудь. Я должен буду учесть эти расходы в размере твоего вознаграждения. Хорошо?

— Задержка произошла не по моей вине. Вам следовало бы создать более надежную защиту своему агенту или же обеспечить такое вознаграждение, чтобы оно не давало бы повода для визита к нежелательным для вас персонам. — Флэндри пополировал свои ногти о куртку и теперь критически их разглядывал. — У вас есть то, ради чего вы затевали дело, — отчет о Вэйленде, довольствуйтесь этим.

— Но ты сказал, что секрет вышел наружу, мерселяне...

— Мой друг, Айдвайр-Искатель заверил меня, что будет хранить молчание. Остальных членов тэльвинской экспедиции, знающих или догадывающихся о системе Мимира, ушлют куда-нибудь подальше. А вообще-то, зачем им рассказывать о том, что может заинтересовать землян? Конечно, я понимаю, могут пойти слухи, а вам потребуется пять или даже десять лет для завершения дела. Но средства коммуникации настолько плохи, что времени у вас предостаточно, волнения излишни.

Флэндри потянулся за сигаретой. Утратив возможность курить в последние месяцы, он наконец предался этому наслаждению целиком.

— Вероятнее всего, — сказал Флэндри, — если я освобожу Айдвайра от данного им обещания, он предложит интересующие вас данные, дополнив их точными координатами, какому-нибудь капитану корабля из Империи, ведущему наблюдения за работой научного лагеря.

Аммон громко рассмеялся:

— Я ждал, какой же последует от тебя ответ, Доминик. Ты довольно проницательный малый.— Он почесал скучу.— Ты думал о том, что комиссия может отправить тебя в запас? Я бы мог использовать проницательного малого. Ты знаешь, что я плачу хорошо. Идет?

— Я узнаю, так это или нет, только когда пересчитаю всю пачку денег,— ответил Флэндри, затягиваясь.

Большое тело наклонилось вперед. Бесстрастный взгляд затвердел:

— А что насчет агента, который имел дело с Дианой? И как вообще насчет нее?

— Ах да,— ответил Флэндри,— вы должны ей кругленькую сумму, вот и все.

— Что? И это после того, как она...

— После того, как, попав в ловушку из-за вашей чрезмерной скупости, она получила для вас информацию, которую вы с удовольствием впитали. Да, дорогой мой, вы в большом долгу перед Дианой.— Флэндри улыбнулся.— Естественно, я не упомянул об этом в своем отчете. Я могу сам, с помощью своих подчиненных, держать под контролем мерсеянских агентов, при этом мне не нужно компрометировать себя нечестными методами типа посылки на Мерсейю анонимных сведений, как это делали вы, хотя, наверное, и непреднамеренно. Мерсеяне, вероятно, подкупили и членов конкурирующих с вами ассоциаций. Вы наверняка могли получать информацию от мерсеян, полезную для деловых и других связей. Кроме того, я уверен, что ваши агенты подкуплены.

— Да, они подкуплены,— сказал Аммон. «Кто предатель?» — подумал он.

В разговор вступила Диана. Флэндри остановил ее осторожным жестом:

— Данная информация является личной собственностью этой юной леди. Она хотела бы обговорить условия передачи этой информации вам. Я являюсь ее агентом.

Пот обильно оросил лицо Амона:

— Платить ей — после того, как она пыталась продать меня?

— Мой клиент Диана покинет Айрумкло на первой же доступной ракете. Совершенно случайно мне достался билет на ту же самую ракету. Ей нужны средства для покупки билета, плюс подъемные для обустройства на новом месте, ведь неизвестно, какие там будут условия.

Аммон в ярости сплюнул. Горзунский наемник почувствовал ярость хозяина и приготовился к атаке, его жесткое мохнатое тело напряглось.

Флэндри выпустил дым из ноздрей.

— Являясь агентом Дианы, — он продолжал говорить мягко, без раздражения, — предпринял нормальные меры предосторожности, чтобы быть уверенным в том, что любые действия, направленные на ущемление ее прав, не пойдут вам на пользу. Ну а теперь, Леон, расслабьтесь и наслаждайтесь жизнью. Правда, это удовольствие может оказаться очень дорогим, если вы отнимете у нас слишком много драгоценного времени. Повторяю еще раз, вы получаете имя этого мастера шпионажа и предпринимаете необходимые шаги.

Туловище Амона отклонилось назад. Ненависть до хрипоты исказила его голос. Он согласился на сделку.

Обычно ракеты не залетали так далеко. «Ча-Райна» была грузовым судном, не совершающим регулярных рейсов. Оно было снабжено специальными приспособлениями для представителей различных рас. Корабль был не очень-то комфортабельным, поэтому Флэндри и Диане пришлось брать с собой на борт все необходимое, что только они смогли найти в магазинах Старого Города. На борту не было других землян, и, кроме шкипера, который проводил свободные часы за сочинением сонат, напоминающих кошачье мяуканье, синтианская команда плохо говорила по-английски.

Никто не мешал Диане и Флэндри.

Их первые дни путешествия были сплошным гедонизмом. Они не смыкали глаз ночь напролет, потом отсыпа-

лись до полудня, вставали, чтобы вкусно поесть, выпить, почитать, посмотреть кинофильмы, поиграть в гандбол, послушать музыку. И опять занимались любовью. Все, что они делали, не влекло за собой никаких обязательств, не грозило никакими опасностями, а поэтому казалось верхом блаженства.

Корабль приближался к Айзабью, планете, которая была насыщена городами и служила пунктом перевозок в различные точки Империи. А они еще ничего не сказали друг другу о будущем...

— Капитанский обед,— объявил Флэндри. Пока он стоял за кока и завершал приготовление очередной вкуснятины, Диана украсила кабину разноцветными тряпками и мехами, которые были под рукой. Затем она довольно долго украшала себя. Платье, которое она выбрала, было тоньше самой прозрачной ее ночной рубашки. Флэндри вернулся, облачился в красный с золотом халат и торжественно выстрелил первой пробкой от шампанского.

Они с удовольствием ели, пили, болтали, смеялись в течение нескольких часов. Флэндри, похоже, старался не замечать, что ее радость искусственна, натянута. Но заметить все-таки пришлось.

Он налил бренди, откинулся назад, отпил:

— А-ах-ах! Почти такая же вкуснятина, как и ты, любовь моя!

Диана внимательно посмотрела на него.

Экраны обзора показывали черную антрацитовую темноту пространства и необыкновенно большие звезды. Корабль слабо шумел и дрожал, воздух был насыщен запахами только что законченного обеда и ее духов. Ее большие глаза немного устали, это было заметно. Флэндри не мог отвести от них взгляда.

— Ты очень часто используешь это слово,— сказала Диана спокойным, ровным голосом,— любовь.

— Подходящее слово, не так ли? — тревога коснулась его нервов.

— Разве? Что ты намереваешься делать, Ники?

— Ну как же... отправиться в это чертовски неприятное

путешествие, чтобы потребовать то, что мне причитается. Не думаю, чтобы кто-то домогался встречи со мной, но это достаточная отговорка, чтобы снова стать туристом. После окончания отпуска я сообщу на Землю, что готов к новому назначению, но не раньше. Я скажу, что кто-то в верхнем эшелоне власти получил известие о тэлвинском деле и хочет поговорить со мной. Думаю, что эта беседа все же не повредит старому дипломату, а Диана?

— Ты уже говорил мне это раньше. И ты прекрасно знаешь, что на сей раз я имела в виду другое. Почему ты никогда не говоришь ни слова о нас?

Он потянулся за сигаретой, глотнул бренди:

— Я говорил, говорил, — начал он, силясь улыбнуться, — имея значительную сумму в своем распоряжении, ты правильно бы сделала, если бы вложила ее так, как я предложил. Эти вложения позволят тебе получить в будущем спокойную жизнь на какой-нибудь подходящей планете; или же, если ты предпочитаешь рисковать ради больших доходов, они позволят войти тебе в высший свет.

Она закусила губу:

— Я всегда страшилась этого.

— Неужели? О, да, ты, похоже, выпила слегка больше своего оптимума, Диана. Я попрошу принести кофе.

— Нет. — Она сцепила пальцы вокруг своего стакана, подняла его и выпила содержимое одним залпом. Поставив его на место, она сказала:

— Да, я сегодня немного пожадничала с выпивкой. С целью. Видишь ли, я должна была выработать привычку не думать о прошлом в те моменты, когда мне хорошо, просто я знаю, что плохое время обязательно придет, поэтому стараюсь извлечь из этого, хорошего, максимум выгоды. Это... это своего рода подавление. Айдвайр научил меня, каким путем внутреннего напряжения убирать с пути эти подавления, но мне не хотелось бы применять какие-либо трюки этого мерселянского подонка.

— Он не подонок. Я теперь совершенно определенно уважаю его.

— Кстати, я хотела применить то, что у меня было в за-

гашнике против тебя, и все ради того, чтобы стать счастливой, действительно счастливой. Хорошо, сегодня мой последний шанс. О, я думаю, что я пока могу оставаться здесь...

— Я бы не посоветовал этого,— сказал Флэндри торопливо. Он уже заглядывал в будущее и предвкушал разнообразные удовольствия, которые мог получить в Империи.— Мне приходится много странствовать, Диана.

Она протянула Флэндри свой стакан. Он налил, в тишине раздался звук булькающей жидкости. Он слышал ее дыхание.

— Так-то оно так,— продолжала Диана,— но я должна знать сегодня. Вот почему я подстегнула себя — для того, чтобы было легче спросить об этом.

Она подняла стакан, пригубила. Ее взгляд был прикован к его глазам, пока она пила. Звезды создали видимость морозной диадемы над ее волосами. Теперь она вовсе не выглядела смущенной.

— Я буду говорить прямо. Я думала... мы были хорошей парой? Ники, разве не так? Я думала, что совсем не трудно спросить тебя, не будешь ли ты возражать против того, чтобы мы с тобой продолжали в том же духе. Нет, погоди, у меня нет каких-либо намерений, как у агента. Но я так же могу вернуться к этому, как только вернешься ты.

«Хорошо, давай раз и навсегда покончим с этим»,— решил про себя Флэндри и положил свою руку на ее.

— Ты переоцениваешь меня, дорогая,— сказал он,— это невозможно...

— А я все-таки думаю, что возможно.— Разве Айдвайр не учил ее этому непреклонному суровому спокойствию? — Ты никогда не забудешь, кем я была для тебя.

— Я уверяю тебя, что не разыгрываю притворно стыдливого жеманника, но...

— Я имела в виду мои метания, измену... О, ладно, давай забудем то, что я говорила, Ники, дорогой. Это была пустая надежда. Я буду хороша с тобой. Давай вместе наслаждаться этим вечером, и, может быть, кто знает, может быть, когда-нибудь мы встретимся снова.

Вдруг его пронзила догадка. Он выпрямился, сидя, и стал невнятно бормотать.

«Почему это не пришло мне в голову раньше?» — думал он.

Диана внимательно посмотрела на него:

— Что-нибудь не так?

Он перебирал различные варианты в своей голове, вдруг радостно засмеялся и сжал ее пальцы:

— Совсем напротив, я, похоже, напал на след в некоторой степени правдоподобного ответа. Если тебе, конечно, это интересно.

— Что? Я... Так в чем же дело?

— Пожалуйста,— сказал он,— ты отбросила как фантастическую идею работать дальше вместе со мной, но не слишком ли ты торопилась? Ты уже доказала, что являешься твердой и одновременно изворотливой, не говоря уже о том, что ты красива, просто очаровательна. Но выше всего стоит уникальный, бесподобный дар, которым ты обладаешь. И Айдвайру не составит особого труда убедить тебя вновь откачнуться к нему. Наша служба безопасности военно-космических сил запрыгает от радости, получив тебя, после того, как я пошлю сообщение по своим каналам. Мы будем довольно часто видеться с тобой. Я почти уверен, что мы время от времени будем работать вместе... Даже в том случае, если они пошлют тебя в Ройдханат, в качестве двойного агента...

Он запнулся. Ужасная картина предстала перед ним...

— В чем... в чем дело? — спросил он, запинаясь.

Ее губы некоторое время беззвучно двигались, прежде чем она смогла вымолвить слово. Ее глаза оставались сухими и лишь побледнели, как будто пламя пронеслось перед ними. На ней не было лица.

— Ты туда же,— наконец сказала она.

— Что, я не...

Она остановила его жестом:

— Все, насколько я могу припомнить. Покончено с Айдвайром, теперь — ты.

— Поясни же, наконец, что такое? — недоумевал Флэндри.

— Все использовали меня,— ее голос был бесцветным и едва слышным. Диана смотрела куда-то мимо него.

— Ты знаешь,— сказала она,— самое забавное состоит в том, что я хотела, чтобы меня использовали. Да, да, представь себе, хотела дарить, служить, помогать, принадлежать кому-нибудь... Но ты видел всего-навсего инструмент, вещь. Каждый из вас видел во мне вещь.

— Диана, я даю тебе свое слово чести...

— Чести? — Она медленно покачала головой.— Это очень странно,— голос ее вновь изменился, теперь он был высоким, как у ребенка, который не может понять, что происходит, почему он отныне никому не нужен и должен остаться один.

Диана выпрямилась.

— Хорошо, я буду работать на вас.— Она сконцентрировала взгляд на Флэндри. Он продолжал изумленно и беспомощно наблюдать за Дианой.— Что касается тебя,— начала она спокойно,— полагаю, не переборщу, сказав, что ты готов переспать практически с каждой женщиной, которая попадется на твоем пути. Но теперь я искренне желаю, чтобы ты никогда не узнал ту, которую действительно желаешь.

Последнее замечание мало задело Флэндри.

— Ты переиграла,— сказал он, надеясь, что резкий тон сработает,— ты пьяна и находишься в истерическом состоянии!

— Ты можешь говорить все, что тебе угодно,— произнесла она устало,— а теперь, пожалуйста, уди.

Он ушел и устроился на ночь в другом месте.

Утром корабль приземлился на Айзабью. Диана спустилась по трапу, не попрощавшись с Флэндри. Он наблюдал за ней: сгорбленная, вздыхающая.

«Женщины! — подумал он,— вы все-таки чужестранцы среди нас! — и уверенно направился через проходную космодрома в город, где можно достойно отметить победу!»

Восставшие Миры

Создай тождество.

Я (мы): ноги принадлежат Стражу Северных Ворот и другим, которые могут быть, Ловцу Добра и Горя, которого больше не будет, Многим Мыслям, Открывателю Пещер и Хозяину Песен, которые не могут больше существовать; Крылья принадлежат Железному Рудокопу и Молнии, Ударяющей в Дом, и другим, которым предстоит быть, Многим Мыслям, которых больше не может быть, а также юному Руки, который все же должен участвовать в общем воспоминании: создай единство.

(О, свет, ветер, река! Их напор слишком силен, они уносят меня (нас) в разные стороны.)

Сопротивление. Юный Руки вовсе не был первым, кто пришел сюда для того, чтобы вспомнить путь, который был проделан много лет назад, прежде, чем он (она) родился; не он первый, не он последний. Думай о сопротивлении, думай спокойно.

(Расплывшиеся, две ноги, без лица... нет, у них, похоже, есть клювы.)

Помни. Расслабленно лежи там, где листва шепчет ниже переливов вздывающегося вверх сухопутного коралла; пей свет, и ветер, и звук реки. Позволь воспоминаниям течь свободно — воспоминаниям о тех делах, которые совершились прежде, чем эти мои (наши) Руки родились.

(Если пояснить: они были настолько странными, что как вообще можно было вообразить себе их вид и как можно было сдержать свой (наш) взгляд?.. Ответ: глаз учится видеть их, нос — чуять их, ухо — слышать их, язык Ног и органы чувств Крыльев и Рук учатся воспринимать их с помощью осязания и обоняния, усики учатся пробовать то, что они выделяют.)

Обучение идет хорошо. Более быстро, чем обычно. Может быть, я (мы) смогу стать хорошим единством, у которого будет основание для того, чтобы существовать.

(Дрожь радости. Прилив ужаса при нахлынувших воспоминаниях — отчуждение, опасность для жизни, боль, смерть, повторное рождение для мучений.)

Лежи спокойно. Это было очень давно.

Но время тоже единственно. Современность нереальна; только прошлое — и будущее — имеют ощутимую протяженность, чтобы быть реальными. Что случилось потом, должно быть известно Нам. Мы должны почувствовать каждой жилкой моих (наших) молодых Рук, что я (мы) являюсь (являемся) частью Нас: мы — потомки Гремящего Камня, Мастера по Железу, Землекопы и Строители, Пахари и Обитатели Домов, а позже — Торговцы, и что каждое единство, которое Мы можем создать, должно знать о тех, кто пришел с небес, чтобы их удивительные вещи не обернулись Нашим разрушением.

Вот почему пусть Руки объединяются с Ногами и Крыльями. Пусть единство снова вспомнит и обдумает путь Открывателя Пещер и Горя в те дни, когда чужаки, у которых было только одно тело, но которые все-таки могли говорить, поднялись выше гор навстречу неизвестной нам битве. После каждого такого обдумывания, каждого последующего размышления я (мы) получу (получим) немного больше информации о сути вещей, пройду (пройдем) немного дальше по пути, который ведет к пониманию их.

Хотя не исключено, что, идя по этому пути, Мы следуем в неверном направлении. Тот, кто вел их, сказал однажды ночью, что она (он, оно) сомневается в том, что они понимают сами себя и вряд ли когда-нибудь смогут понять.

I

Тюремный спутник летал по широкой наклонной орбите вокруг Линатавра, на значительном удалении от обычных космических трасс. Часто видеопорт камеры, где содержался Хаг Маккормак, показывал ему планету в различных фазах. Иногда это была темнота, с одной стороны тронутая золотисто-красным рассветом; может быть, это было мерцание столицы Катавраяннис, похожее на мерцание звезды сквозь ночь. Иногда это было ошеломляющее близкое сияние серпа солнца, похожее на блеск клинка кривой восточной сабли. Время от времени он видел полное солнце, круглый ослепительный диск, вознесенный в лазурные океаны с сребристыми облаками над темно-зелеными континентами.

Земля выглядела очень похожей на таком расстоянии. (Ближе становится ясно, что она измождена, как это обычно бывает с бывшими красавицами, которые принадлежали слишком многим мужчинам.) Но она находилась на расстоянии около двухсот световых лет. И ни один из миров не напоминал ржавую, цвета дубленой кожи, Эйнис, которую жадно искали глаза Маккормака.

Спутник не вращался вокруг своей оси: внутренний вес был полностью обусловлен генераторами гравитационного поля. Однако его обращение вокруг планеты заставляло небеса медленно перемещаться по экрану видеопорта. Когда Линатавр и солнце исчезли, зрачки человеческих глаз перенастроились, и он приобрел способность видеть другие звезды. Они густо заполняли пространство, немигающие, окрашенные в цвета сверкающего бриллианта, морозно-пронзительные. Наиболее ярко сверкала звезда Альфа Крукис,

двойной бело-голубой гигант, расположенный менее чем в десяти парсеках от Линатавра.

Бета Крукис, одиночный бело-голубой гигант, была расположена немного дальше, в своей области неба. В других местах натренированный взгляд может определить красный, тусклый свет Альдебарана и Арктура. Они напоминали костер, который, несмотря на свою удаленность, согревал и освещал стоянку человека. Или взгляд мог перелететь к Денебу и Полярной звезде, расположенным значительно дальше Империи и дальше любого врага Империи. Они были похожи на взгляд холодных глаз.

Гrimаса скривила лицо Маккормака.

«Если бы Кэтрин смогла настроиться на мои мысли,— подумал он,— она бы сказала, что в Левитикусе должно быть что-то, что противоречит смешению стольких метафор».

Он не позволил мыслям о ней оставаться с ним более. «Мне повезло, что у меня внешняя камера, к тому же не столь неудобная. Без сомнения, это не входило в планы Снелунда».

Помощник начальника тюрьмы был настолько изумлен и виноват, насколько он осмелился проявить эти чувства:

— Мы, хм, хорошо, мы имели приказ содержать вас под стражей, адмирал Маккормак,— сказал он.— Прямой приказ от губернатора. До суда над вами... может быть, до перемещения на Землю... хм... до последующих приказов.

Он уставился на факс на своем столе, отчаянно надеясь, что слова в нем изменились после первого внимательного прочтения.

— Хм, одиночное тюремное заключение, отсутствие каких-либо коммуникаций — обращение к силам, опасным для государства,— откровенно, адмирал Маккормак, я не понимаю, почему вам не разрешается, например, читать книги, газеты или даже смотреть видеофильмы, чтобы скратить время... Я пошлю Его Превосходительству запрос о возможности изменения этого положения.

«Я знаю, почему,— подумал Маккормак, пока помощник заканчивал говорить.— Частично злоба, но главным

образом начало процесса уничтожения меня.— Несмотря на его горькое положение, его спина все же напряглась.— Хорошо, пусть попробуют!»

Сержант из взвода охранников, который доставил пленника на спутник с Катавраянниса, сказал, насколько мог, металлическим голосом:

— Не обращаться к предателю по званию, на которое он потерял право!

Помощник начальника тюрьмы резко выпрямился, взглянул на всех уничтожающе и резко сказал:

— Сержант, я двадцать лет служил в Космическом Флоте, прежде чем меня перевели на эту работу. В соответствии с правилами, установленными Его Величеством, любой офицер вооруженных сил Империи обязан соблюдать существующие правила субординации по отношению к служащему любого рода войск независимо от места службы. Адмирал Флота Маккорнак может быть отстранен от командования, но только после и в результате решения правомочного военного суда или путем прямого указания из центра власти, а до тех пор вы будете оказывать ему знаки уважения или же обнаружите себя в более бедственном положении, чем когда-либо.

Покраснев и тяжело дыша, он, казалось, хотел сказать еще что-то. Вероятно, он решил на всякий случай попридержать язык. После некоторой паузы, в течение которой двое дородных стражей переминались с ноги на ногу, он добавил, уже успокоившись:

— Передайте мне документы на пленника, и вы свободны.

— Предполагалось, что мы...— начал было сержант.

— Если у вас есть письменные приказы исполнить еще что-то, кроме доставки этого джентльмена к месту его заключения, давайте посмотрим их.

Пауза.

— Еще раз повторяю: сдавайте мне пленника, и вы свободны. Повторять снова я не намерен.

Маккорнак впечатал имя и лицо заместителя начальника тюрьмы в свою память так жеочно, как он впечаты-

вал каждого, кто участвовал в его аресте. Кто знает, может быть, наступит день, когда...

Так что же случилось на самом верху? Маккормак не знал. Вне Эйниса он никогда не соприкасался с системой гражданских преступлений и наказаний. Во Флоте сами следили за своими преступлениями. То, что его послали сюда, было ударом, смягчаемым только тем обстоятельством, что, по всей вероятности, это было вызвано необходимостью держать его подальше от братства офицеров, которое могло бы попытаться помочь ему. Маккормак догадался, что Снелунд заменил прежнего заместителя начальника тюрьмы своим фаворитом или взяточником — как он делал со многими другими официальными лицами с тех пор, как стал губернатором этого сектора космоса, — и что вновь испеченный начальник рассматривал свой новый пост как синекур.

Во всяком случае, адмирала заставили сменить форму на серую робу, но позволили переодеться без свидетелей. Его доставили в одиночную камеру, которая, несмотря на отсутствие украшений и роскоши, была размеров, достаточных для мерного хождения, и со всем необходимым для отдыха и соблюдения гигиены. На потолке находился аудио-визуальный сканер, но он был расположен так, что сразу бросался в глаза, и никто не наблюдал за адмиралом, когда он занавешивал койку, готовясь ко сну. Он не видел никого из живых существ, не слышал никаких голосов, но приемлемая еда и чистая одежда поступали к нему через раздаточный шлюз, и в его камере был мусоропровод для остатков еды и мелкого мусора. Кроме этого, у него был видеопорт.

Не видя этого солнца, этих планет, звездных скоплений, морозной россыпи Млечного Пути и туманного мерцания смежных галактик, он бы давно сломался — истерически молотил бы в дверь камеры, моля об освобождении, признавался бы неизвестно в чем, целовал бы руки своим стражникам до тех пор, пока здешние медики честно не сообщили бы на Землю властям предержащим, что они не обнаружили у него никаких следов пыток или зондирования мозга.

Это была бы не потеря чувствительности ко всему окружающему, которая могла бы уничтожить его волю за такое короткое время, но бесконечное возвращение мыслей о Кэтрин, всевозможные догадки о том, как много времени прошло с тех пор, как она также попала под воздействие Аарона Снелунда. Маккормак допускал в себе мгновения слабости. Это было то, чего он не особенно стыдился.

Тогда почему же губернатор не приказал, чтобы его поместили в глухую камеру? Недосмотр, вероятно, был вызван тем, что он был занят более важными делами. Или, может быть, полностью погрузившись в свои собственные мысли, Снелунд не догадывался, что другой мужчина может любить свою жену больше жизни.

Конечно, по мере того как однообразно проходили день за днем (с неизменным холодным светом люминесцентных ламп), он неизбежно начинал удивляться, почему ничего особенного не происходило. Если наблюдатели Снелунда сообщили ему о действительном положении дел, то он, без сомнения, издаст распоряжение о перемещении Маккормака в другое помещение. Но агенты, служащие в частях охраны на маленькой искусственной луне, были скромными ребятами. Они, как правило, не сообщали непосредственно губернатору сектора, вице-королю Его Величества и о-о-ч-чень хорошему его другу, через приблизительно 50 000 кубических световых лет пространства, окружающего Альфа Крукис, об обстоятельствах на месте. Нет, они не сообщают даже теперь, когда дело касается адмирала флота, ранее ответственного за оборону всего этого сектора владений Империи. Нижние чины сообщают по своим административным линиям, сообщения будут посланы по общепринятым каналам.

Думал ли кто-нибудь о том, что его дело может быть — нет, не потеряно — но положено под сукно, затеряно среди обилия документов в результате забывчивости тех, кто их регистрирует? Маккормак вздохнул. Непрекращающийся шепот вентиляции перекрывал более громкий шум, создаваемый стуком его ботинок по металлу. Как долго продлится эта оттяжка с документами?

Он не знал орбиты спутника. Тем не менее он мог оце-

нить угловой диаметр Линатавра довольно точно. Он помнил приблизительные размеры и массу. По этим данным он мог вычислить радиус-вектор и, таким образом, получить период. Не очень легко, применяя законы Кеплера, производить вычисления в голове, но чем же еще здесь можно было заниматься? Результат вычислений более или менее подтвердил его догадку, что его кормят три раза в 24 часа. Он не мог вспомнить точно, сколько раз его кормили, пока не начал отмечать часы узелками на шпагате. Десять? Пятнадцать? Что-то около этого. Теперь надо добавить 37 отметок, которые лежали перед ним. Получится от 40 до 50 космических часов; или от 13 до 16 земных дней; или от 15 до 20 суток Эйниса.

«Эйнис. Башни Уиндхоума, высокие и серые, их верхушки устремились высоко в звенящие небеса; нагромождения скал, утесов, все оттенки красного, бледно-коричневого, охряного, бронзового цветов там, где шельф Айлиан глубоко вдавался в серо-голубое бесконечное пространство, украшенное сверкающими блестками воды, это был залив Антонины; резкий звук Уальдфосса, когда он бросался в него многими водопадами; и смех Кэтрин, пока они плыли вперед, ее взгляд, обращенный к нему, более голубой, чем невероятно высокое небо...»

— Нет! — вскрикнул он. Глаза Рамоны были голубыми. Глаза Кэтрин — зелеными. Неужели он стал уже путать свою живую жену с умершней?

Если у него вообще еще была жена. Уже прошло двадцать дней с того момента, когда стражники ворвались в их спальню, арестовали их и развели отдельными коридорами. Она сумела сбросить их лапы со своих запястий и шла между ружей со скорбной гордостью, хотя по ее лицу потоком лились слезы.

Маккормак скрестил пальцы рук и сжимал их до тех пор, пока костяшки не затрещали. Боль заставила его опомниться.

«Я не должен поддаваться этому, — воззвал он к себе, — если я вымотаю себя из-за того, что ничего не могу поде-

лать для улучшения своего положения, то облегчу Снелунду его задачу. А что еще я смогу сделать?

Сопротивляться. До конца».

Уже не в первый раз он восстановил в памяти облик существа, которое он однажды узнал, Уоденита, огромного, тяжелого, хвостатого, о четырех ногах, похожего внешне на ящера, но хорошего товарища по оружию и более мудрого, чем многие из тех, кого он знал.

— Вы, земляне, трудные, беспокойные создания,— рокотал его глубокий голос.— Когда вы вместе, вы способны показывать образцы храбрости, которая может заставить врага перейти порог безумия. Но в то же время, когда рядом больше никого нет, кто бы потом сказал твоим сплеменникам, как ты умер, дух храбрости вмиг улетучивается, и вы падаете, как спущенный воздушный шарик.

— Наследство от стадного инстинкта, как я полагаю,— сказал Маккормак.— Наша раса начиналась с животных, которые охотились за добычей, сбиваясь в стадо.

— Путем тренировки можно преодолеть инстинкт,— ответил дракон.— Разве можно допустить, чтобы мозг разумного существа не занимался самоусовершенствованием?

Теперь, будучи один в своей одиночной камере, Хаг Маккормак кивнул в знак согласия.

«По крайней мере, у меня есть этот чертов монитор, который следит за мной. Может быть, однажды кто-нибудь — Кэтрин или дети, которых дала мне Рамона, или какой-нибудь юноша, которого я вовсе не знаю,— увидит записи, сделанные им».

Он лег навзничь на свою койку, рядом с которой стояла единственная «мебель» — умывальник и унитаз, и закрыл глаза.

«Надо попытаться сыграть в шахматы в уме, попеременно за обе стороны, до тех пор, пока не наступит обед. Дайте мне достаточно времени, и я отточу технику этой игры. Незадолго до еды у меня будут занятия физкультурой. Этот скучный тупица в тюремном балахоне не будет страдать от холода. Может быть, попозже я смогу поспать».

Он не опустил свою смастеренную наскоро занавеску.

Штуковина на потолке зафиксировала мужчину, высокого, значительного, более энергичного, чем можно было бы предположить, учитывая обычное однообразие обстановки. Мало что в его облике выдавало 50 стандартных лет, кроме седеющих черных волос и глубоких морщин на удлиненном, вытянутом лице. Он никогда не менял своего облика и никогда не защищал своего лица от воздействия атмосферы многих планет. Кожа лица оставалась темной и похожей на нормальную загорелую человеческую кожу. Выступающий треугольник носа, прямой рот, впалые щеки были как будто бы противовесом его долихоцефалического * облика. Когда он открыл глаза, спрятанные под тяжелыми бровями, они оказались ледяного цвета. Когда он говорил, его голос звучал жестко; и десятилетия службы за пределами Империи, прежде чем он вернулся в родной сектор галактики, совершенно стерли акцент, присущий жителям Эйниса.

Он лежал на своей койке, так яростно сосредоточившись на воображаемом шахматисте, который маячил около него, как облачко тумана, что не обратил никакого внимания на первый взрыв. Только после второго взрыва и реверберации стен его камеры он понял, что это уже повторный звук.

— Что за шум? — он вскочил на ноги.

Третий взрыв тяжело рявкнул и отдался в металле его кельи. «Тяжелые пулеметы», — подумал он почти автоматически, профессионально. Его прошиб пот. Сердце начало неистово колотиться. Что произошло? Он бросил взгляд на видеопорт. Линатавр вкатывался в поле зрения — непримечательный, безмятежный, безразличный. Послышался торопливый стук в дверь. Индикатор вблизи его молекулярного датчика сначала засветился красным, а потом белым светом. Кто-то извне прорубался к нему с помощью бластера. До Маккормака долетели голоса, неотчетливые, но возбужденные и сердитые. С диким ревом по коридору пронеслась пуля тяжелого пулемета, со смачным звуком срикошетила о стену и затихла.

Дверь была не толстой, но достаточно прочной. Сплавы, из которых она была сделана, подались, стали стекать вниз,

* Долихоцефалический — вытянутый (лат.).

превратились в маленькое, фантастическое с виду образование, похожее на лаву. Пламя бластера бушевало сквозь образовавшуюся дыру, расширяя ее. Маккормак отпрянул. Озон ударили в ноздри. В мозгу возникла моментальная, почти сумасшедшая мысль: «Нет причин так расточительно тратить заряд».

Оружие перестало работать. Дверь широко открылась. Человек двенадцать ворвались в камеру. Многие из них были одеты в форму Флота голубого цвета. Двое выглядели похожими на роботов в боевом снаряжении и тащили большое энергетическое ружье Хольберта на гравитационных салазках. Один из них был неземлянин, Донаррианский кентавроид, больший по размерам, чем полностью снаряженные люди. Он нес многочисленное вооружение на своем обнаженном торсе, но оставил его в кобурах, предпочитая, видимо, рукопашный бой. Он был ранен. Его обезьяноподобное лицо представляло собой одну большую гримасу.

— Адмирал! Сэр! — Маккормак не узнал юношу, который бросился к нему, широко расставив руки. — С вами все в порядке?

— Да, да! Что? — Маккормак преодолел возбуждение. — В чем дело?

Остальные отдали ему честь.

— Лейтенант Насреддин Хамид, сэр, командир спасательного отряда, созданного для вашего освобождения по приказу капитана ОлифANTA.

— Но зачем же ломать оборудование, принадлежащее Империи? — впечатление было такое, что вместо Маккормака говорит кто-то другой.

— Сэр, они намеревались убить вас. Капитан Олифант уверен в этом. — Хамид выглядел безумным. — Нам необходимо быстро убираться отсюда, сэр. Мы вошли без потерь. Человек, отваживший поручения, знал об этой операции. Он снял большую часть охраны. Он останется с нами. Несколько человек не подчинились ему и оказали сопротивление. Должно быть, это люди Снелунда. Мы пробились сквозь них, но некоторые скрылись. Они будут ожидать удобного момента, чтобы послать сообщение о произошедшем здесь,

как только наши корабли перестанут создавать радиопомехи.

Происходящее все еще было нереальным для Маккормака. Одна часть его сознания как бы спрашивала, не рехнулся ли он.

— Губернатор Снелунд был назначен Его Величеством,— отрывисто вырвалось из его глотки.— Подходящим местом для выяснения сути дела является суд и предварительное следствие.

Один из его освободителей выступил вперед. Он не потерял еще акцента, присущего Эйнису:

— Пожалуйста, сэр.— Он едва не плакал.— Мы не сможем осуществить задуманное без вас. Восстания возникают на все большем количестве планет каждый день — теперь и на нашей тоже, в Борее и Айронленде. Снелунд пытается заставить Флот помогать его поганым войскам в осуществлении их мерзких действий... его методами... ядерной бомбардировкой, если сожжение, расстрел и порабощение не действуют.

— Война между нашими собственными людьми,— прошептал Маккормак,— это в то время, когда вблизи границ ополчились варвары,— его взгляд медленно вернулся к Линнатавру, видневшемуся в видеопорте.

— Что с моей женой?

— Я не... я не знаю... все, что касается ее...— Хамид запнулся.

Маккормак взвился перед лейтенантом. Ярость охватила его. Он схватил лейтенанта за грудки.

— Это ложь! — закричал он.— Не может быть, чтобы ты не знал! Олифант никогда не послал бы людей на дело, не разъяснив им все подробности последних событий. Так что же с Кэтрин?

— Сэр, то, что мы глушим радиопередачи, будет замечено. С нами только наблюдательный корабль. Вражеский корабль, находящийся в засаде, может...

Маккормак тряс Хамида до тех пор, пока его челюсти не начали лязгать. Неожиданно он отпустил свою жертву. Ос-

вободители увидели, что его лицо стало совершенно безжизненным.

— Большая часть бедствий произошла из-за того, что Снелунд желал обладать Кэтрин,— сказал он почти неслышно.— В суде, находящемся в полном подчинении у губернатора, льются медовые речи, и что решает этот суд, то вскоре и делает весь Катавраяннис. Она все еще во дворце, не так ли?

Люди смотрели в разные стороны, но только не на него.

— Я слышал, что это так,— промямлил Хамид,— перед тем, как атаковать, сэр, мы остановились на одном из астероидов — так, как будто у нас обычный отдых в пути,— и стали переговариваться со всеми, кто был нам доступен. Одним из них был купец, держащий свой путь из столицы второй день. Он сказал — хорошо, сэр,— публичное объявление о вашем деле и о вашей леди задерживается в связи с необходимостью расследования, только она и губернатор...

Он остановился.

Через мгновение Маккормак приблизился к нему и сжал его плечо.

— Тебе не требуется продолжать, сынок,— сказал он с новой интонацией в голосе, но очень мягко,— давай-ка лучше пойдем на борт твоего корабля.

— Мы не мятежники, сэр,— сказал Хамид умоляюще,— мы нуждались в вас для того, чтобы избавиться от этого чудовища... прежде, чем мы сможем сообщить правду Императору.

— Нет, это не должно более называться мятежом,— ответил Маккормак.— На самом деле это восстание,— его голос приобрел командирскую уверенность: — Вперед! Шире шаг!

II

По праву называясь столицей, Адмиральский центр возвышался над той частью Северо-Американских Скалистых Гор, где он был расположен так, как будто снова Титаны из

древних мифов нагромождали скалы, чтобы добраться до Олимпа.

— В один из дней,— заметил Доминик Флэндри молодой женщине, которой он показывал окрестности и которой он привел такое сравнение, чтобы показать свою образованность,— боги разозлятся так же, как они это сделали тогда в последний раз — и будем надеяться, что на сей раз — с менее плачевными результатами.

— Что вы имеете в виду? — спросила она.

Так как его намерением было не просветить, а соблазнить ее, то он покрутил усы и сказал, сделав глазки:

— Я имею в виду, что вы слишком сильно мне нравитесь, чтобы дальше испытывать мое мужское терпение. А что касается этого живописного звездного неба, которое вы хотели увидеть, то посмотрите, пожалуйста, туда.

Он не сказал сий, что эффектное трехмерное лазерное изображение было сделано исключительно для посетителей. Наименьшее звездное расстояние слишком огромно, чтобы любая подобная карта имела большие размеры. Настоящая информация находилась в банках памяти хорошо защищенных компьютеров и была недоступна для случайных посетителей.

Пока нанятый им экипаж продвигался в эту область, Флэндри вспомнил небольшой эпизод. Он закончился благополучно. Но его сознание не могло освободиться от чувства некоторой неопределенной параллельности событий.

Вокруг него поднимались ввысь разноцветные стены, настолько высокие, что флюоропанели должны были непрерывно гореть с небольшим накалом, между ними свисали спутанные стебли лиан, а на самом верху листья пальм были похожи на короны над облаками и солнцем. Трасса воздушного извозчика карабкалась и извивалась по направлению к небу. Танец этот был слишком упругим и сложным для любого способа управления, кроме компьютерного. Трасса пролегала среди башен, то поднимаясь вверх, то опускаясь глубоко в туннели и пещеры под этими башнями. Городские автомобили и автобусы, воздушные и наземные, создавали звуки, похожие на шепот; то же самое касалось и

рельсового транспорта; и шум со стадиона, на котором шел футбольный матч, тоже вскоре затих. Тем не менее Адмиральский центр стоял в некоем акустическом облаке, похожем на непрекращающийся днем и ночью гул улья, с ревом подземных сооружений и транспорта — шумом работающего города. Здесь было средоточие силы Империи, а Земля правила владениями, расположенным приблизительно в сфере диаметром около 400 световых лет, в которой находилось, по некоторым оценкам, до четырех миллионов обитаемых звездных систем, из которых сто тысяч так или иначе подчинялись Земле, платили ей дань.

Это было гордостью Империи. Но когда вы оглядывались назад... Флэндри вернулся к действительности от своих воспоминаний. Его наемный экипаж скользил по направлению к центральному зданию службы безопасности. Он последний раз сладко затянулся сигаретой, затушил ее о самолетную откидную пепельницу и проверил свою униформу. Он предпочитал форму свободного силуэта со всевозможными элегантными вариациями, насколько это позволяли довольно гибкие правила, или даже чуть-чуть больше. Однако, когда твой отдых резко прекращают после нескольких дней, проведенных Дома, и приказывают явиться для доклада непосредственно вице-адмиралу Хераскову, то лучше всего быть одетым в скромную белую форму, причем брюки ее не должны быть заправлены в твои любимые полуботы, и в них должен быть вдет обычный ремень вместо кушака, и плащ должен быть серым, и форменная фуражка с солнцезащитным козырьком должна сидеть на голове ровно.

«Одежда из мешковины и посыпание головы пеплом было бы более подходящим,— посетовал Флэндри.— Три, черт побери, целых три бесподобных девушки, готовые отпраздновать вместе со мной в Эверест-Хаузе мою неделю рождения, которая начинается завтра, меню, на планирование которого я потратил целых два часа; и мы бы продолжали это празднество столько времени, сколько требуется, чтобы доказать, что четверть века — на самом деле несколько меньше, нежели кажется. И вот — на тебе!»

Машина в здании разговаривала посредством хитроум-

ных комбинаций с машиной в экипаже. Флэндри был принят для посадки на пятидесятому уровне крыла для парковки. Гравитационные двигатели остановились. Он вставил свою карточку в измеритель, который определил его личность и открыл дверь перед ним. Стража в форме Флота на входе еще раз проверила его удостоверение личности и предписание с помощью другой машины и позволила ему войти в здание. Он прошел через несколько залов к лифту, который был ему нужен. Он спешил, поэтому не стал пользоваться подвижной лентой, а без остановки проследовал к шахте.

Повсюду сновало множество людей. Здесь встречались как младшие технические работники, так и адмиралы, на чьих плечах лежал груз обеспечения безопасности тысяч миров и тысяч ученых мужей, основной задачей которых было поддерживать Империю на плаву в космическом пространстве, полном смертельных сюрпризов. Естественно, что не все из них были людьми. Очертания фигур, краски, языки, запахи, неожиданные ощущения, когда он случайно коснулся чьей-то руки с чужой кожей,— все это кружилось за Флэндри нескончаемым вихрем. «Фигаро здесь — Фигаро там, но если разобраться, то все это суeta сует,— сказала мрачная половина Флэндри.— Все это приближает ночь — Длинную Ночь, к которой Империя катится, как бочка под гору. И потом останется только жалкий людской лагерь, похожий на руины. Ведь в самом деле, как бы мы могли навеки оставаться хозяевами положения, даже в нашем не очень значимом скоплении звезд, на краю галактики, столь огромной, что мы никогда не узнаем и десятой ее части? Может быть — ничего кроме этого отрезка спирального рукава, который мы уже видим перед собой. Подумать только — более половины солнц в этом микропузырье пространства, на который мы претендуем, никогда не видел глаз человека! Наши предки исследовали пространство гораздо дальше, чем мы, в наше время, помним. Когда в них взыграл черт и казалось, что их цивилизация разлетится на кусочки, они все-таки нашли в себе силы собрать все воедино в Империю. И они заставили Империю существовать,

действовать. Но мы... мы потеряли волю. Нам слишком просто все доставалось в течение длительного времени. И поэтому мерсейне на нашем фланге со стороны Бетельгейзе, а дикие расы — с других направлений давят на нас извне... Но почему это волнует меня? Однажды карьера во Флоте показалась мне заманчивой. Позже я рассмотрел теневые стороны дела. Сейчас я бы почувствовал себя более комфортно, если бы занялся чем-нибудь еще».

Его остановила женщина. Она, должно быть, имела к нему какое-то случайное дело, потому что гражданские чины, служащие здесь, не могут выйти наружу в одеянии, раскрашенном во все цвета радуги. Она была сложена специально для такого одеяния.

— Прошу прощения,— сказала она,— не могли бы вы мне объяснить, как найти кабинет капитана Юань Ли? Боюсь, что я заблудилась.

Флэндри слегка поклонился.

— Действительно, дорогая леди.

Он уже был здесь с докладом сразу после возвращения на Землю, а теперь его внимание обратилось к ней.

— Пожалуйста, скажите ему, что лейтенант-командор Флэндри считает, что он счастливый капитан.

Ее ресницы затрепетали.

— О, сэр,— и, дотрагиваясь до знака отличия на его груди, с искорками в глазах: — Я заметила, что вы из службы безопасности. Вот почему я обратилась к вам. Это должно быть очень захватывающим. Мне бы очень хотелось...

Флэндри расцвел в улыбке:

— Хорошо, раз мы оба знаем нашего друга капитана Юань Ли...

Они обменялись именами и адресами. Она отошла, покачивая бедрами. Флэндри продолжил свой путь. Его настроение значительно улучшилось. «В конце концов любая другая работа может оказаться скучной». Он достиг намеченной ранее точки. «Именно здесь я должен сесть в лифт». Вступив в кабину, он расслабился, пока отрицательное гравитационное поле поднимало ее.

Точнее, он пытался расслабиться, но не сумел сделать этого и на одну сотую долю процента. Привлекательная женщина или нет, а вновь завязанная связь лейтенанта по службе требовала личной беседы с заместителем начальника по оперативной работе. И лейтенант обнаружил, что его язык пересох, а пальцы слегка влажны.

Держась за поручень, он вышел из кабины лифта на девяносто седьмом уровне и пошел вдоль коридора. Здесь царила тишина; редкие мягко звучащие голоса, случайный звук от работающего мотора только углубляли ощущение тишины, которое он испытывал среди этих строгих стен. Те, кого он встречал, были приблизительно его же чина или выше, их глаза были устремлены в пространство, их мысли витали среди отдаленных солнц. Когда он добрался до ряда офисов, принадлежащих Хераскову, он увидел, что то, что принимало посетителей, было не чем иным, как сканером с переговорной коробкой, подвешенной к компьютеру слишком низкого качества. Но лучшего и не надо было. Каждый, кто был нежелателен, отфильтровывался на более ранней стадии. Флэндри собирался с чувствами целых пять минут, прежде чем это устройство сказало ему, что он может войти внутрь.

Комната за внутренней дверью была большой, с высоким потолком, украшенная многочисленными коврами. В одном из углов стоял инфотриевер и видеотерминал датчика внешнего обзора, в другом — маленький столик с закусками. Кроме этого, здесь были три или четыре картины и очень много полок с напоминаниями о прошлых победах. Свободная стена служила экраном для мультипликации. В тот момент, когда вошел Флэндри, на ней было изображение Юпитера, видимого с приближающегося к нему кораблем, настолько реальное, что вошедший слегка ахнул. Он остановился с противоположной стороны стола и отдал честь, едва не оторвав себе руку:

— Лейтенант-командор Доминик Флэндри явился для доклада, как было приказано, сэр.

Человек, сидящий за столом, был одет в скромную униформу. Он не носил на груди никаких украшений, за ис-

лючением небольшого бриллианта — знака рыцарства, который нельзя было воспринимать иначе, как свидетельство благородства. Но его туманность* и звезда указывали на знакомую Флэндри планету. Он был коротким и крепко сбитым, с лицом, обрамленным щетинистыми серыми волосами, и напоминал усталого мопса.

Он нехотя, почти неряшливо ответил на приветствие. Тем не менее сердцебиение у Флэндри усилилось.

— Вольно,— сказал вице-адмирал сэр Илья Херасков,— садитесь. Сигару? — Он показал на коробку с сигарами, стоящую чуть поодаль.

— Благодарю вас, сэр,— Флэндри собирая остатки своего мужества. Он выбрал сигару и не спеша раскурил ее, пока кресло под ним принимало очертания его фигуры и давало отдых его мускулам.

— Адмирал сама любезность. Думаю, что нет сигар лучше, чем Корона Австралии.

Флэндри знал несколько действительно замечательных сортов табака, но эти сигары были неплохими. Дым сигары нежно покусывал его язык и упруго клубился в носу.

— Кофе, если желаете,— предложил хозяин, наверное, миллиона агентов во всей Империи и за ее пределами.— Или чай, а может быть, джайна**?

— Спасибо, нет, сэр.

Херасков изучал его со смущенным видом и как бы извинялся. Казалось, он излучал рентгеновские лучи.

— Я извиняюсь за то, что пришлось прервать ваш отпуск таким образом, лейтенант-командор,— сказал адмирал.— Вы, должно быть, рассчитывали на полный отдых, который позволил бы вам полностью восстановить силы. Я вижу, у вас новое лицо.

Они никогда раньше не встречались. Флэндри внутренне улыбнулся.

— Да, действительно, сэр. То лицо, которое дали мне мои родители, стало надоедать мне. А так как я собирался на Землю, где переделка внешности является почти обычным делом, как косметика...— он передернул плечами.

* Знак отличия военно-космических сил.

** Индийский крепкий полунаркотический напиток на основе чая.)

Но упорный взгляд адмирала все еще испытывал его. Херасков видел перед собой атлетическое тело ростом 184 см, широкоплечее и узкобедрое. Видя его белые, утонченные руки, можно было предположить, как их обладатель ненавидел часы упражнений, которые он должен был делать, чтобы создать такие по-кошачьи гибкие, ловкие мускулы. Теперь внешность Флэндри слагалась из прямого носа, высоких скул, подбородка с ямочкой. Подвижный рот и глаза изменчивого сероватого цвета под слегка изогнутыми бровями были оригинальны. Разговаривая, он слегка растягивал слова.

— Без сомнения, вы удивляетесь, почему именно ваше имя было выдернуто из всего списка личного состава,— сказал Херасков,— и почему вдруг вам приказали явиться прямо сюда, а не к непосредственному начальнику или капитану Юань Ли.

— Да, сэр. Мне казалось, что не стоит занимать ваше внимание.

— Так вы и не ожидали этого вызова,— ответ Хераскова не содержал и намека на юмор.— Но получили его.

Он откинулся назад, скрестив короткие ноги, похожие на обрубки бревен, и узловатые, покрытые волосами пальцы.

— Я отвечу на ваши вопросы. Во-первых, почему вы, рядовой офицер, один из десятков тысяч? Вы, между прочим, можете знать, Флэндри, если уже не знаете этого, хотя я подозреваю, что ваше тщеславие говорит вам,— для определенных кругов в корпусе вы не являетесь незаметным, неизвестным. Вы бы не занимали тот пост, который вы теперь имеете, если бы это было так. Напротив, мы стали проявлять к вам устойчивый интерес после дела Старкадов. Об этом, конечно, необходимо помалкивать, но это дело не должно быть забыто. Ваши последующие рекомендации по наблюдению за развитием событий имели интригующие последствия.

Флэндри не смог подавить нарастающее возбуждение. Херасков радостно хмыкнул; впечатление было такое, будто звякнули звенья железной цепи.

— Мы изучили то, о чем вы умолчали. Нет, не волнуйтесь... пока что. В наше время так мало компетентных людей, не говоря уж о блестящих специалистах, что служба закрывает глаза на многие смелые проделки. Или вы будете убиты, юноша, или сделаете что-нибудь, что заставит нас уничтожить вас, или вы очень далеко пойдете.

Он глубоко вздохнул, прежде чем продолжить:

— Для этого дела требуется неклейменый теленок, диссидент. Не выдам большого секрета, если скажу вам, что последний мерсеянский кризис гораздо острее, чем правительство могло бы допустить. Он может полностью взорвать наше общество. Я думаю, мы сможем разрядить эту ситуацию. В этом случае Империя будет действовать быстро и решительно. Но это требует, чтобы мы постоянно держали значительную часть наших флотов непосредственно вблизи этой границы, до тех пор, пока мерсеяне не поймут, что мы ведем дело к тому, чтобы не позволить им овладеть Джиханнатом. Разведывательные операции там достигли такого напряжения, что Корпус практически выжат до предела и не имеет больше способных оперативных работников в других местах.

А тем временем возникло кое-что еще, на противоположной стороне наших владений. Кое-что, потенциально более опасное, чем любой отдельно взятый конфликт с Мерсейей.— Херасков поднял руку.— Только не воображайте себе, что вы — единственный, кого мы посылаем для того, чтобы справиться с ситуацией, или что вы можете внести нечто большее, чем один квант, в наши усилия. Тем не менее сейчас, когда мы предельно истощены, ценен каждый дополнительный квант. Для вас это неудача, но для Империи — удача... может быть, что вам случилось быть на Земле на прошлой неделе. Когда я запросил Кадры о том, кто находится поблизости и имеет подходящую квалификацию, вы оказались среди дюжины тех, кто в это время вернулся на Землю.

Флэндри ждал.

Херасков подошел ближе. Остатки его спокойствия ис-

чезли. Нахмутившись и скорбно сожалея о чем-то, он продолжал:

— Что касается того, почему вам было предписано явиться прямо ко мне: это одно из мест, где, как мне известно, нет подслушивающих устройств противника, а вы — именно тот человек, который не подставит меня. Я уже сказал вам, что мы нуждаемся в неклейменом теленке, в человеке, не отражающем интересов какой-либо группы людей. Теперь я скажу вам, что вы можете искать расположения у двора, выдав то, что я собираюсь вам сказать. Я в этом случае буду сломан, вероятно, застрелен или превращен в раба. Вы заработаете много денег, может быть,— и повышение по службе, как подхалим. Но я должен использовать предоставленный мне шанс. Пока вы не узнаете, что в действительности произошло, вы будете бесполезны.

Флэндри сказал, выбирая слова:

— Я опытный лжец, сэр, поэтому, может быть, вам следует поверить моему слову, а не клятвенному уверению в том, что я не очень натренированный шептун.

— Ха! — Херасков сидел без движений в течение нескольких секунд. Потом он вскочил на ноги и начал ходить туда-сюда, ударяя кулаком о ладонь другой руки. Слова полились из него:

— Вы были далеко. После Старкадов вы посещали Землю для повышения образования и для чего-то еще такого. Вы должны были бы быть очень заняты, чтобы следить за событиями, происходящими при дворе. О, скандальные новости, злые шутки, слухи,— да, все это вы слышали. А кто этого не слышал? Но новости, имеющие принципиальное значение, не слышал никто. С вашего позволения, я вкратце изложу их.

Прошло уже три года с того времени, когда умер бедный старый император Георгиус, и Джошуа II вступил на престол. Каждый знает, что из себя представляет Джошуа: слишком слабый и тупой, чтобы его правление стало эффективным. Мы все надеялись, что пока жива Доуайджер Импресс, она будет держать его в узде. И он, кстати, ненадолго ее переживет, если учесть, как он истязает свой орга-

низм. И у него не будет детей — куда там! И Политическое Управление, Генеральный Совет, гражданские службы, офицерский состав, высшее общество в Солнечной системе и за ее пределами... в них обитают по большей части плуты, обманщики и некомпетентные люди, таких гораздо больше, чем в прежние дни, но у нас все-таки осталось несколько хороших специалистов, несколько... Я ведь не сказал ничего нового, не так ли? — У Флэндри было время на то, чтобы только кивнуть головой в знак согласия. Херасков продолжал ходить и говорить.

— Я думаю, что вы делали точно такие же выводы, как и все информированные граждане. Империя столь огромна, что ни один человек не сможет серьезно повредить ей, даже, теоретически, в том случае, если он обладает сверхмогуществом. То зло, которое исходит от Джошуа, почти во всех случаях может быть ограничено достаточно близким к нему кругом придворных, политиков, plutократов и тому подобных типов, которые сконцентрированы на Земле и в ее ближайших окрестностях — это не великое зло. Мы уже пережили других плохих императоров.

Это — логическое умозаключение. Справедливое, без сомнения, ровно настолько, насколько оно срабатывает. К великому сожалению, оно срабатывает далеко не во всех случаях. Даже мы, те, кто близок к царскому трону, были изумлены появлением Аарона Снелунда. Вы когда-нибудь слышали о нем?

— Нет, сэр,— сказал Флэндри.

— Он держался в тени,— объяснил Херасков.— Цензура, которая эффективна на этой планете, как ничто другое. Высший свет знал о нем, и люди вроде меня знали. Но наши знания были неполными. Позже вы узнаете детали. Я хочу изложить вам факты, которые не доступны для широкой публики.

Он родился 34 года назад на Венере. Мать его была проституткой, отец неизвестен. Именно в Нижнем Люцифере вы или становитесь безжалостным, или пропадаете. Он был умен, наделен талантами, обаятелен, когда старался быть таким. В возрасте пятнадцати — восемнадцати он был сен-

тиментальным актером здесь, на Земле. Я могу себе представить, как он должен был планировать свои действия, исследовать вкусы Джошуа до малейших оттенков, тратить очень много денег на то, чтобы приобрести хорошие манеры. Как только они встретились, дело пошло гладко, как под воздействием гравитации. В возрасте 25 лет Аарон Снелунд прошел весь путь от новичка при дворе до фаворита принца крови. Его следующим шагом было удаление ключевых людей и передача их учреждений тем, кто был предан Снелунду.

Это подняло оппозицию. Ими двигало больше, чем зависть. Честные люди беспокоились, что он станет силой, стоящей за короной, после того, как Джошуа взойдет на престол. Мы слышали невнятные разговоры насчет его убийства. Я не знаю, почувствовали ли Джошуа и Снелунд беспокойство, или же Снелунд предвидел опасность и построил планы против нее. В любом случае они должны были смотреть сквозь пальцы на происходящее.

Как вы помните, Георгиус умер внезапно. Через неделю Джошуа сделал Снелунда виконтом и назначил его губернатором сектора Альфа Крукис. Вы можете оценить, как хорошо все было рассчитано? Подъем на верхний уровень власти спровоцирует бурю, но виконтов тьма-тьмущая. Однако виконтство нужно для того, чтобы стать губернатором.

Имелось много секторов, которые были очень богаты, могущественны, расположены недалеко от дома или важны по другим причинам. Департамент политики никогда бы не назначил ни в один из этих секторов человека, которому он не мог доверять. Альфа Крукис был совсем другим сектором.

Херасков повернул выключатель. Флюoresцентное освещение исчезло. Растворяло и захватывающее дух изображение Юпитера, огромного, окруженного своими лунами. На их месте возникла карта наиболее важных звезд Империи. Может быть, поднявшаяся в Хераскове ярость требовала, по крайней мере, чего-то такого, на что можно было бы показать пальцем. Его массивное тело застыло перед этим драгоценным достоянием Империи.

— Бетельгейзе,— он ткнул пальцем в красную искру, представляющую гигантскую звезду, которая доминировала в пограничных районах между Землей и Мерсейей.— Это район, откуда исходит угроза войны. Теперь — Альфа Крукис.

Его рука пролетела почти 100 градусов против часовой стрелки. Другая рука повернула ручку управления, перемещая проекционный план приблизительно на 70 градусов южнее. Там ярко сияли гиганты В-типа на противоположной стороне земных владений, двойная Альфа и одиночная Бета Южного Креста. За ними не было видно практически ничего, там была только темнота. Но это совсем не означало, что звезды не продолжали все также сиять россыпями в тех областях вселенной. Это означало просто-напросто, что эти звезды лежали в областях, куда не простиралась десница земной Империи. Это были обиталища диких племен, варваров — грабителей и хищников, которые очень скоро заполучат космические корабли и ядерное оружие. Именно поэтому они создают непроясняющую тьму.

Херасков обозначил почти цилиндрическое пространство на карте звездного неба.

— Здесь,— сказал он,— находится именно то место, откуда действительно может возникнуть война.

Флэндри осмелился нарушить задумчивое молчание, которое последовало за этими словами:

— Адмирал имеет в виду, что дикие расы собираются сделать попытку нового вторжения? Но, сэр, я так понимаю, что их хорошенько одернули. После сражения под, хм, я забыл название места, но разве во время этой битвы мы...

— Сорок три года назад,— Херасков утвердительно повел плечами. — Слишком огромно оно, это пространство,— сказал он устало.— Ни один мозг, ни одна порода живых существ не может держать под своим контролем вселенную. Поэтому мы допустили, чтобы сорные семена прорастали до тех пор, пока не стало слишком поздно.

Хорошо,— он выпрямился.— Было очень тяжело видеть, какой вред может причинить Снелунд, пытаясь спровоциро-

вать конституционный кризис власти, начиная именно с того района, который я вам показал. Район достаточно удален, как большинство наших новых владений. Он не очень развит, не очень плотно населен, стабильность и лояльность этого сектора наших владений никогда не подвергалась сомнению. Только две вещи вносили дисгармонию. Одна из них — агрессивная промышленная планета Сатан. Но это — древнее владение князя Гермеса. Можно допустить, что они стараются защитить свои интересы. Вторая — положение этого сектора наших владений как щита между нами и всякими случайными проходящими. Но это означает, что оборона является первой задачей адмирала флота. И мы имеем — имели — достаточно замечательного человека на этом посту, а именно Хага Маккормака. Вы никогда не слышали о нем, но вы получите все необходимые сведения.

Конечно, Снелунд должен был разжиреть на своем новом посту. Что из этого? Сотня или две тысячи кредитов в год, скрытые от обложения налогом Империи, не могут причинить столько вреда, чтобы мы начали проявлять беспокойство. Но это даст ощущение удовлетворения алчных притязаний, не выходящих в общем-то за рамки обычного стремления к обеспеченности. Он вовремя отошел от активной политической жизни ради приобретения роскоши.

Тем временем флот и гражданские службы выполняли свою обычную работу. Каждый был счастлив, что так дешево отдался, устав Снелунда с Земли. Такие приемы часто применялись в Империи.

— Только на этот раз,— лениво протянул Флэндри,— они забыли о мужеложестве.

Херасков выключил карту звездного неба, включил свет и тяжело посмотрел на Флэндри. Ответный взгляд Флэндри был мягким и почтительным. Наконец адмирал сказал:

— Он отбыл туда три года назад. С той поры стали поступать во все возрастающих количествах жалобы об извращениях и жестокости. Но никто не находил в этих жалобах достаточно оснований для принятия каких-либо ответных мер. И если бы даже такое решение было принято, что мы смогли бы сделать? Области, близкие к границам дикого

межзвездного пространства, недосягаемы из центра. Воз действовать на них, таким образом, невозможно. Империя, в действительности,— не более, чем полицейский, старающийся сохранить спокойствие как во внутренних, так и во внешних своих владениях. Племена, страны, планеты, провинция и автономии так многочисленны, что в принципе неуправляемы. Агония миллионов живых существ, удаленных на 200 световых лет, никак не отражается на самочувствии нескольких триллионов обитателей других миров или на чем-нибудь еще. Она и не может никак отразиться, потому что даже нам ни до чего нет дела, кроме своих собственных проблем.

Теперь представьте себе, что может еще предпринять губернатор отдаленного сектора, избравший путь неограниченного приумножения своей власти?

Флэндри представил и потерял свою непринужденность.

— Даже сам Маккормак стал в конце концов посыпать протесты на Землю,— продолжал Херасков.— Двухзвездный адмирал может пробиваться к цели. Политическое Управление стало подумывать о том, чтобы назначить комиссию по расследованию. Почти сразу после этого пришло личное послание от Снелунда. Он должен был арестовать Маккормака по подозрению в совершении государственной измены. Снелунд имел такое право, вы знаете, и он выбрал временно исполняющего обязанности высшего командира. Военный суд должен был состояться на базе флота или прямо на корабле с участием офицеров подходящего ранга. Но с учетом этого мерселянского кризиса... Вы следите за моей мыслью?

— Еще как! — выпалил Флэндри.

— Бунты в провинциях обычно сразу становятся известными,— сказал Херасков.— И мы гораздо в меньшей степени можем позволить себе бунт сегодня, чем мы могли в прошлом.

Он стоял, неотрывно глядя на молодого человека из-за своего стола. Повернувшись, он стал пристально смотреть на огромное изображение Юпитера, которое появилось снова.

— Остальное вы сможете найти в записях об этом событии,— сказал он.

— Что бы вы хотели, чтобы я сделал... сэр?

— Как я уже говорил вам, мы посылаем туда тех полностью прикрытых агентов, которых мы сумели выделить, и еще нескольких инспекторов. Имея в виду всю ту территорию, с которой придется иметь дело, они потратят много времени для того, чтобы представить себе полную картину. Может быть, фатально много времени. Я хочу попробовать сделать что-нибудь побыстрее. Поэтому нужен человек, который будет смотреть за развитием событий неофициально, но полностью открыто, с правом принять срочные меры в случае необходимости. Например, полностью подошел бы мастер по ремонту военных кораблей, официально назначенный на Линатавр. Губернатор Снелунд, например, не имеет пока оснований для того, чтобы отказаться увидеть его. В то же время шкипер небольшого боевого корабля не будет слишком заметен.

— Но, сэр, я никогда не командовал кораблем.

— Неужели?

Херасков тактично не заметил, какое впечатление произвел его неожиданный вопрос. Он продолжал:

— Мы нашли эсминец охранения, капитан которого выдвинут на более высокий пост. Записи говорят о том, что на его борту есть способные офицеры. Это освободит вас для выполнения вашей основной работы. На этот корабль вы попадете случайно, в процессе нормального испытания ваших способностей и обучения. Нам нравится, когда наши оперативные работники имеют навыки в разных областях деятельности.

«Не так уж много навыков пока у меня за душой»,— пронеслось в подсознании Флэндри. Он почти не обратил внимания на эту мысль. Возбуждение овладело им.

Херасков сел.

— Возвращайтесь на свое место,— сказал он.— Собирайтесь и будьте готовы к отправлению. Доложите в 16.00 часов контр-адмиралу Ямагучи. Он снабдит вас всем необходимым, средствами для записи, для гипноза, синаптиче-

скими преобразователями, стимулирующими препаратами, всем, в чем вы будете нуждаться. А вам все это обязательно понадобится. Я бы хотел, чтобы представленная вами информация была такой же полной, как и моя, на протяжении всех 48 часов. После этого вы сообщите на Первую Базу Марса и получите патент на повышение в чине с сохранением прежнего оклада, но как на полного командира. Ваш корабль сейчас находится на орбите около Марса. Отправление будет немедленным. Я думаю, что вы сумеете как-нибудь скрыть свое незнание корабля до тех пор, пока вы его не восполните.

Если хорошо проявите себя, мы подумаем насчет того, чтобы сделать ваш временный пост постоянным. Если нет, один Бог поможет вам. И может быть и мне. Желаю удачи, Доминик Флэндри.

III

Третья остановка, которую сделала «Асинёв» на своем пути к Линатавру, была последней. Флэндри осознал необходимость такой поспешности. При прямолинейном полете с гиперсветовой скоростью должно было пройти в худшем случае две недели, чтобы его ракета достигла цели путешествия. Может быть, ему следовало бы положиться на записи и интервью после того, как он прибудет на место. С другой стороны, ему могут и не дать такого шанса, или же Снелунд найдет способы скрыть правду от взора своей руководящей планеты. Последнее выглядело наиболее вероятным, а потому и было правдоподобным. А приказ, отданный Флэндри, давал ему свободу действий. Он получил инструкцию тут же сообщить о своем назначении на Линатавр и предстать перед новым начальством в секторе Альфа Крукис, имея в виду «максимальную скорость и точное выполнение предписания по поиску интересующих фактов». Запечатанное письмо от Хераскова позволяло ему отрядить свой корабль и действовать независимо, но это последнее было

возможно только в случае крайней необходимости, и он должен был всякий раз держать ответ за свои действия.

Он достиг компромиссного решения, сделав краткие отметки в трех случайно выбранных системах в сфере влияния Снелунда и не очень далеко от основного курса. Это добавило десять дней к его пути. Две планеты были населены людьми. Обитаемая планета третьего солнца называлась Шалму.

Она была названа так на одном из языков, на которых говорили представители ее технологически передовой цивилизации. Эти общества находились в бронзовом веке, когда люди открыли этот мир. Под влиянием периодических контактов с деловыми людьми они постепенно поднялись до железного века, и в настоящее время примитивная технология, основанная на двигателях внутреннего сгорания, позволяла им распространять свое лидерство по всему миру. Процесс шел гораздо медленнее, чем на Земле. Шалмуане были менее агрессивны, чем земляне, менее способны относиться к себе подобным как к преступному сброду, паразитам или бездушным механизмам.

Они были счастливы войти в подчинение Империи. Это означало защиту от варварских межзвездных бродяг, которые уже причинили им немало горя. Они не видели той базы Флота, которую получили. Она была расположена где-то в другой части системы. Зачем рисковать обитаемой планетой, если речь идет о локальной борьбе, когда безжизненная планета может также хорошо послужить? Но на Шалму был размещен небольшой военно-космический гарнизон. Космонавты заходили туда время от времени, и это предотвращало рассеивание граждан Империи, которые торговали с аборигенами также охотно, как и с обслуживающим персоналом базы. Шалмуане находили себе работу среди этих иностранцев. Некоторым из них удалось выбраться за пределы системы. Малое, но все возрастающее их число было рекомендовано для обучения земными друзьями. Они вернулись, обладая современными знаниями. Возникла мечта войти в цивилизацию как полнокровный ее член.

В свою очередь, Шалму вносила, пожалуй, очень скром-

ную плату, состоящую из металлов, топлива, пищевых продуктов, пользующихся спросом произведений искусства и предметов роскоши в зависимости от того, что могла поставить та или иная область планеты. На планете был принят представитель Империи, чье слово было последним в разрешении многих вопросов, но который на практике позволял местным культурам самостоятельно развиваться. Его военно-космические силы подавляли войны и бандитизм в тех случаях, когда была необходимость, и это положительно воспринималось многими. Молодые жители Империи, люди и нелюди, часто вели себя надменно, но всякий серьезный вред, который они могли причинить невинным шалмuanам, обычно оборачивался для них наказанием.

Если быть кратким, планета была типичной для большинства тех, которые попали под влияние Земли. Если оглянуться назад, то получится, что они больше приобрели, чем потеряли. Они видели в основном блестящую сторону имперской монеты, которая не так уж плохо блестела. Так шли дела еще приблизительно два года назад.

Флэндри стоял на холме. За ним стояли пятеро мужчин, телохранителей из его команды. Перед ним стоял Ч'кесса, Председатель Совета Союза Городов Атты. Ч'кесса был в сопровождении членов своей общины, которая растянулась по склону холма. Она представляла собой несколько уютных, отмытых добела домиков, очертаниями напоминающих барабаны, где проживали несколько тысяч членов его общины. Несмотря на остроконечность, каждая деревенская крыша была цветником, пестрящим разнообразными красками. Проходы между домами были «вымощены» жесткой растительностью, похожей на мох, кроме тех участков, где росли фруктовые деревья, с которых каждый мог снять плоды, когда они поспевали, и никто, как правило, не рвал лишнего. Пастбища и обработанные поля занимали почти всю долину. На ее другой стороне были видны поросшие лесом холмы.

Если не считать более слабой гравитации, Шалму была почти точной копией Земли. Многое в отдельности могло показаться странным, но все в целом былоозвучено с древ-

нейшими инстинктами человека. Широкие равнины, высокие горы, непрекращающиеся приливы морей; контрастная игра света и тени в лесу, неожиданная прелесть маленьких белых цветов среди корней старых растений; гордая осанка большого рогатого животного, одинокие крики перелетающих на новые гнездовья птиц; и, конечно, люди.

Внешность Ч'кесса не сильно отличалась от внешности Флэндри. Безволосая ярко-зеленая кожа, цепкий, захватывающий хвост, рост 140 см, подробности очертания лица, ног, рук, внешние анатомические признаки, необычность его жезла, причудливо украшенного плюмажем из перьев, и некоторые другие особенности — разве они имеют какое-то значение?

Ветер переменился. На этой планете воздух всегда казался более чистым, чем где-либо на Земле, даже если это центр парка огромных частных владений знатного человека. Вдали от машин вы вдыхаете гораздо больше жизни в свои легкие. Но Флэндри заткнул свой нос. Одного из его охранников неожиданно стошило.

— Вот почему мы подчиняемся новому представителю Земли,— сказал Ч'кесса. Он бегло говорил на английском языке.

Внизу холма, вытянувшиеся вдоль дороги, обсаженной с двух сторон деревьями, были видны около сотни деревянных крестов. Тела, привязанные к ним, еще не окончательно разложились. Стервятники и насекомые все еще крутили черным облаком вокруг них, под сверкающим великолепием летнего солнца.

— Вы видите,— озабоченно сказал Ч'кесса,— поначалу мы отказывались выполнять его приказы. Это была непомерная плата, которую требовал от нас новый резидент. Он сказал, что делал то же самое во всем мире, что это плата за то, что придется встретиться со страшной опасностью. Однако он не сказал, в чем состоит эта опасность. Несмотря на это, мы платили, особенно когда слышали, как бомбы обрушаются на непокорных и как солдаты с огневым оружием приходят туда, где протестует народ. Не думаю, чтобы прежний резидент сделал такое. Не думаю, что Импера-

тор (пусть его имя отзовется в вечности), если бы он знал, позволил бы, чтобы происходили такие вещи.

«Действительно,— Флэндри подумал про себя,— Джошуа бы не сделал этого ни при каких обстоятельствах. Или, может быть, сделал бы. Может быть, он попросил бы показать ему фильм об этой акции, наблюдал бы за жертвами и хихикал».

Ветер снова переменился, и Флэндри поблагодарил все-всего за то, что он убрал невыносимый запах.

— Мы платили,— сказал Ч'кесса.— Это было непростым делом, но мы очень хорошо помним варваров. Но в этом году перед нами было поставлено новое требование. Мы, имея пороховые ружья, должны поставлять мужчин своего племени для того, чтобы их отправили в такие земли, как Яндувар, где у населения нет стрелкового оружия. Там они должны ловить местных жителей и поставлять их на рынок рабов. Я не понимаю, хотя меня часто спрашивали об этом, почему Империя, обладающая такой техникой, нуждается в рабах?

«Персональное обслуживание,— Флэндри снова не ответил вслух,— например, как торговля женщинами на Земле. Мы используем порабощение как один из видов наказания. Но все это не имеет большого значения. В Империи не такой уж большой процент рабов среди населения. Однако варвары заплатили бы много за квалифицированную рабочую силу. А информация о взаимоотношениях с ними не попадает ни в какие имперские отчеты для компьютера, предназначенного для сбора официальных сведений, и никогда не становится достоянием гласности».

— Продолжай,— произнес Флэндри.

— Совет Клана Городов Атты долго обсуждал этот вопрос,— сказал Ч'кесса,— мы были испуганы. Но все-таки, это было неправедно для нас, и мы не могли просто так это сделать. В конце концов мы решили тянуть время под различными благовидными предлогами, насколько это было возможно, пока посланники не спешили в Искоин. Там расположена Имперская военно-космическая база, как хорошо

знает мой господин. Посланники обратятся к командиру базы, и он походатайствует за нас перед резидентом.

Флэндри уловил скороговорку позади себя:

— Вот те на! Этот что, говорит о том, что наши ребята не выполняли приказы?

— Да похоже,— прорычал сосед,— теперь позабудь веселые пирушки, которые мы проводили с ними. Они не могут совершить такую подлость. То, что мы видим, сотворили наемники. Теперь заткни свою пасть, прежде чем Старики тебя услышит.

«Я? — Флэндри подумал с каким-то тупым изумлением.— Так это я Старики?»

— Я предполагаю, что наши посланники были пойманы, и из них вытянули суть послания резиденту,— вздохнул Ч'кесса.— Так или иначе, они исчезли. Прибыл посланник и сказал нам, что мы должны подчиниться. Мы отказались. Пришли войска. Они согнали нас вместе. Сто из нас были выбраны случайно и распяты на крестах. Остальные наблюдали за этим, пока распятые не умерли. Это продолжалось три дня и три ночи. Среди казненных была и одна моя дочь.— Он сделал показывающий жест. Его руки дрожали.— Может быть, мой господин видит ее. Это небольшое тельце, одиннадцатое по счету слева от нас. Она покернела и распухла, ее расклевали птицы, но я помню, как она вприпрыжку и, смеясь, встречала меня, когда я возвращался домой с работы. Она кричала, чтобы я помог ей. Многие кричали, но я слышал только ее крик. Как только я двинулся по направлению к ней, оглушающий луч остановил меня. Я не думал, что когда-нибудь доживу до того часа, когда увижу свою дочь умирающей. Нам приказали оставить тела на прежних местах и пригрозили бомбардировкой в случае неповинования. Время от времени прилетает самолет, чтобы проверить исполнение.

Он присел на шелестящий серебристый покров, напоминающий земную траву, спрятал лицо в колени и положил хвост поперек своей шеи. Его пальцы царапали землю.

— После этого,— сказал он,— мы стали рабами.

В течение некоторого времени Флэндри стоял молча. Он

пришел в ярость от того кошмара, который сотворили более развитые жители Шалму над более слабыми. Устремившись вниз, вдоль невольничего каравана, он арестовал начальника конвоя и потребовал объяснений. Ч'кесса было предложено вернуться на его родину.

— Где твои соплеменники? — спросил Флэндри вождя, так как дома стояли пустыми, молчаливыми, и не было никаких следов хозяйственной деятельности.

— Они не могут жить здесь, рядом с мертвыми, — ответил Ч'кесса. — Они переменили место жительства. Сюда они приходят только для того, чтобы как-то сохранить это жилье. И, без сомнения, они скрылись, как только увидели вашу ракету, по причине, которой мой господин тогда еще не знал, но теперь знает. — Он взглянул вверх. — Вы все видели. Вы понимаете, насколько глубока наша скорбь? Вы вернете меня моему племени? Каждому из нас была обещана сумма за то, что он сдаст раба. Такая плата была бы кстати. Я не получу своей доли, если меня хватятся, когда караван достигнет летного поля.

— Да, — ответил ему Флэндри. Его плащ разевался за ним. — Пошли. — Сзади послышался еще один приглушенный говор:

— Я никогда не принимал на веру никакой болтовни насчет всеобщего братства рабов, ты знаешь это, Сэмми, но когда наши собственные дикии бывают испуганы нашей ракетой!..

— Молчать! — приказал Флэндри.

Острога ракеты поднялась с резким звуком и ударила громом по добной половине континента и по океану. Царил молчание. Когда она повернула свой нос по направлению к джунглям, Ч'кесса отважился сказать:

— Может быть, вы походатайствуете за нас, мой господин?

— Сделаю все, что в моих силах, — сказал Флэндри.

— Когда эта история станет известна Императору, постарайтесь сделать так, чтобы он не прогневался на наш Клан Городов. Мы были подневольны. Мы слабели от болезней и умирали от отправленных стрел солдат Яндувара.

«И разрушили то, что было довольно перспективной культурой», — подумал Флэндри.

— Если полагается наказание за то, что мы сделали, то пусть оно упадет на меня одного, — умоляюще сказал Ч'кесса. — Теперь, после того как я видел смерть моей маленькой дочери, это уже не имеет особого значения.

— Будьте терпеливы, — сказал Флэндри. — Многие люди нуждаются в защите Императора. Придет и ваша очередь.

Инерциальная навигационная система точно указала на караван, хотя прошло уже целых два часа с момента их расставания. Пилот Флэндри обнаружил его, когда он пробирался по болотистой низине, где засада была менее вероятной, чем в лесу среди деревьев. Он посадил ракету в километре и открыл входной люк.

— Прощайте, мой господин, — шалмурин преклонил колени, обернулся хвост вокруг лодыжек Флэндри, попятился назад и исчез. Его тонкая зеленая фигура устремилась к своим соплеменникам.

— Всем на борт, — приказал Флэндри.

— Не желает ли капитан нанести визит вежливости президенту? — спросил пилот с сарказмом. Он не так давно окончил Академию. Его интуиция оказалась слабой.

— Поднимайтесь быстрее, гражданин Виллиг, — сказал Флэндри, — как вы знаете, у нас информационная миссия, и мы спешим. Мы не извещали никого, кроме Флота, что мы были в Звездном Порту или в Новой Индре, не так ли?

Младший лейтенант схватился пляшущими руками за борт. Ракета встала на хвостовое оперение с силой, которая сбросила бы любого под корму, если бы не было компенсаторов ускорения.

— Прошу прощения, сэр, — сказал он, едва разжимая зубы. — Вопрос, если капитан позволит. Разве мы не видели выходящее из ряда вон событие? Я имею в виду, что те две другие планеты тоже переживали не лучшие времена, но ничего подобного там не было. Это, по-видимому, произошло потому, что шалмурин не имели возможности пожаловаться кому-либо за пределами своего мира. Разве не наш долг, сэр, сообщить о том, что мы видели?

Пот блестел на его лбу и темнил его форму под мышками. Флэндри уловил едкий запах, исходящий от него. Оглянувшись, он увидел других четверых членов команды, наклонившихся ближе и старающихся услышать их разговор сквозь звук работающего двигателя и грохот разряженной атмосферы.

«Следует ли мне отвечать? — спросил себя Флэндри, слегка разозлившись.— И если да, то что же я смогу ответить ему, что не было бы вредно с точки зрения дисциплины? Как знать наверняка? Я слишком молод, чтобы быть Стариком!»

Он выиграл время, закурив сигарету. Звезды заполнили экраны обзора, когда ракета вошла в околопланетное пространство. Виллиг обменялся сигналами с основным кораблем, послал сигналы на прием ракеты и повернулся в кресле, чтобы тоже с любопытством посмотреть на капитана.

Флэндри вдохнул дым, выпустил его и сказал, выбирая слова:

— Вам довольно часто говорили, что первая наша задача — поиск фактов, вторая — на Альфа Крукисе, конечной цели нашего путешествия, если мы сможем оказать помощь без предрассудков, в соответствии с нашим первоначальным предписанием. Все, что мы узнаем, должно быть обязательно сообщено. Если кто-либо из команды хочет отправить послание с дополнительными данными или комментарием, это его право. Однако следует предостеречь о том, что это послание не уйдет далеко. И вовсе не потому, что неудобные факты будут пущены под сукно, хотя, я почти полностью уверен, это время от времени происходит, а из-за огромного потока информации.— Флэндри сделал характерный жест рукой: — Сотни тысяч планет, джентльмены, или что-то около этого,— сказал он.— Каждая имеет миллионы или миллиарды жителей, свои сложности и свои тайны, свои особенности географии и свои цивилизации, свое прошлое и настоящее и честолюбивые мечты на будущее, и поэтому каждый мир по-своему сложен, постоянно изменяется и соединен уникальной системой связей с Империей. Мы не можем контролировать это, не так ли? Мы даже не мо-

жем надеяться постичь это. В лучшем случае, мы можем попытаться установить перемирие. В лучшем случае, джентльмены.

То, что хорошо в одном случае, может оказаться вредным в другом. Одна порода живых существ может быть воинственна и анархична по своей природе, другая миролюбива и гостеприимна, третья миролюбива, но анархична, четвертая — преисполнена агрессивных тоталитарных устремлений. Я знаю планету, где убийства и каннибализм являются обязательными для выживания расы: высокий радиационный фон, видите ли, создает высокий уровень мутаций и одновременно — постоянную нехватку еды. Тот, кто неспособен, должен быть съеден.

Я знаю разумных гермафродитов, аборигенов с более чем двумя полами и некоторых, которые регулярно меняют свой пол. Они все воспринимают наш репродуктивный орган как недоразумение. Я бы мог продолжать в том же духе еще несколько часов.. Без сомнения, существует различие, вызванное разницей культур. Достаточно вспомнить о земной истории.

Поэтому существует бесконечное число индивидуумов со своими интересами, огромные расстояния, время, необходимое для того, чтобы доставить послание из одной точки наших владений в другую. Нет, мы не можем направлять всех и вся. У нас для этого нет сил. И если бы даже они были, то все равно было бы физически невозможно координировать такое большое количество данных.

Поэтому мы были вынуждены предоставить нашим подопечным широкие возможности. Мы вынуждены были позволить им самим налаживать связи с теми, кто был нужен для выполнения той или иной задачи, в надежде, что они хорошо знают местные условия, лучше, чем представители Империи.

Но самое главное, джентльмены, мы были вынуждены сохранять солидарность, так как нет ничего важнее необходимости выжить.

Он поднял руку по направлению к переднему экрану

обзора. Альфа Крукис сверкал очень ярко среди созвездий; но за ним...

— Если мы не будем действовать сообща, мы — земляне и наши союзники из других рас,— сказал он,— я уверяю вас, либо мерсияне, либо дикие расы будут рады расправиться с нами поодиночке.

Он не получил ответа, да он и не ожидал его.

«Не была ли эта речь слишком искусственной?» — усомнился он.

— И была ли она достаточно правдива? Насчет последнего я не уверен. Не знаю, стоит ли выяснить мнение команды.

Его основной корабль появился в поле видимости. Маленький членок, одинокий и затерянный среди бесчисленного множества планет, он постепенно вырос до стальной барракуды, ощетинившей свои пушки на звездные облака. Этот корабль был не более чем эсминцем охранения, скоростным, но легко вооруженным, с командой численностью не более пятидесяти человек. Тем не менее это был первый официальный командирский пост Флэндри, и он почувствовал волнение, как и всякий раз, когда он видел своего красавца — даже сейчас, даже сейчас.

Ракета неуверенно приблизилась. Виллиг, вероятно, еще не очень хорошо чувствовал штурвал. Флэндри воздержался от замечания. Заключительная часть кривой, вычерченной под управлением компьютера, была лучше. Когда ангар для ракеты закрылся и давление было выровнено, он отпустил своих телохранителей, и один пошел по переходу.

Залы, проходы и шахты лифтов были узкими, раскрашенными в серый и белый цвета. Внутренняя гравитация, создаваемая при помощи генераторов поля тяжести, была почти равна земной силе тяжести, поэтому тонкие плиты палубы эсминца подавались под шагами Флэндри, тонкие переборки отражали шум, голоса звенели, оборудование жужжало, гудело и гремело. Воздух, который поступал от вентиляционных систем, был свеж после регенераторов, но каким-то образом он впитывал в себя запах машинного масла, слабо ощущающийся запах. Кубрики для офицеров

были уютными, полубак должен был быть упакован плотнее только в том случае, если бы был отменен принцип исключения Паули, оборудование для восстановления сил служило в основном объектом для шуток, и чем меньше будет сказано о камбузе, тем лучше. Но этот корабль все-таки был первым кораблем, которым он командовал.

Пока они летели, он потратил много времени, изучая официальную историю этого корабля и прослушивая записи прежних бортовых журналов. Корабль был на несколько лет старше, чем он. Название его происходило от некоей массы вещества с названием «Ардеше», которая, как оказалось, была планетой, населенной людьми, хотя ему никогда не случалось о ней слышать. (Ему встречалось название «Асинёв» в различных вариантах, по крайней мере, в четырех мирах; и он размышлял, сколько судов континентального класса имели такое же название. Имя было в действительности просто красочным дополнением, так как компьютеры имеют дело с миллионами судов, различая их только по номерам.) Его корабль сопровождал какой-то посторонний караван судов, когда случилась беда и оставила след на его поверхности, где точно, Флэндри уже не помнил. Однажды его корабль был занят в пограничном конфликте. Его прежний капитан рассчитывал нанести удар, но забыл о подходящей защите. Остальное в судьбе его корабля было обычным для патрульных судов... Но все-таки это подходящее занятие для мужчины, не так ли?

Из-за тесноты на корабле обычно не отдавали честь при встрече. Встречные просто сторонились, чтобы пропустить Флэндри. Он вошел на капитанский мостик. Его строевой офицер уже был там. Ровианин с планеты Ферра был слегка больше, чем человек среднего роста. Его мех был похож на вельвет в полночь. Его тяжелый хвост, когти на пальцах рук и ног, длинные саблевидные зубы могли нанести смертельные удары. Он был еще и очень хорошим стрелком. Нижняя пара его четырех рук могла в случае необходимости дополнить функции ног. Тогда его слегка неровная походка превращалась в бег с быстрой молнией. Он обычно ходил обнаженным, если не считать оружия и знаков отли-

чия. В силу своих природных данных и воспитания он никогда не стал бы капитаном, да он и не стремился к этому. Но он был способным, и поэтому его любили. Ему было дано земное гражданство.

— Как-к-кие новости? — поприветствовал он Флэндри. Клыки слегка мешали ему говорить по-английски.

Когда рядом никого больше не было, он и Флэндри не утомляли себя формальностями. Человеческие ритуалы смущали его.

— Плохие, — сказал хозяин корабля и объяснил почему.

— Почему плохие? — спросил ровианин. — Если не считать, что эти события провоцируют бунт.

— Не беспокойся о моральной стороне дела. Ты, вероятно, не сможешь понять. Однако подумай о значении событий и о том, что за ними стоит.

Флэндри затянулся сигаретой так, что кончик ее раскалился. Его взгляд упорно сверлил диск Шалму, который безлико летел в небе днем и ночью.

— Почему все-таки Снелунду потребовалось сделать это? — сказал он.

— Это большая беда, имеющая под собой какую-то подоплеку. Обычная коррупция могла бы принести ему больше доходов, чем это требуется для удовлетворения его прихотей. У него должна быть более значительная цель, такая, которая может потребовать очень много денег. Так что же это за цель?

Ровианин напряг хемосенсорную антенну, которая завершала костистый гребень его черепа. Его нюхательное рыльце дернулось, глаза приобрели желтую окраску.

— Для того, чтобы финансировать мятеж? Он может лелеять надежду стать независимым властителем.

— М-м-м... нет... не похоже на правду. Я полагаю, что он не тупица. Империя, вполне понятно, не потерпит никаких отделений. В этом случае его неизбежно уничтожат. При необходимости Джошуа мог бы дать указание разобраться с этой операцией. Нет, здесь что-то другое,— внимание Флэндри снова переключилось на управление кораблем.

— Уточни наш курс в течение получаса. Следующая остановка — Линатавр.

Сверхсветовые вибрации происходят мгновенно, хотя философы никогда не соглашались со значением этого прилагательного. К сожалению, эти колебания очень быстро затухают. Независимо от начальной мощности, сигнал, соответствующий им, не может быть зарегистрирован на расстоянии более одного светового года. Поэтому корабли, летящие со скоростью, превышающей скорость света, не могут быть засечены по остаточным колебаниям на большем удалении. То же самое касается и модуляций, которые несут послания со скоростью, превышающей скорость света. Принцип неопределенности Гейзенберга делает невозможным их регистрацию с вероятностью того, что они скоро не превратятся в невнятное бормотанье.

Поэтому «Асинёв» была уже в двух часах лата от цели, когда начали поступать новости. Адмирал Флота Хаг Маккормак совершил побег в Виргилианскую систему. Там он поднял знамя бунтовщика и провозгласил себя Императором. Не установленное точно количество планет присоединилось к нему. Также поступила и неизвестная часть кораблей и их команд, которые были в его подчинении. Уже были вооруженные стычки, и, похоже, назревает настоящая гражданская война.

IV

Когда Империя приобрела Линатавр у его первооткрывателей Синтиян, основной целью было укрепить границу привлекательными планетами. Большая часть этого мира была восхитительна по климату и ландшафту, богата природными ресурсами, в нем было много неисследованных земель. Управление сектором Флота было расположено достаточно близко, на Айфри, и имело необходимую возможность для обеспечения надежной защиты. Не все варвары были враждебны. На этой планете существовали превосходные возможности для торговли с несколькими расами —

особенно с теми, которые не имели космических кораблей,— и с планетами, входящими в Империю.

Так было в теории. Три или четыре поколения следовали этой теории на практике с точностью до наоборот. Людская порода, похоже, потеряла побудительные причины для изучения внешнего мира. Только отдельные чудаки теперь могут оставить свою семью, не столь уж неудобные условия для жизни, чтобы начать с нуля на новом месте, удаленном от гарантированного правительством современного образа жизни и безопасности. Те, кто решался на это, обычно предпочитали город, столицу деревенской жизни. Не много было и желающих приехать из старых колоний, расположенных по соседству, например с Эйниса. Эти люди пустили свои корни глубоко.

Катавраянис стал большим городом: два миллиона жителей, если учесть мигрирующее население. Этот город стал местом постоянного нахождения гражданской власти. Он стал оживленным рынком, хотя большая часть предприятий была организована не людьми, хорошо посещаемым, бойким местом, где можно было получить удовольствие, и региональным пунктом прослушивания. Но на этом все заканчивалось. Район, тяготеющий к промышленному центру, латифундии, рудники, фабрики вскоре уступали место лесам, горам, безжизненным океанам, пустым равнинам, запустению, где редко был виден одинокий огонек в темноте.

«Конечно, это имеет то преимущество, что вся планета не превратится в свалку, которую так любят устраивать земляне»,— подумал Флэндри. После своего отчета он переоделся в гражданскую одежду и провел несколько дней инкогнито. Расспрашивая как бы между прочим встречающихся ему господ и их слуг, он прошел сквозь особенно цветущий Нижний Город.

«И именно теперь, когда я чувствую себя так уверенно, я волнуюсь,— его сознание продолжало работать.— Контраст? Нет, не тогда, когда я собираюсь встретиться с Аароном Снелундом».

Его пульс ускорился. Он должен найти в себе силы при-

дать лицу и осанке невыразительность. Это искусство он приобрел не столько благодаря тренировке в академии, сколько в результате сотен часов, проведенных за покером.

Пока подъемник поднимал его до впечатляющей прихожей, он посмотрел назад. Дворец губернатора венчал высокий холм. Это было большое, покрашенное в пастельные тона здание в стиле «купол-и-колоннада» прошлого века. Ниже него сады, здания учреждений для гражданских служащих создавали террасы, спускающиеся к равнине. Дома богатых окружали холм. За ними более скромные резиденции уступали место возделанным участкам земли на западной стороне, а сити был расположен на востоке. Башни коммерческих фирм, не очень высокие, толпились вблизи реки Луаны, за которой находились трущобы. Туман затруднял сегодня видимость. Дул холодный бриз, несущий запах весны. Машины, похожие на насекомых, двигались по улицам и в небе. Их шум был подобен шепоту, почти заглушенному шелестом листвы. Было трудно представить себе, что Катавраяннис, взвинченный до истерии, напряженный от страха, готовился к войне, — до тех пор, пока не возник громоподобный звук от горизонта до горизонта и космические боевые корабли не пересекли небо и не умчались в неизвестном направлении.

Два охранника из Флота охраняли главный вход.

— Пожалуйста, назовите ваше имя и скажите, по какому вы делу, сэр, — потребовал один из них. Он не поднял свой автомат, но суставы его пальцев побелели от напряжения, скжав спусковой механизм и патронный диск.

— Командор Доминик Флэндри, капитан, корабль Его Величества «Асинёв», прибыл для встречи с Его Превосходительством.

— Пожалуйста, подождите. — Другой охранник проверил личность Флэндри. Он не стал вызывать секретаря в конторе наверху, но повернул сканер на нового посетителя. — Все в порядке.

— Сэр, не хотели бы вы оставить здесь свое личное оружие? — сказал первый охранник. — И, кхм, не позволили бы вы немного осмотреть вас?

— Что такое? — Флэндри моргнул.

— Приказ губернатора, сэр. Тот, кто не имеет специального пропуска с полным удостоверением службы безопасности, не может пройти вооруженным или непроверенным.

Стражник, который был трогательно юн, облизал свои губы.

— Вы понимаете, сэр. Когда корабли Флота совершают измену, мы... кому мы можем верить?

Флэндри посмотрел на растерянное лицо, отдал свой бластер и позволил рукам пройтись по его форме.

Появился слуга, поклонился и повел его по коридору до шахты гравитационного лифта. Интерьер был роскошным, но его безвкусница была вызвана скорее избытком богатства, нежели кричащими расцветками и уродливыми пропорциями. То же самое относилось и к кабинету, куда привели Флэндри. Под ногами лежало богатое покрывало из меха, отливающего золотым и черным; по стенам сияли яркие картины; в каждом углу двигались заводные куклы; воздух был наполнен ароматами благовоний и музыкой; вместо окон одну из стен занимало изображение бала-маскарада имперского двора; за стулом губернатора висел портрет императора Джошуа, выполненный с отвратительной лестью и в три раза превышающий натуральные размеры.

Четверо наемников стояли на страже. Это были не люди, а огромные волосатые горзунцы. Они были неподвижны, как каменные изваяния, одетые в шлемы, доспехи, с оружием.

Флэндри отдал честь и замер в ожидании.

Снелунд не был похож на дьявола. Он купил себе почти девичью красоту: красно-огненные волнистые волосы, кожа кремового оттенка, слегка косящие фиолетовые глаза, вздернутый нос, нежно-молочные губы. Несмотря на то что он не был высоким и уже начинал толстеть, у него осталось кое-что от его прежней грации танцора. Его богатая одежда, свободные брюки, ботинки в форме лепестка и золотое ожерелье вызвали у Флэндри зависть.

Сверкая кольцами, Снелунд поворачивал тумблер видеодисплея, встроенного в подлокотник его кресла.

— А, да. Добрый день, командор.

Его голос был приятным.

— Я могу дать вам пятнадцать минут,— он улыбнулся.— Приношу свои извинения за такую краткость и за то, что вам пришлось так долго ждать встречи со мной. Вы можете догадаться, как угнетающе плохи наши дела. Если бы адмирал Пикенс не информировал меня, что вы прибудете прямо из главного управления службы безопасности, я бояюсь, вы никогда бы не сумели пробраться сквозь строй моих охранников.— Он хихикнул:

— Иногда я думаю, что они слишком рьяно несут свою службу, охраняя меня. Однако можно только приветствовать, что они отгоняют от меня так много докучливых посетителей и утомительных просителей. Но вы бы удивились, командор, узнав, со сколькими из них мне приходится встречаться — хотя иногда непредвиденная задержка в делах бывает вызвана посетителем с важным сообщением.

— Да, Ваше Превосходительство. Не для того, чтоб занять ваше время...

— Садитесь же. Хорошо встретить человека, прибывшего прямо с нашей общей Родины. Мы здесь даже не получаем достаточно часто почты, как вы знаете. Как там поживает старушка Земля?

— Хорошо, Ваше Превосходительство, но я был там только несколько дней, и большая часть из них была занята делами,— Флэндри сел и наклонился вперед.— Делами, связанными с моим новым назначением.

— Конечно, конечно,— сказал Снелунд.— Но прошу уделить мне внимание.

Его мягкость сменилась чем-то вроде сосредоточенности. Его тон стал суровым.

— Есть ли у вас свежие новости относительно ситуации с мерселями? Мы также озабочены этим, как все в Империи, несмотря на наши собственные текущие дела. Может быть, более озабочены, чем кто-либо. Перевод боевых кораблей к той границе очень сильно ослабил эту. Как только разразится война с Мерсейей, мы будем обезднены еще больше — тут как тут варвары. Вот почему бунт Маккормака

должен быть подавлен немедленно, независимо от стоимости мероприятия.

Флэндри понял: «Меня подставили».

— Я не знаю ничего, что не является достоянием общественности, сэр,— сказал он небрежным тоном.— Я уверен, что главное управление на Айфри получает регулярные сообщения от курьеров, прибывающих из областей, расположенных по направлению к Бетельгейзе. Поток информации идет в другом направлении, если я могу позволить себе метафору о том, что потоки информации неизотропны.

Снелунд засмеялся.

— Хорошо сказано, командор. Часто приходится скучать по остроумию. Жители пограничных областей традиционно энергичны, но совершенно лишены воображения.

— Благодарю вас, Ваше Превосходительство,— сказал Флэндри.— Теперь я бы изложил суть моего дела. Прошу вашего терпения, губернатор, если я буду недостаточно краток. Необходимо предисловие... особенно в связи с тем, что мое предписание неопределенно, оно состояло в подготовке к отчету о том, что я смогу узнать здесь...

Снелунд откинулся назад в кресле:

— Продолжайте.

— Будучи незнакомым с этими местами,— сказал Флэндри напыщенно,— я должен был начать с изучения описаний и расспроса широкого круга людей. Мое намерение добиться встречи с вами, сэр, исчезло бы в самом начале, если бы выяснилось, что во встрече нет необходимости. Я видел, насколько вы заняты делами в связи с этим кризисом. Однако по мере развития событий я обнаружил, что мне необходимо задать вам несколько вопросов. Очень простая вещь, к счастью. Вам только потребуется издать приказ.

— Так в чем же дело? — сказал Снелунд приглашающим тоном.

«Теперь он расслабился,— заключил Флэндри,— принимает меня за обычного самовлюбленного протеже-племянника и решает вопрос о том, как получше обставить отказ моим предложениям».

— Я бы хотел поговорить с леди Маккормак,— сказал Флэндри.

Снелунд буквально подпрыгнул на своем месте.

— У меня есть информация о том, что она была арестована вместе со своим мужем и помещена в личную тюрьму Вашего Превосходительства,— сказал Флэндри с бессмысленной улыбкой на лице.— Я уверен, что она может рассказать очень много полезного, и я уже обдумывал возможности использования ее для переговоров с бунтовщиками. Организация переговоров с ее мужем...

— Никаких переговоров с предателем! — кулак Снелунда сильно ударил по подлокотнику кресла.

«Как драматично»,— подумал Флэндри. И вслух:

— Прошу прощения, сэр. Я не имел в виду, что он останется на свободе, а только — хорошо, так или иначе, я был удивлен, что никто не допросил леди Маккормак.

Снелунд сказал негодящее:

— Я знаю, что вы слышали. Все сплетничают на каждом углу, как гогочущие старухи, у которых ничего не осталось, кроме грязных мыслей. Я уже объяснил ситуацию адмиралу Пикенсу через старшего офицера его службы безопасности, и я объясню снова — вам. Оказалось, что у нее неустойчивая психика, более неустойчивая, чем у ее мужа. Их арест полностью ввел ее в истерическое состояние. Или «психопатическое», что может быть более подходящим словом. В качестве гуманного жеста я поместил ее в частную комнату, а не в камеру. Против нее имеется значительно меньше свидетельств, чем против ее мужа. Она размещается в моем дворце, потому что это единственное место, где я могу гарантировать ей свободу от неожиданных покушений. Мои агенты уже были готовы допросить его, узнать подробности, когда сообщники освободили его. Жена узнала обо всем и попыталась совершить самоубийство, с той поры мой медицинский персонал должен был держать ее на сильных успокаивающих средствах.

Флэндри рассказали кое-что другое, хотя подчеркивали, что это только слухи.

— Я прошу прощения у губернатора,— сказал он.— В

команде адмирала сочли возможным, чтобы я, имея прямое предписание, был допущен туда, куда они не допущены.

— Их люди встречались с ней дважды, командор. В обоих случаях она не была способна что-либо подтвердить или опровергнуть.

«Нет, совсем не трудно пристрелить пленника или слегка прозондировать его мозги электрошоковым методом, особенно когда в запасе есть час или два».

— Я понимаю, Ваше Превосходительство. И ее состояние не улучшилось?

— Ее состояние ухудшилось. По совету медиков я прекратил дальнейшие визиты. В конце концов, за что может отвечать бедная женщина?

— Вероятно, ни за что, Ваше Превосходительство. Однако вы не будете отрицать, сэр, что мне предстоит сделать полный отчет. И так как мой корабль должен будет вскоре отправиться вместе с флотом, «если только я не прикажу ему отправиться в другом направлении», это может стать моим единственным шансом. Не мог бы я получить всего несколько минут только для того, чтобы успокоить мое начальство на Земле?

Снелунд рассердился:

— Вы не доверяете моим словам, командор?

— Конечно же доверяю, Ваше Превосходительство! Без оговорок! Моя настойчивость вызвана исключительно требованием свыше. Только стремлением спасти свою репутацию, сэр, потому что меня спросят, почему я не проверил и эту деталь тоже. Я бы мог пойти туда прямо сейчас, сэр, и ваши медики могут быть рядом, чтобы я не причинил вреда.

Снелунд потряс головой:

— Я имею смелость думать, что вы причините вред. Я запрещаю.

Флэндри укоризненно посмотрел на него.

Снелунд почесал подбородок.

— Конечно, мне вполне понятна ваша позиция,— сказал он, меняя хмурость на подобие улыбки.— Земля так далеко от нас, что наша реальность может быть передана только в виде слов, фотографий, карт и схем. Хм-м-м...

Дайте мне свой номер, по которому можно было бы связаться с вами достаточно быстро. Я попрошу своего главного врача известить вас, когда вы сможете посетить ее. В течение нескольких дней она будет пребывать в пограничном состоянии, в лучшем случае ее речь будет слегка бессвязна. Это устроит?

— Ваше Превосходительство невероятно добры, — Флэндри сиял.

— Я не обещаю, что вы сможете увидеть ее до того, как уедете, — предупредил Снелунд. — Остается мало времени. Если ничего не выйдет, то вы, без сомнения, сможете повидаться с ней по возвращении. Хотя я уверен, что это вряд ли будет необходимо после того, как с Маккормаком будет покончено, не так ли?

— Только ради проформы, Ваше Превосходительство, — повторил Флэндри. Губернатор написал меморандум, включающий обмен звонками, что позволило бы быстро связаться с «Асинёв», и Флэндри ушел, не забыв обменяться со Снелундом уверениями во взаимном уважении.

Он взял кэб вблизи дворца и удостоверился, что оттуда прослушиваются, как он направляет машину в аэропорт. Он знал, что был под наблюдением в течение этих нескольких дней. Этого требовала его работа, но впечатление беззаботности, которое он хотел создать, было бы сильнее, если бы он не вернулся на свой корабль к назначенному времени. Несмотря на то что его кабина на корабле была скромной, она выглядела значительно лучше, комфортабельнее, чем общая спальня. Это было лучшее жилье, которое ему удалось получить на этой планете в столь напряженное время. Катараваяннис был переполнен космонавтами и военными, поскольку на планету прибывал корабль за кораблем.

— Почему здесь? — спросил Флэндри капитана Леклерка, члена команды адмирала Пикенса, которому он обычно докладывал обстановку. — Главное командование находится на Айфри.

Леклерк передернул плечами:

- Губернатор хочет, чтобы было именно так.
- Но он не может...

— Он может, Флэндри. Я знаю, Флот и гражданские службы обычно координируют свои действия. Но губернатор является прямым представителем Императора. Раз так, то он может при желании воспользоваться авторитетом Императора. Это доставит ему потом на Земле массу неприятностей, но это — потом. Если говорить прямо, то Флоту лучше быть осторожным с ним.

— Но почему он приказывает? На Айфри расположено основное оборудование. Это наш естественный центр и точка отсчета для всех операций.

— Да, согласен, но на Линатавре нет средств обороны с Айфри. Присутствуя здесь, мы предотвращаем любые попытки мстительных рейсов, которые Маккормак мог бы спланировать. Это даже придает некоторое чувство уверенности. Ведь уничтожение столицы сектора — или, что более вероятно, оккупация ее — поставили бы его перед необходимостью контроля над всем районом. Как только мы начнем действовать, у него сразу появится масса забот, как бы уловить момент для нападения, но мы, естественно, оставим некоторое прикрытие.— Леклерк добавил цинично:

— Пока люди Маккормака чего-то ждут, наши люди, отпущеные на волю, будут наслаждаться последним шикарным, веселым загулом. Снелунд следит за тем, чтобы оставаться популярным на Катавраяннисе.

— Вы действительно думаете, что нас с ходу отрядят на настоящее сражение?

— Такова директива губернатора, как я слышал. Она, без сомнения, совершенно не соответствует темпераменту адмирала Пикенса. Поразмыслив на досуге, я пришел к твердому убеждению, что он хорошо видит, что должно было бы быть сделано в первую очередь, например, путем торговли по мелочам, не очень интенсивной стрельбы... а не окончательного разрушения имперских городов до состояния радиоактивной свалки. Но приказ есть приказ, и поэтому нам предстоит уничтожить инфекцию до того, как она распространится.— Леклерк скривился.— Вы довольно коварный тип. Мне бы не следовало говорить все это. Давайте-ка лучше поговорим о вашем деле.

Когда Флэндри остановился перед терминалом, он получил неожиданную информацию о том, что он должен подождать пару часов до посадки на перевоз до спутника восемь, где он сможет вызвать свой корабль. Он позвонил в общежитие и попросил, чтобы приготовили его багаж. Хотя его багаж состоял только из одной сумки небольшого размера, уже упакованной, он не потрудился проверить ее содержимое, но внес ее в кабину для переодевания. Отсюда он вышел в неприметной гражданской одежде, в плаще с капюшоном, неопределенного покроя и в брюках, вывернутых наизнанку, чтобы изменить их цвет. У него не было основательных причин для того, чтобы думать о слежке, но он верил в меры предосторожности, в особенности когда они не вызывали затруднений. Он нанял экипаж до гостиницы не очень высокого качества, потом пересел на другой, который доставил его в Нижний Город. Последние несколько кварталов он прошел пешком.

Ровианин нашел дом, в котором сдавались комнаты. Клиенты в нем были в основном неземляне, без претензий. Он разделил свою контору с громоздким созданием с двумя щупальцами, жителем планеты с непроизносимым названием. Это существо потело сероводородом, но в остальном было довольно славным. Среди других его замечательных качеств было то, что оно не знало языка ирайо. Оно колыхалось на своей койке, когда вошел Флэндри, невнятно произнесло приветствие на английском языке и вернулось к размышлению, если оно вообще было способно размышлять.

Ровианин протянул все шесть конечностей и взволнованно вскрикнул:

— Наконец-то! Я уже начал думать, что это провал.

Флэндри сел на пол, так как стульев не было, закурил сигару, больше для того, чтобы заглушить вонь, чем потому, что ему хотелось курить.

— Как дела на корабле? — спросил он на официальном языке мерсеян.

— Удовлетворительно, — ответил ровианин на том же языке. — Правда, некоторые немного расслабились перед

тем, как встретить капитана. Но я прекратил это под предлогом того, что это необходимо для поддержания нашей формы, и оставил Валенсию за старшего. Ничего не может случиться особенного, пока мы на орбите, поэтому особых возражений не было.

Флэндри встретился со взглядом его по-кошачьи узких глаз. «Мне сдается, что ты знаешь несколько больше, чем кажется поначалу, о том, что думают твои товарищи по команде,— подумал Флэндри.— Я не претендую на то, чтобы понять, что происходит в твоих мозгах. Но... мне необходимо положиться на кого-нибудь. Выспрашивая тебя, пока мы путешествовали, насколько это было возможно, я пришел к выводу, что ты, вероятно, именно тот, на которого можно положиться».

— Я не просил тебя найти собачью конуру, черт бы тебя побрал,— произнес он с ясностью, которой требовала грамматика языка ирайо.— Нам необходимо было как-то уединиться для того, чтобы спланировать наши дальнейшие действия. Вот что надо было сделать.

Ровианин навострил уши.

Флэндри описал свою встречу с губернатором. Он закончил словами:

— Не остается никаких сомнений, что Снелунд лжет относительно состояния леди Маккормак. Слухи просачиваются через охрану и слуг из частных апартаментов и распространяются по всему дворцу, никто не противится. Сышен только возмущенный ропот вокруг. Снелунд нашептывал двор, охрану и другие службы своими собственными ставленниками. Расспрашивая людей, не состоящих на службе при дворе, я заставлял их говорить. Двое или трое из них, слегка навеселе, рассказали несколько больше, чем они рассказали бы, будучи в полном сознании.

Он не упомянул, что были еще добавки, которые он подсыпал в выпивку.

— Почему же профессиональные офицеры службы безопасности не подозревают о происходящем? — спросил ровианин.

— О, я догадываюсь, что они подозревают. Но у них так

много других забот, и все — жизненно важные. Кроме того, они не думают, что она может сказать что-либо полезное. И зачем конфликтовать с губернатором, рискуя своей карьерой, ради жены какого-то лукавого бунтовщика?

— Но вы хотели бы пойти на риск? — настойчиво спросил ровианин.

— Кхрэйч.— Флэндри скосил глаза на дым, который он выпускал из себя. Он клубился серо-голубыми облачками, пробиваемыми лучами солнца, с трудом проходящими сквозь окно, грязь на котором не убирали с предшествующих геологических эпох. Сероводородный смрад вызвал у Флэндри головную боль, если только она появилась не от общего запаха распада.

Со стороны доносился слабый звук улицы и редкие хриплые крики.

— Ты понимаешь,— объяснил он,— я нахожусь здесь с особым заданием. Я не обязан откликаться на бесчисленные поручения, которые могут появиться до того, как экспедиция Флота выступит в поход. И у меня есть гораздо больше информации об Аароне Снелунде, чем у любого провинциального офицера, или офицера из моей службы, или же его собственного окружения. У меня было время и возможность сесть и хорошо все обдумать. И я пришел к выводу, что как-то нелогично с его стороны держать Кэтрин Маккормак взаперти с единственной целью — заставить двор жужжать, как растревоженный улей. В команде адмирала могут принять действия Снелунда за нечто само собой разумеющееся и не особенно переживать об этом. Но я сомневаюсь, что он ощущает нечто большее, чем мимолетная симпатия по отношению к любому созданию мужского пола. Почему ее все-таки не допросили? В конце концов она должна знать хоть что-то полезное, и она могла бы быть полезной в переговорах с ее мужем.

— Это вряд ли,— сказал ровианин.— Его жизнь уже закончена.

— Это как посмотреть. Вот почему мои торопливые коллеги не потрудились с дальнейшей проверкой. Но, вполне вероятно, могут предложить ее взамен на многочисленные

незначительные уступки с его стороны. Ее для того, чтобы она отговорила его от тех намерений. Хорошо, я думаю, что такому хладнокровному стервецу, как я, все-таки следует рассмотреть такие возможности. Суть дела в том, что мы не можем проиграть, пытаясь освободить ее, но можем кое-что приобрести. Вот почему нам следует рискнуть. Но Снелунд удерживает ее под предлогом болезни. Почему? Какая ему лично в этом выгода, кроме ее самой? Его сектор разорван на части. Почему он ни с кем не советуется в этом в общем-то не очень значительном деле?

— Не могу сказать,— ровианин продемонстрировал безразличие.

— Я сомневаюсь, что она не знает ничего, что он не хотел бы сделать достоянием гласности,— сказал Флэндри.— Было предположение, что Снелунд плохо справляется со своими обязанностями губернатора, но он лоялен, а Маккормак — враг. И это только предположение.

— Тогда не намереваетесь ли вы обратиться непосредственно к властям в вашей второй серии документов и потребовать, чтобы вас допустили к ней? Лицо Флэндри закаменело.

— Вот это да! Ты только позволь себе в течение пяти минут дать им понять, что больше не нуждаешься в их услугах, как превратишься в труп. Или же есть такой вариант — десять минут злоупотребления электрогипнотическим зондированием мозга, и ты превращаешься в лишенного памяти идиота. Вот почему я продвигался очень осторожно. Я предполагаю, что меня не вызовут наверх до того, как Флот отбудет.

— А когда мы вернемся...

— Она запросто может «исчезнуть» во время нашей компании.— Ровианин напрягся. Койка, на которой он разместился, издала стонущий звук.

— Вы рассказали мне все это с какой-то целью, капитан,— сказал он. Флэндри кивнул.

— Как ты догадался? — Опять ровианин немного выждал, пока человек не вздохнул и не продолжил:

— Я думаю, что нам удастся вызволить ее, если мы все

точно рассчитаем. Ты будешь здесь, в городе, вместе с некоторыми членами команды, которых подберешь сам, и вы будете иметь под рукой самолет. За час или около этого, перед тем, как армада отбудет, я представлю в запечатанном конверте мои предписания адмиралу и формально выведу нас из его подчинения. Почти наверняка внимание Снелунда будет приковано к Флоту, а не ко дворцу. Ты возьмешь туда свою команду, вы исполните приказ, который я тебе дам, и заберете Кэтрин Маккормак до того, как кто-либо сможет связаться с губернатором и спросить, что делать. В случае необходимости ты можешь стрелять: если кто-то захочет остановить тебя, то он вступит в прямую конфронтацию с интересами Империи. Но я сомневаюсь, что в этом возникнет необходимость, если вы будете действовать быстро. Моя ракета будет ждать не очень далеко. Ты и твои парни доставите леди Маккормак на корабль, настроите гравитационные двигатели для полета в космосе, встретитесь с «Асинёв», и мы быстро покинем эту систему.

— По-моему, эта схема несколько опасна,— сказал ровианин,— и все это ради малого выигрыша.

— Это все, что я смог придумать,— ответил Флэндри.— Я понимаю, что на твою долю приходится самая опасная оперативная часть работы. Откажись, если ты думаешь, что я дурак.— Ровианин лизнул свой саблевидный клык и дернул хвостом.

— Я не отказываюсь, мой капитан,— сказал он.— Но мне кажется, что мы могли бы обсудить эту проблему более детально. Я не сомневаюсь, что ваша тактика может быть более элегантной.

V

Корабль за кораблем, силы Пикенса оставляли орбиту и уходили в космос. Когда Линатавр превратился в яркую точку, корабли завершили построение и перешли на гиперскорости. Пространство закружилось от воздействия невидимой энергии. Военные корабли и корабли обеспечения и

прикрытия легли на курс до звезды под названием Вёрджил для того, чтобы найти человека, который должен быть Императором.

Кораблей было немного. Повторные предписания с целью помочь в конфликте с Мерсейей обеднили флот сектора. Значительное число кораблей впоследствии присоединилось к Маккормаку. Из тех, кто оставался верен Императору, многие должны были оставаться на местах для прикрытия ключевых планет — полноценная охрана была невозможна. По общим оценкам, у бунтовщиков имелось около трех четвертей сил, которыми Пикенс располагал для сражения с ними. Поскольку на кораблях имелись ракеты с ядерными боеголовками и огневые лучеметы с водородными горелками, такое количественное сравнение имеет значительно меньшее значение, чем обычно думают обыватели. Одно проникновение сквозь оборону противника могло вывести корабль из строя, чаще всего — уничтожить.

Имея это в виду, Пикенс вел корабли не спеша, в окружении широкой сети разведывательных ракет. Его самые быстрые корабли могли бы покрыть расстояние в полтора дня, самые медленные — за три; но он планировал путешествие на целых пять дней. Он не забыл о той ловушке, которую расставил его бывший командир на Валдотарианских корсаров.

А на капитанском мостике «Асинёв» Доминик Флэндри наклонился вперед, сидя на своем командирском стуле, и сказал:

— Двадцать градусов север, четыре градуса по часовой стрелке, 3000 километров — против, потом выровнять квазискорость и непрерывно следить за полетом.

— Да, сэр, — сказал на ломаном английском пилот, повторил инструкции и запрограммировал компьютер для работы на гиперскоростях.

Внимание Флэндри было приковано к консоли управления, расположенной прямо перед ним, указатели и измерители на которой обобщали гораздо более сложные данные, с которыми имел дело пилот, пока, наконец, он не спросил:

— Вы можете выдержать этот курс, гражданин ровиа-

нин? — На самом деле он спрашивал своего строевого офицера о том, движется ли эсминец так, как было запланировано — пристроившись в хвосте флота для того, чтобы остаточные гиперколебания «Асинёв» были замаскированы множеством колебаний от кораблей флота и, таким образом, их корабль был бы скрыт от преследования. Они оба знали суть дела и знали, кроме того, что непогрешимость начальника, столь традиционная, должна сохраниться.

Ровианин изучил свою приборную панель и сказал торжественно:

— Да, сэр.

Флэндри открыл коммуникации общей связи.

— Внимание всем постам,— произнес он.— Капитан — всем офицерам и команде. Вы знаете, что наш корабль имеет специальное поручение, строго конфиденциальное и чрезвычайной важности. Мы окончательно приступили к его выполнению. Для успеха дела мы требуем, чтобы было обеспечено абсолютное молчание в эфире. Никаких посланий не будет приниматься никем, кроме лейтенанта-командора ровианина или меня лично, и никаких посланий не будет посыпаться без моего письменного разрешения. В то время, когда предательство заразило даже Флот Его Величества, опасность ниспровержения устоев и каких-либо хитростей должна быть исключена.— « А как насчет казуистики»,— недовольно подумал Флэндри про себя.— Офицер службы связи должен соответствующим образом подготовить свои установки. Исполняйте.

Он отключился. Его взгляд обратился к подобию неба, спроектированного на экраны обзора. Не видно было ни одного космического корабля. Самые большие из них были теперь затеряны в безмерности вселенной и могли быть обнаружены только при помощи приборов и замысловатых вычислений. Звезды не обращали на них никакого внимания, они не были затронуты войной и другими бедами жизни и были бессмертны — «Нет, не совсем так — подумал Флэндри,— их тоже ожидает своя Длинная Ночь».

— Установки внешней связи готовы, сэр,— произнес ровианин после изучения главной панели. Он надел на голову

наушники. Каждый приходящий извне сигнал должен попасть сюда, только он один услышит его.

— Займите место на капитанском мостике в таком случае,— Флэндри поднялся.— Я допрошу нашего пленника. Когда придет время изменить вектор, немедленно дайте мне знать, но не ждите меня, чтобы изменить его.

То, что он в действительности сказал ровианину, звучало так:

— Контролирай передачи. Снелунд изойдет криком, когда узнает, что произошло. Если мы к тому времени не будем в диапазоне гиперволн, он, вероятно, пошлет за нами ракету. В любом случае он потребует нашего возвращения, и Пикенс может поддаться на его уговоры. Это может создать деликатную ситуацию. Если в течение нескольких минут будет похоже, что дело идет именно к этому, мы должны будем отклониться от курса и удирать во все лопатки. Я скорее буду способен подтвердить с помощью записей в бортовом журнале, что никогда не получал никаких приказов от Пикенса, чем пытаться доказать в военном суде, что я был прав, не подчинившись этим приказам.

Но только они двое знали код. Вероятно, курьеры, которые прибывали во дворец со своими новостями, могли угадать, в чем дело. Но теперь это не имело большого значения. Они были грубы и молчаливы и после того, что они видели на своем пути с Земли, бессердечно веселы по поводу того неудобства, которое они могли доставить Его Превосходительству.

— Да, сэр,— сказал ровианин на том же искаженном английском.

Флэндри пошел в общую комнату и дальше — по пульсирующему проходу, к себе в каюту. На двери не было музыкального колокольчика. Он постучал.

— Кто там? — Голос, который раздался за тонкой дверью, звучал, как слегка окрипшее контральто с певучим акцентом — и каким же он был уставшим, каким пустым!

— Капитан, дорогая леди. Мне можно войти?

— Я не могу остановить вас.

Флэндри ступил внутрь и закрыл за собой дверь. В его

каюте была комната, в которой мало что могло разместиться, кроме кровати, стола, стула, клозета, нескольких полок и выдвижных шкафчиков. Его форменная фуражка слегка задела что-то над головой. Занавеска скрывала раковину для умывания, туалет и душ. Звук, вибрация и запах, характерный для электричества и машинного масла, наполняли воздух.

Раньше он никогда не видел портретов Кэтрин Маккор-мак. Вдруг все вокруг него растворилось. Он подумал потом, что, вероятно, отмерил ей низкий поклон, потому что обнаружил, что его форменная фуражка крепко сжата пальцами, но не мог вспомнить подробности.

Она была на пять стандартных лет старше его, он это знал, и красота ее была совершенно не в земном духе. Ее фигура была слишком высокой, широкоплечей и крутобедрой, слишком выпукло виднелись мускулы под ровной кожей, которая и теперь, после ее плenения, была слишком загорелой. Лицо было широким; как бы поперек — высокие скулы, лучистые глаза (зеленые с золотистым оттенком под толстыми черными бровями), прямой нос, энергичный рот и сильный подбородок. Ее волосы были пострижены с челкой надо лбом и закручены завитками за уши, толстые и волнистые, цвета амбры с золотым и медным оттенками. На ней было короткое перламутровое платье и сандалии из гибкого кристаллического материала, в которых ее забрали из дворца.

«Она, видимо, похожа на свою мать», — подумал Флэндири.

Он заставил разум снова вернуться к нему.

— Приветствую вас на борту, дорогая леди, — он почувствовал, что его улыбка довольно неуверенна. — Разрешите мне представиться.

Он представился.

— Полностью в вашем распоряжении, — закончил он и протянул руку для приветствия.

Она не подала ему руки для пожатия или поцелуя, не поднялась со своего стула. Он увидел темные круги вокруг

ее глаз и в глубине их темноту, запавшие щеки, слабую тень веснушек...

— Добрый день, командор,— ее тон не был ни теплым, ни холодным, никаким.

Флэндри как стоял, так и опустился на кровать.

— Могу ли я что-нибудь предложить вам? — спросил он.— У нас есть обычный набор напитков и лекарств. Но, может быть, вы бы пожелали немного поесть? — Говоря это, он протянул ей открытую пачку сигарет.

— Ничего,— кратко ответила она, слегка проглотив две предпоследние буквы.

Он внимательно посмотрел на нее. «Перестань заигрывать, сынок. Ты был в одиночестве, без подруги неоправданно долго. Она красива и — он изгнал эту мысль из сознания — без сомнения ты размышлял насчет ее возможной доступности... после того, что с ней произошло. Забудь это. Оставь свои хитроумные штучки для противников».

Он сказал медленно:

— Вы не хотели бы какого-либо участия от Империи. Правильно? Но, пожалуйста, прислушайтесь к чувствам, дорогая леди. Вы же знаете, что вам придется есть, чтобы остаться в живых, точно так же, как вы ели в доме Снелунда. Почему бы не начать прямо сейчас? Моя задача совсем не обязательно враждебна по отношению к вашему делу. Я доставил вас сюда, в определенном смысле рискнув, чтобы мы с вами кое-что обсудили.

Она повернула голову. Их взгляды встретились. Через мгновение, которое показалось слишком продолжительным, он увидел, что напряжение постепенно покидает ее.

— Спасибо, командор,— сказала она. Не вздрогнули ли слегка ее губы? — Кофе и бутерброд были бы весьма кстати.— Она говорила с непередаваемым эйнисианским акцентом, проглатывая первые и последние буквы отдельных слов.

Флэндри связался с камбузом и сделал заказ. Она отказалась от сигареты, но сказала, что не возражает против того, чтобы он курил. Он несколько раз затянулся, прежде чем начал быстро говорить:

— Я боюсь, что эсминец сопровождения оставляет жертву лучшего в смысле удобств во время путешествия. Вы, конечно, будете занимать эту каюту. Я перееду в кубрик команды; один из них перенесет свой матрац на палубу. Но мне все-таки хотелось бы оставить свою одежду и некоторые другие предметы личного пользования там, где они сейчас. Я надеюсь, что стюард и я не доставим вам слишком много хлопот, маяча туда-сюда. Вы можете есть здесь или же в общей комнате, как пожелаете. Я вижу, что у вас есть одежда, которую не удалось нигде разместить,— прошу прощения, что я не подумал о том, чтобы предусмотреть хоть какие-то удобства для женщины,— но я очищу один из выдвижных шкафчиков для вас. Кстати,— он поднялся и открыл один из ящиков,— этот я оставляю не запертым. В нем лежат несекретные бумаги. И еще один мой сувенир,— он достал свой боевой мерселянский нож. — Вы знаете, как обращаться с этой штуковиной для строгания личинок? Я могу показать. Он не очень полезен, когда вы попадаете под пулеметный обстрел, под луч бластера и удар стеннера, либо чего-то еще в том же духе. Но вы будете удивлены, узнав, что можно сделать с его помощью в ближнем бою.

И снова поймал ее красноречивый взгляд.

— Пожалуйста, будьте исключительно осторожны с этим ножом, дорогая леди,— сказал он тихо.— Вам нечего бояться на моем корабле. Но ситуация может измениться. Тем не менее я не хочу думать о том, что вы поступите необдуманно с моим сувениром и придетете на поклон к космосу, когда в этом не будет особой нужды.

Дыхание ее стало тяжелым. По лицу пробежали красивые и бледные пятна. Рука, которую она протянула к ножу, вздрогнула. Она позволила руке опуститься, подняла ее к глазам, другая сжалась в кулак, и она уже не сдерживала слез.

.Флэндри повернулся спиной и стал неестественно внимательно рассматривать полную копию перевода «Генджи Монаггатори», которую он взял с собой, чтобы коротать время. Прибыла закуска. Когда он закрыл дверь за слугой и

поставил поднос на стол, Кэтрин Маккормак снова овладела своими чувствами.

— А вы страйдер — любитель шагать широкими шагами, сэр, — сказала она ему. Его брови полезли вверх. — Это эйнисиансское слово, — объяснила она, — сильный, хороший человек... я бы сказала, джентльмен.

Он покрутил усы.

— Неудавшийся джентльмен, может быть, — он снова присел на кровать. Их колени соприкоснулись.

— Ненавижу обсуждений за едой. Отвратительная привычка, — она вздрогнула.

— Не желаете ли послушать музыку? — поспешил спросил он. — Вкусы мои довольно плебейские, но я старался познакомиться с высоким искусством.

Он поколдовал с переключателями. Возник радостный ритм «Веселых вечерних мелодий».

— Хорошая музыка, — сказала она, закончив еду. — Земная?

— С того времени, когда люди еще не летали в космосе. В наши дни во внутренних областях Империи возник интерес к антиквариату. Возрождается все — от торговли крадеными вещами до фехтования — спортивные игры с мечами и обучение танцам. Это грусть по эре более разнообразной, экзотической, менее жесткой и сложной. Да, действительно, я не думаю, что у них были наши сложности. Если только их не прятали понадежнее.

— А нам еще предстоит похоронить наши неприятности. — Она осушила свою чашку и поставила ее на пустой поднос. — Если они не похоронят нас раньше. Давайте поговорим, Доминик Флэндри.

— Если у вас есть настроение для этого. — Он раскурил свежую сигарету.

— Да, я не против. Осталось не очень много времени до того момента, когда вам придется решать, что делать со мной. Я чувствую себя отдохнувшей. Легче преодолеть мои печали, чем падение.

— Отлично, дорогая леди. «Хотелось бы мне научиться говорить с таким замечательным местным акцентом».

— Так почему же вы спасли меня? — спокойно спросила она. Он изучал кончик своей сигареты.

— Это было не совсем спасение, — сказал он. Еще раз кровь отхлынула от ее лица.

— Когда вырываешься из лап Аарона Снелунда, — прошептала она, — все становится спасением.

— Было плохо?

— Я бы убила себя, подвернувшись такой случай. К сожалению, не было. Поэтому я пыталась не сойти с ума, планируя способы его убийства. — Она поставила обе ладони друг против друга и не сразу заметила, что делает. — Привычка Хага, — промямлила она, быстро освободила руки и скжала их в кулаки.

— У вас может появиться небольшой шанс для мести, — сказал Флэндри прямо. — Послушайте, дорогая леди. Я — оперативный агент службы безопасности. Я был послан для исследования сектора Альфа Крукис. Мне пришло в голову, что вы могли бы рассказать вещи, которые не рассказал бы никто другой. Вот почему вы здесь. Теперь я не могу насилием заставить вас говорить и я не буду применять методы вроде гипноиспытаний, чтобы выжать факты вопреки вашей воле. Но если вы мне лжете, это гораздо хуже, чем если бы вы молчали. Хуже для нас обоих, потому что я хочу помочь вам.

Спокойствие вернулось к ней. Она вновь стала адмиральской женой.

— Я не буду лгать, — обещала она. — А что касается того, буду ли я вообще говорить... это зависит от обстоятельств. Правда ли то, что мой муж поднял мятеж?

— Да. Мы послали флот, в задачу которого входит разгромить восстание, разрушить или оккупировать планеты, которые поддерживают их, в том числе и ваш дом, моя дорогая леди.

— И вы заодно с империалистами?

— Я офицер Империи Земля, да.

— Поэтому Хаг... Он... он никогда не хотел... ничего, кроме добра для людской расы — и для любой расы повсю-

ду в космосе. Если вы продумаете все от начала до конца, то я думаю, что вы...

— Не рассчитывайте на это, дорогая леди. Но я слушаю внимательно то, о чем вы хотите мне рассказать.

Она кивнула.

— Я расскажу все, что знаю. Потом, когда я немного оправлюсь, вы можете подвергнуть меня легкой гипнотической пробе и удостовериться, что я ничего не сочинила. Я верю, что вы используете машину только для подтверждения, но не для того, чтобы проникнуть глубже.

— Вы можете мне доверять.

Несмотря на ее печали, Флэндри почувствовал, что его возбуждение возрастает, чувства обострились и кровь забурлила. «Клянусь ледяным шаром Плутона, я схожу с ума!»

Она выбирала слова и быстро их выговаривала, бесцветным тоном, но уже без колебаний. Пока она говорила, ее лицо превратилось в маску.

— Xаг никогда не планировал никакого предательства. Я это знаю наверняка. Он подготовил меня для ведения дел наивысшей секретности, поэтому мы могли свободно обсуждать с ним подробности его работы. Иногда мне удавалось подать ему ту или иную идею. Мы оба сходили с ума от бессилия изменить то, что творили гунны Снелунда. Цивилизованные миры, такие, каким был Эйнис, сначала не страдали от непомерных налогов. Потом, шаг за шагом, на нас посыпались штрафы, конфискации, политические аресты, все больше и больше,— когда была официально утверждена секретная полиция,— но все это казалось мягким по сравнению с тем, что творилось на некоторых удаленных планетах. Мы имели связи, мы могли, очевидно, поднять волну недовольства на Земле, несмотря на то что Снелунд был любимчиком Императора. Однако эти бедные примитивные создания...

Xаг как следует отписал им. Для начала он сделал выговоры за то, что происходит вмешательство в гражданские дела. Постепенно серьезность его сообщений пробила бюрократические толщи. Он начал получать ответы от Высше-

го Адмиралтейства, в которых требовали предоставить более точную информацию. Корреспонденция шла через курьеров Флота. Он более не доверял обычной почте. Он и я потратили этот год на то, чтобы собрать факты — документы, фотографии, звуковые записи, все должно было храниться так, чтобы никто не подсмотрел.

Мы собирались лично прилететь на Землю и показать микрофайл. Снелунд что-то почуял. Мы приняли меры предосторожности, но мы были новичками в делах шантажа и угроз, и вы представить себе не можете, как отправляет душу постоянный страх от сознания того, что вокруг тебя постоянно скрываются агенты секретной полиции и ты никогда не можешь говорить свободно... Снелунд написал Хагу официально, прося прийти для обсуждения планов обороны наиболее приближенной к границе системы. Действительно, они там имели неприятности, а Хаг — не тот человек, который бы бездействовал, когда можно было чем-нибудь помочь им. Я больше него опасалась подвоха, но я последовала за ним. Мы оставались неразлучны в эти дни перед разлукой. Я дала знать о нашем деле главному помощнику Хага, одному из самых старых друзей нашей семьи, капитану Олифанду. Он должен был поднять тревогу в случае вероломства Снелунда.

Мы оставались во дворце. Это нормально для визитеров высокого ранга. На вторую ночь, перед тем, как мы собирались лечь спать, наряд полиции арестовал нас.

Я была доставлена в личные апартаменты Снелунда. Не хотелось бы вспоминать то, что произошло потом. Через некоторое время я заметила, однако, что он любит заниматься хвастовством. Не стоит подозревать, что я могла бы изменить свое мнение о нем. Наоборот, ему нравилось смотреть, как меня мучают. Но это был один из способов игры в то время: показывать боль, когда нужно. Я не думала, что когда-нибудь услышу то, что он мне говорил. Он сказал, что в конце концов из моего мозга полностью выскосят память. Но теплилась надежда — как я теперь рада, что сумела каким-то чудом удержать этот один процент надежды!

Она замолчала. Ее глаза были совершенно сухие и не видели Флэндри.

— Я никогда не думал, что он намерен пребывать в робе губернатора в течение всей своей карьеры,— сказал он как можно мягче — Так в чем же состоял его план?

— Вернуться. Назад к трону. И стать марионеткой за спиной Императора.

— Хм. И Его Величество знает об этом?

— Снелунд во всеуслышанье объявил, что они вдвоем согласовали этот вопрос перед тем, как он оставил свое место, что они тесно взаимодействовали с тех пор.

Флэндри почувствовал острую боль. Его сигарета догорела до конца и обожгла пальцы. Он выбросил ее в мусоросборник и начал новую.

— Я с трудом верю, что наш господин Джошуа может заставить три клетки своего мозга работать одновременно,— пробормотал он,— но, может быть, у него есть две такие клетки, которые по слухаю, с трудом, но все-таки могут быть управляемы. Но, конечно, его братец Снелунд заставит нашего господина чувствовать себя чудовищноенным человеком. Это и есть основная часть манипуляции Снелунда.

Она, наконец, заметила его.

— Вы что-то сказали?

— Если вы доложите о моих словах, меня могут уничтожить за государственную измену,— признал Флэндри.— Но я почему-то сомневаюсь, что вы доложите.

— Конечно же нет! Подставить вас... — Она оглядела себя характерным женским взглядом, как бы проверяя, все ли в порядке.

Он подумал:

«Я не имел в виду дать ей золотой шанс на спасение. Но вдруг оказалось, что я это сделал. Ведь она, похоже, думает, что я могу присоединиться к жалкому бунту ее мужа. Хорошо, это может сделать ее более говорчивой и послужит на пользу Делу, и пусть будет так еще несколько дней. Это может принести пользу и ее самочувствию».

Он сказал:

— Я способен видеть только часть всей этой государственной машины. Император хочет, чтобы его дорогой Аарон вернулся. Дорогой Аарон указывает, что это потребует дополнительных затрат из бюджета сектора Альфа Крукис. Имея эти деньги, он сможет совершать подкупы, покупать результаты выборов, осуществлять пропаганду, организовывать нужные события, может быть, даже покупать наемных убийц... до тех пор, пока большинство в политическом управлении находится на его стороне.

Как следствие, высочайшее слово, произнесенное с трона, попало к различным могущественным, имеющим реальную власть людям. Факты, касающиеся губернаторства Снелунда, были насколько возможно подавлены, расследования этих фактов должны быть затянуты и уведены в сторону любым доступным способом до тех пор, пока расследователей окончательно не укачет. Вот так. Я начал подозревать это самостоятельно.

Он нахмурился.

— Но скандал таких размеров невозможно бесконечно скрывать,— сказал он.— Найдется достаточное количество людей, которые откажутся терпеть главенство Снелунда в обмен за предоставленное им высокое положение, несмотря на его уверенность в том, что его схема власти будет работать — как только они в действительности поймут, что он здесь натворил. После этого они смогут принять действенные меры только потому, что будут бояться того, что он сможет сотворить с ними.

Однако, к несчастью, Снелунд не так туп. Может быть, некоторые большие чины среди военных или государственных деятелей могут попытаться свалить его. Но возня скучных, мелких охотников до власти и ловцов удачи все-таки не то, от чего можно просто так отмахнуться. У него должен быть план действий против них тоже. Так что же это за план?

— Гражданская война,— ответила она.

— Да? — Флэндри уронил свою сигарету.

— Будут приняты меры для ее начала сразу после того, как он покончит с восстанием,— сказала она холодным то-

ном,— подавит его таким способом, что не останется никаких мало-мальских следов его действий.

Но скорее всего его Флот не сможет добыть чистую победу. Это будет продолжительная кампания, в течение которой ему придется атаковать множество планет, и это может дать волю самым хаотическим силам в его владениях. Но предположим, что ваш адмирал сможет побить Хага ловким ударом, в чем я сомневаюсь,— тогда его наемникам будет поручена работа по «умиротворению», а у них уже есть инструкция на этот счет.

После окончания «умиротворения» он расформирует их с помощью наиболее преданных частей. Наемников он набрал среди мерзавцев в разных местах Империи, и они будут снова рассеяны по разным местам и, таким образом, автоматически исчезнут. Он прославится подавлением бунта и будет провозглашен героическим лидером, который спасет границу Империи от вторжения варваров.— Она вздохнула.— О, конечно,— закончила она свой рассказ,— он знает, что обязательно останутся неприятные концы во всем этом деле. Но он предполагает, что это не будет иметь значения, особенно если он сам решил оставить многие из этих концов.

— Значительный риск,— возник Флэндри,— но, клянусь Кришной, какая ставка!

— Мерсеянский кризис явился очень подходящим случаем,— сказала Кэтрин Маккормак,— внимание жителей с остальных проблем переключилось на него, и большая часть местных сил Флота ушла туда. Он хотел также убрать Хага, так как Хаг был опасен для него, и еще потому, что это продлило бы мучения Эйниса до тех пор, пока Эйнис не поднимется и не взорвется. Хаг был больше, чем начальник флота сектора. Он был Первым человеком Айлиона, что ставит его почти также высоко на планете, как и резидента Императора. Наш кабинет мог назначить его только «специальным советником», установленным законом, но к концу своей карьеры он стал Спикером, выше которого была только власть Императора. И он вел настойчивое сопротивление аппарату Снелунда. А Эйнис традицион-

но задавал тон для человеческих колоний во всем секторе и многим другим расам по соседству.

Жизнь снова вернулась к ней. Ее ноздри трепетали.

— Однако Снелунд никогда не думал, что Хаг начнет войну с ним! — Флэндри нашупал под пяткой кнопку и нажал ее. После этого он сказал:

— Я боюсь, что Империя не может позволить, чтобы восстание увенчалось успехом, независимо от того, какими благими намерениями оно вызвано.

— Но они узнают правду,— сказала она протестующим тоном.

— В лучшем случае ваши свидетельства будут приняты к сведению,— сказал он.— У вас было тяжелое время. Частое употребление наркотиков, затуманивание мозга и еще кое-что, не так ли? — Он увидел, как она прикусила губу.— Мне очень жаль, что приходится напоминать вам об этом, дорогая леди, но я бы еще больше сожалел, если бы дал вам надежду, которая вскоре испарится. Факты в действительности таковы, что вы верите, что Снелунд рассказал вам некоторые отдельные детали, но эта вера не укладывается в одну очевидную схему. Путаница в мыслях — паранойя — преднамеренное создание ложного воспоминания агентами, которые имеют цель дискредитировать губернатора — любой хитрый адвокат, любой подкупленный психиатр может разбить вашу историю на отдельные атомы. Вы не сможете убедить в правдивости вашей истории первого попавшегося следователя и тем более попытаться скрыть истинные свидетельства от суда присяжных.

Она смотрела на него так, как будто бы он ударил ее.

— Вы не верите мне?

— Я бы хотел верить,— сказал Флэндри.— Среди других причин, почему я хотел бы верить, есть то, что ваши показания подсказывают, где и как искать свидетельства, которые нельзя отбросить просто так. Да, я действительно буду посыпать запечатанные капсулы с посланиями, закодированными моим кодом, в разных стратегически важных направлениях.

— Не побывав на Земле лично?

— Зачем мне лететь на Землю, когда мое письменное слово гораздо убедительнее, чем ваше устное? Тем более, что пока слова не столь убедительны, чтобы делать на них серьезную ставку.— Флэндри развивал свои мысли. Поначалу они с трудом выстраивались в нужном направлении.— Вы понимаете,— сказал он медленно,— голые заверения ничего не стоят. Нужны твердые доказательства. Много доказательств, если вы хотите пробиться с ними куда-либо против фаворита Императора и важного человека, который становится еще значительнее, поддерживая Императора. И... Снелунд совершенно прав... планета, против которой будет применено современное оружие, вряд ли сможет сохранить какие-то доказательства. Нет, я думаю, что этому кораблю лучше всего полететь на Эйнис.

— Что?

— Мы попытаемся поговорить с вашим мужем, дорогая леди. Я надеюсь, что вы сумеете уговорить его прекратить восстание. После этого власти смогут вернуться к вопросу о том, как официально привлечь Аарона Снелунда к ответственности.

VI

Звезда Вёрджил тип F7, слегка большей массы, чем Солнце, вдвое менее яркая, чем оно, имела в своем спектре большую долю ультрафиолетового излучения. Эйнис — четвертая ее планета, совершающая полный оборот вокруг звезды за 1,73 стандартного года при среднем расстоянии от нее 1,50 астрономической единицы и поэтому получающая две трети земного излучения. Средний диаметр Эйниса 10 700 километров, масса — 0,45 от земной, поэтому сила тяжести на поверхности равна 0,635 g. Это позволяет удерживать атмосферу, пригодную для дыхания, сравнимую с условиями в нижних уровнях Денверского комплекса или самых высокогорных участков перуанских гор. (Необходимо помнить, что слабое притяжение означает и соответствующий маленький градиент плотности, к тому же горообразующие силы незначительны для того, чтобы сделать их высо-

кими.) В течение веков молекулы воды поднимались в разреженном воздухе и расщеплялись высокоэнергетическими квантами; водород улетучивался в космос, кислород, который не улетучивался, постепенно соединялся с минералами. Поэтому океаны постепенно пересохли, и по всей планете раскинулись пустыни.

Главным первоначальным мотивом для освоения этой планеты был научный интерес, уникальные расы на соседней планете Дидо, которые сами по себе являли мир, где человек не захотел бы обосноваться со своей семьей. Конечно, на ней селились люди другого сорта. Преобладали исследователи-интеллектуалы. Когда случились неприятности и Эйнис должен был изо всех сил бороться за выживание, отрезанный от остальных на протяжении поколений, они приспособились. Результатом было появление сообщества, более адаптированного к условиям и более одаренного, общества, патриотически настроенного и уважающего знания больше, чем кто-либо.

После того как цивилизация вернулась в сектор Альфа Крукас, Эйнис неизбежно стал лидером этого района. В настоящее время Университет Вёрджила в Новом Риме привлекает к себе студентов и аспирантов с гораздо больших расстояний, чем вы можете себе представить.

Но однажды в Империи решили, что более рациональная организация этого сектора требует, чтобы с независимостью Эйниса было покончено. Хладнокровные интриганы завершили это дело. Сотни лет назад негодования все еще продолжались, хотя обычные жители согласились с тем, что включение в состав Империи в целом был желателен, и планета поставляла многих выдающихся людей в вооруженные силы Земли.

На Эйнисе продолжалась высокая интеллектуальная традиция и в военной сфере. Каждый житель планеты тренировался в армии — включая женщин, которые имели преимущество благодаря меньшему весу. Продолжались старые баронские династии. Их титулы не были похожи на привычные на Земле понятия сословия пэрдов, но имели четкие значения для населения Эйниса. Они сохранили

свои замки и землевладения и имели большее значение в жизни Эйниса, чем сословия офицеров и профессоров. Отчасти это объяснялось тем, что они обычно выбирали себе достойных супругов независимо от ранга. На высшем уровне эйнисианское общество было довольно формализовано и аскетично, хотя и у него были свои радости в спорте, во время отпусков и в других способах разгрузки. Низшие слои общества были более жизнерадостны, но тоже обладали лучшими манерами, чем жители Земли.

Таковы некоторые факты, и если учесть пропуск нескольких важных обстоятельств, то можно твердо сказать: для четырехсот миллионов человек Эйнис был домом.

Солнце почти закатилось. Лучи легли золотистыми стрелами поперек пересохшего залива Антонины, заставив его рощи и плантации играть зелено-голубыми тенями, сверкая в его каналах и рассеиваясь в испарениях, которые клубились над солевыми болотами. На востоке виднелись нагромождения скал, где старый континентальный шлейф Айлиона поднимался к многоярусному, изрезанному ветром образованию, окрашенному в ярко-красный, розовый, охряной, светло-коричневый и черный цвета, и дальше к безуказициальному голубому небу. Внешняя луна, Лавиния, была похожа на рожок на самом верху этой массы.

Ветер был холодным. Его легкий посвист смешивался с мягким рокотом водопада, стуком копыт и скрипом и позваниванием упряжи, пока лошади поднимались по крутым склонам вверх. Это были эйниссианские лошади, лохматые, мускулистые. Их характерная для низкой гравитации походка казалась значительно менее быстрой, чем была на самом деле.

На одной из них ехал верхом Хаг Маккормак. Его три сына от первой жены сопровождали его. Очевидно, они охотились на паучных волков, но не нашли ни одного, и это не особенно их волновало. Существовала незримая реальная причина того, чтобы вместе ехать по этой земле, которая им принадлежала. У них не было другого шанса.

Большая птица неожиданно показалась в небе, широко

раскинув крылья. Джон Маккормак вскинул ружье. Его отец оглянулся.

— Нет, не надо,— сказал он.— Пусть живет.

— Приберегаешь заряды для земных приятелей, да? — спросил Боб. В свои девять лет — 16 стандартных — он чесчур гордился тем своим открытием, что вселенная была на самом деле не столь проста, как об этом толковали в школе.

«Это возрастное, пройдет,— подумал Маккормак.— Он хороший малый. Все они хороши, как и их сестры. Как все-таки я смогу воспитать их без Рамоны, их матери?»

— Я никогда не убиваю ни одного живого существа, когда нет необходимости,— сказал он.— Это совсем не то, что бывает на войне.

— Хорошо, я не знаю,— вступил Колин. Он был старшим сыном Маккормака. Поэтому ему предстояло стать следующим Первым человеком. Традиции семьи заставляли его не заниматься обычной службой. (Хаг Маккормак сумел продвинуться только тогда, когда его старший брат попал в песчаную воронку и умер, не оставив потомства.) Возможно, его планетографические исследования в Вёрджилианской системе не отвечали всем его природным наклонностям.

— Тебя не было здесь, отец, когда восстание докатилось до Нового Рима. Но я видел толпы людей, обычно благопристойных, добрых горожан, которые ловили агентов секретной полиции Снелунда прямо на улицах, волокли их к первому попавшемуся столбу и вздергивали или тут же забивали до смерти. И это считалось правильным. И многие до сих пор считают, что это правильно. Ты ведь помнишь, что они творили здесь раньше.

— Снелунд примет мучительную смерть, если я поймаю его,— запальчиво сказал Джон сильным эйнисианским акцентом.

— Нет! — отрезал Маккормак.— Тебе не стоит унижаться до такой степени. Его действительно следует убить, но так, как мы обычно пристреливаем бешеную собаку. Его сообщники предстанут перед общественным судом. Ведь существует разная степень вины.

— Если мы сможем поймать вшей, пока они не располжутся,— сказал Боб. Маккормак подумал о ярости тех звезд и тех миров, вблизи которых прошла его жизнь, и сказал:

— Может быть, многим из них удастся исчезнуть. Что из этого? У нас будет многое более важной работы, чем месть.

Некоторое время они ехали молча. Дорога вышла на одно из ступенчатых плато и слилась с мощеной дорогой в Уинндоум. Вокруг лежала плодородная почва, смытая с высот, и росли многочисленные растения, в то время как на разрушенных эрозией склонах виднелось только несколько карликовых кустарников. Трава росла на земле почти таким же чудесным покровом, каким было устлано дно залива Антонины, из которого ушло море. Трава* здесь была главным образом огненная, ее зубчатые листья оканчивались ярко-красным ободком; она щетинилась, как лезвия мечей, и непрерывно колыхалась, как плюмаж из павлиньих перьев. Каждый сорт травы скручивал свои лепестки к ночи, когда снижалась температура, и образовывал плотно свернутый жгут, позволяющий сохранить тепло. Вокруг росли деревья — не только низкорослые местные породы с прочной, как железо, древесиной, но и завезенные дуб, кедр, жасмин. Ветер доносил их благоухание. Немного вправо курился дымок от каменного строения фермы. Роботизированные латифундии не были приняты на Эйнисе, и Маккормак был рад этому. Он был уверен до мозга костей, что для здоровья общества необходим фермер средней руки, трудяга.

Колин, сидя поверх лошади, как наследка, тащился позади компании. Его выразительное юное лицо выглядело несчастным:

— Папа — он остановился.

— Поехали,— сказал Маккормак.

— Папа... ты думаешь... ты действительно думаешь, что мы сумеем отбиться?

— Я не знаю,— сказал Маккормак,— но мы попытаемся, как и подобает мужчинам.

— Но — сделав тебя Императором...

Маккормак с новой силой почувствовал, что у него было слишком мало возможностей откровенно поговорить со своими ближними с тех самых пор, когда спасители привезли

* У автора: «trava».

его домой: слишком много дел, и в каждый случайно выдавшийся час, когда не было неотложных дел, требующих непременного внимания, тело непроизвольно погружалось в сон. Он буквально выкрад этот день для того, чтобы пообщаться со своими сыновьями.

— Не воображай, пожалуйста, себе, что я очень хочу занять это место,— сказал он.— Ты не был на Земле. Я был. Я не люблю ее. Я никогда не был так счастлив, когда они вновь назначили меня туда, где я родился. «Имперская рутина,— пронеслось у него в сознании.— Хоровод карьеристов в ряде районов, но в конце концов — их возвращение, как только становится возможным, в те сектора, откуда они пришли. Теория: они будут обороны свои родные места более отважно, чем какое-то скопление планет, чуждых им. Практика: когда разразилось восстание, многие служащие Флота, как и обычные граждане, открыли, что их нынешние дома значат для них больше, чем Земля, которую почти никто из них никогда не видел. Проблема: если я одержу победу, изменю ли я эту практику, что непременно сделает Джошуа, если победят его адмиралы?»

— Но почему, не понятно? — спросил Колин.

— Что же я могу с собой поделать? — ответил Маккормак.

— Положим... свобода...

— Нет. Империя не настолько распалась, чтобы спокойно наблюдать за тем, как ее растаскивают на части. И даже если бы это было так, она все равно бы не позволила. Разве ты не понимаешь, что сложившаяся система обороны является единственной защитой, которая стоит между цивилизацией — нашей цивилизацией — и Длинной Ночью?

Что касается вооруженных протестов, то это может вызвать изменение политики, но Империя не простит зачинщиков. Это было бы приглашением для всякого, кому не лень, начать стрелять, и неотвратимо ускорило бы конец и возможное разделение на части. Кроме того,— костяшки пальцев Маккормака побелели в тех местах, где они сжимали поводья,— это не сможет вернуть Кэтрин назад, если вообще осталась какая-то надежда на это.

— Итак, ты надеешься на сохранение Империи, но при этом готов принять должность,— быстро сказал Колин. Его стремление отвести мысли отца подальше от обстоятельств пленения приемной матери было так очевидно, что сердце Маккормака болезненно ехнуло.

— Я с тобой. Ты знаешь это. Я искренне верю, что тебе удастся вдохнуть новую жизнь в Империю. Ты будешь лучшим императором со времен Айсэмью Великого, может быть, со времен Мануэля I Самостоятельного. Я кладу на чашу весов не только себя, но и свою жену и сына ради твоего дела. Но может ли оно успешно завершиться?

Колин поднял голову к небу:

— Империя так огромна!

Как будто бы по сигналу, Вёрджил спустился за горизонт. В атмосфере Эйниса не бывало сумерек, достойных упоминания. Ярко сияли Альфа и Бета Крукисы. Кроме этого, почти мгновенно засветились мириады звезд Млечного Пути. Все пространство справа стало непроглядно черным, но Лавиния посеребрила дно моря под скалами, расположеннымными слева. Колкий воздух запищал, как мышонок.

Маккормак сказал:

— У всякого восстания должен быть лидер, и я являюсь тем, на кого пал такой выбор. Давайте не будем излишне скромничать. Я контролирую Кабинет главного мира в этом секторе. Я могу доказать, предъявив записи, что я являюсь лучшим стратегом Флота, которого имеет Империя. Мои подчиненные знают, что я строг в отношении того, что имеет важное значение, снисходительно отношусь к остальному и всегда стараюсь быть справедливым. Также считают и обитатели сотни планет, люди и другие расы. Я думаю, что для них будет глубоким разочарованием, если я изберу другой путь.

— Но как...— Голос Колина замолк в отдалении. Лунный свет прочертил след на его кожаной куртке и отделанном под серебро седле.

— Мы возьмем под контроль этот сектор,— сказал ему Маккормак.— Это в значительной степени поможет нам отразить нападение Джошуа. Как только мы сделаем это,

каждое мало-мальски значительное поселение в радиусе десяти парсеков присоединится к нам. После этого... хотя сама по себе эта идея мне не нравится, но я знаю, где и как найти союзников среди варварских племен. Я уже нанял немало дартанских кораблей, но в данном случае я имею в виду диких захватчиков из внешних областей Империи. Не волнуйся. Я не позволю им укорениться у нас, не позволю им грабить наши планеты, даже если они присягнут на верность. Этим наемникам будут платить по обычной таксе.

Весь Флот Империи никогда не сможет выступить против нас. У него слишком много других обязанностей. Если мы будем работать быстро и напряженно, то сможем отбросить любого, кто попытается атаковать.

Что будет дальше — я не могу предсказать. Я надеюсь, что у нас будет хорошо управляемый район, служащий образцом для окружающих. Я надеюсь, что он будет подчеркивать значение нашего дела: конец коррупции и тирании, новое начало под руководством новой династии, долгосрочные реформы... В чем мы нуждаемся, так это в подходящем моменте, моменте снежного обвала. Тогда все пушки Империи не смогут остановить нас, потому что большая часть их будет на нашей стороне.

«Но почему снежный обвал? — усмехнулся его внутренний голос.— Кто знает о снеге на Эйнисе, где зимой бывают только тонкие наносы в полярных областях?»

Они объехали группу деревьев и увидели замок. Уиндхоум стоял на том, что когда-то было мысом, а теперь расекал воздух, а под ним образовался головокружительный обрыв. Его темные, старые стены отбрасывали желтые отблески света так же, как и башни. За ним шумела река Уальдфосс, падая с высоты в залив.

Но Маккормак не видел всего этого. Его взгляд был направлен к плоскому горизонту, где залив Антонины граничил с небом, далеко от замка. Над последними зеленоватыми следами вечерней зари, пониже бледного мерцания, горела белым светом Дио, вечерняя звезда.

«Там работала Кэтрин, ксенологом в джунглях, до тех пор, пока я не встретил ее, пять лет назад (нет, три эйни-

сианских года назад; неужели я так долго был в Империи, что позабыл, какова продолжительность года на нашей планете?), и мы полюбили друг друга и поженились.

И ты всегда хотела иметь от меня детей, Кэтрин, голубушка, и мы собирались их иметь, но всегда возникали общественные обязанности, которые должны были быть улаженными в первую очередь. А теперь...»

Он поблагодарил своего железного Бога, что звезда Линнатавр не видна в этих широтах. Его горло пересохло, ему хотелось плакать.

Вместо этого он перевел лошадь в галоп.

Дорога пересекала обработанные поля по направлению к главному входу Уиндхоума. На лужайке перед ним расположился караван странников. Их повозки были размещены в стороне, почти невидимые в сумерки. Свет от замка падал только на навесы, скроенные из разноцветных полос материи, развевающиеся флагги и плохо натянутые палатки.

Мужчины, женщины, дети, сгрудившись перед кострами, перестали наигрывать протяжные, звучные мелодии, перестали плясать свои довольно топорные танцы и приветствовали своего господина, пока он проезжал мимо. Завтра эти странствующие оборванцы открывают свой карнавал... и это привлечет сюда искателей удовольствия и веселья с расстояний в сотни километров... И это несмотря на то, что кулак Империи уже неотвратимо движется к нам.

«Я не понимаю», — подумал Маккордак.

Копыта лошадей застучали по подворью. Грум поймал поводья. Маккордак спрыгнул за землю. Стража была поблизости, вновь прибывший персонал Флота и придворные в ливреях поглядывали друг на друга с завистью. Эдгар Олифант спешил из-за угловой башни. Несмотря на то что Маккордак, как Император, повысил его до адмирала, он не позаботился заменить свою капитансскую звезду на каждом плече. Он просто надел повязку с айлианскими цветами на рукав своей формы, которая плотно облегала его коренастую фигуру.

— С возвращением вас, сэр! — воскликнул он. — Я уже было хотел послать отряд на поиски.

Маккормак почти рассмеялся:

— Клянусь космосом, вы действительно думаете, что мои ребята и я можем потеряться на наших родовых землях?

— Н-нет. Нет, сэр. Но все-таки, если вы извините меня, сэр, это глупо с вашей стороны свободно разгуливать, не имея никакой охраны.

Маккормак пожал плечами.

— Мне еще предстоит организовать охрану позже, на Земле. Дайте мне пока спокойно побывать в одиночестве.

Приблизившись, он спросил:

— Вы хотели что-то сказать мне?

— Да, сэр. Два часа назад пришло сообщение. Не пойдет ли адмирал, ох, Император — со мной?

Маккормак с сожалением посмотрел на своих сыновей. Втайне он не жалел о том, что все его прежние знания, обязанности потребуются на отдаленной орбите, куда ему предстояло опять выйти, опять.

Древнее достоинство приемной Первого человека исчезло за несколько последних недель, потонув в хаосе нового оборудования: средства связи, вычислительные машины, электронные системы записи и сканеры. Маккормак плюхнулся в кресло, стоящее за его изношенным столом. Этот стол, по крайней мере, был знаком ему.

— Так в чем же дело? — сказал он.

Олифант закрыл дверь.

— Первоначальное сообщение было подтверждено дополнительно двумя разведывательными ракетами, — сказал он. — Имперская армада приближается к нам. Она будет здесь в течение трех дней.

Не имело особого значения, подразумевал ли Олифант стандартные земные дни или двадцатичасовые периоды вращения Эйниса вокруг своей оси.

Маккормак кивнул:

— Я не сомневался в том, что первая команда сообщила правду. Наши планы остаются в силе. Завтра, в 0600 по времени Нового Рима я заступаю на борт флагмана. Через два часа наши силы отбудут.

— Но вы уверены, сэр, что враг не оккупирует Эйнис?

— Нет, не оккупирует. Я был бы удивлен, если бы он его оккупировал. Ради чего? Все мои люди и я сам — мы не будем сидеть тут и ждать, когда нас захватят. Я уже кое-что предусмотрел для того, чтобы враг понял, что он зря прилетел сюда. А что еще может иметь для него цену здесь, на Эйнисе, до тех пор, пока сражение не закончилось? Тот, кто выиграет сражение в космосе, может полностью завладеть планетами и разграбить их достаточно быстро. Но до тех пор зачем применять силу там, где она не особенно нужна, даже для того, чтобы развернуть такое осиное гнездо, как наш мир? Если враг оккупирует наш мир, то он действительно развернет осиное гнездо. Но я предполагаю, что он мгновенно покинет систему Вёрджа, как только узнает, что мы не собираемся оборонять ее, а мы уже далеко и хотим захватить настоящий трофей — Сатан.

— Однако ваши силы прикрытия... — сказал Олифант нерешительно.

— Вы имеете в виду защиту для внепланетных баз, таких, как Порт Фредериксен? По одному легкому кораблю на каждую базу, по большей части для того, чтобы предохранить от вероятного случайного нападения.

— Нет, сэр. Я подумал о ваших внепланетных патрулях. Какая польза может быть от них?

— Это всего-навсего Дартанские наемники. У них нет другой задачи, кроме как ввести врага в заблуждение и выиграть время для нашего флота, — сказал Маккормак.

«Неужели я недостаточно ясно дал ему понять все это раньше? Что еще я должен предусмотреть прежде, чем град зарядов превратит меня в решето? Нет, я думаю, все в порядке, он просто был слишком занят административными деталями, связанными с подготовкой к нападению здесь».

— Несколько кораблей будут расположены в космосе поблизости, с приказом атаковать любые силы Джошуа, какие они смогут засечь. Это будут, конечно, разведывательные ракеты, легко вооруженные, легко уязвимые. Те, кто останется в живых, принесут нам сообщения о происшедшем. Я знаю стиль мышления Пикенса. Он убежден, что мы собираемся дать ему бой в системе Вёрджа, и будет

продвигаться вперед сверхсторожно. Поэтому он не зареги-
стрирует нас, пока мы будем уходить к Бета Крукису.

«О, старый, добрый Дэйв Пикенс, ты всегда приносил цветы Кэтрин, когда мы приглашали тебя на обед. Имею ли я, действительно, право применять против тебя то, что я узнал в те времена, когда мы были друзьями?»

— Хорошо, сэр, вы — Император,— Олифант показал на машины и сделал характерный жест, подсекая рукой горло.— Слишком много дел сегодня. Мы, как могли, работали в Штабе, но кое-что требует вашего внимания.

— Я обязательно займусь этим перед обедом,— сказал Маккормак,— будьте где-нибудь поблизости. Мне может понадобиться ваша консультация.

— Да, сэр,— Олифант отдал честь и ушел.

Маккормак не сразу вернулся к оборудованию, расположенному на его столе. Вместо этого он вышел на балкон. С балкона открывался вид на скалы и на живописную восточную часть dna залива Антонины. Крюза, внутренняя луна, едва взошла. Он вдохнул в себя сухую прохладу и стал ждать.

Почти полный спутник завис над горизонтом. Тени, которые он отбрасывал, перемещались заметно для невооруженного глаза. И пока спутник двигался, Маккормак мог наблюдать изменения его лунных фаз. Залитый живым, белым светом луны, залив Антонины, казалось, снова приобрел свои утраченные воды. Призрачные волны как будто вновь бежали по его плесам, и прибой бился о подножие мыса Уиндхоума.

«Ты, бывало, так и говорила, Кэтрин. Тебе больше всего нравилось именно это время года в нашем мире. Голубушка, голубушка, увидишь ли ты эти места еще раз?»

VII

Когда Вёрджил стал виден без увеличения, «Асинёв» вышел из гиперскорости и начал ускоряться по направлению к нему на гравитационной тяге. Каждый датчик был настроен

на предельную чувствительность, но ничего не было слышно, кроме бесконечного шума космической энергии.

— Не так уж много передач по радио? — спросил Флэндри.

— Совсем ничего нет, сэр,— ответил голос ровианина.

Флэндри выключил внутреннюю связь.

— Я должен был бы стоять сам на капитанском мостике,— пробормотал он.— Что я тут делаю, в своей... вашей каюте?

— Производите разведку,— сказала женщина со слабой улыбкой.

— Если бы это было так! Но почему полное молчание? Неужели вся система была эвакуирована?

— Вряд ли. Но они должны знать, что враг появится в течение пары дней. Хаг гениален по части разведки. Как и в других делах.

Взгляд Флэндри застыл на ней. Слишком беспокойный, чтобы сесть, слишком напряженный, чтобы ходить, он стоял около двери и барабанил по ней пальцами. Кэтрин Маккормак сидела в кресле. Она казалась почти спокойной.

Она практически ничем не занималась, только спала в промежутке времени между первой их беседой и этой. Этот сон в значительной степени поправил ее здоровье и, как он надеялся, позволил хотя бы чуть-чуть залечить травмы, нанесенные ее сознанию. Однако все это время он то и дело ощущал мурашки по телу. Это было не простое решение — гнать ракету впереди флота на максимальной квазискорости, неся пленицу к вождю повстанцев. У него не было никаких полномочий для переговоров. Его действия можно было бы оправдать лишь очень вольным, на пределе доступного, толкованием отданных ему приказов. Разве не целесообразно расспросить обо всем великого бунтовщика, и разве присутствие его жены не упавший с неба счастливый случай для этого?

«Но почему мне хочется услышать голос любви в ее речи?» — удивился себе Флэндри.

Он сказал:

— Мой собственный гений состоит в быстрой реакции.

Но даже это не спасет мой корабль от ударов. Если бы этот маневр принес хоть какую-нибудь выгоду!

Хризолитовые глаза под золотистой челкой остановились на нем.

— Вы не заставите Хага уступить,— предупредила она.— Я никогда не пыталась сделать этого, неважно, в связи с чем. Они ведь убьют его, не так ли?

Флэндри изменил немного позу. Пот выступил у него под мышками.

— Хорошо оправдание для снисхождения...

Ему редко приходилось слышать такой страшный смех.

— Ради всего святого, командор, избавьте нас обоих. Я жила в колониях и в студенческие годы, до свадьбы, занималась научными исследованиями породы живых существ, которые видели землян реже, чем аймириты... но я еще изучала историю и политику, а став женой адмирала флота, получила возможность многое увидеть. Думаю, для Империи невозможно даровать Хагу прощение,— на мгновение ее голос дрогнул.— И я... лучше увижу его мертвым... чем рабом с канализированным мозгом или пожизненным заключенным... Это его, непоколебимого буйвола!

Флэндри вытащил сигарету. Небо стало похоже на обожженную кожу.

— Идея, дорогая леди, в том,— сказал он,— чтобы вы рассказали ему о том, что узнали. После этого он может прекратить играть в игры со Снелундом. Он может отказаться от того, чтобы дать бой на планете или где-нибудь по соседству, в местах, которые Снелунд очень хотел бы разбомбить.

— Но без баз, источников снабжения,— она порывисто вздохнула. Этот вздох четко обрисовал ту часть одежды, которую она умело подчеркивала, это очень волновало Флэндри.— Хорошо, мы, конечно, можем поговорить,— сказала она упавшим голосом. Остатки сил покинули ее. Она наполовину приблизилась к нему.— Командор... если бы вы отпустили меня...

Флэндри отвернулся и потряс головой.

— Мне очень жаль, дорогая леди. Против вас имеются

существенные обвинения, и вы еще не были ни обвинены, ни оправданы. Единственным условием вашего освобождения может быть то, что за ним последует сдача вашего мужа, но вы говорите мне, что это немыслимо.

Он вдохнул дым в легкие и смутно подумал, что скоро ему предстоит принять антираковый стабилизатор.

— Видите ли, вы не будете возвращены назад, к Снелунду. Я скорее сам присоединюсь к восстанию, чем позволю сделать это. Вы полетите со мной на Землю. Вы расскажете о том, как с вами обращались и как руки Снелунда упражнялись на вас... хорошо, и это может создать ему трудности. Как минимум, это должно привлечь к вам симпатии людей, которые достаточно могущественны, чтобы защитить вас.

Снова посмотрев на нее, он увидел, как кровь отхлынула от ее лица. Ее глаза остановились, и на лице выступили бисеринки пота.

— Что с вами? — Он отбросил сигарету, сделал два шага и остановился перед ней. — Что случилось? — он положил ладонь на ее лоб. Он был холодным. Руки также были холодными — он ощущал это, когда его руки скользнули сами собой вниз по ее плечам, до ладоней. Он встал на колени и начал растирать ее ладони.

— Дорогая леди...

Кэтрин Маккормак шевельнулась.

— Лекарство, — прошептала она.

Флэндри поколебался, вызывать ли корабельного медика, решил, что не стоит, дал ей таблетку и конец трубки с водой — запить. Она жадно проглотила лекарство. Когда он увидел, что бледность уходит с ее лица и дыхание становится равномерным, он очень обрадовался.

— Я извиняюсь, — сказала она едва слышно сквозь рокот корабельного двигателя. — Память нахлынула на меня слишком резко.

— Я неправильно выразился, — заикаясь, стал оправдываться он.

— Не ваша вина, — она пристально смотрела на палубу.

Даже сейчас он не мог не заметить, какими длинными были ее ресницы на фоне бронзовой кожи.

— Земная мораль отличается от нашей. Для вас то, что случилось со мной, было... несчастьем, мерзким событием, да, но не осквернением, которое я не смогу никогда до конца отмыть.

Это заставляет меня не думать, хочу ли я на самом деле снова когда-нибудь видеть Хага... Может быть, однако, вы поймете кое-что, если я скажу вам, как часто Снелунд использовал наркотики для отключения сознания. Я снова и снова была поймана ночным кошмаром, когда не могла думать, не была собой, не имела воли, была лишь животным, делающим то, что он мне говорил,— и только ради того, чтобы избежать боли...

«Я не должен выслушивать это, — подумал Флэндри.— Она не должна рассказывать, тем более если ее самообладание полностью восстановилось. Как ее остановить?»

— Дорогая леди,— сделал он попытку,— вы же сказали, что не были самой собой. Поэтому вы не должны придавать этому большого значения. Если ваш муж — мужчина хотя бы в половину того, что вы рассказали о нем, то и он не придаст этому значения.

Она некоторое время сидела без движений. Стимулирующая таблетка действовала на нее несколько быстрее обычного; вероятно, она не имела привычки к химическим препаратам. Через некоторое время она подняла голову. Лицо ее сильно покраснело, но тело оставалось спокойным. Она улыбнулась.

— Вы действительно страйдер,— сказала она.

— Ух... вам лучше теперь?

— Гораздо лучше. Можем мы поговорить непосредственно о деле? — Флэндри втайне обрадовался. Почувствовав слабость в коленях, он присел на кровать и закурил следующую сигарету.

— Да, я бы очень хотел этого,— сказал он.— Прежде всего, у нас общие интересы, а ваша информация поможет нам вместе добиться их, а не разбежаться сразу кто куда.

— Что вы хотите узнать? Я могу быть не в состоянии

ответить на одни вопросы и могу отказаться отвечать на другие.

— Согласен. Но давайте попытаемся начать. Мы не обнаружили никаких следов астронавтической активности в этой системе. Флот того размера, каким обладает Хаг Маккормак, должен был бы быть зарегистрирован так или иначе. В крайнем случае — по нейтринной эмиссии от силовых ракетных установок. Так что же он предпринял? Он может находиться очень близко к солнцу, оставаясь на диаметрально противоположном конце от нас, или может замереть на значительном удалении от нас, например, в половину светового года, или же он спрятался где-нибудь в другом месте, или... У вас есть какие-нибудь идеи?

— Нет.

— Вы уверены, что нет?

Она вскинулась, как взнужданная кобылка:

— Если бы я и знала, то не сказала бы!

— Оставьте это, один эсминец не представляет никакой угрозы! Давайте так: как мы можем установить с ним контакт прежде, чем разразится сражение?

Она задумалась.

— Я не знаю, это правда,— сказала она, встретив его взгляд без колебания.— Я могу сказать определенно, что то, что Хаг запланировал, будет крутым и неожиданным.

— Замечательно,— проревел Флэндри.— Хорошо, а что насчет молчания в эфире?

— О, это гораздо проще объяснить, я думаю. У нас мало передатчиков, вещающих с достаточной мощностью на общепринятых радиоволнах, которые было бы возможно зафиксировать на достаточном удалении. Излучение Вёрджила слишком сильно влияет на такие передачи из-за частых магнитных бурь. Главным образом мы посылаем жесткие лучи энергии через спутники связи. Как правило, радиофоны — изолированные наши деревни и поселения нуждаются в этом,— но они обычно используют частоты, которые содержит ионосфера. Вёрджил создал на Эйнисе очень глубокую ионосферу. Короче, очень тяжело продвигаться, не имея больших станций, и я предполагаю, что на Эйнисе

сделают так, чтобы вражеские навигаторы имели чрезвычайные трудности для получения данных и диспозиции внутри системы.

«Ты тоже понимаешь этот принцип — никогда не давать противнику возможности свободно перемещаться, никогда не упускать шанса осложнить его жизнь,— подумал Флэндри с уважением.— Я знаю много гражданских, среди которых офицерские жены, кто этого не понимает».

— А что случилось с межпланетной связью? — спросил он.— Я предполагаю, что вы ведете разработки полезных ископаемых, научные исследования на ближайших планетах. Вы сами упоминали, что однажды были заняты в исследованиях. Вы думаете, что эти базы были эвакуированы?

— Н-нет. По крайней мере — не главная база на Дидо. Она находится на самообеспечении и слишком насыщена приборами, средствами связи и, кроме того, она тесными узами связана с местными жителями.— Гордость зазвенела в ее голосе:

— Я хорошо знаю своих старых коллег. Они никогда не прекратят исследований только из-за того, что существует угроза вторжения.

— Но ваше население могло приостановить межпланетные разговоры в период опасности?

— Да, вероятно. В особенности после того, как сторонники Джошуа попробовали выяснить, где расположены ключевые объекты нашей системы. А то, что они не смогут обнаружить, они не смогут сокрушить.

— Они не стали бы делать этого,— запротестовал Флэндри.— По крайней мере, из-за одной жажды мести.

Она резко возразила ему язвительным тоном:

— Как вы можете быть уверены, что Его Превосходительство не могли отдать определенные распоряжения их адмиралу?

Звук зуммера внутренней связи избавил его от изобретения ответа. Он включил на прием.

— Центральная — капитану,— возник грубый, шипящий голос ровианина.— На предельном удалении от нас за-

сечена ракета. Похоже, что она начала перехватывать нас под очень крутым углом.

— Я сейчас буду,— Флэндри собрался уходить.— Вы слышали, дорогая леди?

Она кивнула. Ему показалось, что он почувствовал, как она всеми силами старается внешне выглядеть спокойной.

— Вы пойдете на пост боевой тревоги три,— сказал он.— Сигнальному старшине, который сейчас дежурит, приказано обеспечить всех скафандрами и подготовиться к бою. Когда мы сблизимся с этой штукой, всем одеть скафандры и пристегнуться. Вы будете находиться на посту три постоянно. Это самое безопасное место почти посередине корпуса нашего корабля, надеюсь, что это не очень громкие слова. Скажите старшине, что я приказал держать ваш шлемный передатчик в режиме прямой аудиовизуальной связи с центральным постом управления и с каютаами команды. Пока оставайтесь в этой каюте, чтобы не мешать подготовке к бою.

— Вы считаете, что положение столь опасно? — спросила она спокойно.

— Мне бы лучше не считать иначе,— он ушел.

Экраны обзора на центральном посту управления показывали поразительно выросший в размерах Вёрджил. «Асинёв» вошел в систему с высокой относительной действительной скоростью, и его последующее ускорение могло бы раздавить команду, если бы не было противодействия внутреннего поля тяжести. Излучение корабля также ослабло; звезда горела, окруженная великолепной солнечной короной и светом зодиакальных созвездий.

Флэндри сел в командирское кресло.

Ровианин сказал:

— Я предполагаю, что этот корабль дрейфовал по орбите, с минимальной нагрузкой генераторов, до тех пор, пока он не засек нас. Если мы хотим встретиться с ним рядом с Эйнисом,— коготь ровианина показал на красноватую искру на некотором удалении справа по борту,— мы должны начинать замедление.

— М-м-м, я думаю, что нет.— Флэндри почесал свой

подбородок.— Если бы я был штурманом, я бы испытывал чувство острого беспокойства в связи с появлением вблизи моей родной планеты военного, вражеского корабля, независимо от того, является ли этот корабль большим или маленьким, или же посыает сообщения о том, что имеет намерение вести переговоры. Если исходить из того, что он знает, наши передачи не входят в имеющиеся на его борту записи, и наш корабль вместе со всем содержимым для него не более, чем машины, вот так. Ему не надо было разъяснять, какие разрушения могут быть причинены сначала ядерной ракетой, которая может быть и не перехвачена, и окончательно самоубийственным ударом о плотные слои атмосферы многотонной массы корабля, летящего со скоростью около ста километров в секунду.

— Так как у них только один важный город, то наличие камикадзе, барражирующих вокруг планеты, более чем оправдано. Он может повести себя слегка импульсивно.

— В таком случае, что намерен предпринять капитан?

Флэндри включил астрономический дисплей. Изображение планет, их орбит и стрелы векторов относительно корабля дали ему только грубую идею о сложившейся ситуации, но уточнения были по части службы навигации.

— Давай-ка посмотрим. Следующая по счету планета, Дидо, как они ее называют, находится в последней квадратуре, но достаточно далеко от точки соединения, так что не будет двусмысленности относительно нашего намерения опуститься на нее. А на ней расположена научная база... холодные головы... да, я думаю, что это самое серьезное из всех благих намерений, если мы зайдем орбиту вокруг Дидо. Проложите курс до третьей планеты, гражданин ровианин.

— Да, сэр.

Были отданы приказы, сделаны необходимые вычисления, двигатель запел на более глубокой ноте по мере того, как генератор начал гасить скорость.

Флэндри подготовил запись своих действий.

— Если требуется обсуждение до того, как мы прибудем к конечной цели, пожалуйста, сообщите об этом. Мы будем

держать передатчик настроенным на стандартный диапазон,— он закончил и отдал приказ о непрерывной передаче сигналов на приближающийся корабль.

Медленно ползло время.

— А что, если нам потом не позволят покинуть эту систему? — спросил ровианин на ирайо.

— Мы рискнем,— ответил Флэндри.— Думаю, что риск не слишком велик. Я исхожу из того, что у нас на борту есть заложник. Кстати, несмотря на то, что мы не отдадим ее ему просто так, я верю, что наш друг Маккормак с радостью воспримет тот факт, что мы увезли его жену подальше от этой свиньи Снелунда... Нет, мне бы не стоило оскорблять хрюшиную породу, не так ли? Его родители были братья.

— Что же вы собираетесь предпринять?

— Бог знает, но не похоже, что он намерен рассекретить свою информацию. Может быть, ничего. Может быть, попробовал бы открыть некоторый маленький канал, некоторый путь для снижения накала войны, если не удается ее остановить. Побудьте на центральном посту минут десять, не возражаете? Если я не ускользну сейчас и не покурю, то я пропал.

— Разве вы не можете покурить здесь?

— Капитан человеческого корабля не имеет права позволить себе человеческие слабости,— вот что вошло в мою плоть и кровь во время обучения. Это вбили в меня по самую шляпку. В случае нарушения этого правила я должен был бы выдумать слишком много объяснений для успокоения своих начальников.

Ровианин издал шум, который должен был, по всей вероятности, соответствовать смеху.

Часы медленно уходили в прошлое. Вёрджил распухал на экранах внешнего обзора.

Ровианин сообщил:

— Последние данные о характере движения замеченного нами корабля показывают, что он пришел к решению, что мы направляемся на Дио, и намеревается попасть туда приблизительно одновременно с нами. До сих пор не было

никаких попыток связи с нами, хотя совершенно очевидно, что он должен теперь улавливать нашу передачу.

— Понятно. А что насчет самого корабля?

— Если судить по его излучению и по показаниям нашего радара, он имеет приблизительно такой же тоннаж и мощность, как и мы, но совершенно неизвестной, не военно-космической конструкции.

— Без сомнения, эйнисиане запускают на орбиту все, что только может летать: от корыта до метлы. Хорошо, если это так, то славу богу. Они не могут помышлять о сражении с такой боевой единицей, как наша.

— Если только его компаньон не... — ровианин кивнул на второй корабль, зарегистрированный вскоре после того, как он вылетел из-за солнца.

— Вы мне сказали, что этот не сможет добраться до Дидо в течение нескольких часов после нас, если только он не перейдет на гиперсветовую скорость; я сомневаюсь, что капитан этого корабля слишком горит желанием попасть на Дидо, чтобы в действительности полететь туда, в особенности если учесть, как глубоко в гравитационном колодце находится его корабль. Нет, это должен быть всего-навсего другой дежурный корабль, попавший в близкую к нам область пространства по чистой случайности.

Тем не менее Флэнди приказал одеть скафандры и подготовить к бою пусковые установки, когда «Асинёв» сблизился с третьей планетой. Она выпукло нависала перед ним, между первой четвертью и новолунием, огромный, вращающийся шар, окутанный густыми облаками. У этой планеты не было луны. Местный «Временный указатель для пилотов» приводил данные об умеренно эксцентриситетной орбите, радиус-вектор которой в среднем составлял около одной астрономической единицы; о том, что масса, диаметр и поэтому сила тяжести на поверхности планеты были слегка меньше, чем у Земли; о вращении со скоростью один оборот за восемь часов сорок семь минут вокруг оси, наклоненной на невиданные 38 градусов; о кислородно-азотной атмосфере, более теплой и более плотной, чем было приемлемо для человека, но доступной для дыхания; о Д-амино

биохимическом цикле, не являющимся ни ядовитым, ни питательным для человекоподобных существ — и это было, пожалуй, все.

Слишком много миров во вселенной; даже на уровне молекул записывающей ленты нельзя закодировать информацию о каждом из них, но может быть — только самую важную.

Когда Флэндри надел свой скафандр, пригодный для выхода в открытый космос, кроме перчаток, и закрыл переднее смотровое окно шлема, он вызвал Кэтрин Маккормак по сигналу внутренней связи. Ее вид на экране с лицом, выглядывающим из шлема, заставил его подумать об аналогии с воинственными девственницами, о которых он читал в очень старых книгах.

— В чем дело? — спросила она.

— Я бы хотел войти в контакт с вашей исследовательской базой, — сказал он, — но разве можно что-либо отыскать под этим чертовым гороховым супом?

— Они могут и не ответить на ваши позывные.

— Мне кажется, что они все-таки могут ответить; наиболее вероятно — да, если я так направляю передачу, что они сразу поймут, что я их обнаружил. Корабль, который сближается с нами, хранит гробовое молчание, и — хорошо: если на базе работают ваши старые друзья, то они должны будут ответить вам.

Она поколебалась.

— Хорошо, я верю вам, Доминик Флэндри. База расположена в Порту Фредериксен, — короткая бесцветная улыбка, — один из моих предков основал ее — она расположена на западной оконечности Барки, как мы называем самый большой континент. Северная широта 34° 5' 18". Я предполагаю, что вы сможете связаться с базой отсюда при помощи бортового радара.

— Термические, магнитные и тому подобные излучения. Благодарю. Будьте, пожалуйста, рядом, чтобы поговорить с ними — приблизительно через полчаса или через час.

Ее взгляд был мрачен.

— Я расскажу им правду.

— Это пойдет, поскольку мы вместе будем думать о том, как сделать лучше нам всем и как наиболее дешево отдельаться от наших неприятностей.

Флэндри выключил связь, но впечатление было такое, как будто бы ее лицо все еще светилось на экране. Он повернулся к ровианину.

— Мы займем орбиту, соответствующую периоду обращения вокруг планеты приблизительно 100 минут до тех пор, пока мы достоверно не обнаружим базу, после чего перейдем на синхронную орбиту повыше.

Даже сквозь скафандр чувствовалось внутреннее напряжение ровианина, которое проявилось в легком похлестывании его одетого в броню хвоста.

— Сэр, это означает, что корабль повстанцев запросто отыщет нас за пределами их плотной атмосферы.

— И все-таки нам было бы на пользу находиться как можно выше над планетой, там, где ее поле ослаблено. Ведь вы же последний раз сообщили мне, что вражеский корабль приближается слишком быстро для того, чтобы пройти по траектории, более пологой, чем гиперболическая?

— Да, сэр, если только он не затормозит быстрее, гораздо быстрее, чем мы.

— Капитан этого корабля очень подозителен. Он спешит превзойти нас, пока мы не бросили в него пару зарядов. И это естественно. Я бы тоже нервничал, повстречав какой-нибудь вражеский эсминец, в особенности, если бы я командовал переделанным грузовым судном или еще чем-нибудь в этом духе. Когда он увидит, что мы имеем мирные намерения, он займет стационарную орбиту — к тому времени, если нам повезет, мы будем на дополнительном удалении на десять или пятнадцать тысяч километров и будем спокойно беседовать с учеными мужами.

— Да, сэр. С позволения капитана, я прикажу включить экранирующие поля на максимальную мощность?

— Только после того, как мы обнаружим Порт Фредериксен. До этого они подавят работу измерительных приборов. Но всем остальным, кроме команды локаторщиков, полная боевая готовность, безусловно. «Прав ли я? Если я

не прав...» — Ощущение одиночества командира охватило Флэндри. Он попытался отогнать это чувство прочь, сосредоточившись на маневре сближения.

А пока «Асинёв» свободно падал по круговой орбите около Дидо. Исчезновение звуков и вибрации было похоже на внезапную глухоту. Планета наполняла экраны обзора, ослепляюще яркая на дневной стороне, темная там, где корабль пересек границу дня и ночи, за исключением той области, где заря создавала мерцание атмосферы, а молнии ткали световые паутины. Штормовая атмосфера препятствовала поискам. Флэндри в какой-то момент времени обнаружил, что он с силой сжимает подлокотники своего кресла, да так, что побелели ногти.

— Теперь мы можем наблюдать приближающийся корабль оптически, сэр,— сказал ровианин,— если только он не спрячется за этот сверкающий диск.

— Хотелось бы, чтобы не спрятался,— сказал Флэндри.— Избыточное напряжение необычной обстановки начало подтачивать и его спокойствие. Голос, возникший в канале внутренней связи, сказал:

— Я думаю, мы нашли эту базу, сэр. Широта та самая, инфракрасный след дает материк на восток и океан на запад, по показаниям радара можно предположить наличие строений, кроме того, мы совершенно определенно поймали вспышку нейтрино от ядерных установок. Во всех показаниях присутствует большая неопределенность, что обусловлено этой чертовой интерференцией. Следует ли нам повторить на следующем витке?

— Нет,— сказал Флэндри и понял, что он говорит чесцур громко. Усилием воли он восстановил нормальный тон голоса:

— Отключить радар. Пилоту держать постоянный угол подъема. Мы выходим на синхронную орбиту и дальнейшие показания будем снимать оттуда.

«Я бы хотел подставиться ему под удар к тому моменту, когда этот актер театра взрывной пантомимы додолзет туда на своем тарантасе. Да, чуть не забыл»,— подумал Флэндри:

— Защитные поля — на максимальную мощность, гражданин ровианин.— Облегчение офицера было совершенно очевидным, это было видно по тому, как он отдавал команды. Корабль снова возвращался к жизни. Сложное сочетание гравитационных сил подняло его по кривой, которая была ближе к прямой линии, чем к спирали. Неистовый полумесяц планеты немножко уменьшился.

— Дайте мне изображение приближающегося корабля, как только у вас появится оптическая ось,— сказал Флэндри и подумал: «Мне будет гораздо веселее после того, как я увижу его». Он заставил себя расслабиться в кресле и стал ждать.

Изображение вражеского корабля выпрыгнуло на экран. Человек вскрикнул. Ровианин зашипел.

Продолговатый силуэт, поглощающий последние километры, разделяющие два корабля, никогда не был предназначен для мирного применения. Он был довольно простой конструкции, совершенно определенно не земной. Вооружение было таким же полным, как и на «Асинёв», и так же обтекаемо встроенным в корпус. Остроконечный нос и разлетистое оперение говорили о том, что этот корабль был предназначен для пересечения атмосферы гораздо чаще, чем это делали земные корабли соответствующего класса, как, например, для того, чтобы разрушить город. «Варвары,— мелькнуло в голове Флэндри.— Из самой дикой страны на какой-нибудь дикой планете, где, может быть, сотню лет назад они еще воевали с помощью заточенного железа; но кто-то посчитал, что можно получить военное преимущество — и кроме того, коммерческое — за счет обучения их полетам на космических кораблях, снабжения их машинами и основами современных знаний... Неудивительно, что они не отвечали на наши передачи. Думаю, что ни один на их борту не знает английского языка!»

— Сигнал белым светом,— рявкнул он в канал внутренней связи.— Непрерывно давать сигнал «Мир».

Они должны узнать сигналы мирного звучания. Хаг Маккормак не смог бы их нанять, что он без сомнения сде-

лал бы, если бы они раньше не контактировали с его цивилизацией.

Приказы Флэндри были исполнены мгновенно.

Из корабля наемников выплынулись всполохи бело-синего огня. За ними последовали ракеты.

Флэндри услышал рев угрожающего металла.

Он резко вдавил кнопку начала атаки. Реакция «Асинёв» была немедленной. И это была настоящая реакция боевого корабля. На столь близких расстояниях ни одна живая ткань не может выдержать начавшегося воздействия, даже если будет реагировать очень быстро. Мощный бластер «Асинёв» разрядился. Противоракеты помчались навстречу тому, что было послано врагом против земного корабля. Через секунду открылись заслонки ракетных аппаратов, и большие птицы пошли в атаку. Загремели ядерные взрывы.

Электромагнитные экраны могут отразить поток ионов, но не тепловое излучение и рентгеновские лучи, и тем более — не удары энергетических пучков и бронебойных торпед. Отрицательная сила тяжести может замедлить торпеды, но не может остановить их. Перехватчики должны сделать это, если смогут.

Корабль варваров имел огромное преимущество большой скорости и большой высоты относительно планеты. Поэтому к такой мишени было гораздо труднее подойти для пристрельного выстрела и гораздо труднее преодолеть оборонительный заслон, который образовал этот корабль.

Тем не менее упорная работа ровианина в течение нескольких лет принесла плоды. Вспышки пламени засверкали вокруг врага. Расплавленные капли металла, как шрапнель, разлетелись от того места, где раньше была броневая плита вражеского корабля. Скрюченный, искореженный, почерневший, наполовину расплавленный комок металла, который раньше был вражеским кораблем, полетел, кувыркаясь в пространстве, по траектории случайного метеорита вокруг планеты и дальше — в открытый космос.

Но было совершенно невозможно допустить, чтобы землянин сумел так просто отделаться и уйти подобру-поздорову.

Эксперты в области тактики космических сражений оценивали продолжительность жизни эсминца в подобного рода боях в три минуты или менее. Огненные лучи были и жгли жизненно важные установки корабля землян. Ни одна из боеголовок не совершила прямого попадания, которое окончательно бы прикончило «Асинёв», но три взрыва были настолько близкими, что удары от осколков раскрошили корпус ракеты, неистово, прожигая, круша агрегаты, как фарфоровые игрушки, разбрасывая людей во все стороны и превращая их в горящих и изуродованных тряпичных кукол.

Флэндри увидел, как обшивка на центральном посту управления треснула, как скорлупа пересохшего ореха. Остроконечный огрызок металла прошел насекомый ровианина точно так же, как циркуляционная пила входит в бревно, распиливаемое пополам. Хлынула кровь, превратившись мгновенно в туман и скопления отдельных капель почти шаровой формы во внезапно возникшей невесомости, которые испарились из-за снизившегося давления воздуха и исчезли, оставив после себя только безобразные кляксы.

Оглушенный, оглохший, с разбитыми в кровь ртом и носом, Флэндри ухитрился быстрым ударом захлопнуть окно шлема и надел перчатки, которые он позабыл по соседству,— до того, как последний воздух исчезнет через отверстие в его скафандре.

После этого наступило молчание. Двигатель был мертв, поэтому эсминец достиг максимальной высоты, обусловленной его скоростью, которую он успел развить до атаки вражеского корабля, и начал падать по направлению к планете.

VIII

Не стало более космического корабля, достойного упоминания. В тех местах, где разрушение не было полным, критически важные системы были выведены из строя. Совершенно не оставалось времени для того, чтобы сделать хоть какой-нибудь ремонт, либо отсечь разрушенные агре-

гаты. Один из четырех двигателей подавал слабые признаки жизни. Хотя его ядерный генератор был испорчен, его аккумуляторы могли обеспечить питание двух тяговых пучков гравитационных сил; эти два выхлопных сопла, похоже, были пригодны для использования; самое главное — не были повреждены контрольно-измерительные приборы. Поэтому было возможным аэродинамическое приземление. Все члены его команды, способные владеть ракетой, были либо убиты, либо ранены — но Флэндри водил раньше военные корабли, до того, как он перешел в службу безопасности.

Инженеры едва успели выяснить все это, как возникла настоятельная необходимость покинуть корабль. Вскоре они должны были удариться об атмосферу. Это должно было завершить разрушение корпуса корабля.

Борясь с отсутствием воздуха, веса, света, оставшиеся в живых члены команды пытались собраться вместе, неся свою боль по останкам корабля. Не оставалось помещения для всех этих тел, одетых в космические скафандры.

Флэндри приказал нагнетать воздух из аварийных баллонов, и каждый вновь прибывший, проходя через воздушный шлюз, снимал свой громоздкий костюм и кидал его в мусоросборник. Флэндри удалось найти место для хранения трех костюмов, его собственный включая, который он не сразу догадался снять, так как все остальные теперь тоже будут незащищенными. Флэндри решил припасти три скафандра, больше ради имеющихся в них импеллеров, нежели ради чего-то другого.

Наиболее тяжело раненные были уложены в аккуратно спеленанные кресла. Остальные, спрессованные вместе в узком проходе, будут молиться за сохранение внутреннего поля тяжести, от которого зависела их жизнь.

Флэндри увидел, что среди них стоит Кэтрин. У него возникло острое желание предложить ей кресло второго пилота; цепи, ответственные за поддержание внутреннего поля тяжести, вполне могли быть разрушены напряжениями, с которыми предстояло встретиться кораблю. Но младший лейтенант Хейвлок имел кое-какие навыки на случай такой

опасности. Не исключено, что его помощь в прошлом была решающим квантом, который спас ее во время атаки.

Дрожь прошла по всему кораблю и по суставам всех оставшихся членов экипажа — это было первое прикосновение к атмосфере Дидо.

Флэндри полетел свободно, как пушечное ядро.

Остальные события, сопровождавшие спуск землян на поврежденном корабле, были трудно описуемы: полет, похожий на полет метеорита сквозь сплошную темноту, удары, громовые раскаты, ураганный ветер, ночь, горы и пещеры, построенные из облаков, капли дождя, бьющие по корпусу ракеты, как пули крупнокалиберного пулемета, сумасшедшая качка и вращение стремительно надвигающегося горизонта, до тех пор, пока не возник ревущий шум, бьющий по ушам до боли, и вибрации, казалось, потрясали мозги в черепных коробках, и черти плясали на приборных панелях.

Каким-то образом Флэндри и Хейвлок сумели сохранить частичный контроль за кораблем. Они сумели сбросить значительную часть скорости до того, как опустились слишком низко, так что столкновение с поверхностью планеты уже не должно было быть смертельным.

Они не вели корабль беспомощно сквозь тропопаузу, не кувыркались беспорядочно, когда пересекали зону штормовых ветров в нижних слоях атмосферы. Они избежали столкновения с горными вершинами, которые неожиданно вздымались, чтобы поймать их во время неистового урагана, гораздо более свирепого, чем натиск стихии на Земле, который мог бы разбить корабль вдребезги и швырнуть его в море.

Несмотря на непрерывное напряжение, необходимое, чтобы уследить за показаниями измерительных приборов и дисплеев, фантастическое переплетение рук над пультом управления кораблем и ног — на педалях, непрекращающееся грубое воздействие звуков, тепла, вибрации, они ни на секунду не теряли контроля над тем, где находился корабль.

Их единодушное желание было — достичь Порта Фредриксен.

Спуск повел их вокруг северного полушария. Определив то, что является самым большим континентом, они старались удержать свой курс по направлению к заветной широте и скользили вниз в западном направлении, к цели.

Если бы их первоначальная скорость была направлена точно на цель, они смогли бы достичь ее или же опустились бы где-нибудь поблизости от нее. Но оказалось, что отсчеты показаний приборов, сделанные в спешке на орбите, заставили «Асинёв» лететь по траектории, направленной против вращения планеты. Теперь энергия вращения Дидо работала против них, заставляя тратить дополнительные количества энергии на ранних стадиях торможения. К тому времени, когда ракета достигла безопасной скорости, ее аккумуляторы были практически полностью разряжены.

Поврежденная, с неправильным распределением массы по объему корпуса, она не имела практически никакой возможности длительного баллистического полета по скользящей траектории внутри атмосферы. Не оставалось ничего, кроме того, чтобы использовать последний резерв имеющихся джоулей энергии для посадки.

Нельзя было также использовать кормовые компенсаторы. Так как команда была без скафандров, то люди могли бы быть изуродованы в общей свалке в случае отказа внутреннего поля тяжести.

Флэндри выбрал открытую область, окруженную лесом. Вода поблескивала между возвышенностями, среди густых зарослей осоки. Лучше сесть в болото, чем на верхушки деревьев.

Килевые тормоза зашипели в сопровождении последнего рокота двигателя; ракета закачалась, встала на дыбы, закружилась и остановилась под крутым углом; тучи летающих существ, похожих на птиц, тысячами поднялись в воздух, и наступило спокойствие.

Мрак не мгновение овладел Флэндри. Он вернулся к действительности, услышав слабые, радостные голоса.

— В-в-в-се в п-п-порядке? — спросил он, запинаясь. Его

пальцы дрожали, как и голос, когда Флэндри пытался расстегнуть привязные ремни.

— Больше ранений не было, сэр,— сказал чей-то голос.

— Может быть, и нет,— ответил другой,— но О'Брайен умер, пока мы спускались.

Флэндри закрыл глаза.

«Мои люди,— пронзило его,— мой человек умер. Бедный О'Брайен! Мой корабль. Сколько их осталось на корабле? Я пытался сосчитать... Двадцать три, имеющих только незначительные ранения, Кэтрин и я. Шестнадцать-семнадцать — серьезно раненных. Остальные....— а ведь их жизни были в моих руках!»

Хейвлок сказал неуверенно:

— Наше радио вышло из строя, сэр. Мы не можем позвать на помощь. Что предпримет капитан?

«Ровианин, я должен был принять на себя тот зазубренный кусок брони, не ты. Жизни, которые еще остались, находятся в моих варварски-убийственных руках».

Флэндри усилием воли вернул себе самообладание. В его ушах звенело почти также громко, как бывает после сильного удара по голове, поэтому Флэндри почти не слышал своего голоса, но он предполагал, что его слова звучали достаточно механически.

— Мы не можем удерживать наше внутреннее поле в течение длительного времени. Почти все запасы энергии израсходованы. Предлагаю вынести все необходимые вещи наружу прежде, чем нам придется бороться с локальной силой на очень резко наклоненной палубе.

Он встал и представил перед своими людьми. Никогда ему не приходилось делать ничего более сложного.

— Леди Маккормак,— сказал он,— вы знаете эту планету. Есть ли у вас какие-нибудь рекомендации?

Она была спрятана от его взгляда плотно прижатыми друг к другу членами команды. Ее слегка хриплый голос был уверенным:

— Медленно выравнивайте давление. Если мы находимся где-нибудь на уровне моря, то плотность атмосферы при-

близительно в два раза меньше, чем на Земле. Вы знаете, где мы находимся?

— Мы стремились попасть поближе к эйнессианской базе.

— Если я правильно помню, в этом полушарии сейчас самое начало лета. Если предположить, что мы сели немноголюднее Полярного круга, то у нас сейчас скорее день, чем ночь, но в этом я не сильно уверена. Вы помните, что у этой планеты очень короткий период обращения вокруг оси. Не рассчитывайте, что постоянно будет светло.

— Благодарю,— сказал Флэндри и стал отдавать обычные в такой ситуации команды.

Сааведра, офицер связи, нашел некоторые инструменты и комплектующие, взял радиопередатчик и начал изучать его.

— Я бы попытался тут кое-что починить, чтобы мы смогли сообщить о нашем бедствии на базу,— сказал он.

— Сколько времени займет ремонт? — спросил Флэндри. К нему вернулась часть его прежней силы и почти прежняя ясность мышления.

— Несколько часов, сэр. Кроме ремонта, я должен буду устроить антенну и отыскать режим работы, соответствующий стандартному диапазону.

— При этом может оказаться, что никто не слушает эфир на этих частотах. А если вдруг нас услышат, они не смогут определить, откуда идет передача и — гм-гм,— Флэндри тряхнул головой.— Мы не можем ждать. Другой вражеский корабль приближается к нам. Когда он обнаружит остатки нашего разбитого корабля, который мы покинули, он начнет за нами охотиться. У него превосходный шанс обнаружить нас: достаточно скользить с детектором металла над поверхностью этой планеты, имеющей только примитивную культуру. Я бы не хотел, чтобы мы оказались где-нибудь поблизости от места нашей посадки к тому моменту, когда второй вражеский корабль его обнаружит. По всей вероятности, он сбросит на него заряд.

— Что же нам делать, сэр? — спросил Хейвлок.

— Как считает леди — нет у нас шанса на то, чтобы

пройти сухопутным путем до базы? — обратился Флэндри к Кэтрин.

— Это зависит от того, где именно мы находимся, — ответила она. — Топография, местные культуры, все остальное — также различается на Дидо, как и в большинстве других миров. Мы сможем взять с собой достаточно еды?

— Да, я думаю, что сможем. Корабли нашего класса обычно имеют в большом количестве запасы сублимированной еды. Я рассчитываю, что будут также достаточные запасы воды.

— Я уверена, что есть. Она, по-видимому, теперь отвратительно воняет и пенится, но ни один дидонианский клоп еще не привел к тому, чтобы кто-то из команды заболел. Здесь немного другая биохимия.

Когда входной люк был раздрастен, воздух, наполнивший ракету, был похож на влажный, теплый воздух парной бани. До людей донеслись необычные запахи, сотни оттенков остроты и едкости, ароматные, резкие, с напоминанием самых невиданных специй, иногда — с примесью гниения и разложения, запахи, которым трудно было подобрать определение.

Люди тяжело задышали и покрылись испариной. Кто-то начал снимать свою рубашку.

Кэтрин положила ладонь на его локоть:

— Не надо этого делать. — предупредила она, — не смотрите, что на небе густые облака, они пропускают достаточно ультрафиолетового излучения для того, чтобы обжечь вашу кожу до волдырей.

Флэндри первым спустился по временному трапу. После выключения внутренней силы тяжести вес изменился не очень сильно. Он ощущал привкус озона* во влажных испарениях и подумал, что повышенное парциальное давление кислорода не помешает. Его бутсы смачно хлюпали по жидкой массе, напоминающей ил или чернозем и закрывавшей его щиколотки. Отовсюду на него хлынули звуки, свидетельствовавшие о жизни: щебет птиц, карканье, свист, звук бьющихся крыльев. Звуки были громкими в плотном воздухе.

* По современным понятиям интенсивность ультрафиолетового излучения обратно пропорциональна содержанию озона в атмосфере.

хе, и он отчетливо их различал теперь уже полностью восстановившимся слухом. Небольшие животные порхали среди листвы в джунглях.

Эти джунгли не были в точности похожи на тропический лес какой-нибудь землеподобной планеты. Разнообразие деревьев было совершенно невероятным, от худосочных, искривленных карликов до стройных гигантов с развесистой кроной. Вьющиеся растения и грибовидные нарости покрывали многие из темных стволов. Листва также очень сильно различалась по размерам и очертаниям. Но нигде она не была зеленою; преобладали коричневые и темно-красные цвета, время от времени мелькала примесь ярко-красных, пурпурных и золотистых оттенков; землю устилал таких же цветов губчатый, пружинистый ковер. Окончательное впечатление от этих джунглей было такое, как будто бы попадаешь в темное, мрачное и очень богатое царство. На небе не было облаков в земном понимании, поэтому в этом лесу не было теней и поэтому лишенный ориентиров взгляд Флэндри вскоре потерялся в сумраке в глубине джунглей.

Мысленно прокладывая путь вперед, он увидел гораздо более густые заросли, чем ему хотелось бы встретить.

Небо над головой было перламутрово-серым. Нижний сплошной облачный покров равномерно двигался относительно этого неподвижного неба. Случайно возникший мутный пробел в облаках обозначил, где расположен Вёрджил.

Вспомнив, где должен быть расположен раздел между ночью и днем, Флэндри узнал точно, что район, где они сейчас находились, был утренним. Они смогут двинуться в путь до захода солнца, если поднатужатся.

Он заставил себя надеяться. Им предстояло трудное дело. И он был благодарен судьбе, что она подарила ему тяжелую физическую работу. Это спасло его от непрерывных горестных мыслей о погибших людях и о потерянном корабле.

В первую очередь все раненые должны были быть перенесены на более высокое, сухое место. У многих из них были сломаны кости, были случаи сотрясения мозга.

Если броня твоего корабля полностью разрушалась в открытом космосе, то это обычно означало смерть.

Двое из членов его команды имели отвратительные брюшные рваные раны, возникшие в результате попадания осколков металла, входные отверстия от которых на скафандрах были настолько большими, что ни они, ни кто-нибудь из членов команды, находившийся поблизости, не успел заделать эти пробоины до того, как почти весь воздух вышел наружу.

Один человек был без сознания, его кожа похолодела, дыхание было поверхностным, пульс прерывистым.

А О'Брайен умер.

К счастью, офицер медицинской службы был на ногах. И он приступил к делу.

Проходя мимо, нагруженный «до люков» вещами, Флэндри увидел, как Кэтрин умело помогает корабельному доктору. Он вдруг с удивлением подумал, что она некоторое время где-то была. Это было совсем не похоже на нее — сразу не броситься помогать всем страждущим.

К тому времени, когда из ракеты были выгружены последние необходимые предметы, она закончила свою работу медсестры и присоединилась к похоронной процессии. Он увидел, что Кэтрин тоже немного поработала лопатой.

Когда Флэндри, усталый, подошел к ней, О'Брайен уже лежал в могиле. Вокруг него медленно просачивалась вода. У него не было гроба. Кэтрин накрыла его флагом Империи.

— Не отслужит ли капитан последнюю службу? — спросила она Флэндри. Он посмотрел на нее. Она была также, как он, запачкана грязью и истощена, но держалась исключительно прямо. Ее влажные волосы прилипли ко лбу и к щекам, но все равно, она была единственной, что радовало взгляд Флэндри в этом мире.

Флэндри узнал большое лезвие и кастетную рукоятку своего боевого мерселянского ножа, подвешенного у нее на ремне, опоясывающем ее одежду.

Онемев от смущения, он пробормотал:

— Вы действительно хотите, чтобы я сделал это?

— Он не был врагом, — сказала она, — он был одним из людей Хага. Отдайте ему последнюю почесть.

Она вручила ему молитвенник.

«И это я? — подумал он.— Но я никогда не верил».— Она напряженно наблюдала за ним. И все его люди внимательно следили за происходящим.

Его пальцы оставляли грязные пятна на страницах молитвенника, пока он громким голосом читал божественные слова.

Начался мелкий дождик.

Пока звякали лопаты, которыми закапывали могилу О'Брайена, Кэтрин дотронулась до одежды Флэндри:

— Можно минутку вашего внимания? — сказала она.

Они отошли в сторону.

— Я некоторое время потратила на то, чтобы обследовать окрестности,— сообщила она ему.— Посмотрела, какой характер растительности, забралась на дерево и увидела, что на западе расположены горы, кроме того, я увидела очень много птиц, что в это время года соответствует району, расположенному восточнее Каменной Стены, поэтому область, которая лежит перед нами, должна быть Маруссия — теперь я приблизительно знаю, где мы находимся.

Его сердце слегка екнуло.

— И какое же может быть расстояние до цели?

— Меньше, чем я предполагала. Моя работа проходила главным образом в Гаэтулии. Однако самый первый свой сезон я провела именно в тех местах, где мы сейчас находимся,— больше для тренировки, чем для исследований. Основное состоит в том, что у нас большой шанс встретить дидониан, которые уже знакомы с людьми; а местная культура довольно высока, и если мы выйдем на создание, которое знает один из наших синтетических языков, это будет возможностью для меня вести переговоры, и я смогу понимать их говор после некоторых упражнений.

Черные брови нахмурились.

— Я не стану скрывать от вас, что нам было бы лучше сразу пойти в западном направлении по территории Маруссии, и не только потому, что это существенно бы укоротило наш путь. В тех районах, куда мы направляемся, обитают

дикие, неприятные племена. С другой стороны, однако, может, мне удастся договориться о сопровождении.

— Хорошо. Вам не удалось обнаружить подходящей тропы для нас?

— Почему же нет? Совсем напротив. Это было то, что я главным образом искала. Нам бы не удалось пройти и километра до захода солнца сквозь заросли мускоидов и стреловидных кустарников, даже если бы мы полностью разрядили свои бластеры, сжигая их. Мне удалось обнаружить подходящую тропу буквально в нескольких метрах от границы болота, которая идет более или менее в нужном нам направлении.

— Отлично, похоже, с этим все,— сказал Флэндри.— Но я бы искренне желал, чтобы мы были сторонниками — вы и я!

— А мы и так сторонники,— она улыбнулась.— Ведь вам ничего не остается, кроме как сдаться в Порту Фредериксен.

Его чистый проигрыш отдался тошнотворным привкусом во рту.

— Безусловно, больше ничего не остается. Давайте соберем вещи и тронемся в путь.

Он повернулся довольно резко и оставил ее одну, но не мог отделаться от ощущения, что ее внимательный взгляд непрерывно сопровождает его. Казалось, он прожигал ее насеквоздь между лопатками.

Имущество, снятое с корабля, было нагружено на членов команды, которым еще предстояло дополнительно нести раненых членов экипажа на импровизированных носилках. Кроме еды, одежды, других необходимых принадлежностей, ручного оружия, боеприпасов, сделанных из пластмассовых частей погибшего корабля, щитов для защиты от стрел и копий во время возможного нападения, по настоянию Флэндри были взяты три космических скафандра.

Хейвлок отважился протестовать:

— Если капитан не возражает, мы бы их оставили? Импеллеры могли бы быть полезными для разведки ближайших окрестностей, но они не настолько хороши для дли-

тельных полетов в поле тяжести планеты, кроме того, их радиопередатчик имеет ограниченный радиус действия. И я не могу вообразить себе, что мы встретим на своем пути какое-нибудь чудовище, с которым придется воевать, одевшись в скафандры.

— Мы могли бы выбросить их за ненадобностью,— признал Флэндри,— но я надеюсь на то, что у нас появятся местные носильщики. Нам придется некоторое время тащить эти костюмы на себе.

— Сэр, люди и так уже замертво падают с ног!

Флэндри внимательно посмотрел на молодое лицо светловолосого лейтенанта.

— Вы, наверное, хотели бы упасть замертво после выстрела в спину? — довольно резко и не очень логично отпарировал Флэндри. Он перевел глаза на тяжело нагруженные, грязные, ссугулившиеся фигуры людей, за которых он был ответствен.

— Помогите-ка мне взвалить на себя костюм,— сказал он,— гражданин Хейвлок, я не намерен нести меньший груз, чем кто-либо другой.

Его команда дружно и печально вздохнула, что, казалось, было слышно сквозь моросящий, грустный дождь, но они подчинились.

Тропа, выбранная Кэтрин, оправдала самые лучшие ожидания. Сучья и гравий, смешанные с почвой — что было сделано дидонианами, как сказала Кэтрин,— создали твердое дорожное покрытие, проложенное прямо через постепенно поднимающийся лесной склон, по направлению к горным районам.

Наступали сумерки.

Флэндри заставил группу продолжать путь, освещая дорогу фонарями. Он старался не слышать иронических замечаний, раздававшихся иногда за его спиной, хотя они причиняли боль. Упала ночь, не намного прохладнее, чем день, антрацитно-черная, наполненная скрипящими звуками и отдаленными криками неизвестных животных, но люди неизменно продолжали свой путь.

После еще одного кошмарного ночного часа пути Флэндри приказал сделать привал.

В этом месте поперек тропы бежал ручей. Высокие деревья окружали и хорошо заслоняли кронами маленькую поляну. Луч света от фонаря Флэндри пробежал по кругу, выхватывая из темноты на краткий миг то лист, то глаза его команды.

— Здесь есть вода и естественная защита,— сказал он,— что вы думаете об этом месте, дорогая леди?

— Подходящее,— ответила она.

— Вы видите,— пытался он объяснить,— мы должны отдохнуть, да и рассвет скоро наступит. Я бы не хотел, чтобы нас можно было заметить с воздуха.

Она не ответила.

«Тот, кто потерял свой корабль, не достоин ответа»,— подумал он.

Люди снимали свои ноши. Некоторые из них ели всухомятку до того, как непроизвольно погрузиться в сон, присоединившись к уснувшим раньше товарищам.

Офицер медицинской службы Филипп Кейпьюнен сказал Флэндри:

— Без сомнения, капитан согласится, что он должен первым осмотреть людей. Но я буду очень занят в течение ближайшего часа или даже двух, мне необходимо постоянно быть с моими тяжелыми пациентами. Их одежда нуждается в смене, они должны применить свежие энзимы, антирадиационные пилюли, болеутоляющие средства — то есть я должен делать обычное в таких случаях дело, и мне не нужна помощь. Поэтому, сэр, вы могли бы, пока суд да дело, отдохнуть. Я позвову вас, когда закончу.

Флэндри вряд ли услышал последнее предложение, произнесенное Кейпьюненом. Он проваливался все ниже и ниже в призрачное ничто. Последнее, что он осознал,— было то, что покров, устилающий землю,— ковровая трава, как ее называла Кэтрин, несмотря на то, что в действительности это было необыкновенно разросшееся миниатюрное губчатое растение,— создавал влажный, но все равно очень приятный матрац.

Доктор разбудил его легким потряхиванием, как и обещал, через два часа, и предложил ему стимулирующую таблетку. Флэндри жадно проглотил ее. Хорошо еще было бы попить кофе, но он не осмелился разрешить развести костер. Он обошел поляну, нашел удобное место между двумя огромными корнями какого-то дерева и сел, расслабившись, прислонив спину к стволу. Дождь прекратился.

Украдкой приблизился дидонианский рассвет. Казалось, что свет как-то конденсируется в теплом слоистом воздухе, капля за каплей, как обычно конденсируется туман, чьи щупальца ощупью ползли по одежде спящих.

Если не считать журчания ручья и звука падающих с листвы капель предрассветного дождя, недавно еще моросившего, на земле царило глубокое молчание.

Раздались шаги.

Флэндри начал вставать, уже наполовину вытащил свой бластер из кобуры.

Когда он увидел ее, он быстро спрятал свое оружие и внутренне перекрестился. Его сердце екнуло.

— Дорогая леди. Что... что заставило вас встать в такой ранний час?

— Не могла заснуть. Слишком много мыслей в голове. Вы не возражаете, если я присоединюсь к вам?

— Какие могут быть возражения?

Они сели рядом. Он так изменил свое положение, что вроде бы было естественным, чтобы он смотрел на нее.

Некоторое время она смотрела в джунгли. Физическое измаждение заставило ее глаза ввалиться и сделало ее губы бледными.

Неожиданно она повернула голову к нему.

— Поговорите со мной, Доминик Флэндри,— попросила она умоляющим тоном.— Я думала о Хаге... о том, насколько я могу надеяться вновь встретиться с ним... Могу ли я быть с ним? Не будет ли произшедшее со мной вечно стоять между нами?

— Я уже говорил вам,— «целую космическую эпоху назад», подумал про себя Флэндри,— что если он позволит...

ну, хорошо,— такой девушке, как вы, уйти, в любом случае,— он идиот.

— Благодарю,— она слегка наклонилась и пожала его руку. Он еще очень долго чувствовал это рукопожатие:

— Мы с вами будем друзьями? Друзьями, называющими друг друга на ты?

— Мне бы очень хотелось этого.

— Нам следует устроить по этому поводу небольшую церемонию, как это принято у нас на Эйнисе,— ее улыбка была грустной.— Выпьем бокал хорошего вина и...— но это попозже, Доминик, попозже.

Она поколебалась.

— В любом случае, война для вас закончена. Вас интернируют. Это вовсе не означает тюремное заключение; видимо, это будет обычное жилье в Новом Риме. Я буду навещать вас, когда у меня будет такая возможность, буду приводить с собой Хага, когда он будет свободным от дел. Может быть, нам удастся уговорить вас присоединиться к нам, чего я искренне желаю.

— Сначала нам нужно добраться до Порта Фредериксен,— сказал он, не осмеливаясь сказать ничего, кроме банальности.

— Да,— она наклонилась вперед.— Давай обсудим это. Я уже сказала тебе, что нуждаюсь в общении. Бедный Доминик, ты спас меня от плена, потом от смерти, теперь тебе предстоит спасти меня от моих личных переживаний и ужасов. Давай поговорим о деле.

Он встретил взгляд ее зеленых глаз на широком волевом лице.

— Хорошо,— сказал он,— это весьма капризная, причудливая, странная планета, не так ли?

Она кивнула.

— Поначалу наши ученые мужи думали, что эта планета должна была пойти по пути развития Венеры, но оказалось, что с ней столкнулся гигантский астероид. Силой удара была сорвана значительная часть ее атмосферы, но остался все-таки достаточно тонкий ее слой, необходимый для того, чтобы продолжалась химическая эволюция, непохо-

жая на земную,— фотосинтез и прочие процессы, присущие Земле, хотя те аминокислоты, которые образовались, к счастью, были, главным образом, право-, а не левовращательного типа. Это столкновение с астероидом создало также очень сильный аксиальный параллакс и, может быть, привело к быстрому обращению планеты вокруг оси.

Благодаря этим факторам океаны не настолько инертны, как можно было бы предположить для мира, лишенного луны, и штормы, которые возникают, очень яростные.

На этой планете еще далеко не закончилась тектоническая активность — и это не удивительно, не так ли? Похоже, что это объясняет, почему мы не нашли даже следов прежних ледниковых периодов, но в изобилии обнаруживаем следы целых эпох ненормального перегрева и засух. Однако никто не уверен полностью в правильности сделанных выводов о развитии этой планеты. На протяжении многих поколений мы всего-навсего только бросаем случайный взгляд на ту или иную тайну природы. А здесь мы имеем целый загадочный мир перед собой, Доминик.

— Мне это очень хорошо понятно,— сказал он.— А есть здесь области, пригодные для жизни человека?

— Не очень много. Слишком тепло и слишком сырь. Некоторые высокогорные и приполярные районы не настолько плохи, как этот, а в Порту Фредериксен ты буквально наслаждаешься ветрами, порождаемыми холодным течением. Тропики могут убить тебя за несколько дней, если ты не защищен подобающим образом. Нет, мы ни в коем случае не хотели бы колонизировать эту планету, она интересна только для познания нового. Так или иначе, она принадлежитaborигенам.

Ее тон стал внезапно вызывающим:

— Когда Хаг станет императором, он проследит, чтобы у всехaborигенов было самостоятельное развитие.

— Если ему когда-нибудь удастся стать им,— было похоже на то, что кто-то чужой управляет мозгом Флэнди и заставляет его задавать определенные вопросы:

— Почему он пригласил варваров?

— Ему совершенно необходимо было куда-то поехать

лично, и поэтому они потребовались ему для охраны Вёрджаила,— она посмотрела в сторону.— Я спросила двоих из твоей команды, которые наблюдали за экранами обзора во время атаки, как выглядел нападавший корабль. Это были дартане, если верить их описаниям. Не так, чтобы очень враждебная раса.

— Ровно на столько, насколько им не дают возможности быть самими собою! Мы непрерывно посылали сигнал «мир», тем не менее, они открыли огонь.

— Они... хорошо, дартане всегда действуют именно так. Их культура такова, что им очень трудно поверить в призыв к перемирию, они всегда подозревают в нечестности. Хаг вынужден был взять то, что он мог достать в спешке. После того, что произошло, какой был резон сообщать им, что кто-то может прибыть для переговоров? Хаг тоже смертен! Он не может думать сразу обо всем!

— Да, это действительно так, моя дорогая леди,— сказал Флэндри совершенно упавшим тоном.

Легкий шелест пронесся по лесу. Кэтрин подождала с минуту, прежде, чем сказать спокойно:

— Ты знаешь, ты почему-то еще ни разу не назвал меня по имени.

Он ответил, внутренне совершенно опустошенный:

— Как я могу? Из-за того, что я натворил, погибли люди.

— О, Доминик! — слезы буквально брызнули из ее глаз. Он сам с трудом сдерживался, чтобы не расплакаться.

Они обнаружили, что стоят друг перед другом на коленях, его лицо спрятано у нее на груди, его руки обвиты вокруг ее талии, а ее левая рука обнимает его шею, ее правая рука гладит его волосы, и он дрожит.

— Бедный Доминик,— прошептала она.— Я знаю. Как хорошо я это знаю. Мой муж тоже капитан. Погибло больше кораблей, больше людей, чем ты можешь себе представить. Как часто я видела его читающим сообщения о катастрофах и потерях. Я никому не рассказывала, как он приходил ко мне, закрывал за собой дверь, так чтобы никто не мог видеть, как он плачет. Он также совершал ошибки, ко-

торые приводили к гибели людей. Какой командир не совершил их? Но кто-то должен брать на себя ответственность за командование. Это и твоя обязанность. Ты лучше всех способен правильно оценивать ситуацию, принять решение и перейти к действиям, и в течение длительного времени ты был на высоте, и нечего оглядываться назад. Не нужно делать этого, ты не должен. Доминик, не мы придумали это кровожадное пространство. Мы только живем в нем, должны пытаться выжить.

Так кто же сказал, что ты действовал неправильно? Твоя оценка сложившейся обстановки была совершенно оправдана. Я не думаю, что любой следственный отдел сможет в чем-либо обвинить тебя. Если Хаг не смог предвидеть того, что ты прилетишь со мной, то как же ты можешь все предвидеть? Доминик, посмотри на меня, улыбнись, Доминик.

В это мгновение ослепительный, дьявольски яростный свет ударили сквозь листву с восточной стороны. Через несколько секунд воздух заревел, и вызывающая тошноту вибрация сотрясла землю.

Люди повскакивали на ноги. Флэндри и Кэтрин резко разъединили свои объятия.

— Что это? — крикнул Сааведра.

— Это,— закричал Флэндри в поднявшийся вихрь,— был второй корабль варваров, который позаботился о нашем эсминце.

Через минуту они услышали сильный, громоподобный удар, созданный большой массой, приближающейся на сверхзвуковой скорости. Этот звук превратился в непереносимый свист и постепенно затих. Порыв ветра постепенно замер, и вспугнутые стаи птиц шумными кругами возвращались на свои насесты.

— Мощная боеголовка,— догадался Флэндри.— Они имели цель убить все живое в радиусе нескольких километров.— Он подержал мокрый палец на свежем предутреннем ветре.— Осадки выпадут в восточном направлении; у нас нет причин для беспокойства. Я бесконечно рад, что мы сумели отойти достаточно далеко еще вчера!

Кэтрин сжала обе его руки.

— Ты сам принял такое решение и сам сделал это, Доминик,— сказала она.— Может быть, это заставит тебя успокоиться?

Но в действительности это не произошло. Однако Кэтрин дала ему смелость подумать: «Очень хорошо. Ничего не изменится, если только предаваться идеалистическим размышлениям. Мертвые останутся мертвыми. Моя задача состоит в том, чтобы спасти живущих... и потом, если вообще будет это потом, применить все свое хитроумие для того, чтобы мои начальники не обвиняли меня слишком серьезно.

Без сомнения, совесть будет грызть меня. Но, может быть, я узнаю, как отделаться от этого. Офицер, служащий Империи, бывает гораздо полезнее, если у него нет совести».

— Всем оставаться на своих местах,— сказал он.— Мы проведем весь следующий период обращения планеты здесь, для восстановления сил, а потом отправимся дальше.

IX

Лес внезапно расступился, и показалось свободное от зарослей пространство.

Выйдя из леса, Флэндри увидел стройные ряды явно посаженных кустов. С трех сторон ферма была зажата джунглями, четвертая ее сторона опускалась в долину, наполненную испарениями. До этого на протяжении шести дидонианских дней путешествия им все время приходилось идти слегка в гору.

Флэндри не сразу заметил живых существ.

— Стой! — рявкнул он. Бластер оказался в его руке. «Стадо носорогов?» — подумал он.

Нет... не совсем похоже... нет, конечно же. Африканский заповедник лорда советника Мулеле лежал на отдалении 200 световых лет.

С полдюжины животных, которые представали перед

Флэндри, имели размер и общие очертания носорога, хотя их почти безволосая ярко-голубая шкура была скорее гладкой, чем складчатой, и хвосты отсутствовали. Но плечи каждого существа простирались в обе стороны, образуя довольно своеобразные платформы. Уши были большими и похожими на веер. Череп поднимался высоко над парой глаз-шариков и поддерживал рог, служащий конечным удлинением носа, внизу было расположено рыло, рот казался забавно мягким и чрезмерно подвижным. Рог совершенно менял впечатление от этого существа, будучи большим эбеново-черным лезвием с зазубренной задней кромкой.

— Подожди, Доминик! — Кэтрин поспешила присоединиться к нему.— Не стреляй. Это же ноги*.

— Да? — он опустил оружие.

— Это наше слово. Люди не способны произнести какое-либо дидонианское слово.

— Ты имеешь в виду, что они... — Флэндри приходилось встречаться с любопытными формами аборигенов, но — никто из них не был без какого-либо эквивалента рук. Какой прок может быть от разумности, если нет возможности активно воздействовать на окружающую среду?

Подойдя поближе, он увидел, что эти животные не были пасущимися. Двое трудились в углу поля, выкорчевывая пни, пока третья катило обработанное бревно по направлению к строению, крыша которого виднелась над вершиной холма. Четвертое тащило огромный деревянный плуг попереck вновь освоенного участка земли. Пятое шло сзади, причем его упряжь позволяла ему управлять идущим впереди. Пара более мелких существ сидела на его плечах. Но эта группа была расположена на некотором отдалении, и трудно было рассмотреть детали сквозь слегка затуманенный воздух. Шестое, расположенное вблизи Флэндри, питалось не иначе, как выбирая сорную траву среди кустов, посаженных на возделанной плантации.

— Пошли! — Кэтрин поспешила вперед быстрой походкой, как будто бы и не было у нее тяжело нагруженного рюкзака за плечами.

* У автора: «nogas».

Их путешествие было непрекращающимся дневным и ночным трудом. На стоянках он и она были слишком заняты — они были единственными, кто имел опыт выживания в дикой местности — для мало-мальски содержащего разговора, перед тем, как они могли заснуть. Но они были вознаграждены; не способные к тому, чтобы непрерывно сетовать на свою судьбу, они стремились как-то улучшить свое положение и положение своих спутников. Теперь стремление быть полезной сделало Кэтрин вдруг настолько привлекательной, что Флэндри окончательно перестал осознавать, что происходит вокруг. Она стала единственной, кого он хотел знать, он превратился в солнцепоклонника.

— Привет! — она остановилась и подняла руки.

Ноги остановились тоже и слегка скосили свои телячьи глазки. Их носы и уши дернулись, напряженно вслушиваясь и внюхиваясь в сырой, слоистый, теплый воздух.

Флэндри вернулся к действительности. Они ведь могут атаковать ее.

— Оружие к бою! — скомандовал он тем из его команды, кто имел оружие.

— Полукругом за мной. Остальным прикрыть выход тропинки из леса.

Он побежал к Кэтрин.

Послышался звук хлопающих крыльев. Существо, которое до этого парило, едва видное среди облаков, расположенных очень низко, упало прямо на шестую ногу.

— Криппо*, — Кэтрин сжала руку Флэндри. — Мне надо было бы рассказать тебе заранее. Теперь наблюдай. Это бесподобно.

Ноги были, предположительно, млекопитающими, что было видно по наличию соответствующих органов: различия полов были совершенно очевидны, у женских особей имелось вымя. Криппо напоминало птицу... Но было ли это существо птицей? Тело его было сравнимо по размерам с большим гусем, покрыто серыми перьями сверху и белыми снизу, имелась голубая кайма вокруг шеи, на концах

* У автора: «krippo», от русского «крыло».

крыльев и длинного треугольного хвоста. Когти были сильными, предназначенными для того, чтобы хватать и нести добычу. Шея была довольно длинной и поддерживала голову, которая гротескно расширялась спереди назад. Лицо этого существа, казалось, состояло главным образом из двух огромных топазовых глаз. И оно не имело клюва, только красный хрящевидный отросток.

Криппо приземлился на правое плечо ноги. Он вытянул свой длинный язык из хрящевидного отростка. Флэндри заметил на каждой стороне ноги образование, как раз ниже каждой платформы. Правое образование было развернуто и оказалось, предположительно, частью щупальца, длиною более двух метров, когда оно было полностью вытянуто. Вытянутый эквивалент криппо, «язык», вошел в сфинктер на конце вытянутого щупальца ноги. Связанные, два организма затрусили по направлению к людям.

— Им еще не хватает руки*, — сказала Кэтрин, — постой, подожди.

Нога, который шел за плугом, замычал.

— Это создание зовет руку. Собственная рука хиша должна распрачь хиша прежде, чем хиш сможет подойти к нам.

— Но остальные... — Флэндри показал. Четыре ноги стояли спокойно там, где они стояли.

— Будь спокоен, — сказала Кэтрин. — Без партнеров они являются тупыми животными. Они не будут ничего предпринимать, кроме, может быть, своего рода заученной работы, которую они выполняли до получения сигнала от полного создания, хиша... ну вот, появилась рука.

Новое животное спустилось с дерева и спешило вприпрыжку по бороздам пашни. Оно в меньшей степени было аналогом обезьяны, чем нога — аналогом носорога или же криппо — аналогом птицы. Однако земляне склонялись к мысли, что лучше всего для понимания местных взаимоотношений применять именно такие названия.

Когда новое существо стояло в полный рост, оно было высотой около метра; оно должно было использовать свои

* У автора — «рука».

короткие, кривые ноги для жизни на деревьях, по желанию, а сейчас оно бежало на четвереньках, и каждая из четырех ног оканчивалась тремя хорошо развитыми хватающими пальцами. Хвост был цепким. Грудь, плечи и руки были не-пропорционально большими, гораздо большими, чем у человека; и кроме того, в дополнение к трем пальцам они имели настоящий большой палец. Голова была также массивна, кругла, с ушами круглого очертания и с яркими коричневыми глазами. Так же, как и криппо, это животное не имело рта или носа, а простую трубку с отверстиями, напоминающими ноздри. Это животное было покрыто черными волосами, кроме тех участков, где были уши, окончания конечностей, а складчатая сумка на шее показывала голубую кожу. Оно — он — был мужской особью. Он носил пояс, на котором висели сумка и железный кинжал.

— Это и есть дидонианин? — спросил Флэндри.

— Это рука,— ответила Кэтрин,— одна треть дидонианина.

Животное подошло к ноге, который был ближе всего к людям, взобралось на левое плечо, устроилось рядом с криппо и вытянуло свой «язык» для того, чтобы соединить его с оставшимся «щупальцем».

— Ты видишь,— сказала быстро Кэтрин,— мы обычно никак их не называем по именам. На большей части дидонианских языков, живые существа называют три части дидонианина, откликающиеся на простые названия, словами, грубо соответствующими английским словам «ноги», «крылья», «руки». В некоторых случаях, при переводе на английский язык, происходили недоразумения. Поэтому, так как эйнисианские диалекты содержат некоторое количество русских слов, мы остановились на названиях «нога», «криппо», «рука», написанных латинским шрифтом.

Создание из трех существ остановилось в нескольких метрах от землян.

— Опусти оружие, Флэндри. Хиш не причинит никому зла.

Она пошла навстречу ему. Флэндри последовал за ней, слегка изумленный.

Симбиотические взаимоотношения были неизвестны ему. Наиболее эффектный пример, отдаленно напоминающий то, что он увидел здесь, он встретил однажды среди тогрукон-танакхов на Вэнриджен. Там гориллоид обеспечивал руки и их силу; маленький, заключенный в крепкий панцирь партнер обладал разумностью и острыми глазами; разъемные органы, которые их связывали, содержали клетки для соединения двух нервных систем в одну. Вполне вероятно, что эволюция на Дидо пошла по аналогичному пути.

«Но, слава богу, в сторону от удручающего конца! — подумал Флэндри.— В сторону от той точки, когда два маленьких панцирника даже вовсе не едят, но высасывают кровь из большого животного. Господи, как ужасно. Это вам не пиршество из ломтиков телятины с перчиками, а скорее рыба, зажаренная в первородном грехе...»

Он и Кэтрин остановились перед аборигеном. Легкий конский аромат, который не был неприятным, доносился вместе с легким, слегка прохладным ветерком.

Флэндри стал раздумывать, на какую пару глаз нужно смотреть.

Нога хрюкнула. Криппо стал с силой пропускать воздух сквозь свои ноздри, внутри которых должны были быть некоторые подобия струн и резонирующей камеры. Рука надул свой нашейный кожистый мешочек и произвел удивительное разнообразие звуков.

Кэтрин слушала внимательно.

— Я не специалист в этом языке, — сказала она, — но, похоже, что они говорят на языке, родственном языку, распространенному вокруг Порта Фредериксен, поэтому я смогу уследить за ходом рассуждений вполне сносно. Имя хиша — Хозяин Песен, хотя понятие «имя» имеет у них неверные сопутствующие значения... — она произнесла несколько звуков. Флэндри уловил несколько английских слов, но не смог понять, что она сказала.

«Я думаю, что все дидониане слишком чужеродны для

того, чтобы выучить человеческий язык,— подумал он.— Ксенологи должны были выработать различные синтетические языки, аналогичные старому, добруму пиджину, англо-китайскому сленгу, соответствующие различным лингвистическим группам: тут дело доходит до звуков, которые может создавать человеческий надгортанный хрящ при быстром вращении, до некоторых семантических узоров, которые доступны для понимания дидонианам».

Он вновь посмотрел на Кэтрин с восхищением.

«Какие нужно иметь мозги, чтобы освоить все это!»

Три голоса отвечали ей одновременно.

«Невозможность для человека говорить на языке дидониан не может быть просто следствием анатомии гортани и рта,— понял Флэндри. — Голосовой преобразователь справился бы с этой проблемой. Нет, тут дело гораздо сложнее, структура их языка основана явно на многоголосой полифонии, контрапункте».

— Хиш не знает пиджина,— сказала ему Кэтрин,— но Открыватель Пещер знает. Они соберут такого хиша для нас.

— Хиша?

Она рассмеялась.

— Как правильно произносить название этого существа — разве это имеет существенное значение в нашем положении? Некоторые из здешних культур настаивают на вполне определенном распределении полов среди существ, образующих создание — хиш. Но для большинства пол не имеет значения, здесь играют роль порода существа и его индивидуальные способности, и они образуют создания, состоящие из таких комбинаций отдельных существ, которые кажутся наиболее подходящими в тот или иной момент времени. Поэтому мы называем партнерство этих существ полным, или состоящим из двух существ, «хиш». И мы ни при каких обстоятельствах не склоняем это слово.

Криппо взлетел, изо всех сил взмахивая крыльями. Рука осталася там, где сидел на ноге. Но впечатление было такое, как будто бы свет потускнел. Двое оставшихся существ

некоторое время смотрели на людей, потом рука начал почесываться, а нога — ощипывать листву.

— Необходимо иметь три существа для того, чтобы разум был полным, — сделал заключение Флэндри.

Кэтрин кивнула.

— Но, вообще говоря, необходимо разобраться. Руки имеют наиболее развитый мозг. Сам по себе, отдельно взятый рука очень напоминает земного шимпанзе. Я правильно назвала — это наиболее смышленый земной человекообразный? И нога, будучи один, тоже довольно туп. Однако создание из трех существ может думать так же хорошо, как ты или я. Но, может быть, и лучше, если в этой области возможны какие-либо сравнения. Мы все еще пытаемся найти достоверные способы проверки и инструментальных измерений их ментальной активности.

Она нахмурилась.

— Скажи ребятам, чтобы они спрятали свое оружие. Мы находимся среди доброго народа.

Флэндри прислушался к ее предложению, но оставил свою команду на тех же местах. На тот случай, если все-таки начнется что-нибудь непредвиденное, ему хотелось бы, чтобы тропа, ведущая в лес, была прикрыта его людьми. Там лежали раненые на носилках.

Другой партнер закончил разъединение с плугом — расхинился, если следовать местному диалекту. Земля задрожала от галопа ноги хиша; криппо и рука должны были удерживаться изо всех сил!

Кэтрин обратилась к этому дидонианину, когда хиш приблизился, но также безрезультатно, хотя она получила какой-то ответ. Это она перевела следующим образом:

— Встретьтесь с Опытным Землепашцем, который знаком с вашей расой, несмотря на то, что ни одно из существ, слагающих этого хиша, не знает пиджина.

Флэндри потер подбородок. После того как он последний раз применил энзимы, препятствующие росту бороды, кожа на подбородке все еще была гладкой, но он внутренне пожалел об эффекте тощего моржа, который создавали его усы.

— Я понял,— сказал он,— что эти индиви... хм, существа, обитают в округе и время от времени образуют, хм, создания, естественные умственные способности которых оптимальны для того, что предстоит сделать?

— Да. Это обстоит именно так в большинстве культур, которые мы изучили.

«Опытный Землепашец», очевидно, означает именно то, что подразумевается под этим именем,— одаренный фермер. В других комбинациях существа, слагающие хиша, могут образовать выдающегося охотника, ремесленника, музыканта или еще кого-то. Вот почему им нет необходимости иметь большое население для поддержания необходимого разнообразия специалистов в объединении.

— Ты сказала «объединение»? Я правильно расслышал?

— В данных условиях это представляется более точным названием, чем «община», не так ли?

— Но почему тогда каждый не знает всего того, что знают все остальные?

— Хорошо, обучение новому, похоже, происходило для нашей расы гораздо проще, чем для этой, но оно никогда не было мгновенным. Следы, оставленные в памяти новым знанием, должны были время от времени обновляться для того, чтобы они не исчезли вовсе; практические навыки должны были приобретаться путем постоянного труда. Каждый отдельный мозг содержит информацию о некоторых образах того, что нужно запомнить, и о приобретенных навыках. Например, ноги имеют знания в области ботаники, потому что они травоядные животные; руки, имеющие хватящие конечности, имеют в постоянной памяти информацию о ремеслах; криппо запасают метеорологическую информацию и сведения из географии. В действительности, конечно, все это не так просто. В каждом отдельном существе сосредоточена некоторая информация и о другой породе — мы предполагаем, что эти общие знания относятся, главным образом, к языку. Так или иначе, я думаю, Флэндри, что ты ухватил основное.

— Тем не менее...

— Разреши мне закончить, Доминик.

Кэтрин излучала такое воодушевление, какое Флэндри никогда не приходилось видеть ни в одной женщине раньше.

— Теперь о культуре. Дионианское общество так же разнообразно, как и земное. Некоторые культуры допускают, чтобы создания образовывались случайным образом. В результате этого каждое отдельное существо узнает от других гораздо меньше, чем могло бы, так как у него постоянно недостает внимания; эмоциональная и интеллектуальная жизнь поверхностна; группы остаются на ранней стадии дикости. Некоторые другие культуры очень строго подходят к вопросу о взаимоотношениях отдельных существ. Например, существа, слагающие создание, часто принадлежат друг другу непрерывно до самой смерти одного из членов объединения. Исключения при этом составляют временные связи с подрастающим поколением для его обучения. У этих обществ наблюдается тенденция к более интенсивному технологическому развитию, но они все равно остаются на уровне земного каменного века и очень бедны в эстетическом плане. Ни в одном из случаев диониане не реализуют своего полного потенциала.

— Понимаю,— протяжно сказал Флэндри.— Плейбой против пуритан.

Она моргнула, потом усмехнулась.

— Это, как тебе нравится. В любом случае, большая часть культур — как и та, которая перед нами, совершенно очевидно,— пошла по наиболее правильному пути. Каждое существо принадлежит к нескольким устойчивым созданиям, разделяя свое время приблизительно в равных пропорциях между ними. Благодаря такому пути развития эти создания порождают настоящие личности, широко образованные, но при этом каждая имеет максимум таланта в специализации хиша. Кроме того, иногда образуются менее развитые создания, по мере необходимости.

Она посмотрела на небо.

— Я думаю, что совсем скоро для нас создадут Открывателя Пещер,— сказала она.

Два крипто кругами спускались вниз. Один из них,

предположительно, принадлежал Хозяину Песен, другой — Открывателю Пещер, хотя Флэндри не сумел бы различить, кто есть кто. По всей вероятности, Хозяин Песен и Открыватель Пещер имели ногу и руку в общем пользовании.

Та птица, которая летела первой, заняла свое место на платформе ноги. Та, которая ее сопровождала, улетела в поисках ноги для себя. Все больше криппо появлялись над деревьями, все больше рук высакивало из леса или из дома.

«У нас тут скоро образуется обычное собрание городских жителей», — предположил Флэндри то ли в шутку, то ли всерьез.

Он направил все свое внимание на Кэтрин и Открывателя Пещер. Между ними завязывался диалог. Поначалу он продвигался с трудом, неуверенно, так как никто из этого объединения не знал пиджина, либо не использовал его в течение многих лет, и, кроме того, язык этого района не был в точности похож на тот язык, на котором говорилиaborигены, живущие вокруг Порта Фредериксен. Через некоторое время беседа приобрела уверенность.

Остальная часть населения этого объединения приблизилась и наблюдала, слушала и получала разумную интерпретацию происходящего разговора — за исключением тех, кто был в это время на охоте или занимался другим промыслом. Все это Флэндри узнал позже.

Создание приблизилось вплотную к нему. Рука спрыгнула и приблизилась, волоча через плечо свою толстую «пуповину», соединяющую его с ногой. Голубые пальцы ощупали одежду Флэндри и попытались расстегнуть кобуру его бластера для удовлетворения любопытства. Человеку не хотелось позволять это, даже если учесть, что оружие было переведено на предохранитель, но Кэтрин могла бы обидеться в случае резкого отказа.

Сняв свой самодельный рюкзак, он высыпал его содержимое на землю. Это сразу позволило найти занятие для рук нескольких любопытных созданий. После того как он увидел, что они ничего не крадут и ничего не ломают, Флэндри сел на землю и позволил своему сознанию свобод-

но блуждать в пространстве до тех пор, пока оно снова не вернулось к Кэтрин и с ней осталось.

Прошел час или около этого, короткий дидонианский день клонился к закату, когда она, наконец, подозвала его взмахом руки.

— Они рады встретить нас, готовы оказать необходимое гостеприимство,— сказала она,— но у них серьезные сомнения насчет возможности помочь нам перебраться через горы. Жители тех мест очень опасны. Кроме того, сейчас очень напряженный период в лесу и на полевых работах. В то же время это объединение, безусловно, приняло бы плачу, которую я обещала, такими вещами, как огнестрельное оружие, хорошие стальные инструменты. Они создадут того, кого они называют Много Мыслей, и попросят этого хиша ответить на все наши вопросы. А пока нас просят остаться.

Лейтенант Кейпьюнен был особенно рад этому приглашению. Те медицинские препараты, которые у него были, позволяли предохранить его пациентов от ухудшения самочувствия, но напряженное путешествие не позволило ему заметно улучшить их здоровье. Если бы ему удалось остаться здесь с ранеными, пока остальные не приведут помочь — Флэндри согласился на это. Предстоящий переход мог привести к новым ранениям, но если это неизбежно, то их все-таки должно быть как можно меньше.

Все вместе направились к дому. Люди чувствовали себя карликами среди тяжело двигающихся больших созданий, окруживших их; все, кроме Кэтрин.

Она смеялась и весело болтала всю дорогу.

— Это для меня — как будто бы возвращение домой,— говорила она своим спутникам.— Я уже почти забыла, насколько интересна исследовательская работа на Дио и как я,— да, действительно,— люблю эти создания.

«Оказывается, в тебе много нерастраченной способности любить»,— подумал Флэндри. Он подумал также, что это весьма достопримечательный знак, которым он непременно воспользовался бы, если речь шла о какой-нибудь другой

девушке; но относительно Кэтрин он вдруг почувствовал прилив робости.

Когда они дошли до гребня холма, они увидели противоположный склон. Земля на некотором расстоянии понижалась, потом снова повышалась, образуя естественное укрытие для места, удобного для жилья. Искусственные каналы, отведенные от основного русла реки, должны были предохранять от наводнений. На некотором удалении над деревьями возвышалась голая скала, устремленная в облака. Оттуда доносился рокот главного водопада.

Кэтрин показала в ту сторону:

— Они называют этот район Гремящий Камень,— сказала она,— среди прочих особенностей здешней культуры есть та, что они ближе подошли к присвоению постоянных имен различным местам, в отличие от своих сородичей.

Жилое строение состояло из бревенчатого здания, покрытого выложенной торфом крышей; оно было окружено грубо обработанной стеной короля*, ограничивающей дворик, защищенный от наносов ила, которые создавались дождями. Большая часть строений была похожа на хижины, сараи. Самым большим был длинный дом, довольно симпатичный по архитектуре, с резными украшениями и весьма впечатительных размеров.

В первую очередь Флэндри обратил свое внимание к коралю. Молодые особи всех трех существ, составляющих хиша, заполнили его, сопровождаемые четырьмя взрослыми каждого из существ. Взрослые образовывали пары в различных комбинациях, а третьей была молодая особь. Другие молодые существа бродили поблизости, дремали или питались. Коровы ухаживали за телятами ноги — две довольно взрослые ноги доили женскую особь ноги, один нога был мужской особью, вторая нога — яловой, и они, в свою очередь, были буквально облеплены маленькими пушистыми руками и только что оперившимися птенцами криппо.

— Школа? — спросил Флэндри.

— Это можно было бы назвать так,— ответила Кэтрин.— Первичные ступени обучения и развития. Это слишком важный процесс для того, чтобы они позволили себе

* Загон для домашних животных.

прерваться и уделить время нам; по крайней мере, неполное создание не тронется с места. Пока молодые подрастают, они постепенно начнут сами образовывать создания. Но в конце концов, как правило, они заменят те существа, которые умерли, причем принадлежность существа к тому или иному созданию определяется заранее.

— Вот это да! Если бы юность знала, если бы старость могла! Похоже, дидониане решили эту проблему.

— И, вдобавок, частично обыграли смерть. Конечно, через несколько поколений данная личность полностью превращается в практически новую личность, и значительная часть тех знаний, которые были получены в самом начале, будет потеряна. Но так как процесс медленный, то неразрывность сохраняется — ты понимаешь, почему они буквально завораживают нас?

— Действительно. У меня, видимо, не тот темперамент, чтобы стать ученым, но ты заставила меня поверить, что я смог бы им стать.

Она серьезно посмотрела на него.

— В своем роде, Доминик, ты не в меньшей степени философ, чем все профессионалы, которых я знала.

«В моей команде собирались довольно вежливые люди,— подумал он,— и они не сомневаются в моей лояльности, точно так же, как и в моем лидерстве, но в данный момент мне бы более всего хотелось, чтобы они и их большие развесистые уши были отсюда эдак парсеков за десять».

Двери и оконные ставни сторожки были настежь открыты, что сделало ее внутренние помещения более светлыми и более прохладными, чем ожидал Флэндри.

Пол представлял собой обожженную открытым огнем глину, смешанную с незасохшими ветками. Фантастически вырезанные опорные столбы и стропила поддерживали крышу. Стены были занавешены шкурами, грубо вато сотканными gobelenами, инструментами, оружием, а также предметами, которые были, по предположению Кэтрин, священными. Между столбами и стропилами были построены стойла для ног, настеньки для криппо, скамейки для рук. Немного повыше располагались факелы в незамысловатых канделяб-

рах, для ночного освещения. В нишах горели костры; меха, сделанные из кож каких-то животных, натянутых на деревянные рамы, помогали выдувать дым через вентиляционные отверстия. Детеныши, телята и птенцы, еще слишком маленькие для обучения, гомонили без остановки, как полагается юным существам их возраста.

Существа, которые были, должно быть, слишком старыми или больными для повседневного тяжелого труда, спокойно обитали в центральной части дома. Внутреннее помещение дома представляло собой одну очень большую комнату. Уединение, частная жизнь были, безусловно, идеями, которые дидониане буквально неспособны себе представить.

Но какие идеи приходили к ним и навсегда оставались за пределами людского понимания?

Флэндри показал жестом на шкуру:

— Если они являются травоядными, наши большие приятели, то почему они охотятся? — удивился он.

— Продукты животного происхождения,— сказала Кэтрин,— кожа, кости, сухожилия, жир...тише!

Процессия остановилась перед насестом, на котором сидел старый криппо. Измощденный, с поврежденным крылом, он тем не менее напоминал Флэндри орла. Каждая нога склонила свой рог перед ним. Летун, принадлежавший Открывателю Пещер, поднялся со своего места и перелетел на свой насест. Оставшийся нога предложил патриарху освободившийся щупалец. Тот произвел соединение. Его глаза повернулись к людям и весело заблестели.

— Его зовут Много Мыслей,— прошептала Кэтрин, склонившись к Флэндри.— Он самый мудрый в этом объединении. Хишу требуется около минуты, чтобы переработать то, что передали ему существа.

— А что, партнеры этой птицы принадлежат каждому выдающемуся гражданину?

— Тихо, Флэндри, не так громко. Я не знакома с местными обычаями, но кажется, они питают особое уважение к Много Мыслей... Хорошо, ты, естественно, мог бы предположить, что существа с лучшим генетическим наследством должны быть в лучших созданиях, не так ли? Я догадыва-

юсь, что Открыватель Пещер является исследователем и любителем приключений.

Хиш впервые встретил людей, когда он наткнулся на лагерь ксенологов, располагавшийся приблизительно в 200 километрах отсюда. Много Мыслей имеет энергию и смелость той же самой ноги и той же самой руки, но то, что происходит сейчас в хише, является темной тайной чужой души... Ага, я думаю, что теперь хиш готов. Я повторю ту информацию, которая ушла вместе с прежним криппо.

Этот разговор продолжался далеко за полночь. Были зажжены факелы, подброшены поленья в костры, началось приготовление еды в каменных горшках. Несмотря на то что ноги могли пытаться только растительной пищей, они предпочитали более концентрированную и более богатую вкусовыми ощущениями еду, когда представлялась возможность достать ее.

Еще несколько дидониан вернулись домой из леса, освещая свой путь люминесцирующими лишайниками. Они принесли с собой корзинки, наполненные съедобными корнями. Без сомнения, охотники и сборщики провизии были далеко от дома в течение многих дней. Сторожка наполнилась жужжанием, гудением, звуками мелодичными, как звуки флейты, бормотанием и покашливанием.

Флэндри и его команде было довольно трудно отваживаться любопытствующих от раненых членов экипажа так, чтобы это не выглядело недружественно.

Наконец, Кэтрин сделала наилучшую имитацию жеста почтительности, на которую она только была способна, и стала разыскивать своих попутчиков.

В неустойчивом свете факелов и костров, отбрасывающем красные блики по стенам и лицам, ее глаза и волосы казались бриллиантами в дорогой оправе среди неясных теней.

— Это было не очень простым делом,— сказала она с энергией, все еще бьющей через край,— но я уговорила хиша на это. У нас будет сопровождение — естественно, очень немногочисленное, но все-таки сопровождение, проводники

и носильщики. Я думаю, что мы сможем отправиться в путь в течение ближайших сорока — пятидесяти часов... домой!

— Это ваш дом,— прорычал на низкой ноте чей-то голос.

— Заткни свой люк,— приказал Флэндри.

X

Много веков назад блуждающая планета прошла вблизи Бета Крукаса. Миры, лишенные центрального светила, не так уж редки во вселенной, но в ее безбрежности, неограниченности встреча такой планеты со звездой является довольно редким событием. Этот шар пролетал мимо и был захвачен с гиперболической орбиты. На этой планете, приблизительно по размерам равной Земле, полностью испарилось все, что может испаряться на самой ранней стадии развития. Потом, по мере того как внутреннее тепло постепенно иссякло, атмосфера замерзла. Огромное голубое солнце расплавило океаны и превратило замерзшие газы снова в жидкость, а потом в пар.

В течение долгих лет господствовала ужасная, яростная стихия. Постепенно межзвездный холод смог восстановить свою власть, и со временем происшедшая встреча блуждающей планеты со звездой уже не имела значения. Однако сложилось так, что эта встреча произошла в старые, добрые, но довольно крутые дни Полесотехнической Лиги, и это явление было замечено теми, кто увидел совершенно непредсказуемое счастье, которое могло быть поймано с его помощью.

Синтез изотопов всегда был узким местом, ахиллесовой пятой промышленного производства цивилизации, которая устремлена в космос. Целые моря и небеса требовались для охлаждения ядерных производящих установок, целые континенты — для захоронения радиоактивных отходов.

К тому же даже самая захудалая, необитаемая планета из всех известных была либо очень холодной, либо слиш-

ком горячей, либо по другим каким-нибудь причинам неудобной.

Но вот появился Сатан, тот самый захваченный из пространства шар, нагретый до идеальной температуры, которую могло бы поддерживать только тепло ядерного происхождения. Так как штормы и землетрясения утихли на планете Сатан, то она была быстро освоена оборотистыми людьми.

В течение Неприятностей ее принадлежность, официальный статус, приток и отток населения и товаров, каждый другой аспект взаимоотношений с обитаемой частью вселенной изменялся так же резко, как и у любой другой планеты.

На некоторое время Сатан была покинута. Но на ней и так никогда никто не жил постоянно. Ни одно живое существо не могло выжить в отравленной атмосфере и в смертельном поле радиации, если только оно не совершало кратковременный визит, облачившись в самую прочную защиту. Ее постоянными обитателями были роботы, компьютеры, автоматы. Они продолжали функционировать, несмотря на то, что цивилизация распадалась на части, продолжала воевать, и в некоторой степени усовершенствовали сами себя.

Когда, наконец, однажды один аристократ из Империи послал туда самоходное грузовое судно, они угостили его железным грузом из «глотки дракона».

Оборона Сатана стала главной причиной для того, чтобы держать гарнизон и обживать сектор Альфа Крукис.

Диск этой звезды повис в темноте среди других звезд, которые были видны на экране внешнего обзора командирской каюты Маккормака. Бета уже давно уменьшилась до видимой яркости самой большой из множества видимых звезд; машинам, которые ведут корабль в пространстве, много света не нужно.

Впереди, на экранах, можно было видеть сферу, затуманенную газовой пеленой, неясные очертания облаков и океанов, темные пятна, которые были на самом деле землей. Все это зрелище было довольно печальным, тем более, что

такое впечатление усиливается, если вы вызываете на экран дисплея изображение поверхности — обнаженные скалы, глубокие каньоны, безжизненные каменные равнины, холодные и неподвижные океаны,— все покрыто темным плащом ночи, нарушенное только редким лучом света от фонаря, оставшегося от лучших времен, или дьявольским голубым свечением флюоресценции; никаких звуков, кроме заунывной волынки ветра и шума движения навсегда стерильных вод, никаких событий в течение целых эпох, кроме неодушевленного, неосознанного, однообразного, тяжелого труда машин.

Для Хага Маккормака, однако, планета Сатан означала победу.

Он оторвал свой взгляд от планеты и позволил ему устремиться в противоположном направлении, в открытый космос. Там умирали люди, там, где мерцали знакомые Маккормаку созвездия.

— Мне следовало бы быть там,— сказал он.— Я должен был настаивать на этом.

— Вы не смогли бы что-нибудь изменить, сэр,— сказал ему Эдгар Олифант.— Как только тактическая диспозиция завершена, игра разворачивается сама по себе. Кроме того, там вы могли бы быть убиты.

— Именно это и плохо,— Маккормак переплел пальцы характерным для него движением.— Мы сидим тут, в уюте и в безопасности на орбите Сатана, пока там разворачивается сражение ради того, чтобы сделать меня императором!

— Не забывайте, сэр, что вы, кроме этого, еще и адмирал высшего ранга.— Сигара во рту Олифанта дрожала и дымила, пока он говорил.— Вы должны постоянно находиться в том месте, куда стекаются все данные, для того, чтобы принимать решения в том случае, если произойдет что-либо непредвиденное.

— Я знаю, знаю.— Маккормак заходил взад и вперед, из конца в конец огражденной надстройки, на которой они стояли.

Внизу раскинулся журчащий, шелестящий комплекс вычислительных машин, людей за рабочими столами и терми-

налами, распечатывающими данные; почти неслышно сновали туда-сюда курьеры. Сегодня никто, от самого Маккормака до рядового матроса, не заботился особенно о строгом поддержании уставной дисциплины. У них всех было слишком много текущей работы, они координировали битву с силами Пикенса. Было выяснено, где они находятся, по охране одного из герцогов, которую они обнаружили и преследовали. Все наблюдавшие, естественно, понимали, что столкновение кораблей и энергий, которые они извергают, находится за пределами того, что может выдержать смертный.

Маккормак ненавидел себя за то, что он тактически связал свой флагман «Персей», когда каждая дополнительная пушка там, в сражении, неизбежно влекла за собой спасение дополнительных жизней для его и так очень ограниченных сил.

«Персей» — это была ровно половина его дредноутов нового класса.

Но ни один другой корабль не мог, в принципе, нести оборудование, необходимое для создания полноценного командного пункта.

— Мы могли бы дать бой, отвлекая на себя значительные силы противника, — сказал Маккормак, — я иногда так действовал в прошлом.

— Но это было до того, как вы стали императором, — ответил Олифант.

Маккормак остановился и внимательно посмотрел на него. Дородный человек жевал свою сигару и продолжал рассуждать:

— Сэр, у нас есть некоторое достаточно ограниченное количество сочувствующих. Большая часть из них просто заверяет, что они не будут воевать на другой стороне. Почему каждый должен был бы положить на алтарь революции все, что он имеет, если он не очень-то верит, что вы сможете дать ему лучшую жизнь? Мы можем, без сомнения, рисковать нашим центром управления. Но мы не можем рисковать вами.

Без вас революция сойдет на нет еще до того, как до-

полнительные силы землян смогут попасть сюда для ее подавления.

Маккормак сжал кулаки и посмотрел снова на Сатан.

— Я прошу прощения,— пробормотал он.— Это было ребячеством с моей стороны.

— Это простительно,— сказал Олифант,— тем более, что двое ваших ребят сейчас там, в сражении...

— А как много других ребят сейчас там? Наших парней или же молодых представителей других рас, угнетенных империй, они умирают, они становятся калеками... Ладно.

Маккормак перегнулся через ограждение надстройки и стал изучать изображение на большом дисплее, расположенному на столе.

Цветные изображения на дисплее давали только самую общую информацию — которая сама по себе была неполной и не отражающей действительного положения на фронтах,— полученную на основе всего того потока сообщений, который шел через компьютеры. Но такие трехмерные картинки иногда стимулировали вспышки гениальности, которые ни одна из известных цивилизаций не сумела пробудить в электронных мозгах. В соответствии с увиденным узором не экране дисплея, тактика, предложенная Маккормаком, полностью оправдывалась. Он предположил, что разрушение заводов на Сатане явилось бы чрезмерно большой катастрофой, чтобы осторожный Пикенс стал рисковать. Поэтому силы Джошуа получат строгое предписание не приближаться к планете. Следовательно, силы Маккормака должны были бы получить надежное убежище. Это дало бы им возможность совершать такие операции, которые в других условиях были бы сумасшествием или самоубийством.

Конечно, Пикенс может решиться атаковать прямо с ходу; против этой случайности тоже надо было предусмотреть меры противодействия. Но если это так, то Маккормак не нуждался в угрызениях совести по поводу того, чтобы использовать Сатан в качестве защиты и места, где он мог бы спрятаться.

Будет Сатан уничтожен или только блокирован флотом

Маккормака — в любом случае продукты, произведенные на этой планете, не достанутся врагу. По мере того как пройдет время, производство на Сатане должно стать неэффективным и слабым.

Но было похоже на то, что Пикенс собирался играть в безопасную, как ему казалось, игру — за что он жестоко поплатился впоследствии.

— Предположим, что мы выиграем,— сказал Олифант.— Что потом?

Раньше это обсуждалось в течение многих часов, но Маккормак упустил свой шанс продумать все, что будет после этой битвы.

— Зависит от того, какая сила останется у противника. Мы хотим взять под контроль такой большой участок космоса, как только возможно, не перенапрягая наших сил. Техника снабжения, передвижение и расквартирование войск являются более трудными проблемами для нас, нежели непосредственно боевые действия. Мы все еще не сумели организовать возмещение нормальных боевых потерь и снабжение.

— Не следует ли нам атаковать Айфри?

— Нет. Слишком трудно преодолимое препятствие. Если мы сможем отрезать ее, то практически та же самая цель будет достигнута. Кроме того, со временем эта база понадобится нам самим.

— Но тогда, может быть, Линатавр? Я имел в виду... хорошо, мы действительно получили информацию, что ваша жена была освобождена из плена каким-то правительственным агентом,— Олифант остановился, увидев, как отреагировал адмирал на его благонамеренную речь.

Маккормак застыл как вкопанный, будто он стоял на Сатане, и пробыл некоторое время без движений.

Через несколько минут он смог сказать:

— Нет. Они будут обороняться всем, что имеется в их распоряжении. Катавраяннис будет стерт с лица планеты. Независимо от того, есть там Кэтрин или нет. Для Снелунда всегда найдется очень много других Кэтрин по его желанию.

«Может ли император позволять себе такие мысли?»

Экран дисплея мигнул и зажегся. С него глядело восторженное лицо.

— Сэр — Ваше Величество — мы победили!

— Что? — Маккормаку потребовалась дополнительная секунда, чтобы понять.

— Именно так, Ваше Величество. Сообщения все еще поступают, но сразу от всех кораблей. Эти сообщения пока еще оцениваются, но... хорошо, мы уже не имеем никакого сомнения в победе. Впечатление такое, как будто бы кто-то читает их коды.

Какая-то отцепившаяся часть подсознания Маккормака сразу уцепилась за эту возможность.

При передаче сообщений связь шла не от аборигена к аборигену, а от машины к машине. Код, известный ранее людям Снелунда, был более, чем изменен; ключевым компьютерам были даны команды на изобретение целого нового языка, после чего остальные компьютеры должны были изучить и использовать этот язык. Так как строение этого языка определено случайными факторами, то его расшифровка была если и не полностью невозможной, то, по крайней мере, слишком трудоемким процессом, поскольку всякое благоразумное множество случайно проверенных комбинаций не могло с достаточной вероятностью дать ответ. Вот почему разговор через космос с помощью роботов, которые, как автоматы, вплетали их корабли в летящий флот, был совершенно неразрешимой загадкой для врагов и безошибочно узнаваемым сигналом для друзей.

Такой подход к делу кодирования межпланетных сигналов много раз оправдывался из-за непрекращающихся попыток, оставшихся в истории, захватить и разграбить космические корабли, но грабители редко достигали успеха в расшифровке захваченных текстов, и, несмотря на это, любой их «успех» при захвате чужого корабля неизбежно приводил к тому, что коды были изменены.

Если бы вы смогли выучить язык, которым все еще пользуются машины врага...

Нет. Пустая блажь. Маккормак перевел свое внимание снова на экран дисплея.

— Потеря «Зета Ориона», вероятно, заставила врага отступить. Они всюду выходят из боя.

Несмотря на это радостное сообщение, Маккормак подумал: «Я должен быть начеку. Мы должны были бы гнать их до тех пор, пока они не вернутся туда, откуда прибыли, но слишком далеко отогнать, видимо, не удастся».

— Так, мы подтвердили, что «Виксен» не поврежден.

«Корабль Джона», — подумал Маккормак.

— Нет сообщений от «Нового Фобоса», но нет никаких оснований беспокоиться за этот корабль.

«Корабль Колина», — снова подумал Маккормак. — Боб со мной».

— Одну секунду, Ваше Величество, важное сообщение... да, подтверждено. «Аквилай» серьезно пострадал. Насколько мы знаем, это, вероятно, их флагман, вы помните наши оценки. Теперь они не смогут управлять боем. Мы можем прикончить их всех сразу!

«Дейв, ты еще жив?» — пронеслось в голове Маккормака.

— Отлично, капитан, — сказал Маккормак, — я присоединюсь к вам прямо на капитанском мостике.

Аарон Снелунд заставил адмирала стоять, как совершеннейшее ничтожество, одетое в голубое и золото, пока он выбирал сигарету в украшенном бриллиантами ящичке, слегка мял ее своими пальцами, принюхивался к аромату подлинного, выращенного на Земле сорта марихуаны «Корона», вдыхал аромат в легкие, исключительно величественно садился в свое кресло губернатора и глотал дым.

В комнате больше никого не было, кроме неподвижного горзунца. Движущиеся куклы были выключены. Мульти-программное изображение не было отключено, но не было музыкального сопровождения, так что леди и господа в масках танцевали без звука, будто бы поглощенного расстоянием в 200 световых лет и интервалом времени в полвека.

— Бесподобно, — пробормотал Снелунд, когда он закончил курить. Он кивнул большому человеку с пепельно-серыми волосами, ждавшему его: — Расслабьтесь.

Пикенс не шелохнулся.

— Сэр,— его голос был гораздо выше, чем обычно. За одну ночь он состарился.

Снелунд прервал его едва начавшуюся речь нетерпеливым взмахом руки.

— Не беспокойтесь, адмирал. Я прочитал отчеты. Я знаю логическую последовательность событий, приведших к вашему поражению. Кое-кто не обязательно является неграмотным, даже если учесть, что у вас во флоте принят обратительный язык и что этот кое-кто — губернатор. Но, может быть, он все-таки неграмотен?

— Ни в коем случае, Ваше Превосходительство.

Снелунд откинулся назад, скрестил ноги, закрыл глаза.

— Я позвал вас сюда не для того, чтобы повторять вслух то, что я прочитал,— продолжил он мягко.— Нет, я бы хотел поговорить с вами откровенно и без свидетелей. Скажите, адмирал, что бы вы посоветовали мне делать дальше?

— Так это же... в моем личном отчете... сэр.

Брови Снелунда выгнулись, как две арки.

По щекам Пикенса потек пот.

— Хорошо, сэр,— сказал он осторожно,— те силы, которые у нас остались, в сумме не намного меньше, чем те, которые есть у... у врага. Если мы учтем только то, что не улетело на Сатан. Мы могли бы укрепить небольшой сектор космоса, удерживать его, позволив Маккормаку овладеть остальным. Конфронтация с мерсиянами не может продолжаться бесконечно. Когда мы получим мощное подкрепление, мы сможем выйти в космос и разгромить врага.

— Ваш последний разгром был довольно обескураживающим, адмирал.

Угол рта Пикенса задергался.

— У губернатора лежит мое заявление об отставке.

— Я не принимаю вашу отставку. И не приму.

— Сэр! — Пикенс так и замер с открытым ртом.

— Спокойнее, адмирал.— Снелунд несколько изменил свой тон от деликатного сарказма до остроты и четкости, свой праздный юмор сменил на бдительность и сосредоточенность:

— Вы не опорочили себя, адмирал. Вы просто имели несчастье столкнуться в бою с лучшим воином. Если бы вы были менее способным, мало кто уцелел бы в результате нанесенного вам поражения. Но, несмотря на то, как разворачивались события, вы сумели спасти почти половину своих сил. У вас, к сожалению, нет воображения, но есть мастерство, компетентность, а это свойство так же дорого цениится, как и алмаз чистой воды в наши времена, когда процветает неразвитость. Нет, я не желаю вашей отставки. Я бы хотел, чтобы вы продолжили боевые действия.

Пикенс задрожал. В его глазах стояли слезы.

— Садитесь,— пригласил Снелунд. Пикенс бухнулся в кресло. Снелунд прикурил еще одну сигарету, простой табак, и дал адмиралу возможность несколько восстановить равновесие, после чего заявил:

— Профессионализм, четкая организация и направляющие указания — вот что вы можете предложить. А я могу предложить воображение. Другими словами, с настоящего момента и далее я диктую политику, которую вы будете осуществлять. Это понятно?

Вопрос Снелунда был, как пощечина. Пикенс сглотнул и прокаркал:

— Да, сэр.

Это была великолепная, точная работа Снелунда, то, что он делал эти последние несколько дней (в результате чего офицер высшего ранга стал податливым, тягучим, способным к деформации в холодном состоянии), не уничтожив окончательно его деловых качеств — аккуратная работа, доставившая наслаждение.

— Вот так-то лучше. Да, если хотите, пожалуйста, курите,— сказал губернатор.— И разрешите мне изложить свой план. Первоначально я рассчитывал на то, чтобы разными способами воздействовать на леди Маккормак. Но этот болван Флэндри вдруг исчез вместе с ней.— Ярость вскипела в Снелунде, как жидкий гелий при комнатной температуре.

— Знаете ли вы хоть что-нибудь о том, что в ними发生了?

— Нет, сэр,— сказал Пикенс,— наш отдел безопасности все еще не сумел внедриться в тыл врага. Для этого требуется время... Да, но, исходя из той информации, которой мы обладаем, не похоже, что она сумела вернуться к своему мужу. Но дело в том, что никому ничего не известно и о ее появлении где-нибудь еще, например, на Земле.

— Хорошо,— сказал Снелунд,— я не завидую гражданину Флэндри после того, как я вернусь на Землю.

Некоторое время Снелунд прислушивался к вращению дыма в своих легких, пока не пришло успокоение.

— Но в действительности это все не имеет значения. Ситуация в корне не изменилась. Я переоценил все это дело.

То, что предлагаете вы,— позволить Маккормаку завладеть большей частью сектора без сопротивления, пока мы будем дожидаться подмоги,— это, совершенно очевидно, консервативный путь. Поэтому он смертельно опасен. Маккормак будет рассчитывать именно на этот вариант. Пусть он будет провозглашен императором в нескольких десятках миров, пусть он мобилизует свои ресурсы и организует оборону с той дьявольской способностью, которой Маккормак обладает,— и вполне вероятно, что, когда появятся регулярные силы земного флота, они не будут в состоянии свергнуть его.

Учтите, что во владениях Маккормака очень короткие внутренние каналы связи. Учтите, что он исключительно популярен у населения, ради чего хорошо постарались его демагоги и ксеногоги. Учтите также и то, что к нему все больше и больше будет примыкать сторонников его дела, пока его дела будут идти мало-мальски удачно. Учтите также и то, что вирус будет распространяться по всему этому сектору и за его пределы; и даже, может быть, по всей Империи, до тех пор, пока в один прекрасный день он с триумфом въедет в Акрополь!

Пикенс произнес запинаясь:

— Я, я... я уже думал об этих вещах, Ваше Превосходительство.

Снелунд рассмеялся.

— Более того, даже если предположить, что Империя сумеет уничтожить Маккормака, то, как вы думаете, что будет с вами и — что более важно с этой точки зрения — со мной? Ведь нам с вами не дадут медалей за то, что мы позволили восстанию возникнуть и потом не смогли сами покончить с ним. Злые языки будут болтать. Горячие головы будут бурлить. Конкуренты ухватятся за возможность дискредитировать нас.

В том случае, если бы мы смогли сломить Маккормака в открытом космосе, когда он совершенно не прикрыт, делая свободным путь для моих специальных отрядов, которые очистят планеты от измены,— тогда слава сыграла бы роль универсальных денег. На них мы смогли бы купить очень многое, если бы тратили их с умом. Рыцарство и продвижение — главное для вас; возвращение в великолепие двора его величества — для меня. Разве я не прав?

Пикенс облизал пересохшие губы.

— Такие личности, как мы, не должны рассчитывать на корыстное вознаграждение. По крайней мере, не тогда, когда миллионы и миллионы жизней...

— Но ведь и эти жизни принадлежат каким-то личностям, не так ли? И поэтому, если мы служим себе, то мы одновременно служим Империи, которой мы присягнули на верность. Давайте не будем предаваться иллюзиям, далеким от реальности, и пускать крокодиловы слезы. Давайте лучше займемся нашим основным делом и подавим, наконец, это восстание.

— Что предлагает губернатор?

Снелунд погрозил Пикенсу пальцем.

— Не предлагает, адмирал. Предписывает. Мы обсудим все подробности попозже. Но в общих чертах ваша задача будет состоять в том, чтобы очаги войны непрерывно горели. Безусловно, наши критически важные системы должны быть под усиленной охраной. Но даже в этом случае у вас останется значительное количество кораблей, свободных в своих действиях. Избегайте повторения больших сражений. Вместо этого совершайте рейды, тараны, быстро бейте и еще быстрее убегайте, никогда не атакуйте группу восстав-

ших кораблей, за исключением тех случаев, когда она явно слабее, сделайте особый упор на разграбление путей и центров торговли и промышленности.

— Сэр! Но это же все наши люди!

— Маккормак заявляет, что это его люди. И кроме того, если я хорошо его знаю, тот факт, что именно он явился причиной страданий, причиненных нами, будет угнетать его, и у меня есть надежда, что это заставит его действовать менее эффективно. Как вы помните, я не говорил о неограниченных разрушениях. Напротив, мы всякий раз должны иметь очень веские причины для уничтожения намеченной гражданской цели. Оставьте эти решения мне. Таким образом, общая идея состоит в подрыве сил восставших.

Снелунд выпрямился в своем кресле. Его кулак сжался. Его волосы блеснули, как меч завоевателя.

— Снабжение и возмещение потерь,— сказал он вызывающе.— Вот что будет источником возмездия Маккормаку. Он в состоянии уничтожить нас во встречном бою, в прямом противостоянии. Но он не сможет выдержать долгого изматывания. Провизия, одежда, медицинские препараты и принадлежности, оружие, инструменты, запасные части, целые новые корабли,— во всем этом его флот нуждается непрерывно, все это должно поступать постоянно, неиссякаемым потоком, или же он будет быстро обречен на неудачу. Так вот ваша задача будет состоять в том, чтобы отрезать источники их снабжения и перекрыть каналы, по которым оно поступает.

— Но можно ли это осуществить, сэр, достаточно хорошо и быстро? — спросил Пикенс.— Он обязательно расставит оборонительные средства, организует конвой, будет контратаковать.

— Да, да, я знаю. Ваши усилия будут только одной частью общих усилий, хотя и довольно весомой частью. В остальном задача состоит в том, чтобы лишить Маккормака эффективной гражданской службы.

— К сожалению, сэр, я не совсем вас понимаю.

— Это понимают немногие,— сказал Снелунд.— Но подумайте только, какая армия бюрократов и функционеров

составляет основу любого правительства. При этом совершенно безразлично, оплачивается их труд правительством или некой якобы частной организацией. В том и другом случае они выполняют свою ежедневную, рутинную работу. Они управляют космическими портами и путями сообщений, они обеспечивают движение почтовых отправлений, они сохраняют автономность электронных каналов связи, они собирают и поставляют сведения по всем многочисленным вопросам, они следят за здоровьем общества, они удерживают в узде преступность, они разрешают споры и распределяют ограниченные ресурсы... Нужно ли мне продолжать?

Снелунд широко улыбнулся.

— Конфиденциально,— сказал он,— мне преподали хороший урок, когда я набирался ума-разума среди этих людей. Как вы знаете, я проводил разнообразные изменения в политике и в административных процедурах, которые я горел желанием быстрее запустить в дело. Я имел только частичный успех, в основном на отдаленных планетах, на которых по сути не было местной гражданской службы. Во всех других случаях мешали бюрократы. Это совсем не то, что принято во флоте, адмирал. Я могу, к примеру, нажать кнопку, издать особый приказ по каналу связи — и ничего не произойдет. Мой меморандум будет в течение недель или даже месяцев переходить со стола на стол. Технические трудности вы будете преодолевать шаг за шагом. Ошибки в компьютерных распечатках вы будете исправлять запятая за запятой. Бесконечные запросы для уточнения будут снова к вам возвращаться. Отчеты будут заполняться и забываться. И все это было, есть и будет похоже на дуэль в тумане. И я не могу уволить большую часть этих бюрократов. Даже если отвлечься от вопросов законности, я должен иметь их в своем распоряжении. Им просто нет никакой замены.

И я намерен дать почувствовать Маккормаку вкус всего этого варева.

Пикенс беспокойно поежился:

— И как же, сэр, вы намерены это сделать?

— Именно это я хотел обсудить сегодня в полдень. Мы должны позволить молве достигнуть миров, захваченных восстанием. Функционеры незначительного уровня должны быть убеждены в том, что вовсе не в их интересах служить восстанию с особым усердием. Их естественная робость, застенчивость и тяжеловесность, любовь к многочисленным деталям, перегружающим сообщения, должны сработать в нашу пользу. Если, кроме того, нам удастся подкупить некоторых чиновников, запугать других, может быть, провести случайные убийства или бомбажки... Вы успеваете следить за моей мыслью?

Мы должны внедрить наших агентов повсеместно, во всем потенциальном владении Маккормака, прежде чем он овладеет им полностью и расставит охрану в ключевых точках.

После этого мы должны непрерывно осуществлять давление — например, налеты и контрабанда, осуществляемые вашими агентами, пропаганда, разрушение каналов межзвездных перевозок вашими штурмовиками. Да, я действительно верю, что мы сможем привести машину гражданской службы Маккормака к полному параличу и разрушению. А без нее его космический флот превратится в ничто. Так вы со мной, адмирал?

Пикенс сглотнул:

— Да, сэр, конечно.

— Отлично,— Снелунд поднялся.— Пойдемте в зал заседаний. Мои люди ждут там. Мы обсудим в мельчайших деталях ближайшие конкретные планы. Не хотели бы вы принять стимулирующую таблетку? Совещание, вероятно, продлится несколько часов.

Приближенные хорошо изучили Снелунда сначала на Венере, потом — на Земле, затем — в секторе Альфа Крукис: он был сластолюбцем, но когда он видел шанс для верного успеха или угрозу, которая касалась его самого, то даже двадцать дьяволов не смогли бы с ним справиться...

Кэтрин оценила расстояние от Гремящего Камня до Порта Фредериксен приблизительно в 2000 километров или около этого. Но это было расстояние, полученное по карте. Такое расстояние воздушное судно преодолевает за пару часов, космический корабль — за несколько минут или секунд. Если же идти по земле пешком, то это займет несколько недель.

Местность была не только сильно пересеченной, но и совершенно незнакомой дидонианам. Как и большинство примитивных аборигенов, они редко отваживались уходить за пределы своей территории, окружавшей их дом. Предметы торговли обычно переходили от объединения к объединению, а не через большие расстояния по всей области, населенной дидонианами, причем поток товаров был устоявшимся, тек по хорошо наработанным линиям. Поэтому те трое дидониан, которые сопровождали землян, должны были сами хорошо прощупать дорогу, прежде чем идти по ней. Так было особенно в горах, продвижение вперед шло медленно, с частыми ошибками в выборе дороги.

Более того, короткий период обращения планеты вокруг своей оси привел к тому, что не удавалось пройти большие расстояния за светлое время дня. Аборигены наотрез отказались двигаться вперед после захода солнца, и Флэндри заставил себя согласиться, что это было бы неразумно в чужих местах.

Дни постепенно удлинялись по мере того, как разгоралось дидониансское лето; в середине лета продолжительность дня была немногим более семи часов из восьми и трех четвертей часа общей продолжительности дидонианских суток. Но дидониане не могли воспользоваться более чем четырьмя или пятью часами из этого времени. Причина была опять-таки чисто практическая. В походе, не имея достаточно полноценной еды, которую обычно поставляли дидонианам их фермы, нога должен был есть за троих, все, что только попадается на пути.

Растительная пища гораздо менее калорийна, чем мясо.

Поэтому аборигенам требовалось много времени для того, чтобы восполнить недостаток калорий, потраченных за очередной день пути.

— Здесь двадцать четыре человека, — еще раз сосчитал про себя Флэндри, — и шестнадцать оставлено позади вместе с хорошим врачом, и у всех хороший аппетит. Я не знаю, насколько хватит тех запасов провизии, которые мы сняли с корабля.

— Мы могли бы восполнить некоторое количество еды за счет местных продуктов, — подбодрила его Кэтрин. — В определенных растениях есть лево-вещества, так же как и в животных, — это аналогично тому, что в биохимических циклах земного типа включены в некоторой пропорции право-вещества. Я могу показать тебе и твоим ребятам, как выглядят эти растения и животные.

— Хорошо, я предполагаю, что кроме того, что у нас есть, мы могли бы поискать пищу в окрестностях, так как мы будем устричнять на нашей стоянке.

— Устричнять? — изумленно переспросила Кэтрин.

— Да, делать именно то, что делают устрицы. Они в основном сидят на одном месте, — Флэндри покрутил свои усы. — Черт бы их побрал, они превратились в непроходимые дебри. Что я совершенно не думал спасать с корабля, так это зеркало и ножницы!

Кэтрин рассмеялась.

— Почему ты не сказал мне раньше? У местных жителей есть ножницы. Неуклюжие, не очень острые, но ими можно постричь волосы. Разреши мне стать твоим парикмахером.

Когда ее руки прикасались к его волосам, у него кружилась голова. Он был очень рад тому, что она позволила другим самим позаботиться о себе. Они все были очарованы ей. Флэндри подумал, что это было вызвано не только тем, что она была единственной женщиной среди них. Они лезли из кожи вон, чтобы сделать ей что-нибудь приятное или оказать ей знаки почтения. Он искренне хотел, чтобы они перестали это делать, но не мог по-хорошему отдать приказ. Взаимоотношения и так были напряженными. Он больше

не был для них капитаном, а только командиром, начальником в соответствии со своим временным рангом капитана третьего ранга, потерявшим свой боевой корабль. Их сотрудничество в новых условиях, на чужой планете было полезным, но дисциплина неизбежно упала, даже во взаимоотношениях между младшим комсоставом и другими офицерами. Флэндри чувствовал, что он обязан сохранить остатки дисциплины хотя бы в своем ближайшем окружении. Это вело если не к враждебности, то к охлаждению, корректной отчужденности в обращениях к нему в противоположность дружеской манере общения, которая установилась между остальными.

Однажды ночью Флэндри случилось проснуться, и, не выдавая себя, он подслушал довольно возбужденный разговор нескольких человек из его команды.

Двое из них высказывали намерение не только согласиться на интернирование, но и присоединиться к Маккормаку в том случае, если его шансы на успех покажутся реальными, причем сделать это сразу после прибытия на базу. Они пытались убедить своих оппонентов сделать то же самое. Оппоненты вроде бы отказывались, но «пока», «поскольку» и как-то очень добродушно.

Именно это больше всего возмутило Флэндри: что кроме него, похоже, никто не возмущался.

Он начал регулярно подслушивать разговоры своих подчиненных. Он не собирался сообщать начальству об услышанном, но ему очень хотелось знать, какую позицию занимает тот или иной член его команды. Не то чтобы он очень нуждался в моральном самооправдании. Подслушивание было даже забавным.

Все это началось вскоре после того, как отряд покинул Гремящий Камень.

Трех дидониан, которые сопровождали отряд, звали, как сказала Кэтрин, Открыватель Пещер, Сборщик Урожая и, к общему смущению землян, Смит*. Было более чем сомнительно, чтобы создания думали о себе в соответствии с этими именами. Эти имена являлись удобными обозначениями, основанными на персональных качествах или на событиях

* Кузнец (англ.).

прошлой жизни. Существа, составляющие создание, не имели ничего, кроме набора индивидуальных сигналов, позывных.

Часто они разъединялись для того, чтобы создать такие комбинации, как Железный Рудокоп, Страж Северных Ворот или Молния, Ударяющая в Дом.

Кэтрин объяснила, что это было обусловлено стремлением к изменениям, частично для того, чтобы сохранить и обновить навыки и память, которые составляли основу каждого создания, а частично — для отправления местных квазирелигиозных обрядов.

— Единство совершенно идеально в этой культуре, как я узнала, точно так же, как и в большинстве других дидонианских культур,— говорила она Флэндри.— Они считают, что весь мир должен в конце концов стать некоторым единым созданием. С помощью различных церемоний, обрядов, мистических заклинаний, глюциногенной пищи или еще чего-то в этом духе они пытаются слиться с окружающей их действительностью. Ежедневный метод для осуществления такой цели состоит в том, чтобы производить частые новые взаимодействия. Брачный период, который у них продолжается некоторое время до и после летнего равноденствия, является для них наивысшей точкой в году, главным образом благодаря экстатическим, трансцендентальным ощущениям, которые становятся возможными в это время.

— Да, я могу вообразить себе, что раса, подобная этой, должна иметь кое-какие интересные половые разновидности,— сказал Флэндри.

Она покраснела и посмотрела в сторону. Он не знал, почему она отреагировала именно так, она, которая наблюдала жизнь во всех ее проявлениях, как учений. Ассоциации с событиями во время ее плена? Флэндри не допускал такой мысли. Она была слишком полна жизни, чтобы это долго угнетало ее; рубцы от пережитого, конечно, останутся на всегда, но сейчас к ней почти полностью вернулись ее жизнелюбие, веселость. Почему тогда эта робость с ним?

Тем временем отряд шел вдоль гребня гор. Эта область принадлежала другому объединению, которое, будучи родственным объединению Гремящего Камня, разрешило путе-

шественникам свободно пересечь их территорию. Теперь они уже взирались выше зоны джунглей. Здесь воздух был тропическим по земным меркам, но менее влажным, ветерок гладил кожу, ласкал волосы и нес ароматы, не лишенные очарования.

Земля была плотно укутана пружинистой коричневой ковровой травой, усыпана яркими цветами, здесь встречались стреловидные кусты, гранаты и светящееся дерево.

Слева от путников поднимались скопления сухопутных кораллов, их красные и голубые оттенки казались осязаемыми, живыми по сравнению с неизменным серо-серебряным цветом неба.

Ни один из дидониан не был полным. Один установил связь в хише ноги с рукой, две другие руки были в лесу и собирали ягоды, три криппо летали высоко над головами и выполняли разведывательные задания. Будучи раздельными, животные могут выполнять обычную работу, но быстро реагируют на необходимость объединения, когда она возникает.

Кроме их собственных инструментов, которыми владели руки, включая оружие, копья, луки, боевые топоры, ноги с легкостью несли оборудование, снятое землянами с погибшего корабля. Освобожденные таким образом, земляне могли запросто обогнать четвероногих, передвигавшихся неспешной иноходью.

Так как не было видимой опасности и причин бояться, что группа опять съется с дороги, Флэндри сказал своим людям, что они могли бы помочь рукам быстрее собрать плоды. И они рассеялись по всему склону.

И оставили его наедине с Кэтрин.

Он остро чувствовал ее: линии груди и бедер под ее одеждой, широкий размашистый шаг, свободно развевающиеся локоны и кожа, почти такая же яркая, как солнце, волевое лицо, огромные глаза золотисто-зеленого цвета, аромат теплого тела... Он тут же заставил себя думать о другом.

— Скажи, Кэтрин, не является ли — как это получше

выразить — пантеистическая концепция естественной для дидониан?

— Не более, чем монотеизм является естественным, жизненно необходимым для человека,— сказала Кэтрин с такой же поспешностью.— Это зависит от культуры. Некоторые превозносят объединение само по себе, как общность, отличающуюся от всего остального мира, включая и другие объединения. Их обычай напоминают мне обычай человеческой толпы, славящей всемогущее государство и его руководителя. У них есть склонность к воинственности и к повадкам хищников,— она показала вперед, где едва-едва были видны горные вершины.— Я боюсь, что нам предстоит пройти по территории именно такого сообщества. По этой причине наши друзья из Гремящего Камня не очень-то старались присоединиться к нам. Слухи распространяются, даже если создания остаются на одном месте. Мне следовало бы напомнить Многим Мыслям о том, что у нас есть оружие.

— Те, кто не боится смерти, обычно бывают очень опасными противниками,— сказал Флэндри.— Однако я не думаю, что дидонианин получает какое-то наслаждение, когда он теряет одно из существ; кроме того, у хиша должно быть естественное желание избежать боли.

Кэтрин еще раз с облегчением улынулась.

— Ты быстро учишься. Скоро ты сам станешь ксенологом.

Он пожал плечами.

— Моя работа заставляла меня вступать в контакты с представителями различных рас живых существ. Я твердо убежден, что людская порода является наиболее таинственной, сверхъестественной, фатальной из всего множества живых существ; но твои дидониане почти такие же. Есть ли у тебя какие-нибудь представления о том, как у них проходила эволюция?

— Да, мы проводили некоторые раскопки. Вероятно, где-то не очень далеко отсюда. Меня всегда удивляло, почему мы находим деньги для того, чтобы вести войну, но жад-

ничаем, когда требуются средства на какие-нибудь мирные дела? Неужели первое — причина второго?

— Думаю, что это не так. Я думаю, что люди изначально предпочитают войну.

— Однажды они поймут истину.

— У тебя неограниченная, но ничем не подкрепленная вера в способность человека полностью игнорировать то, что история продолжает смеяться над ним, — сказал Флэндри. И почти немедленно, чтобы ее мысли не вернулись к Маккормаку, который хочет реформировать Империю, он продолжал:

— Но ископаемые окаменелости — менее удручающая тема разговора. Так что же насчет эволюции на Дидо?

— Хорошо, насколько точно можно судить, была довольно продолжительная теплая эпоха — может быть, миллионы лет. Предки ноги обитали на богатых угодьях, которые позже оскудили в результате засух. Вот почему, как считают наши ученые, ноги стали рыскать по окрестностям в поисках оставшихся деревьев и срывать с них листья, которые были доступны, или хватать те листья, которые руки сбрасывали вниз, пока сами они собирали плоды. Вполне вероятно, что у них были случайные связи с протокриппо.

Но деревья тоже вымирали.

Криппо могли находить места, где была пища, и направлять туда ноги. Обживая окрестности, руки приобрели выгодную защиту в лице ног, вооруженных мощным рогом, и возвращали дань, отряхивая деревья.

Наконец, часть животных забрела на дальний восточный конец Баркинского континента. Их жизнь там омрачала, как омрачает и сейчас, отвратительная разновидность гигантского клопа, который не только высасывает кровь, но и впрыскивает в рану микробов, и они не позволяют ране затянуться в течение дней или даже недель. Предки ноги были меньше размерами, и их кожа был тоньше, чем теперь. Они сильно страдали от укусов этих клопов. Вероятно, руки и криппо помогали им, уничтожая и поедая наиболее назойливых насекомых. Но в результате они сами дол-

жны были начать отсасывать кровь, питаться сырым мясом, для того чтобы восполнить свое скучное питание.

— Дальнейшее мне хорошо понятно,— сказал Флэндри.— Процесс включал обмен гормонами, который был выгодным для всех и цементировал связь этих животных. Думаю, что на их счастье ни одно отдельное существо не достигло разумности. Это привело бы к взаимным стычкам на ранней стадии объединения трех существ за право главенствовать. Но теперь, похоже, симбиоз стал реальностью. Завораживающая возможность для цивилизации.

— Мы не показывали им многих сторон нашей жизни,— сказала Кэтрин.— Не только потому, что нам хотелось изучить их в том состоянии, в каком они находились. Мы не знали, что может быть приемлемым для них, а что катастрофическим.

— Я боюсь, что все это продолжает изучаться методом проб и ошибок,— ответил Флэндри.— Я очень заинтересован в том, чтобы увидеть результаты воспитания какого-нибудь создания с младых лет — ведь и криппо тоже живородящие — в технологическом обществе.

— А почему бы не вырастить нескольких землян среди дидониан? — с яростью спросила она.

— Извини,— сказал Флэндри. В эту минуту он подумал: «Негодование делает тебя прелестной».— Я только строил некоторые нереальные предположения. Никогда бы не сделал этого в действительности, ни за что! Я видел слишком много случаев, достойных сожаления. Я забыл, что эти создания — твои близкие друзья.

Вдохновение, Флэндри, вдохновение!

— Я бы хотел подружиться с ними тоже,— сказал он.— Впереди у нас два или три месяца пути и много свободного времени на стоянках. Почему бы тебе не обучить меня их языку?

Она с изумлением посмотрела на него.

— Это ты серьезно, Доминик?

— Без сомнения. Я не обещаю сохранить полученные знания в течение всей моей жизни. Моя голова переполнена повседневной паутиной информации. Но сейчас, да, я иск-

ренне хочу разговаривать с ними самостоятельно. Это было бы подстраховкой для нас. И кто знает, возможно, я бы мог прийти к новой научной гипотезе, касающейся их жизни, которая не придет в голову любому эйнианину.

Она положила ладонь на его плечо. Это была ее привычка: она любила прикасаться к тем, кому доверяет, о ком заботится.

— Нет, Доминик, ты не принадлежишь Империи,— сказала она,— ты принадлежишь нам.

— Да разве это возможно? — смущенно спросил он.

— Почему ты на стороне Джошуа? Ты же знаешь, что он такое. Ты видел его закадычных дружков, таких, как Снелунд, которые могут закончить эту так называемую дружбу, вмиг заменив его еще каким-нибудь правителем, более удобным в данный момент. Почему же ты не присоединишься к нам по своей воле?

Он знал, почему. Во-первых, потому, что он не верил в то, что революция будет успешной и продолжится на более фундаментальной основе. Но он не мог сказать ей этого в такой неожиданно волшебный день.

— Может быть, тебе удастся обратить меня в свою веру,— сказал он,— а пока что как насчет уроков дидонианского языка?

— Конечно, почему бы нет?

Флэндри не мог запретить людям из своей команды сидеть рядом с ними, и несколько человек обязательно сидели.

Применив все свое умение, он вскоре разочаровал их, и они перестали приходить. После этого он стал единственным объектом внимания Кэтрин на протяжении многих часов в неделю. Он игнорировал завистливые взгляды и больше не испытывал ревности в тех случаях, когда она завязывала оживленную беседу с кем-нибудь из команды или присоединялась к собравшимся вокруг костра и пела вместе с ними.

Более того, он не почувствовал возмущения, когда старший унтер-офицер Робинсон вернулся после путешествия с ней в поисках съедобных растений с подбитым глазом и

имея очень смущенный вид. Совершенно спокойная, она позже обращалась с Робинсоном точно так же, как и до этой прогулки. Должно быть, молва об этой истории быстро распространилась, так как больше похожих случаев не было.

Успехи Флэндри в изучении языка удивляли ее. Кроме того что у него были подходящие для этого гены, он прошел жесткие курсы обучения в службе безопасности в области лингвистики и металингвистики, семантики и метасемантики, всевозможных приемов концентрации памяти и запоминания; он хорошо знал приемы того, как надо учиться. Не многие гражданские ученые получают такое хорошее обучение; они просто не нуждаются в этом в такой степени, как любой оперативный агент службы безопасности.

В течение недели он полностью усвоил основные структуры языка жителей района Гремящий Камень и пиджиана — вовсе не легкое достижение, учитывая, что мышление дидониан было столь чуждым.

Но было ли оно чуждым?

После того как Флэндри освоил основы грамматики и приобрел словарный запас, он следовал инструкциям Кэтрин в разговорах, главным образом с Открывателем Пещер. Разговор был довольно забавным поначалу, но после нескольких недель между землянином и дидонианином наконец завязался настоящий диалог.

Дидонианин проявлял искренний интерес к Флэндри и Кэтрин, точно так же, как Кэтрин проявляла интерес к хишу. Она то и дело присоединялась к их беседам, которые, казалось, никогда им не наскучат.

Открыватель Пещер был значительно большим любителем приключений, чем средний дидонианин. Личность этого хиша, казалось, была более ярко выражена, чем у остальных, сопровождавших землян.

У себя дома хиш охотился, заготавливал древесину, а когда бывал не очень занят, отправлялся в путешествия по случайным маршрутам, бродил по окрестностям.

Как-то раз, приблизительно год назад, хиш отправился в путешествие на озеро, которое называется Золотое, где

менее развитые объединения организовали ярмарку, и хиш обменивал металлические изделия на их меха и сухие фрукты.

Здесь постепенно нога хиша приобрел привычку соединяться с определенной рукой из одного места и с криппо — из другого, образуя таким образом создание Вязальщик Плотов. В Гремящем Камне, кроме Многих Мыслей, нога Открывателя Пещер и его рука принадлежали Хозяину Песен; криппо хиша (женского рода) — Первому в Танцах; рука хиша — Мастеру Варить Пиво; и все они принадлежали различным временным группам.

Кроме обычных обязанностей по обучению подрастающего поколения, никто из них не имел неограниченных связей. Зачем тратить время существу, которое может стать членом выдающегося создания, на то, чтобы соединиться с менее одаренными существами?

Разграничение было в некоторой степени смазано, но тем не менее вполне реально в Гремящем Камне — разграничение между «первыми семьями» и «проуле», то есть простыми работягами. Но оказалось, что в этом не было никакого чванства или зависти. Цели были достаточно прагматическими. Альтруизм в объединении был так широко распространен, что не было четкого разделения с точки зрения общих целей, понятий.

Или таким было общее впечатление Кэтрин и Флэндри. Она допускала, что эти впечатления могут быть неверными. Как можно постичь психику представителя сознательной жизни, имеющего три мозга, в каждом из которых сосредоточены знания, память, составляющие определенную долю в общей памяти, в общих знаниях и, кроме того, косвенно помнящего события, которые произошли несколько поколений назад, задолго до того, как это существо родилось?

Сам по себе, отдельно от хиша, нога был спокойным, мирным, безмятежным, хотя Кэтрин говорила, что он может прийти в ярость, если его довести.

Криппо был очень чувствительным и музыкальным, был способен создавать восхитительно чистые звуки, сотканные в удивительные узоры. Рука был беспокойным, неутоми-

мым, любопытным и очень оживленным, любителем поиграть.

Но это — только сильные обобщения.

Они отличались большим индивидуальным разнообразием, как и все другие существа с хорошо развитой нервной системой.

Открыватель Пещер был бесконечно влюблена в пространство, которое окружало хиша. Хиш смотрел вперед с воодушевлением, предвкушая, что он увидит Порт Фредериксен, и даже мечтал о шансе полететь куда-нибудь на космическом корабле.

После того как хишу удалось усвоить основные знания в области астрономии, ксенологии, галактической политики, его вопросы стали настолько точными, что Флэндри усомнился в том, что дидониане не могут по своей внутренней природе быть менее интеллигентными и разумными, чем человек.

Не могла ли их технологическая отсталость быть обусловлена только некоторыми случайными обстоятельствами, которые не будут иметь никакого значения, когда они получат возможность начать процесс непрерывного развития?

«Будущее может быть за ними, а не за нами,— подумал Флэндри.— Кэтрин бы ответила: «Почему будущее не может быть общим?»

А пока путешествие к Порту Фредериксен продолжалось, сквозь дожди, штормы, сильный ветер, туман, жару, странные, хотя и не враждебные, объединения, до тех пор, пока они не достигли высокогорных районов, где люди могли насладиться прохладой.

Но дидониане здесь начинали дрожать от холода и становились голодными, так как в округе очень редко попадалась съедобная растительность и, несмотря на то что их крипто непрерывно наблюдали с воздуха окрестности, они часто забредали в непроходимые заросли, что заставляло их возвращаться назад и пытаться пройти снова.

Именно здесь, в Верхней Маруссии, они испытали неожиданное нападение.

Самым легким способом преодолеть один из участков пути было пройти через каньон.

В течение мегалет река, вспухавшая от зимних дождей, углубляла его, а летом уровень воды резко уменьшался. Стены этого каньона давали хорошую защиту от ветров и отражали тепло. Это привело к тому, что во время каждого сухого сезона растительность появлялась только вдоль русла потока, где наносные почвы позволяли пустить корни, в отличие от голых скал в других местах каньона. Поэтому, несмотря на то что этот каньон был сильно искорежен и усыпан галькой, он, казалось, давал возможность легче достичь намеченной цели.

Вид был впечатляющим, хотя и мрачноватым. Река катилась слева от путешественников, широкая, коричневая, шумная и опасная, несмотря на то что находилась сейчас в своем спокойном периоде, с минимальным уровнем воды. Слой прошлогодних растений образовал границу вдоль воды, монотонный, спокойный цвет которой оживляли белые и алые цветы. То здесь, то там росли скрюченные деревья с очень глубокими корнями, приспособленными к наводнениям. Чуть выше поверхность каньона становилась совершенно голой: полуразрушенные, выветренные, искореженные скалы темного цвета, фантастически изрезанные пики и столовые горы, каким-то чудом зацепившиеся за каменную осыпь, делювий и террасы.

Серое небо, рассеянный свет, не оставляющий теней, не давали возможности точно определить цвет предметов или их очертания. Этот вид смущал, сбивал с толку, ставил в тупик.

Но для человеческих легких воздух был мягким, сухим, освежающим.

Два криппо непрерывно кружили над головами и наблюдали за окрестностями. Сборщик Урожая был полным, а каждая рука ехала на своей ноге. Земляне шли сзади, кроме Кэтрин, Флэндри и Хейвлока. Она шла немного правее, полностью погруженная в свои размышления. Похоже, что

этот ландшафт заставил ее сильно скучать по дому, по Эйнису.

Командир и младший лейтенант отошли подальше от остальных спутников, так, чтобы их не слышали.

— Скажите на милость, сэр, почему вы допускаете, что мы сдадимся в Порте Фредериксен без боя? — Вид Хейвлока был явно протестующим. — В этом случае наше дело совершенно безнадежно, и это вызывает в команде мысли об измене.

Флэндри не сказал, что он знает это. Хейвлок был в меньшей оппозиции к режиму, чем остальные, но была некоторая преграда более тонкого свойства, и Флэндри аккуратно вел Хейвлока в течение недель, прежде чем смог довериться ему в достаточной степени. Флэндри знал, что у Хейвлока на земле осталась девушка.

— Хорошо, младший лейтенант, — сказал он. — Я не могу давать обещания, потому что не уверен, что не веду вас на верную смерть. Вы же не считаете, что смерть — наш окончательный удел. Почему вы не разубедите людей? Я бы не хотел, чтобы кто-нибудь осуждал меня, и тем более предрекал мне события, — «так как у меня есть свои собственные идеи на этот счет» — подумал Флэндри про себя, — но вы могли бы спокойно найти тех, кто... скажем так, не то, чтобы достойн доверия (мы изначально считаем, что все достойны его), а, скажем, проявляет достаточно рвения. Вы могли бы спокойно предупредить их, чтобы они были с нами, рядом с нами, в том случае, если я приду к твердому решению атаковать Порт Фредериксен. Мы будем продолжать время от времени встречаться с вами и говорить о том, о сем, как обычно, вместе со всеми и отдельно. Но больше отдельно, так, чтобы не спровоцировать подозрения. Нам необходимо заставить Кэтрин описать устройство Порта, постепенно, по частям, и это будет важным элементом того, что я задумал предпринять.

«Ты, Кэтрин, будешь более важным элементом того, что я задумал».

— Очень хорошо, сэр, — сказал Хейвлок, — я надеюсь...

Началось неожиданное нападение.

Путешественники приблизились к выступающей скалистой массе, основание которой было завалено каменными обломками.

Именно из-за них и выскоцило около двадцати дидонян.

У Флэндри было только мгновение, чтобы подумать: «Черт побери, они, должно быть, прятались в пещере!»

Через мгновение воздух заполнился стрелами.

— К оружию! — закричал Флэндри.— Огонь! Кэтрин, на землю!

Стрела прошла мимо его уха с отвратительным гудящим звуком. Нога издал тревожный трубный звук, рука вскрикнула. Упав на живот, Флэндри посмотрел вдоль луча своего бластера на нападавшего врага.

Нападавшие были варварски одеты в шкуры, разукрашенные перьями, ожерельями из зубов, нательными узорами. Их оружие было неолитическим: кремневые топоры, стрелы и копья с костяными наконечниками. Но из-за этого оружие нападавших было не менее смертельным, и засада была организована мастерски.

Он посмотрел направо и налево.

Время от времени, пока они путешествовали, он обучал своих людей технике ведения наземного боя. Сегодня его усилия полностью вознаграждались.

Команда образовала полукруг, в фокусе которого как раз находился Флэндри. Каждый, кто имел оружие,— на корабле не оказалось в достаточном количестве ручного оружия — был в сопровождении двух или трех товарищей, вооруженных копьями или кинжалами, готовых помочь в случае необходимости или — на войне как на войне — поднять оброненное оружие.

Энергетические лучи сверкали и крушили. Пулеметы трещали, станнеры жужжали. Рев голосов, беспорядочный стук копыт отдавались бесконечным эхом над металлическим звуком течения реки.

Криппо превратился в пламя и дым, рука грохнулся на землю, нога умчался прочь, мыча от нестерпимой боли.

В отдалении Флэндри увидел еще несколько поражен-

ных врагов. Но то ли в стремлении презреть смерть, то ли за счет физической инерции, они продолжали атаку. Расстояние, которое предстояло преодолеть дикарям, было коротким, и, кроме того, Флэндри не мог вообразить себе, что нога может мчаться с такой скоростью. Оставшиеся в живых дики промчались мимо него и обрушились на троицу из Гремящего Камня прежде, чем он осознал происходящее. Один человек едва не был раздавлен огромным серо-голубым телом. Летуны, находящиеся высоко над головой, едва имели время для того, чтобы соединиться с их главными партнерами.

— Кэтрин! — закричал Флэндри в непрерывном грохоте боя. Он быстро вскочил и посмотрел по сторонам. Вокруг кипела рукопашная схватка. В течение секунды Флэндри видел, как воюют дидониане. Ноги, почти неуязвимые для острого оружия, толкали друг друга и пытались забодать своим страшным черным рогом. Руки били и кололи; криппо держали щиты, какие можно было держать, одновременно с мрачным упорством пытались удержаться на ноге и наносили удары своими крыльями. Основная цель была вывести противника из действия, устранив наездников хиша.

Горные ноги, изуродованные таким образом, бродили неподалеку. Несколько созданий, состоящих из двух существ, держались в резерве, для подстраховки в том случае, если рука или криппо погибнут в сражении. Восемь или девять полных созданий окружили треугольное образование, построенное троицей из Гремящего Камня.

Нет, их было два с половиной. Теперь Флэндри уже мог хорошо их различать.

Криппо Сборщика Урожая был убит потоком стрел. Его тело лежало искореженное, до жалости маленькое. Перья хвоста шевелились от дуновения легкого ветра, до тех пор, пока нога, увлеченный боем, не вдавил останки окончательно в грязь. Его партнеры автоматически продолжали битву, но уже с меньшим мастерством.

— Прикончим этих подонков! — закричал кто-то. Люди воинственно двинулись на дикарей, образовавших машущую, как мельницы, крыльями, хрюкающую, вскрикивающую

щую, непрерывно молотящую, переплетенную массу. Было очень трудно понять, почему дикари игнорируют людей, именно тех, кто нанес им наибольший урон. Или их вид был таким странным, чужеродным, что они не способны были воспринимать их?

Флэндри побежал в обход сражающихся, чтобы узнать, что стало с Кэтрин.

«Я ведь никогда не давал ей огнестрельного оружия!» — неистово билась в его мозгу мысль.

Ее высокая фигура возникла неподалеку. Она немного отступила, стоя под деревом, на которое могла бы взобраться в случае нападения. Его мерселянский клинок мерцал в ее руке, державшей его довольно умело. Рот был плотно сжат, но глаза — внимательны и спокойны. Флэндри даже закашлялся, но испытал облегчение. Повернувшись, он направился опять к сражению дидониан.

Каменный топор размозжил череп руки Смита. Рука Открывателя Пещер отомстила за эту смерть двумя быстрыми ударами, но, окруженнная со всех сторон врагами, не могла уберечь свою спину. Копье вонзилось в нее. Рука упала на рог дикой ноги, который подбросил ее в воздух и растоптал, когда она упала на землю.

Люди открыли огонь.

Это была бойня.

Остатки дикарей с гор были рассеяны по каньону. Ни одно создание у них не было целым.

Молодой землянин стоял над ногой, который был наполовину изжарен, но все еще жив. Он нанес ему удар милосердия; после чего рыдания и тошнота скрутили его.

Бывшая троица из Гремящего Камня могла собрать теперь одно полное создание. Из возможных комбинаций они выбрали Стража Северных Ворот, который начал обходить поле боя и методически истреблять раненых.

Вся битва, от начала до конца, продолжалась не более десяти минут. Подбежала Кэтрин. Она тоже плакала.

— Так много потерь, так много боли... Мы не можем помочь им?

Рука шевельнулся. Казалось, что он не был ранен. Да,

он, вероятно, принял на себя оглушающий удар стеннера, и сверхзвуковой пучок повлиял на него так же, как и на человека: рука просто потерял сознание.

Приблизился Страж Северных Ворот. Кэтрин заслонила собой руку.

— Нет! Я запрещаю тебе!

Дидонианин не понял ее пиджина, так как нога нового хиша была в Открывателе Пещер. Но ее намерение было слишком очевидным. После секунды колебания, с почти заметным физическим усилием, хиш заставил руку обуздать животное.

Затем с помощью людей хиш позаботился о тех существах из Гремящего Камня, которые выжили в битве. Они подчинились без сопротивления. Криппо был со сломанной ногой, у других были глубокие раны и ушибы, но, по всей вероятности, все оставшиеся могли возобновить путешествие после отдыха.

Никто не высказал вслух желания поскорее уйти с поля брани. Никто не издал ни единого звука. Молча они прошли еще два или три километра, прежде чем остановились.

В высоких широтах на Дидо ночи в середине лета были не только очень короткими, но и светлыми.

Флэндри шел под темно-синим небом, тронутым слабым серебристым оттенком и чуть-чуть освещенным зарей в тех областях, где ионизирующая радиация Вёрджила проникала сквозь верхние покровы облаков. Было достаточно светло, чтобы не спотыкаться во время ходьбы.

Немного в стороне нагромождения скал и утесов создавали сплошную тень, которая незаметно переходила в сумрак.

Взобравшись на утес, нависший над их лагерем, Флэндри видел костер, похожий на мерно мерцающую искру света, напоминавшую умирающую карликовую звезду. Река звучала приглушенно, но чисто в холодном воздухе. Его бутсы скрипели по гравию; время от времени они ударяли по крупному камешку, который отскакивал в сторону. Неизвестные животные подавали признаки жизни где-то совсем рядом.

Фигура Кэтрин возникла среди неясныхочных очерта-

ний. Он заметил, что она ушла в этом направлении после еды, к которой почти не притронулась, и угадал, что она забрела именно сюда. Когда он подошел ближе, то увидел, что ее лицо было смертельно бледным.

— Ох... Доминик,— сказала она. Годы тренировок в условиях диких планет научили ее полагаться в первую очередь на слух, а не на зрение.

— Тебе не следует уходить далеко одной.

Он остановился прямо перед ней.

— Мне было необходимо.

— По крайней мере, бери с собой какое-нибудь огнестрельное оружие. Я не сомневаюсь, что ты можешь с ним обращаться.

— Да, конечно. Но после сегодняшнего я не смогу этого сделать.

— Ведь ты, должно быть, раньше не раз видела дикую смерть.

— Несколько раз. Но в тех случаях я не была причиной.

— Эта атака была неспровоцированной. Если быть откровенным, то я не жалею ни о чем, кроме наших собственных потерь, и мы не можем позволить себе долго их оплакивать.

— Мы пересекаем страну, принадлежащую аборигенам,— сказала она.— Может быть, это вызвало их возмущение. У дидониан развиты территориальные привязанности, точно так же, как у нормального человека. Но может быть, наше имущество соблазнило их на засаду. Не было бы ни ран, ни убийств, если бы мы не отправились в путешествие.

— Ты тоже жила в условиях, порожденных военным временем,— сказал он грубо, испытывая внутреннюю боль,— и этот налет был одним из эпизодов твоей драгоценной революции.

Он услышал, как Кэтрин тяжело вздохнула. Раскаяние охватило Флэндри.

— Я... я сожалею, Кэтрин,— сказал он,— это вырвалось у меня случайно. Я оставляю тебя одну на некоторое время. Но, пожалуйста, возвращайся в лагерь.

— Нет.— Сначала ее голос был слишком слабым, чтобы его можно было услышать.— Я имею в виду... дай мне побывать одной еще некоторое время.

Она сжала его руку.

— Но ради всего святого, Флэндри, не произноси больше злых шуток. Я действительно рада, что ты пришел, Доминик. Ты чуткий, ты все понимаешь.

«Я» — в нем все ликовало.

Так ониостояли с минуту, держа друг друга за руки, прежде чем она как-то неуверенно засмеялась и сказала:

— Ситуация повторяется, Доминик. Поговорим о деле.

«Ты достаточно храбра, потому что живешь со всеми своими печалями,— подумал он,— но при этом еще сильна и мудра, чтобы повернуться спиной к этим печалям при первой возможности, и даже пытаешься совладать с нашим общим врагом — космосом».

Ему необходимо было закурить одну из немногих оставшихся у него сигарет, но он не мог себе позволить разомкнуть рукопожатие, чтобы дотянуться до пачки с сигаретами,— она могла вдруг уйти.

— Хорошо,— сказал он, испытывая отвращение к самому себе,— я думаю, мы сможем продолжить наш путь послезавтра. Они собрали Молнию, Ударяющую в Дом, для меня после того, как ты ушла.

Каждое из существ хиша в разное время объединялось с теми, кто был в Открывателе Пещер; кроме всего прочего, это делалось для того, чтобы хиш усвоил некоторые слова на пиджине.

— Мы обсудили сложившееся положение. Теперь уже потребуется больше времени для того, чтобы вернуться, чем для того, чтобы закончить путешествие, и, кроме того, неполные создания, несмотря ни на что, могли бы выполнять некоторую рутинную работу.

Ребята хорошо себя показали там, на тропе. Мы непременно запомним сегодняшний урок и будем избегать мест, где лесных бродяг нельзя обнаружить с воздуха. Поэтому я чувствую, что мы можем благополучно закончить путешествие.

— Я сомневаюсь, что нас еще раз осмелятся потревожить,— сказала Кэтрин с вернувшейся уверенностью в голосе.— Новости уже распространяются по округе.

— Теперь о той руке, которую мы захватили в плен,— сказал Флэндри.

— Да? Почему бы не отпустить бедное животное на волю?

— Потому что... хорошо, Молния не очень рад, что у нас есть возможность только для одного полного создания. Теперь возникает такая работа, как спуск тяжестей по крутым склонам гор, а это гораздо проще и безопаснее сделают по крайней мере два хиша, учитывая, что рука каждого хиша — основное орудие труда. Более того, у нас только один криппо теперь может быть наверху, производить разведку. Другой должен постоянно быть третьим членом хиша, чтобы направлять таким образом неполные создания и принимать необходимые решения, пока мы находимся в этой весьма непростой горной стране. Одна пара глаз наверху — это чертовски мало.

— Правильно.

Она кивнула, и ему показалось, что он услышал шелест ее волос, которые она успела отрастить подлиннее.

— Я раньше об этом не думала, была слишком расстроена, но думаю, что ты прав.

Ее пальцы крепче сжали его ладонь.

— Доминик! Ты ведь не планируешь использовать пленника?

— Почему нет? Похоже, что Молнии понравилась эта идея. Время от времени, как он говорит, это делали раньше.

— В случаях неизбежной опасности. Но... как же быть с конфликтом, с жестокостью...

— Послушай, у меня была возможность хорошенько обдумать варианты,— сказал он ей.— Следи за фактами и моей логикой. Мы заставим руку пойти на соединение с ногой и криппо, которые принадлежат Открывателю Пещер — наиболее сильному, искушененному созданию, которое у нас было. Под дулом рука согласится. Кстати, он должен пить кровь, или же он начнет страдать, не так ли?

Один вооруженный человек, сопровождающий хиша, предотвратит возможные разногласия. Однако два существа против одного должны так или иначе победить. Мы сделаем их союз непрерывным, или почти непрерывным, на все время нашего путешествия. Таким образом, влияние наследственности Гремящего Камня будет быстро овладевать этой рукой и глубоко проникнет в нее. Я смею утверждать, что новая личность будет возмущена и даже враждебна поначалу, но хиш должен будет сотрудничать с нами, даже против своей воли.

— Да, но...

— Мы нуждаемся еще в одном хише, Кэтрин! Я не предлагаю рабства новой руке. Рука не будет поглощена. Она будет давать и получать, будет обучаться тому, что потом сможет унести домой своему объединению — может быть, предложение о дружбе или об установлении регулярных связей — и подарки, после того, как мы освободим ее здесь на нашем обратном пути в Гремящий Камень.

Она некоторое время молчала, пока не сказала:

— Дерзкий, но славный, да, вот какой ты. Ты в большей степени рыцарь, чем кто-либо, кто ставит слово «Сэр» перед своим именем, Доминик.

— О, Кэтрин!

И он вдруг обнаружил, что обнимает ее и целует и она целует его, и ночь осветилась фейерверками и возликовала трубными звуками, и была она непрерывным праздником и священнодействием.

— Я люблю тебя, Кэтрин. Боже мой, я люблю тебя!

Она высвободилась из его объятий и отшатнулась:

— Нет... пожалуйста, пожалуйста, замолчи. Пожалуйста, остановись. Я не понимаю, что на меня нашло...

— Но я люблю тебя! — закричал он.

— Доминик, нет. Мы были рядом слишком долго во время этого сумасшедшего путешествия. Ты мне нравишься больше, чем я поначалу думала. Но я жена Хага.

Он уронил руки и застыл, как истукан, там, где стоял, и ему казалось, что его душа выходит из него, как вытекает кровь из смертельно раненного человека.

— Кэтрин,— сказал он,— для тебя я присоединюсь к восстанию.

— Ради меня? — она подошла ближе, достаточно близко, чтобы положить руки на его плечи. То ли плача, то ли смеясь, она сказала ему:

— Ты даже не можешь вообразить себе, как я рада.

Он стоял, вдыхая ее аромат, но со скжатыми кулаками, и ответил:

— Не ради тебя. Для того, чтобы ты была со мной.

— Что? — прошептала она и снова отшатнулась от него.

— Ты назвала меня рыцарем. Неверно. Я не буду играть роль завистливого, отвергнутого ухажера, являющегося отныне, присно и во веки другом семьи. Это совершенно не в моем духе. Я хочу быть твоим мужем, мужем в полном смысле этого слова.

Ветер дул, река все также текла мимо.

— Отлично,— сказал Флэндри тени Кэтрин.— Тогда до того момента, пока мы достигнем Порта Фредериксен. Не более. Ему знать об этом будет необязательно. Я буду служить его делу и жить воспоминаниями.

Она села на камень и заплакала. Когда он попытался успокоить ее, она оттолкнула его, не очень резко, но и вовсе не застенчивым жестом. Он отошел в сторону на несколько метров и выкурил подряд три сигареты, прикуривая следующую прямо от бычка предыдущей.

Наконец она сказала:

— Я поняла, о чем ты думаешь, Доминик. Если был Снелунд, то почему не можешь быть ты? Но разве ты не видишь разницу? Начать хотя бы с того, что ты действительно очень мне нравишься.

Он сказал, преодолевая неожиданное напряжение в горле:

— Я понимаю, что ты по-прежнему верна другому идеалу, который не подходит к этим условиям.

Она снова заплакала, но теперь ее плач звучал как-то сухо, как будто она уже выплакала свои слезы.

— Прости меня,— сказал Флэндри,— я не хотел сделать тебе больно. Мне следовало бы сначала перерезать свои го-

лосовые связки. Мы больше никогда не будем говорить на эту тему, если только ты сама не захочешь. Если ты не изменишь свое мнение завтра или через сто лет после завтра, пока я жив, я буду ждать. «И это совершеннейшая правда,— кривилось в насмешке его серое вещество в черепной коробке,— хотя я не могу сказать, что поначалу это не была хорошо построенная линия поведения, и я до сих пор пытаю слабую надежду, что мои благородные порывы могут оторвать ее от этого медноголового убийцы множества живых существ Хага Маккормака».

Он вытащил свой бластер и сунул его в холодную и слегка дрожащую руку.

— Если ты считаешь, что должна оставаться тут,— сказал он,— держи это. Вернешь мне, когда спустишься в лагерь. Спокойной ночи.

Он повернулся и ушел. И снова в его мозгу возникло: «Очень хорошо. Если у меня теперь нет причин отрекаться от присяги на верность его величеству Джошуа III, может быть, мне стоит приступить к осуществлению плана, который я наметил, чтобы доставить массу неудобств его непокорным подданным».

XIII

Группа проспала почти целиком весь следующий день и всю ночь. После этого Флэндри объявил, что нужно идти вперед быстрее.

Оставшиеся существа образовали довольно удачные создания, как они обычно делали, когда нужно было принимать важные решения, и согласились. Для них эта горная страна была холодной и бедной пропитанием. Самое худшее было позади, особенно если иметь в виду раны и потери, от которых они пострадали. Лучше всего быстрее перебраться через горы и выйти на прибрежную равнину.

Но это предприятие было под стать Геркулесу. Люди тратили большую часть своего времени на поиски пищи, чтобы накормить ноги.

Когда, измокденные, они останавливались, почти сразу наступал сон.

Кэтрин была довольно тренированной, но — тридцатилетней женщиной, которой приходилось подстраиваться к скорости ходьбы и ритму труда молодых мужчин в возрасте от восемнадцати до двадцати пяти лет.

У нее не было времени разговаривать с Флэндри или еще с кем-нибудь во время пути и на привалах.

Флэндри все организовал сам. Его команда сначала возмутилась, когда он объявил, что он должен быть освобожден от большей части общей работы, чтобы установить связи с новым хишем.

Хейвлок вывел их из этого состояния.

— Хорошо, ребята, вы все видели Старика в действии. Вы можете не любить его, но он не трус и не дурак. Кто-то все равно должен будет осуществлять это ксенологическое сотрудничество. Кроме всего прочего, подумайте о том, что мы нуждаемся в проводнике через эту проклятую вонючую страну... Почему не Кэтрин? Хорошо, она жена того человека, по чьей злой воле мы находимся здесь. Наши послужные списки не улучшатся, если мы начнем верить ей даже в такой критический момент... Безусловно, вам следовало бы лучше подумать о ваших отчетах на Земле, по крайней мере тем, кто планирует вернуться домой.

До этого Флэндри дал ему кое-какие наставления.

Вначале разговор между человеком и дидонианином был невозможен. Новая личность враждовала сама с собой, пленный рука изливал ненависть и страх всего своего племени на ногу и криппо, которые питали отвращение к объединению с ним. И кроме того, языки, обычаи, цели, смысловые узоры мысли, все мировоззрение были противоположны и очень редко совпадали.

Образованное по принуждению, создание угрюмо двигалось вперед, иногда сердитое, замкнутое, иногда ошеломленное, всегда нацеленное на то, чтобы лягнуть или ткнуть рогом, ударить крылом или рукой при внезапной вспышке бешенства.

Дважды Флэндри приходилось драться, однажды рог ноги прошел мимо него всего в нескольких сантиметрах.

Но он был настойчив. Настойчивы были и двое животных, которые раньше входили в состав Открывателя Пещер. А этот нога уже имел опыт общения с представителями чужих племен, двое из которых ежегодно присоединялись к нему, чтобы образовать Вязальщика Плотов.

Флэндри пытался представить, на что может быть похожа сложившаяся ситуация, но не мог.

Шизофрения?

Изнурительный, мучительный конфликт противоположных намерений, сродни его собственному конфликту, касающемуся Кэтрин Маккормак,— против земной Империи?

Он сомневался в этом. Существо, которое стояло перед ним, было слишком чужеродным.

Он старался как-то направить процесс сращивания, соединения существ в хише, сначала с помощью жестов, поступков, личного примера, потом словесным убеждением. Как только нервная система руки освободилась от ожидания близких мучений или смерти, сцепление всех трех организмов стало естественным.

За этим последовало создание языка.

Часть словарного запаса из языка объединения Гремящего Камня исчезла после гибели руки Открывателя Пещер. Но некоторые слова все-таки остались, и еще больше слов появилось, когда на некоторое время криппо был заменен другой рукой.

Дикое существо яростно возражало — выяснилось, что его культура рассматривала образование из трех членов, но двух разных пород, как извращения — но у него не было в данном случае никакого выбора.

Сцепление нейронов, так же как и кровяных сосудов, происходило автоматически сразу после того, как щупальца соединялись.

Флэндри напрягал все свое лингвистическое умение, чтобы проводить с существами хиша устные упражнения. После того как обучение стало научно обоснованным, врож-

денное умение дидониан приспосабливаться дало быстрые результаты.

К тому времени, когда путешественники преодолели сложные участки местности и были уже на западном склоне гор, Флэндри мог вести разговор с тем новым существом, которое он создал.

Казалось, что создание не очень довольно тем, что стало хишем.

Имя, которым хиш себя назвал больше в результате многократного повторения, чем по свободному выбору, было похоже на звук, который Кэтрин перевела как «Горе».

У нее было мало общего с этим хишем из-за ее эмоционального беспокойства и усталости.

Это устраивало Флэндри.

Разговаривая с Горем наедине, если не считать стражника, который не понимал, что они бормотали, он мог с помощью частичной амнезии и подавленного гнева настроить этого дидонианина как угодно.

— Ты должен служить мне,— повторял он снова и снова.— Не исключено, что нам придется вступить в сражение, и ты можешь понадобиться вместо того хиша, которого больше нет. Не доверяй и не подчиняйся никому, кроме меня. Я один могу освободить тебя в конце нашего пути и впридачу дать хорошее вознаграждение обоим твоим объединениям. Кроме того, запомни, что и у меня есть враги среди тех, кто идет вместе со мной.

Он должен был говорить с хишем по тщательно разработанному плану, излагая события правдиво, как этого требовала ситуация. Но вскоре Флэндри обнаружил, что это не только необязательно, но и нежелательно.

Горе был значительно менее умен и восприимчив к новым знаниям, чем Открыватель Пещер. Для этого хиша люди были сверхъестественными созданиями. Флэндри, который явно был их предводителем и, кроме того, повивальной бабкой и учителем, пробудившим сознание хиша, воспринимался им совершенно очевидно, как водоворот, вихрь судьбы.

Искаженные воспоминания о том, что он и Кэтрин свя-

зывали с Открывателем Пещер, заставляли теперь Флэндри думать о конфликте между Силами.

Мозг руки, более развитый из всех трех существ хиша, внес определенные черты своего менталитета в личность Горя. Его окончательное подозрение по отношению к другим существам хиша было целенаправленно, но не окончательно успокоено усилиями Флэндри.

Когда они достигли подножья гор, Горе был полностью в его власти. Под влиянием ноги и криппо дидониания уже начал заглядывать в будущее в поисках новых приключений.

Как Флэндри мог воспользоваться своей властью над дидонианином, как он мог использовать этот послушный инструмент, если он вообще мог его использовать, Флэндри не в состоянии был предсказать. Это зависело от ситуации, которая сложилась бы к концу путешествия.

Однажды Кэтрин пригласила Флэндри прогуляться где-нибудь в стороне от остальных.

Влажное тепло и густые джунгли скрыли их.

Идти было легко, и вскоре высокие фигуры дидониан исчезли из вида.

Но проснулась плоть.

Он и она стояли в зарослях тростника, полностью отгороженные от внешнего мира, и смотрели друг на друга.

— Почему мы с тобой больше не говорим наедине, Доминик? — спросила она его. Ее взгляд был мрачен, и она взяла его руки в свои ладони.

Он пожал плечами:

— Слишком много дел.

— Я думаю, что настоящая причина гораздо серьезнее. Мы не осмеливались. Каждый раз, когда я вижу тебя, я думаю о... — после секундной заминки она продолжала, — ты последний человек после Хага, которого я хотела бы когда-нибудь обидеть.

— После Хага.

— Ты возвращаешь мне его. Никакой бог не смог бы сделать ничего более замечательного.

— Из твоих слов, по всей видимости, — сказал он с вы-

зовом,— я могу сделать вывод, что ты не изменила своего отношения ко мне.

— Нет. Ты почти заставил меня желать того, что я бы могла пожелать. Но ты не представляешь, как я расстроена. Я надеюсь, искренне надеюсь, что ты найдешь ту женщину, которая тебе подойдет.

— Я уже сделал это,— сказал он.

Она вздрогнула и поморщилась от боли. Он обнаружил, что чуть не раздавил ее руки, и перестал их сжимать.

— Кэтрин, дорогая, мы приближаемся к дому, но мое предложение остается в силе. Если мы будем вместе — отсюда и до Порта Фредериксен,— то я присоединюсь к революции.

— Это недостойно тебя,— сказала она, побледнев.

— Я знаю,— огрызнулся он.— Абсолютная измена. Ради тебя я продам свою душу. Она и так принадлежит тебе.

— Как ты мог произнести «измена»? — вскричала она, будто он ударил ее.

— Запросто. Измена, измена, измена. Ты слышишь? Революция хуже, чем зло, она — тупость. Ты...

Она рванулась, как раненая лань, и исчезла.

Он стоял в одиночестве до тех пор, пока ночь полностью не окутала его.

«Ну*, Флэндри,— наконец подумал он,— так что же заставило тебя предположить, что космос создан специально для твоего благополучия?»

После этого случая Кэтрин не старалась избегать его. Это было невозможно в сложившихся обстоятельствах, и это не входило в ее желания. Напротив, она часто сдержанно улыбалась ему, и это вызывало в нем волнение. А когда им случалось разговаривать, голос ее звучал дружелюбно.

Он отвечал ей тем же. Однако с той поры они старались не терять из вида своих спутников.

И тех это вполне устраивало. При каждом мало-мальски удобном случае они бросались очертя голову выполнять каждое ее пожелание.

Без сомнения, она искренне сожалела о том, что ей при-

* У автора: «Nu».

шлось обидеть Флэндри; но она ничего не могла поделать с тем, что в ней поднималась радость с каждым пройденным в западном направлении километром и рождала в ней смех, доброту, снисходительность и чуткое внимание к окружающим.

Хейвлоку было нетрудно заставить ее рассказать, ни о чем не подозревая, все, что она знала об эйнианской базе.

— Черт побери, мне неприятно использовать ее таким образом! — сказал он, в очередной раз без свидетелей до-кладывая своему командиру о проделанной работе.

— Ты делаешь это ради ее же будущего благополучия,— ответил Флэндри.

— Для того чтобы освободить ее от бесконечной жестокости и издевательств в прошлом.

— И в будущем тоже. Да. Однако... Том, мы всего-на-всего собираем информацию. Придется ли нам сделать что-то еще, полностью зависит от того, как будут складываться обстоятельства, когда мы доберемся до цели. Я уже говорил тебе, что не буду стремиться к доблестным, но бессмысленным поступкам. Мы вполне могли бы спокойно согласиться на интернирование.

— Однако, если мы не пойдем на это...

— Тогда мы постараемся побыстрее прекратить безумие, сумев при этом спасти жизни немногим, в том числе и Кэтрин.

Флэндри похлопал по спине младшего лейтенанта.

— Расслабься, сынок. Все это — одни слова. Я должен был бы выражаться более аккуратно и не допускать, чтобы меня неправильно поняли. Тем не менее расслабься, умерь свой пыл, сынок. Помни девушку, которая ждет тебя на Земле.

Хейвлок криво ухмыльнулся и ушел прочь, сутулясь. Флэндри немного постоял в одиночестве.

«А вот у меня никогда не будет любимой девушки,— грустно размышлял он,— если только Хаг Маккормак не пожелает попасть под луч бластера. Может, тогда...

Смогу ли я как-нибудь организовать это — так, чтобы она никогда не узнала, что я приложил к этому руку? Смо-

гу ли? Сон наяву, пустая блажь, конечно. Но если предположить, что такая возможность вдруг появится... смогу ли я?

Если честно, то я не могу ответить на этот вопрос».

Так же, как и побережье Тихого океана на Американском континенте (на Земле, на матушке-Земле), западная оконечность Барки была вся покрыта складками гор, которые резко обрывались в океан.

Когда Кэтрин увидела сияние больших вод, она вскарабкалась на самое высокое дерево, которое было поблизости.

От ее крика с деревьев посыпалась листва.

— Бирза-Хэд! Это может быть только он, это мыс! Мы менее чем в пятидесяти километрах к югу от Порта Фредериксен!

Она радостная спустилась вниз.

А Доминик Флэндри сказал только:

— Дальше я пойду один.

— Что?

— Полечу в одном из космических скафандров. Во-первых, мы должны разбить свой лагерь в каком-нибудь приятном и легко обнаруживаемом месте. После этого я запрошу базу о том, смогут ли они одолжить нам какой-либо самолет. Так будет гораздо быстрее, чем пешком.

— Разреши мне продолжить путь,— потребовала она, дрожа от нетерпения.

«Ты, конечно, смогла бы идти до тех пор, пока не выгнут последние звезды, если бы у тебя был выбор. Только у тебя его нет»,— подумал Флэндри и вслух сказал:

— Прошу прощения, нет. Кроме того, не пытайся связаться по радио. Слушай, но не передавай. Как же мы сможем объяснить, в чем суть нашего дела? Наше положение может быть плохим. Например, варвары могли использовать преимущества нашей «семейной» ссоры и оккупировать базу. Я должен проверить это. Если я не вернусь в течение... хм... двух здешних дней (далее мысли Флэндри уже переключились с Кэтрин на дела, связанные с его командой,— «Ты всегда должен будешь поначалу прикиды-

ваться дурачком, не так ли?»), лейтенант Валенсия примет команду и будет действовать на свое усмотрение.

«Я бы предпочел Хейвлока. Валенсия слишком симпатизирует революции. Но все-таки я должен установить некоторое джентльменское соглашение между старшими офицерами, если я действительно собираюсь лгать тебе, моя драгоценнейшая, если я собираюсь получить хоть малейший шанс нанести урон твоему делу, моя любовь до гроба, до конца».

Группа устроилась на стоянку около ручья, не разжигая костра, под деревьями, которые частично защищали и прятали их от посторонних глаз.

Флэндри одобрил выбор. Он не делал специальных предупреждений Горю или своим твердым сторонникам из команды. Все они заранее договорились о системе сигналов.

— Будь осторожен, Доминик,— сказала Кэтрин.

Ее искреннее беспокойство было для него, как нож острый.

— Не рискуй собой. Ради нас всех.

— Я не буду рисковать,— пообещал он.— Мне нравится жить.

«О, да, я постараюсь еще некоторое время наслаждаться жизнью, независимо от того, сделаешь ли ты ее для меня более полной».

— Пока.

Он включил импеллер. В течение секунды или двух он уже перестал видеть, как она машет ему на прощание рукой.

Он летел медленно, шлем его был открыт, и он ощущал аромат ветра и запах соли, пока следовал вдоль побережья на север.

Океан на Дио, не имевшей луны, был без прибоя. Он раскинулся серым полотном под серым небом, но в любой большой водной массе всегда происходит какое-то движение, всегда есть какая-то тайна. Он увидел замысловатые узоры волн и пен, огромные пятна водорослей и стада плавающих животных, ураганный ливень, уходящий за горизонт.

Справа от него виднелись широкие пляжи, леса сменяли равнины, на которых паслись огромные стада животных.

Над равнинами кружили стаи диковинных летучих существ.

«По большей части,— подумал Флэндри,— планеты не-плохо существуют, если человек им не мешает».

Однако его сердце сильно забилось, когда он увидел Порт Фредериксен. Это была его цель.

База занимала маленький, легко обороняемый полуостров. Она была довольно старой и похожей на настоящую общину. Сборные домики, ангары, укрытия, лаборатории изменились под воздействием атмосферы Дио, заросли вьющимися растениями, стали почти полностью частью ландшафта; а среди них стояли дома, построенные из местной древесины и камня, в свободном стиле, естественном для данного места. Вокруг были сады и парки.

Кэтрин рассказывала, что обычно население базы составляло около тысячи человек, но сейчас оно было, безусловно, гораздо меньше, если учесть возможное вторжение.

Флэндри увидел нескольких обитателей базы.

Его внимание привлекла площадка космодрома. Если бы на ней стояло обычное межпланетное судно, то его решением было бы сдаться.

Но нет.

Хаг Маккормак оставил на передовом посту боевой сверхсветовой корабль.

Он был не очень большим — подэсминец класса штурмовика, имеющий в качестве основного оружия бластерную пушку, в качестве основного средства защиты — броню и маневренность, обычную команду из двадцати пяти человек — но этот корабль стоял с разведенными парами, и сердце Флэндри подпрыгнуло.

«Эта крошка будет моей!» — подумал он.

Он приблизился. Похоже, что корабль стоял с двумя включенными на минимально контролируемом уровне двигателями из четырех, если судить по площади опустошения, образовавшегося вокруг него. Но почему корабль был готов к полету, с горячими соплами? С его контрольно-измерительными приборами и компьютерами один человек мог бы полететь на нем куда угодно.

В Порту Фредериксен были средства оповещения о приближающейся опасности, что оставляло команде достаточно времени для того, чтобы взобраться на борт и взлететь.

Другим вариантом могло быть то, что этот корабль оказывал какую-то помощь гражданским службам.

Над серийным номером корабля сверкнуло имя «Эрвин Роммель». Так кто же это, черт побери, был? Какой-то германианин? Житель планеты Германия? Нет, похоже, что это был землянин, восставший из исторических файлов с помощью системы поиска данных, запрограммированной на то, чтобы запоминать имена нескольких десятков тысяч за-воевателей.

Люди высypали из зданий.

Флэндри заметили. Он приземлился в парке.

— Здравствуйте,— сказал он,— мой корабль был слегка поврежден.

В течение следующего часа он расспрашивал о Порте Фредериксен. Со своей стороны, он был в меру откровенен.

Он рассказал о случайной встрече с кораблем противника, посадке поврежденного в бою корабля, о путешествии через материк. Главная деталь, которую он опустил в своем рассказе, была та, что он не является сторонником Хага Маккормака.

Если бы его схема не сработала, то эйниане должны были сильно разозлиться, когда узнали бы настоящую правду, но они не убили бы его, понимая, что он должен был в сложившихся условиях прибегнуть к военной хитрости. Те люди, которых встретил Флэндри, были агентами связи, влияния, которые находились на базе вместе с членами команды «Роммеля», несколькими учеными и обслуживающим персоналом. Они занимались установлением взаимовыгодных отношений с проживающими по соседству дидонианами и фабрикой, расположенной на базе. Делая практическую работу, они одновременно расследовали обстановку.

Обитатели базы были одиноки. Молчание межпланетного радио угнетало, но было необходимо, так как корабли Джошуа уже несколько раз совершили налеты на систему Вёрджила.

Каждый месяц или реже корабль с Эйниса привозил необходимые вещи, почту, новости. Последний раз корабль был здесь несколько дней назад.

Таким образом, Флэндри получил самый современный обзор новостей.

С точки зрения эйнианцев, новости были удручающие. Производство, средства перемещения войск и товаров, средства связи разрушаются при попустительстве Хага Маккормака. Он отказался управлять значительным сектором пространства. Вместо этого он приказал своим силам обороныть те миры, которые поддержали его. Они были минимальны, эти силы. Они затрудняли передвижение сил Джошуа, но не могли предотвратить изматывающие атаки налетчиков Снелунда.

Неплохо укомплектованная флотилия могла бы легко уничтожить их поодиночке. Но, чтобы предотвратить это, Маккормак держит основную часть своих сил около Сатана.

Если Джошуа собирает свои силы, он тут же узнает это от своих разведчиков, выйдет навстречу армаде и, используя свои тактические возможности, рассеет ее.

— Но сторонники Джошуа знают это,— сказал директор Джоветт. Он гладил свою белую бороду дрожащей рукой.— Они не смогут сражаться за императора как подобает. И я сомневаюсь, что Снелунд когда-нибудь пошлет за подкреплением, даже если Земля сможет его выделить. Ему гораздо проще изматывать нас. Я уверен, что он бы наслаждался нашей агонией.

— Как вы думаете, мы уступим давлению? — спросил Флэндри.

Голова пожилого человека поднялась:

— До тех пор, пока жив наш император,— нет!

Так как эти люди соскучились по новостям и общению с новыми людьми, то Флэндри нетрудно было получить максимум информации. Они подробно отвечали на все его вопросы.

Почему бы не использовать «Роммель» как почтовый самолет, чтобы доставить на базу его компаний? Нет никаких данных или срочных сообщений с Эйниса о том, что ко-

рабль должен постоянно находиться в резерве. Джоветт и капитан корабля согласились. Конечно, на корабле не найдется места для всей команды, большая часть команды останется на базе. Несколько человек, которые умеют управлять таким кораблем, могли бы полететь с нами.

Флэндри заранее набросал несколько альтернативных планов. Однако сговорчивость сотрудников базы упростила его задачу.

Он вел корабль вверх и на юг. Поднимаясь, он вызвал на связь лагерь. Он был уверен, что тот, кто нужно, обязательно слушает шлемный радиопередатчик.

— Все отлично,— сказал Флэндри,— мы приземлимся на западном побережье и будем ждать вас. Дайте мне поговорить с младшим лейтенантом Хейвлоком... Том? Я — кью*. Передай, чтобы Юань и Кристофер начинали.

Это означало, что они должны были надеть оставшиеся два скафандра.

Корабль приземлился.

Весь личный состав доверчиво ступил на песок. Когда они увидели путешественников, вышедших из леса, они громко приветствовали их, стараясь перекричать ветер и расстояние.

Неожиданно над верхушками деревьев появились два мерцающих металлом космонавта в скафандрах. Секундой позже они зависли над вершиной корабля с бластерами напротив.

— Пожалуйста, поднимите руки вверх,— сказал Флэндри.

— Что? — вскрикнул капитан. Он почти инстинктивно хлопнул себя по боку, где висела кобура его офицерского оружия. На небольшом расстоянии от его головы ударил луч бластера. Вспыхнул сноп искр, облачко пара поднялось в том месте, куда он попал.

— Руки вверх, я повторяю,— резко отчеканил Флэндри.— Вы станете трупами, прежде чем успеете выстрелить.

Застыв на месте, они подчинились.

— Мы конфискуем ваш корабль,— сказал им Флэндри.

* Корабль-ловушка (англ.-амер. воен. морск. жаргон).

ри.— Вам лучше сразу же отправиться домой. Это займет всего несколько часов пешего хода.

— Ты — Иуда,— капитан плюнул в лицо Флэндри.

Флэндри утерся и ответил:

— Это как сказать. Ступайте.

Юань некоторое время сопровождал группу. Незадолго до этого неожиданно наставленные бластеры сделали пленниками тех членов команды погибшего «Асинёв», чья верность была под вопросом.

Более озадаченный, чем сердитый, Молния, Ударяющая в Дом, повел расцепленные существа на борт. Горе вел Кэтрин вверх по трапу.

Как только Флэндри увидел ее, он сразу постарался найти себе занятие в другом конце корабля.

Расставив свою команду по местам, уточнив штатное расписание и готовность людей к полету, Флэндри привел в действие гравитационный двигатель. Зависнув над базой, он вывел из строя межпланетный передатчик, выстрелив в его антенну.

После этого он передал в эфир предупреждение всем обитателям базы и дал время для их эвакуации. Затем он разрушил некоторые другие важные с военной точки зрения объекты.

У эйниан будет провизия, защита, останутся средства обороны. Но они не смогут никуда улететь с базы или с кем-нибудь связаться, пока не прибудет следующий почтовый корабль с Эйниса, а Флэндри знал, что следующий такой корабль ожидается приблизительно через месяц.

— Курс на восток, гражданин Хейвлок,— приказал Флэндри.— Мы высадим наших приятелей в Гремящем Камне и оставим им еду и инструменты. Ах, да, еще нужна еда для нового дидонианина, который с нами. Я думаю, что сумею найти применение этому хишу.

— Где же, сэр?

— На Линатавре. Мы осторожно покинем эту систему, так, чтобы не быть замеченными. Оказавшись в открытом космосе, мы помчимся на максимальной гиперсветовой скорости к Линатавру.

— Как же так, сэр? — выражение лица Хейвлока изменилось от обожания до изумления.— Я прошу прощения у капитана, но я не понимаю. Я имел в виду, что вы превратили катастрофу в триумф, мы получили основной код врача, и он не знает об этом, и нам теперь следовало бы атаковать Айфри. Особенно, когда Кэтрин...

— У меня есть свои соображения,— сказал Флэндри.— Будьте уверены, что она никогда более не попадет в лапы Снелунда.

При этом у Флэндри было такое выражение лица, что на месте Хейвлока никто не осмелился бы задавать новые вопросы.

XIV

Снова была теснота закованного с металлом пространства военного корабля, воздух, тронутый запахом химической обработки, непрерывное биение движущей энергии, но была и по-зимнему холодная череда звезд, и среди них — нараставшая яркость одной определенной золотой точки.

От Вёрджила до Линатавра полет на корабле такого класса занимал обычно два стандартных земных дня.

Флэндри обосновался на капитанском мостике.

Кают-компания была слишком тесной для всех спутников Флэндри, но были включены аудиовизуальные системы внутренней связи.

Команда увидела Флэндри, одетого в белую офицерскую форму, которая была ему не очень впору, но соответствовала чину.

Он, как и все они, был изможден, черты лица его заострились, глаза неестественно блестели и резко контрастировали с потемневшей от загара кожей. В отличие от большинства членов команды, он не испытывал удовольствия от победы.

— Слушайте внимательно, — сказал он.— В таких чрезвычайных ситуациях, как наша, бывает необходимо пройти сквозь ряд формальностей.

Он взял пленку с записью основных событий. Поместив ее в бортовой журнал (естественно — ЭВМ, называемую журналом по традиции), можно было по первому требованию дать обоснование предпринятого захвата «Роммеля» и теперешнего статуса Флэндри как командира этого корабля.

— Некоторые из вас были арестованы,— продолжал Флэндри.— Это была мера предосторожности. Во время гражданской войны нельзя верить человеку, если нет точных доказательств его благонадежности, и вероятно, я не смог бы прибегнуть к военной хитрости, доверяя всем членам группы. Начиная с этого момента арест прекращается, и все арестованные освобождаются. Я особо отмечу в устном и письменном докладах начальству, что их содержание под арестом ни в коем случае не ставит под сомнение их лояльность и компетенцию и что я рекомендую каждого находящегося на борту этого судна к повышению по службе и к наградам.

Он не улыбнулся, когда они начали радоваться, не прервал своей монотонной речи:

— Силой доверенной мне власти и в соответствии с правилами, действующими в военно-космическом Флоте Земли на случай внеочередного призыва, я произвожу аборигена с планеты Дидо, известного нам по имени Горе, в военнослужащие сил Его Величества временно в ранге рядового космонавта. Учитывая особенности природы этого существа, в списках личного состава должна быть произведена регистрация его трех новых членов команды.

Ответом на последние слова Флэндри был дружный смех команды. Они подумали, что снова взыграл скрытый в нем бес. Но они ошиблись.

— Все системы внешнего обнаружения и регистрации должны постоянно работать в широком диапазоне,— продолжил Флэндри после короткой паузы.— При любом контакте с кораблем Империи офицер связи будет непрерывно подавать сигнал о добровольной сдаче и просьбе о сопровождении. Я полагаю, что все мы будем арестованы, как только корабль Империи войдет в соприкосновение с нами, до тех пор, пока не будут точно установлены наши честные

намерения. Однако я верю, что к тому времени, как мы достигнем орбиты Линатавра, мы все будем освобождены от подозрений.

И последнее. У нас на борту находится важный пленник. Я сказал младшему лейтенанту Хейвлоку, который должен был рассказать всем остальным, что леди Маккормак не будет возвращена в личную тюрьму губернатора сектора Альфа Крукис Снелунда.

Теперь я бы хотел записать это мое решение официально, но секретно, иначе наша акция стала бы предметом разбирательств в военном трибунале.

Я знаю, что принятие политических решений не входит в сферу деятельности офицеров военно-космических сил. Но, учитывая обстоятельства появления у нас леди Маккормак, включая сомнительную законность ее первоначального пленения, я пришел к выводу, что выдача ее Его Превосходительству была бы чревата мрачными последствиями.

Поэтому мой долг состоит в том, чтобы передать леди Маккормак руководству флота, которое может решить ее дело так, как сочтет необходимым.

В то же время мы по закону не можем отказаться выполнить приказ о ее выдаче, исходящий от Его Превосходительства.

Поэтому как командир этого корабля и как офицер службы безопасности Флота Империи, посланный с информационной миссией и имеющий право самостоятельно принимать решения о конфиденциальности тех или иных сведений, а также имеющий некоторые другие права, я объявляю присутствие леди Маккормак среди нас государственным секретом. Она будет спрятана прежде, чем мы придем в соприкосновение с любым кораблем Империи. Никто из вас не должен упоминать в будущем, что она все это время была с нами, за исключением случая, когда этому факту будет придана публичная огласка соответствующим правительственный органом.

Разгласить этот секрет означало бы для любого из вас навлечь на себя всю строгость законов и правил безопасности государства и обречь себя на уголовное наказание.

Если вас будут спрашивать, вы можете говорить, что она совершила побег как раз перед тем, как мы покинули Дидо. Это понятно?

Ему ответил нестройный хор голосов, выражавших согласие. Флэндри снова сел.

— Очень хорошо,— сказал он усталым голосом,— давайте подведем итоги. Прошу пригласить сюда для беседы леди Маккормак.

Он выключил внутреннюю связь.

Его команда разошлась по своим местам.

«Они все теперь у меня в кармане,— подумал он.— До тех пор пока я буду капитаном, они будут готовы полететь хоть в ад.— Он не чувствовал особенного превосходства.— Ведь в действительности я не хочу никакой другой команды, кроме этой».

Он открыл новую пачку сигарет, которую нашел среди запасов, сделанных прежними владельцами корабля. Он позволил себе расслабиться, оставшись наедине с самим собой. Было тихо, если не считать обычного слабого шума, создаваемого машинами, и звуков шагов, слышимых время от времени за дверью.

Его будто что-то сильно ударило в грудь, когда вошла Кэтрин. Он встал.

Она закрыла за собой дверь и замерла, выпрямившись. Она была единственной на корабле, кто смотрел на него с презрением. Его мерселянский боевой нож все еще висел у нее на бедре. Так как она молчала, он начал, запинаясь:

— Я... я надеюсь, что капитанская каюта не очень неудобна.

— И как ты собираешься спрятать меня? — спросила она. Ее голос был слегка хриплым, но больше ничем не отличался от обычного.

— Мицуи и Петрович демонтируют оборудование курьерской ракеты. Мы постелем что-нибудь мягкое внутрь и просверлим дырочки для дыхания так, чтобы они были не заметны.

Ты сможешь есть и пить, хм, и делать все остальное, что потребуется. Будет достаточно скучно лежать там в

темноте, но это не будет продолжаться больше двадцати или тридцати часов.

— А что потом?

— Если все пройдет так, как я предполагаю, нам позволят занять невысокую орбиту над Линатавром,— сказал он.— Команде шифровальщиков не потребуется много времени для того, чтобы считать данные с нашего компьютера.

После посадки нас, по-видимому, допросят и временно поместят на базе Катавраянниса до тех пор, пока не появятся основания нас выпустить.

Вся эта процедура будет четкой и быстрой: Флот интересует информация, которой мы располагаем, а не приключения, благодаря которым мы ее получили. Нам еще предстоит подробно рассказать о наших приключениях в следственном отделе службы безопасности, когда мы будем давать показания о потере «Асинёв».

А сейчас всех волнует, как быстрее расправиться с бунтовщиками до того, как они успеют сменить свои коды.

Я представляюсь как капитан «Роммеля», временно откомандированный для выполнения независимого задания.

Законность моего статуса может быть оспорена; в той суматохе, которая поднимется в связи с нападением на силы Маккормака, я сомневаюсь, что какой-либо бюрократ побеспокоится о том, чтобы сравнить мои слова с записями в бортовом журнале «Роммеля» или на базе Дида.

Их обрадует сам факт, что я несу ответственность за этот ставший столь ценным корабль. К тому же моя миссия требует, чтобы у меня были средства для передвижения в космосе и сбора информации.

Как капитан я обязан постоянно держать в качестве наблюдателей две руки, готовые к исполнению приказа. Когда находишься на причальной орбите, это вопрос техники, не более. И я подошел к этому именно технически, учитывая, что Горе является тремя членами нашей команды.

Теперь я уверен, что смогу вести разговор о том, что меня больше всего волнует, несмотря на недовольство или неодобрение хиша.

Поэтому использование хиша во время посадки для про-

ведения чисто технических процедур поможет освободить руки и головы двух квалифицированных космонавтов для выполнения более ответственных задач.

И последнее. Когда ты останешься одна на корабле после окончания всех формальностей, хиш выпустит тебя.

Флэндри закончил свою речь. Похоже, что его продолжительная лекция воздействовала на аудиторию приблизительно так же, как удары кулаком о железобетонную стену.

— Почему? — спросила она.

— Почему что? — он загасил свою сигарету и потянулся за следующей.

— Я не могу понять... может быть... почему ты сделал то, что ты сделал... по отношению к Хагу. Я никогда не смогла бы представить себе, что ты мог совершить такое. В течение долгого времени я знала тебя как храброго и добро-порядочного человека, который всегда стремится к справедливости, но теперь я начала догадываться, что под этой маской скрывается слабоволие.

Но то, что я совершенно не способна понять,— Кэтрин вздохнула,— это то, что ты — после всего, что было между нами — возвращаешь меня назад в рабство. Если бы ты не приказал Горю держать меня, не нашлось бы ни одного мужчины из твоей команды, который бы не отвернулся, когда я убегала бы в лес.

Флэндри не имел более сил смотреть на нее.

— Ты нужна,— пробормотал он.

— Для чего? Чтобы из меня выжали то немногое, что я знаю? Чтобы манить, дразнить и соблазнять Хага, время от времени напоминая ему обо мне в надежде, что это совершенно лишит его способности рассуждать? Или, может быть, для того, чтобы устроить показательный процесс? При этом не имеет значения, что этот метод имперского правосудия или имперской милости относится ко мне — той, которая умрет, если они убьют Хага.

Она не плакала и не собиралась плакать.

Боковым зрением Флэндри увидел, как она покачивает головой в своей неподражаемой манере.

— Я не могу понять,— сказала она медленно, но твердо.

— Пока я не могу рассказать тебе все подробно,— сказал он с мольбой в голосе.— Слишком много неизвестных в том уравнении, которое предстоит решить. Придется импровизировать по ходу дела. Но...

Она перебила его:

— Я буду играть в твою игру, потому что это единственный путь, по которому я смогу уйти от Снелунда. Но это и единственный способ в конце концов не быть с тобой.— Далее она продолжала более спокойно.— Было бы хорошо, если бы тебя не было поблизости, когда они будут засовывать меня в этот гроб.

Он кивнул.

Она ушла. Горе тяжелым шагом проследовал за ней.

* * *

Несмотря на все свои недостатки, губернатор сектора Альфа Крукис умел устроить великолепный стол. Более того, он был исключительно радушным хозяином, обладающим редким даром слушать гостя, как и даром делать острые и умные замечания.

Хотя Флэндри внутренне затаился, как пантера перед прыжком, при виде улыбки Снелунда, но все-таки позволил себе немножко расслабиться, увидев впервые за несколько месяцев по-настоящему цивилизованную еду.

Флэндри закончил свой рассказ об основных событиях на Дидо как раз к тому времени, как бесшумные живые работы-слуги убрали последние золотые тарелки, принесли бренди и сигары и исчезли.

— Грандиозно! — казалось, что Снелунд аплодирует Флэндри.— Совершенно уникальная раса! Вы сказали, что привезли один экземпляр сюда? Мне бы очень хотелось посмотреть на него.

— Это просто устроить, Ваше Превосходительство,— сказал Флэндри,— гораздо проще, чем вы, вероятно, думаете.

Брови Снелунда чуть-чуть дрогнули, его пальцы, державшие ножку бокала, едва напряглись.

Флэндри сидел, расслабившись, вдыхая аромат вина, время от времени слегка вращая бокал, чтобы полюбоваться игрой оттенков напитка, и громко, с присвистом, хорошо различимым на фоне тихо звучащей музыки, потягивал вино.

Они сидели на верхнем этаже дворца губернатора. Комнаты были не очень большой, но имела изящные пропорции и была со вкусом обставлена.

Стены были раскрыты навстречу летнему вечеру. В комнату вливался воздух садов, несущий с собой запахи роз, жасмина и менее знакомых Флэндри растений.

Внизу холма блестели огни города, похожие на скопления и гроздья световых точек — созвездия далеких галактик, над которыми возвышались городские небоскребы. Между ними стремительно мелькали воздушные корабли и кораблики.

Звук движения транспорта на улицах и в воздухе напоминал непрерывное бормотание. С трудом верилось, что все вокруг и на громадных расстояниях к звездам ревело от непрерывного, напряженного приготовления к войне.

Расслабленности Флэндри способствовало и то, что Снелунд не оказывал на него практически никакого давления. Флэндри вполне мог бы отдать Кэтрин Маккормак военным властям подальше от Снелунда для «обычного в таких случаях пристрастного допроса с целью максимизации успеха миссии наблюдения», что в другой ситуации было бы крайней дерзостью. Он постарался убедить Снелунда, что он потерял свой первый корабль и свою последнюю пленницу по случайной неосторожности, недомыслию.

Но после того как он вернулся с уловом, который позволит Пикенсу нанести повстанцам один-единственный, но смертельный удар, без помощи со стороны Земли и, вероятно, без последующего расследования действий специальных отрядов Снелунда,— губернатор не проявил ничего, кроме учтивости, по отношению к человеку, который буквально спас ему шкуру.

Однако когда Флэндри попросил разрешения на секрет-

ный разговор с губернатором, он никак не ожидал, что ему будет устроен такой роскошный обед на двоих.

— Действительно? — Снелунд выжидающе вздохнул.

Флэндри взглянул на него через стол: волнистые, огненного цвета волосы, женское, изнеженное лицо, цветастая, ярко-красная с золотом одежда, блеск и мерцание драгоценностей.

Под этим, подумал Флэндри, есть еще череп и внутренности.

— Дело в том, сэр, что я должен был принять одно деликатное решение,— сказал Флэндри.

Снелунд кивнул, улыбнувшись, но при этом его взгляд стал бесцветным и тяжелым, как два булыжника.

— Я подозревал это, командор. Некоторые аспекты вашего отчета и поведения, приказы, отдаваемые вами с поспешностью, в которой не было особой необходимости, и некоторый властный апломб не прошли мимо меня. Поэтому, вообще говоря, вы должны были бы поблагодарить меня за то, что я пропустил мимо ушей и не сообщил другим те слова, которые, как мне кажется, вы не смогли бы убедительно опровергнуть. А сейчас, хм, было бы любопытно узнатъ, что вы имеете в виду под деликатным делом.

— Я приношу вашему Превосходительству искреннюю благодарность,— Флэндри начал новую сигару.— Это дело мне представляется критически важным и для вас тоже, сэр.

Разрешите мне напомнить вам о той дилемме, которая встала передо мной на Лидо. Леди Маккормак пользовалась большой популярностью среди членов моей команды.

— Без сомнения,— Снелунд засмеялся.— Я научил ее некоторым необычным приемам.

«У меня нет оружия под бело-голубой униформой, Аарон Снелунд. При себе у меня только ноги и руки. И еще есть черный пояс в каратэ и навыки в других видах единоборств. Ради незаконченного дела я надену маску веселости и постараюсь стерпеть унижения, и это поможет мне довести дело до конца — с радостью уничтожить тебя».

Так как, по мнению Снелунда, Флэндри теперь должен

был чувствовать себя так, будто с него содрали кожу, и поэтому легко было проверить его правдивость, то Флэндри изобразил горькую усмешку:

— Не так все было удачно, как вы думаете, сэр. Она отказалась даже от моих предложений (Флэндри подчеркнул интонацией слово «моих»). Умоляю вас держать это в строгом секрете. Но, действительно, она была с нами — единственная женщина, красивая, способная, яркая.

К концу нашего путешествия практически все члены моей команды были влюблены в нее по уши. Она совершенно ясно дала всем понять, что ее пребывание здесь, у вас, было очень неприятным.

Если быть откровенным, сэр, я побаиваюсь мятежа в команде, если мои люди начнут подозревать, что ее собираются вернуть вам.

Кстати, достать и привезти сюда коды противника было большим риском с моей стороны.

— Итак, вы потворствовали ее побегу, — Снелунд отпил вино из бокала.

— Это запросто выяснит первый попавшийся следователь, командор. Это серьезное обвинение против вас независимо от того, сообщим мы об этом или нет. Ее все равно позже обнаружат.

— Но я не делал этого, сэр.

— Что? — Снелунд резко выпрямился в кресле.

Флэндри быстро сказал:

— Давайте отбросим иносказания, сэр. Она выдвинула серьезные обвинения против вас. Некоторые люди смогли бы использовать эти заявления, чтобы получить дополнительный довод в пользу того, что именно ваши действия привели к возникновению восстания. Я бы не хотел этого. Если вам приходилось читать исторические произведения, то вы согласитесь, что ничто не приносит больше неприятностей, чем образ Боадицей — точно не помню, как ее звали, — образ мученицы, особенно если это еще и красивая женщина.

Может случиться так, что на Империю обрушатся новые страдания. Я чувствовал, что мой долг — удерживать ее.

Чтобы получить согласие команды, я заверил их, что она не вернется сюда. Поэтому мы направили ее в специальный отдел Флота, где закон защищает пленника и любые свидетельства приобщаются к делу.

Лицо Снелунда окаменело.

— Продолжайте, — сказал он.

— Флэндри обрисовал вкратце, как он собирается спрятать Кэтрин.

— Флот будет собран и подготовлен к отправке на Сатан в течение приблизительно трех дней, — сказал он в конце своего рассказа, — поскольку теперь наши разведчики подтвердили, что враг все еще использует тот код, который я добыл. Предполагается, что я не буду сопровождать Флот. Однако моя команда надеется, что я получу приказ, если очень постараюсь, полететь на «Роммеле» к Айфри, на Землю или в другое какое-нибудь место, где Кэтрин была бы в безопасности.

У моих подчиненных всегда будет возможность выяснить, какой приказ я получил в действительности. Вы прекрасно знаете, как быстро распространяются такие сведения в любых учреждениях.

Если я не получу приказа, который позволит мне улететь подальше, то я не уверен, что секретность связет языки всех этих парней.

Раскрытие истинного положения дел из-за утечки информации могло бы поставить вас, сэр, в неудобное положение в это чрезвычайно напряженное время.

Снелунд осушил бокал и снова наполнил его. Характерное бульканье жидкости, льющейся из бутылки, громко звучало на фоне тихой музыки.

— Почему вы рассказали мне все это?

— По причине, которую я вам уже называл. Как патрист, я не могу позволить, чтобы дальнейшие события вели к продолжению восстания.

Снелунд внимательно посмотрел на Флэндри.

— И она отказалась вам? — спросил он медленно.

Злоба сквозила в ответе Флэндри:

— Я не очень-то настаивал. Тем более если учесть, что она уже побывала во многих руках.

И быстро добавил, сразу успокоившись:

— Но это не имеет отношения к тому, что мы с вами обсуждаем. Мои обязательства перед вами, Ваше Превосходительство, те же, что и перед Империей...

— Да, конечно,— Снелунд оживился.— Вовсе не повредит иметь среди тех, кто нынче идет в гору, человека, обязанного вам, не так ли?

Взгляд Флэндри стал самодовольным.

— Да, да, я думаю, что в данном случае у нас с вами полное совпадение взглядов, я бы сказал — резонанс. Так в чем же состоит ваше предложение?

— Хорошо,— ответил Флэндри.— Насколько известно в официальных кругах, на «Роммелे» нет никого, кроме моего многочленного дидонианина. И хиш никогда не сможет говорить. Если приказ о моем новом назначении будет издан прямо сегодня вечером, чтобы я мог не просто улететь куда-то и занять там какой-то пост, а провести новую разведку и потом составить отчет на мое усмотрение — с минимальной командой на борту (Ваше Превосходительство может запросто позвонить кому-нибудь из аппарата Пикенса и проверить мои слова) — я смогу вернуться на корабль и улететь.

Моя команда начнет забывать леди Маккормак. Если они не будут ничего знать о ней в течение года или двух — к тому же новые назначения рассеют их по разным районам Империи — их чувства остынут сами собой. Забвение — самый ценный слуга, Ваше Превосходительство.

— Как и вы,— просиял Снелунд.— Я начинаю верить, что наши карьеры отныне должны быть связаны, командор. Если я смогу доверять вам...

— Вы можете сами во всем убедиться,— предложил неожиданно Флэндри.

— Что? — не понял Снелунд.

— Вы сказали, что хотели бы встретиться как-нибудь с моим дидонианином. Это можно устроить. Я дам вам параметры орбиты «Роммеля», и вы самостоятельно подниметесь

на своем личном транспорте, не говоря никому, куда вы сбрались.

Флэндри выпустил кольцо дыма.

— Вы смогли бы принять личное участие в том, что сами задумали. Чтобы создать видимость того, что это — профессиональное преступление, в нашем распоряжении будет несколько часов.

Флэндри молчал до тех пор, пока Снелунд не покрылся холодным потом и не произнес с жадностью:

— Да!

Флэндри не смел поверить в то, что цель, к которой он стремился, близка. Если бы ему не удалось этого добиться в этот раз, то он бы сделал целью всей своей жизни достичь желанного результата другими методами.

При этой мысли он почувствовал такую слабость и головокружение, что тут же усомнился в том, сможет ли вообще выйти отсюда.

Но он вышел после недолгих и незначительных разговоров и приготовлений.

Личный транспорт губернатора доставил его на базу Катавраяннис, где он переоделся в обычную рабочую форму, получил приказ и поднялся на ракете к «Роммелю».

Для того чтобы доставившая его ракета спустилась обратно на землю, требовалось время, которое необходимо было, чтобы пилот не заметил другую ракету и не вздумал пуститься за ней.

Флэндри присел на капитанском мостике, одинокий в своих мыслях. Экраны внешнего обзора показывали ему планеты и звезды во всем их огромном и молчаливом великолепии.

По металлу прошли вибрации, когда соединились входные люки двух ракет и магнитные захваты сделали соединение герметичным.

Флэндри подошел к люку, чтобы встретить гостя.

Снелунд, тяжело дыша, прошел через соединенные люки. С ним была сумка с набором хирургических инструментов.

— Где она? — спросил он требовательным тоном.

— Пожалуйста, сюда, сэр,— Флэндри позволил ему пройти вперед. Казалось, что он не обратил никакого внимания на оружие Флэндри, сложенное там, где его обычно хранят его телохранители. Сейчас их не было. Они могли бы проболтаться.

Горе стоял перед дверью капитанской кабинны. Снелунд мельком посмотрел на хиша и прошел мимо, в то время как Флэндри сказал хишу на пиджине:

— Независимо от того, что ты услышишь, оставайся там, где стоишь, до тех пор, пока я не прикажу тебе, что делать.

Рог ноги качнулся в знак того, что слова поняты. Рука поправил свой топор, висевший сбоку. Криппо сидел на своем живом насесте, как сокол-тетеревятник.

Флэндри открыл дверь.

— Я привел к тебе гостя, Кэтрин,— сказал он.

Она издала крик, который Флэндри еще долго будет слышать вочных кошмарах.

Ее рука схватила мерселянский боевой нож.

Он ударом вышиб сумку из рук Снелунда и применил захват, который нельзя было разъять ничем.

Захлопнув ударом ноги за собой дверь, он сказал:

— Делай с ним все, что захочешь, Кэтрин, все, что тебе угодно.

Снелунд закричал.

XV

Сидя в кабинете управления ракетой, Флэндри подготовил приборы, ответственные за включение экранов внешнего обзора, и нажал кнопку. Космос предстал перед ним.

Хмурый Сатан и мерцающие звезды медленно уходили в сторону, пока «Роммель» кружился вокруг планеты и ощупывал радарами ее неизменную на протяжении веков поверхность.

Дважды Флэндри удалось заметить мелькание темных

объектов, пересекавших Млечный Путь: это были прошедшие близко боевые корабли.

Но если бы не приборы, он бы не догадался, что находится в самом центре вражеского флота.

Приборы убедили его в том, что он вошел в сферу влияния флота Маккормака. У него состоялось несколько резких разговоров с повстанцами, когда «Роммель» достиг предела досягаемости радиосвязи.

Даже тогда, когда Кэтрин разговаривала с Хагом Маккормаком, между ними стояло какое-то незримое препятствие.

Предупрежденный своим офицером связи о том, чего следует ожидать, адмирал имел достаточно времени, чтобы надеть маску. Разве мог он быть уверенным, что это не был очередной трюк Снелунда? Или в том, что он разговаривает со своей женой, а не с электронным теневым изображением; она ведь должна была быть под электроцеребральным наркозом, говорить те слова, которые оператор проецирует в ее среднее ухо.

Предложения, не характерные для Кэтрин, дошедшие до Маккормака от изображения, похожего на оригинал, хотя все остальное, кроме лица, было совершенно неустойчиво, должны были только усилить его страхи.

Флэндри был очень удивлен. Ему казалось, что она должна была кричать от радости при виде мужа.

Объяснялось ли это простой, но сильной привычкой не выражать своих чувств на людях, или в этот момент наивысшего душевного напряжения, в самый важный момент ее жизни она едва удерживала себя от того, чтобы улететь куда глаза глядят?

Нельзя было спросить ее об этом.

Она подчинилась указаниям Флэндри, не выдав ни одного его секрета и настояв на том, чтобы Флэндри и Хаг провели переговоры вдвоем, при закрытых дверях, перед тем, как предпринять что-то еще, и Маккормак согласился, при этом его голос был слегка хриплым и не совсем твердым. А потом уже колесо событий завертелось слишком быстро (отдача распоряжений, слежение за показаниями при-

боров, маневр приближения и согласование орбит), чтобы Флэндри успел осознать, что чувствовала Кэтрин.

Но пока он делал необходимые приготовления к отлету, она вышла из кабины, в которой уединялась.

Она сжала его руки, заглянула в глаза и прошептала:

— Доминик, я буду молить бога за вас обоих.

Ее губы коснулись его губ. Они были такими же холодными, как и ее пальцы, и имели соленый привкус.

Прежде чем он успел ответить, она снова быстро спряталась в своей каюте.

Во время этого последнего путешествия между ними установились странные отношения. Сыграли свою роль и царский подарок, который Флэндри ей сделал, и тот план, который он изложил ей, и то, что она во многом помогла ему, когда поняла, что на этот раз Флэндри ее не обманывает, и, конечно, мечтательные разговоры, которые они иногда вели, вспоминая прежние дни и далекие места, короткое пребывание на Дио, не изобиловавшее приключениями. И Флэндри сомневался, что мужчина и женщина могли бы быть ближе друг другу в супружестве, чем они в такие минуты. В известном смысле они бы, конечно, могли, но именно об этом они, как говорившись, молчали.

А тем временем в поле зрения показался «Персей», и вместе с ним приблизился конец, как Флэндри ни старался утешить себя, конец их отношениям.

Флагман нависал, как полная луна, со следами термического перегрева, оставившего цветные узоры на обшивке корабля, с выпуклыми гондолами маленьких вспомогательных ракет по бокам и с башнями пушек, ощетинившийся стволами орудий, корпусами и антennами датчиков, как кристаллический лес.

Вокруг него сновала ракета-спутник.

Огни индикатора замигали на панели перед Флэндри, и динамик произнес:

— Мы захватили вас радарами на сближение и стыковку. Начинайте.

Флэндри запустил гравитационный двигатель. Его небольшая ракета покинула «Роммель» и открыто перешла

под контроль «Персея». Путешествие было коротким, но чувствовалось чрезвычайное напряжение с обеих сторон.

Как мог быть Маккормак уверенным, что это не был способ доставить ядерный заряд прямо внутрь его основного корабля и подорвать его?

«Он не может быть уверенным в этом,— подумал Флэндри.— Особенno если я не позволю обыскивать меня. Конечно, со своей стороны, я боюсь быть пойманым этими людьми, и это действительно понятный страх, но, все равно, сам Маккормак довольно смел. Я ненавижу его до последней клетки, но должен признать, что он смел».

Большой корабельный шлюз раскрылся и поглотил его.

В течение минуты Флэндри сидел и слушал, как воздух наполняет его оболочку. Затем открылись внутренние шлюзы для прохода персонала. Флэндри вышел из своей ракеты и двинулся навстречу шести или семи человекам, которые ждали его. Они мрачно смотрели на него, ни приветствуя, ни отдавая честь.

Он также молча разглядывал их.

Повстанцы, как и он, выглядели голодными и усталыми, но их вид был менее здоровым, на желтоватых лицах лежал отпечаток длительного недоедания.

— Расслабьтесь,— сказал он.— Осмотрите мою ракету, если хотите. Уверяю вас, здесь нет никаких дьявольских штучек. Давайте лучше не будем зря тратить время.

— Пожалуйста... сюда.

Лейтенант, который вел группу, пошел вперед быстрой, скованной походкой.

Часть группы осталась позади, чтобы проверить ракету Флэндри. Те, кто шел сбоку от Флэндри, были вооружены. Это его не беспокоило. Ему приходилось преодолевать и большие опасности, прежде чем он научился спать спокойно.

Они прошли по металлическим туннелям, переходам мимо многочисленных ниш и сотен глаз, в молчании, которое едва нарушалось пульсом и дыханием корабля.

В конце концов они подошли к двери, которую охраняли четыре космонавта.

Лейтенант что-то сказал им и вошел внутрь. Входя и отдавая честь, он доложил:

— Командор Флэндри, сэр.

— Пусть войдет,— ответил низкий голос, лишенный интонации.— Оставьте нас одних, но будьте рядом.

— Да, сэр,— лейтенант отступил в сторону.

Флэндри вошел.

Дверь за ним закрылась с мягким шипением, что говорило о полной звукоизоляции.

В адмиральских покоях стояла тяжелая тишина. Эта главная комната корабля была обставлена с пуританским вкусом: стулья, стол, кушетка, простой коврик, полки и стеллажи, над головой — сероватый свет светильника, не имеющего никаких украшений.

Несколько фотографий и цветных изображений давали дополнительное впечатление об этой личности: семейные портреты, фотография его дома, сцены дикой природы. Дополняло это впечатление шахматная доска и книжная полка, на которой лежали как наставления по шифровальному делу, пленки с записями, так и классическая и научно-техническая литература.

Одна из внутренних дверей была открыта, показывая рабочий кабинет, где Маккормак, вероятно, ежедневно трудился после своего дежурства на вахте.

«Без сомнения, его спальня всегда оставалась монашеской кельей,— подумал Флэндри,— камбуз и бар использовались редко, а...»

— Здравствуйте,— сказал Маккормак.

Он стоял во весь свой высокий рост, большой и изможденный, как и его подчиненные. Но держался он прямо, одет был в безукоризненно чистый китель, и туманность и звезды морозно поблескивали на его плечах.

Флэндри увидел, что он заметно постарел: в его темных волосах было теперь гораздо больше проседи, чем на фотографиях, которые видел Флэндри перед отлетом, его лицо осунулось и покрылось морщинами, глаза ввалились, нос и подбородок заметно выдавались.

— Добрый день.— В какой-то момент Флэндри почувст-

вовал неведомый ранее трепет, вызванный, по-видимому, неадекватностью всего происходящего.

Усилием воли он заглушил его в себе, как и злорадство по поводу увиденного.

— Вам следовало бы отдать честь по форме, командор,— спокойно сказал Маккормак.

— Это противоречит правилам,— сказал Флэндри.— Вы потеряли право носить свое звание.

— Так ли? Ладно,— Маккормак сделал жест.— Не присесть ли нам? Не хотели бы вы перекусить?

— Спасибо, нет,— сказал Флэндри.— У нас нет времени на дипломатические игры. Флот Пикенса нападет на вас раньше, чем через 70 часов.

Маккормак сел.

— Я знаю это, командор. Наши разведчики находятся на постоянном дежурстве. Концентрацию таких больших сил невозможно скрыть. Мы уже подготовились к решающему сражению. Мы ждем гостей.

Он посмотрел вверх на молодого собеседника и добавил:

— Как вы заметили, я обращаюсь к вам, называя ваш действительный военный чин. Я — император для всех землян. После войны я намерен провести амнистию почти для всех, кто воевал со мной по недоразумению. И даже, может быть, для вас.

Флэндри тоже присел, как раз напротив Маккормака, закинул ногу на ногу и усмехнулся.

— Вы так уверены в себе, адмирал?

— То, что вас послали вперед, чтобы попытаться вести со мной переговоры, имея мою жену в качестве заложницы, свидетельствует о том, что вами овладевает отчаянье,— складки рта Маккормака затвердели. Мгновенно его охватил гнев, хотя он и не повысил голос:

— Я презираю мужчину, который способен на такой поступок. Вы что думаете,— я брошу всех, кто мне доверяет, чтобы спасти одно существо, может быть, даже самое дорогое для меня? Идите и скажите Снелунду и его преступникам, что им не будет ни мира, ни прощения, даже если они побегут на край вселенной. Они заслужили смерть, и если

они будут продолжать и дальше пытать Кэтрин, то люди будут миллионы лет с ужасом вспоминать их страшный конец.

— Я не могу передать это послание по адресу, — ответил Флэндри, — потому что Снелунд мертв.

Маккормак наполовину поднялся.

— Мы с Кэтрин прилетели сюда, чтобы объяснить вам, что если вы примете сражение, то вы и ваши сторонники тоже погибнете.

Маккормак перегнулся через стол и с силой сжал руки Флэндри повыше локтей.

— Как это так? — закричал он.

Флэндри резко освободился от этого захвата приемом дзюдо.

— Не трогайте меня, Маккормак, — сказал он.

Они оба вскочили на ноги, два великаны, и встали друг против друга.

Маккормак сжал кулаки. Дыхание с шумом вырывалось из него.

Флэндри стоял в открытой стойке, с напряженными в коленях ногами, слегка наклонившись, готовый уклониться от удара и срубить противника приемом карате.

Напряженное молчание длилось тридцать смертельно опасных секунд.

Маккормак овладел собой, повернулся, прошел важной, адмиральской походкой несколько шагов и снова повернулся лицом к Флэндри:

— Хорошо, — сказал он, как будто задыхаясь. — Я привлек вас сюда, поэтому могу и дальше выслушивать вас. Продолжайте.

— Так-то лучше, — Флэндри снова расположился в своем кресле и вытащил сигарету.

Его била внутренняя дрожь, бросало то в жар, то в холод.

— Дело в том, — сказал он, — что у Пикенса имеются ваши коды.

Маккормак чуть не грохнулся там, где стоял.

— С учетом этого, — Флэндри вдруг стал чрезмерно

многословным,— если вы вступите в сражение, он наголову разобьет вас; если вы отступите, он будет охотиться за вашими отдельными эскадрами, гнать и уничтожать их; если вы рассеете свои силы, он уничтожит каждый ваш корабль в отдельности, разрушит каждую вашу базу, прежде чем вы сможете собраться с мыслями и с силами. У вас совершенно не осталось времени, чтобы перекодировать свои сообщения, и теперь вам уже не позволяют это сделать. Вы проиграли, Маккормак.

Флэнди слегка взмахнул рукой, держащей сигарету.

— Кэтрин подтвердит мои слова,— добавил он.— Она была свидетелем всех последних событий. Оставшись наедине с ней, вы сможете удовлетворить свое любопытство и окончательно убедиться в том, что она говорит правду и не находится под влиянием наркотиков. Я надеюсь, что вам даже не придется прибегать к каким-то психиатрическим тестам, чтобы получить полную уверенность. Не придется, если вы действительно любите друг друга, о чем она мне постоянно говорила.

Кстати, после того, как вы поговорите со своей женой, хотелось бы, чтобы вы послали своих людей демонтировать мой центральный компьютер. Они обнаружат ваши коды в его памяти. Конечно, это лишит меня возможности переходить на гиперсветовую скорость, но я не особенно тороплюсь и подожду Пикенса.

Маккормак уставился на палубу.

— Почему она не прилетела сюда вместе с вами? — спросил он.

— Она является гарантией моей безопасности,— ответил Флэнди, ей никто не причинит зла, если только ваши ребята не вытворят что-нибудь неожиданное и не выстрелят в мою ракету. Но если я не смогу свободно покинуть ваш корабль, моя команда, естественно, примет необходимые меры.

«Которые, я совершенно уверен, дорогой Хаг, вы понимаете в том смысле, что хорошо обученные руки уже лежат на пусковых кнопках, и они моментально умчат мою ракету подальше отсюда, если вы проявите дурные манеры. Это

естественно, и я, действительно, принял бы все меры, чтобы именно так и произошло в случае опасности и чтобы вы не сумели остановить мой корабль.

Но есть одна небольшая загвоздка, дорогой Хаг. Она состоит в том, что моя команда — это только Горе, который не смог бы провести даже бумажный кораблик через небольшую лужицу, и в том, что хишу отдан приказ не предпринимать ничего, что бы ни произошло со мной на вашем корабле... И лучше бы вам не сразу узнать об этом. Кроме всего прочего, мне еще предстоит рассказать вам правду о ваших домашних делах».

Маккормак поднял голову и подошел поближе. После того как прошел шок, душевное равновесие и интеллект быстро возвращались к нему.

— Моя жена — ваша заложница? — то ли сказал, то ли спросил он голосом, рвущимся откуда-то изнутри. При этом он особенно подчеркнул слово «ваша».

Прикуривая сигарету, Флэндри кивнул. Дым принес ему чуточку облегчения.

— Хм, долгая история. Кэтрин расскажет вам большую ее часть. Но сложность моего положения состоит в том, что, хотя я служу Империи, я нахожусь здесь незаконно, и власти не знают об этом.

— Почему?

Отвечая на вопрос, заданный адмиралом, Флэндри говорил уже со спокойной уверенностью:

— По целому ряду причин, включая ту, что мы с Кэтрин — друзья. Я — один из тех, кто сумел вырвать ее из лап Снелунда. Я взял ее с собой, когда полетел, чтобы воспользоваться шансом и отговорить вас от вашего безумия.

Вы быстро покинули систему Вёрджила, но один из ваших варварских наемников атаковал и сбил нас. Мы сумели совершить посадку на Дио и прошли пешком до Порта Фредериксен. Там я захватил боевой корабль, на котором были ваши коды. Именно этим кораблем я сейчас и командую.

Когда я привел корабль к Линатавру, мои люди и я де-

ржали присутствие Кэтрин на борту в секрете. Видите ли, они тоже ее боготворили.

Я заманил губернатора Снелунда на борт и держал его над умывальником, пока Кэтрин перерезала ему горло.

То, что делал я — плохо, то, что делали вы — тоже плохо, но Кэтрин... в каждом завитке ее молекулы ДНК больше достоинства, чем вы или я будем когда-либо иметь во всем организме.

Она помогла мне избавиться от нежелательных свидетельств, так как я хотел вернуться домой. Мы забросили их на метеоритную траекторию в атмосферу внешней планеты. После этого мы отправились на Сатан.

Маккорнак вздрогнул:

— Вы имеете в виду, что она перешла на вашу сторону — к вам? И вы оба...

Сигарета выпала изо рта Флэндри, скривившегося в уродливую гримасу. Он приподнялся, перегнулся через стол, крепко схватил Маккорнака за униформу, отбил удар ребром ладони с бешеною силой, встряхнул адмирала и рявкнул:

— Прикусите свой язык! Вы, ханжеский сукин сын! Если бы я действительно хотел этого, вы бы, как свежеразделанная свиная туша, поджаривались бы под этим небом, вместе с вашими приспешниками. Но есть Кэтрин. Есть множество ни в чем не повинных людей, которые последовали за вами. И есть Империя. На колени, Маккорнак, и благодарите своего самодовольного бога, которого вы взяли себе в младшие партнеры, что мне пришлось искать способ спасти вашу жизнь именно таким образом, иначе вред, который вы могли бы причинить, был бы в десять раз больше!

Он отшвырнул его от себя. Маккорнак ударился о переборку так, что она загудела. Оглушенный, он взглянул исподлобья, увидел благородное негодование человека, который стоял перед ним, и его гнев вдруг исчез.

Через некоторое время Флэндри остыл.

— Я извиняюсь,— сказал он спокойным голосом.— Но не сожалею о сделанном, ясно? Я только извиняюсь за то, что потерял контроль над своими эмоциями. Это недостой-

но профессионала, в особенности, если учесть, что у нас совершенно не осталось времени.

Маккормак оправил одежду.

— Я же говорил вам, что готов слушать. Не следует ли нам сесть и попробовать еще раз?

Флэндри даже залюбовался адмиралом после этих его слов. Они скованно опустились на краешки своих стульев.

Флэндри закурил очередную сигарету.

— Между Кэтрин и мной никогда не было ничего, о чем вы, вероятно, подумали,— сказал он, внимательно рассматривая ароматный цилиндрик сигареты.— Не буду отрицать, что я тоже претендовал на это, но у меня ничего не получилось. Она полностью предана вам в прошлом, в настоящем и навсегда в будущем.

Я убеждал ее, что тот путь, который вы избрали,— ошибочный, но мне кажется, что я ее не окончательно убедил в этом.

Она не хочет улетать туда, где нет вас, не хочет помочь никому, кроме вас. Неужели всего этого вам недостаточно?

Маккормак молча сглотнул. И через некоторое мгновение сказал:

— Вы замечательный парень, командор. Сколько вам лет?

— Я вдвое моложе вас. И тем не менее мне приходится учить вас жизни.

— Почему я должен прислушиваться к вашим советам,— спросил Маккормак нейтральным тоном,— когда вы служите этому отвратительному правительству? Когда вы сами заявляете, что уничтожили мое дело?

— Оно и без меня уже было уничтожено. Я знаю, как успешно сработала стратегия вашего противника Фабиана. Мы с Кэтрин надеялись остановить вас, предотвратить новые убийства, уничтожение материальных ценностей, прекратить ослабление Империи, вызванное вашим восстанием.

— Наши цели не были такими зловещими. У меня был план...

— Самым худшим вариантом была бы ваша победа.

— Что? Флэндри, я... я человек, я подвержен ошибкам, как и все люди, но я думаю, что любой другой был бы лучше на троне, чем Джошуа, который породил этого Снелунда.

Так как его собственный гнев начал затихать и некоторая жалость к этому человеку стала заполнять образовавшийся в душе вакуум, Флэндри ответил с подобием улыбки:

— В этом Кэтрин пока солидарна с вами. Она все еще считает, что вы самый лучший кандидат на пост императора. Я не смог переубедить ее, хотя не очень старался сделать это. Видите ли, не имеет никакого значения, права она или ошибается.

Я даже готов согласиться, что вы могли бы дать Империи самую блестящую администрацию в истории, но, все равно, ваши самые благие намерения привели бы к катастрофическим последствиям.

— Почему?

— Вы уже разрушили принцип легитимности. Империя как-нибудь переживет Джошуа. Ее интересы, подкрепленные могучей властью, ее очень опытные, осторожные бюрократы, сам размер Империи и ее инерция волей-неволей сумеют помешать ему причинить ей большой урон. Но если вы займете место на троне силой, то почему бы другому недовольному жизнью адмиралу не попробовать сделать то же самое в следующем поколении? А потом и следующему... и пошло, и поехало, пока гражданские войны не раздерут Империю на клочки. Пока не придут мерссеяне, а за ними — варвары. Вы сами же наняли варваров, чтобы воевать их оружием с землянами, Маккормак. Не имеет значения, приняли вы какие-нибудь меры предосторожности или нет. Факт состоит в том, что вы пригласили их сюда, и рано или поздно мы получим очередной мятеж, который, без сомнения, позволит им отвоевать у нас часть территории. И упадет на нас Длинная Ночь.

— Я не могу не согласиться с большей частью того, что вы сказали, Флэндри,— возразил ему адмирал со стра-

стью,— однако необходимость перестройки упадочной политики...

Флэндри довольно резко оборвал его:

— Я ведь не собираюсь переманить вас в свою веру. Я просто-напросто объясняю вам, почему я сделал то, что я сделал.

«Нет необходимости рассказывать тебе, адмирал, что я фактически бросил свою основную службу ради Кэтрин. Тем более что теперь это не имеет никакого значения,— злорадствовал внутренний голос Флэндри,— разве что это немного притупит острие моей проповеди».

— Вы не сможете перестроить то, что уже непоправимо подорвано. Все, чего вы достигли своей революцией,— это убитыеaborигены, разрушенные и поврежденные корабли, в которых остро нуждается Империя, возникшие неприятности, для улаживания которых потребуются годы, — и все это на одном критически важном участке границы.

— Так что же еще мне было делать! — возразил Маккормак.— Оставьте пока мою жену и меня в стороне от обсуждаемого вопроса. Подумайте о том, что Снелунд уже успел натворить в этом секторе. И о том, что он мог бы натворить, если бы ему удалось вернуться к власти на Земле.

Разве было другое решение назревших проблем, кроме как вырвать с корнем все, что грозило опасностью?

— Корень — *radix** — вы, радикалы, все одинаковы,— сказал Флэндри.— Вы думаете, что причина всех бед — чисто злые дела, и как только вы сумеете предотвратить их, жизнь тут же превратится в рай.

История идет совсем не этим путем. Почитайте труды историков и убедитесь, какие были результаты обращения реформистов к силе.

— Все это ваши теории! — сказал Маккормак, слегка вспылив.— Я... мы были поставлены перед фактами.

Флэндри пожал плечами.

— Можно было действовать иначе,— сказал он.— Некоторые шаги уже были предприняты: жалобы на Землю, непрерывное давление с целью убрать Снелунда с его поста

* Корень (*лат.*).

или, по крайней мере, удержать его в ограниченных рамках.

Потерпев неудачу в этом, вы могли бы попытаться убить его. Я не отрицаю, что он представлял угрозу для Империи.

На секунду предположите такую возможность, на мой взгляд, уникальную, после того как ваши друзья освободили вас. У вас появилась небольшая, но очень эффективная боевая единица, с помощью которой вы могли бы устроить налет на дворец, чтобы освободить Кэтрин и убить Снелунда. Разве это не пошло бы на пользу делу?

— И что же нам, по-вашему, следовало бы делать дальше?

— Так или иначе, вы уже поставили себя вне закона,— Флэндри кивнул, как бы признавая закономерность этого вопроса Маккормака.— Точно так же, как и я, хотя я надеюсь скрыть ту вину, которую я за собой не чувствую.

И дело тут вовсе не в моем личном благополучии. Просто-напросто этот факт моей биографии, выйди он наружу, создаст очень плохой прецедент.

— Вы, Маккормак, совершенно не знаете, не представляете себе, насколько въелось в общество лицемерие.

— Мы не могли позволить себе... прятаться.

— Нет, на самом деле вы должны были без промедления сделать то, что должны сделать вы и многие ваши сторонники теперь, причем сделать как можно быстрее и без возражений: улететь за пределы Империи.

— Вы в своем уме? И куда же, позвольте вас спросить?

Флэндри еще раз встал и посмотрел на него сверху вниз.

— Это вы ненормальный,— сказал он.— Я думаю, что все мы — немножко декаденты, современные люди, но многие из нас будут потом сожалеть, что никогда даже не задумывались над возможностью эмиграции. Лучше оставаться дома, кажется нам, навсегда быть привязанными к тому, что имеем, к тому, что мы хорошо знаем, ко всем нашим удобствам, к тому, что гарантирует наше спокойное существование, к раз и навсегда заведенному кругу знакомств... нежели кануть навсегда в большом, чужом пространстве...

даже в том случае, когда все то, к чему мы буквально привыкли, рассыпается у нас на глазах. Но перво-проходцы, исследователи, первые поселенцы на чужих мирах думали и действовали совсем по-другому.

Ведь за этими несколькими звездами, расположеными в дальнем конце одного из спиральных рукавов Млечного Пути, над которыми, как нам кажется, мы установили контроль,— огромные пространства, целые галактики.

Вы сможете избежать полного разгрома и неизбежной гибели, если вы стартуете в течение нескольких часов.

Так как ваши силы достаточно ограничены и вдобавок рассеяны по отдельным мирам, которые вы приказали охранять, вы успеете погрузить на борт кораблей семьи, все самое необходимое и оставить тех, кто по тем или иным причинам не может или не хочет улетать. Им еще предстоит попытаться использовать свой шанс в переговорах с нашим правительством, хотя я предполагаю, что жесткая необходимость сохранить эти миры за земной Империей заставит его быть снисходительным.

Вам следует осесть на какой-нибудь очень отдаленной звездной системе.

По всей вероятности, ни один из ваших кораблей не будут преследовать в течение длительного времени за пределами границ Империи, даже в том случае, если их запеленгуют.

Улетайте как можно дальше, Маккормак, так далеко, как только сможете. Найдите новую планету. Создайте новое общество. И никогда не возвращайтесь.

Адмирал тоже поднялся.

— Я не могу бросить то, за что отвечаю,— он тяжело вздохнул.

— Вы бросили свои обязанности, когда подняли восстание,— сказал Флэндри.— Теперь ваша прямая обязанность — спасти то, что вы еще можете спасти, и прожить оставшуюся жизнь, помня о том, что вы натворили здесь.

Может, то, что вы поможете людям найти новую жизнь, когда-нибудь утешит вас.

«Я уверен, что так и будет со временем. У тебя есть, адмирал, королевский дар самооправдания».

— Не забывайте о Кэтрин. Она хочет улететь. Она очень хочет улететь.— Он поймал взгляд Маккормака.— Из всех живых существ, населяющих Империю, она, наверное, имеет наибольшее право жить где-нибудь подальше от этой цивилизации.

Маккормак с усилием взглянул на него.

— Никогда не возвращайтесь,— повторил Флэндри.— Не думайте о том, чтобы нанять варваров, враждебных человечеству, и вернуться. Тогда вы станете врагом, настоящим врагом.

Я бы хотел услышать от вас честное слово, слово, подтверждающее, что вы не будете пытаться вернуться и начать новое восстание.

Если вы не дадите мне честного слова, мне и Кэтрин, то ей не позволят вернуться к вам, независимо от того, что вы сделаете со мной.

«Я лгу, как сивый мерин».

— А если вы дадите слово, но нарушите его, она никогда не простит вас.

Несмотря на ваше поведение, вы — способный руководитель. Вы — один из тех, кто может возглавить эмиграцию, особенно если учесть ваши способности быстро информировать, убеждать, организовывать и действовать.

Дайте мне слово, и Кэтрин вернется к вам в моей ракете.

Маккормак закрыл лицо рукой.

— Слишком неожиданно все это, я не могу...

— Хорошо, давайте сначала обсудим более подробно некоторые практические детали, если вы не возражаете.

Я обдумал возможные варианты заранее.

— Но я не могу...

— Хорошо,— сказал Флэндри,— Кэтрин вернется к вам, о чем я искренне сожалею. Докажите мне, что вы достойны ее.

Она ждала у входного люка.

Часы ожидания изматывали ее.

Он очень хотел, чтобы последнее свидание с ней прошло без душевных страданий и мук, без надрыва.

— Доминик? — прошептала она.

— Он согласился, — сказал ей Флэндри. — Ты можешь идти к нему.

Она чуть не упала в обморок.

Он успел поймать и поддержать ее.

— Ну, будет, будет, — повторял он неуклюже, едва сдерживая слезы. Он гладил яркие, взъерошенные волосы. — Ну, будет, будет, все уже закончилось, мы победили, ты и я...

Она снова обмякла. Он с трудом удержал ее.

Неся драгоценную ношу на руках, он пошел в лазарет, положил ее на кушетку и сделал инъекцию стимулола.

Естественный цвет лица появился через несколько секунд, ресницы ее затрепетали, взгляд зеленых глаз нашел его.

Она села, выпрямившись.

— Доминик! — вскричала она.

Голос ее стал хриплым от плача.

— Это правда?

— Ты убедишься в этом сама, — он улыбнулся. — Однако пока не спеши. Я сделал тебе укол с минимальной дозой. От этого у тебя начнется ускорение обмена веществ.

Она подошла к нему, все еще не уверенная в себе и дрожащая. Их руки сомкнулись в объятии. Они поцеловались долгим поцелуем.

— Я хочу, — сказала она упавшим голосом, — я почти хочу...

— Не надо.

Он отвел ее голову в сторону.

Она отступила назад.

— Хорошо, я желаю тебе столько добра, сколько может быть в жизни, а самое главное, начать новую жизнь с девушкой, которая действительно будет создана для тебя.

— Благодарю, — сказал он. — Прошу тебя, не беспокойся об этом. Все, что было между нами, с лихвой искупает любую неприятность, которая встречалась на моем пути («и

всегда будет искупать все будущие неприятности»). Не задерживайся более, Кэтрин, иди к нему.

Она сделала так, как он ей сказал.

Он вернулся к пульту управления, откуда мог наблюдать, как ракета уносит ее к кораблю Маккормака и его команда встречает ее.

XVI

Незнакомые звезды окружили «Персей». Нахлынувшая темнота скрыла последнее мерцание звезд Империи.

Маккормак закрыл за собой дверь своей каюты.

Кэтрин поднялась. Полный отдых, отречение от всех волнений, сначала с помощью седативов, позже с помощью транквилизаторов и других лекарств, а также соответствующее питание сделали ее прекрасной. Она была одета в серую переливающуюся одежду, которую кто-то подобрал для нее, открытую на шее и лодыжках, опоясанную широким поясом в талии, гладко лежащую на сильных, упругих линиях ее тела.

Он остановился как вкопанный.

— Я пока не ожидал увидеть тебя здесь! — растерянно пробормотал он.

— Медики выписали меня,— ответила она,— зная, что меня ожидают радостные новости.

Она робко улыбнулась.

— Что ж... это действительно так,— сказал он одеревневшим голосом.— Мы получили подтверждение, что смогли избавиться от имперских разведчиков, преследовавших нас, благодаря маневру внутри этой туманности.

Им никогда не удастся обнаружить нас в неисследованном межзвездном пространстве. К тому же я уверен, что у них нет желания долго преследовать нас. Это было бы слишком рискованно — посыпать в неизведанные дали часть сил, которая нужна была только тогда, когда мы угрожали Империи.

Нет, мы, похоже, покончили с ними. Нам ничто не угрожает до тех пор, пока мы не вздумаем вернуться.

Она удивленно воскликнула:

— Ты не можешь! Ты обещал!

— Я знаю. Это вовсе не означает, что я не мог бы вернуться, если... нет, я не боюсь. Я не вернусь.

Флэндри был прав, черт бы его побрал. Для успеха дела я должен был бы использовать союзников, а они обязательно потребовали бы что-нибудь такое, что нанесло бы ущерб Империи, захватили бы часть ее территории.

Надеюсь, что угроза моего возвращения заставит их более разумно управлять Империей... Но вернемся к нашим делам.

Его рассуждения тяготили ее, и это говорило о том, как много она оставила там, позади, где гасли звезды Империи, и как много ей пришлось пережить, прежде чем к ней вернулись хорошо знакомые ему спокойствие и сила.

— Дорогой мой, может быть, не стоит в этот час думать о политике, о войнах?

— Извини меня, ради бога,— сказал он.— Меня не предупредили, что ты придешь. А я был очень занят.

Она подошла к нему, но они не обнялись.

— Твое внимание все еще занято работой? — спросила она.

— Что ты имеешь в виду? Послушай, тебе нельзя пока долго стоять. Давай-ка сядем. И, гм, мы обязательно попросим, чтобы мое спальное помещение переделали.

Она ненадолго закрыла глаза, а когда открыла их, то уже полностью овладела собой.

— Бедный Хаг,— сказала она.— Ты тоже весь покрылся шрамами. Я могла бы заранее догадаться, как ты сильно изранен.

— Чепуха,— сказал он, подталкивая ее к кушетке.

Она сопротивлялась, но так, чтобы его руки, как бы случайно, обхватили ее. Обняв его шею и прижавшись щекой к его груди, она сказала:

— Послушай, Хаг. Ты все это время пытался не думать о нас. О том, кем я теперь буду для тебя, после всего, что

со мной произошло. О том, что было между мной и Домиником во время наших приключений. Но я уже поклялась тебе, что ничего не было...

— Я не могу сомневаться в тебе,— пробормотал он в ответ.

— Нет, ты слишком честен, чтобы изо всех сил не стараться поверить мне. Но ты пытаешься представить себе то, что было между нами.

Бедный Хаг, старый, покрытый шрамами воин, ты уже, может быть, не в состоянии сделать это.

— Хорошо... ассоциации... конечно....— его объятие стало крепче.

— Я помогу тебе, если ты поможешь мне. Я нуждаюсь в этом больше, чем ты.

— Я понимаю,— сказал он мягко.

— Нет, ты не понимаешь, Хаг,— ответила она ему мрачно.— Я поняла истину, пока была одна, восстанавливая силы, и у меня не было других занятий, кроме размышления наедине с собой, пока я не впадала в сон и ко мне не приходили сны.

Теперь я уже полностью освободилась от того, что произошло со мной во дворце, и чувствую себя так же, как и до этого. И я хочу и тебя излечить от этого. Но ты должен излечить меня от Доминика, Хаг.

— О, Кэтрин! — сказал он, погружая лицо в пряди ее волос.

— Мы попытаемся,— пробормотала она.— Мы обязательно добьемся успеха, хоть и частичного, но достаточно-го, чтобы жить. Мы должны сделать это.

Вице-адмирал сэр Илья Херасков перебирал бумаги на своем столе. Изо всех углов его офиса доносился шум. За его спиной сегодня на проекционном экране было изображение Сатурна.

— Хорошо,— сказал он,— я внимательно прочитал ваш отчет и некоторые другие связанные с этим делом материалы. Я работал интенсивно все дни с тех пор, как вы вернулись домой.

Вы были весьма занятым молодым человеком, лейтенант-командор.

— Да, сэр,— сказал Флэндри.

Он сел на один из стульев, основательно позабывши о том, чтобы создать впечатление исключительного внимания к говорящему.

— Я сожалею, что вам поначалу было отказано в посадке на Земле и вы должны были провести целых две недели на Луне Первой. Это, должно быть, разочаровывает,— земное великолепие, сияющее прямо над головой, но недоступное.

Но мы были обязаны проверить все, даже малейшие недоразумения.

— Да, сэр.

Херасков слегка усмехнулся.

— Перестаньте волноваться. Мы пропустим вас сквозь принятые в таких случаях процедуры, но я могу сказать вам по секрету, что вы вне подозрений. Ваш временный ранг командора будет утвержден как постоянный. До тех пор, пока либо ваши новые дерзкие поступки не позволят вам продвинуться дальше по службе, либо вы не свернете на чем-нибудь себе шею. Я лично оцениваю ваши шансы пятьдесят на пятьдесят.

Флэндри слегка откинулся назад:

— Благодарю вас, сэр.

— Мне кажется, вы чем-то разочарованы,— заметил Херасков,— вы ожидали большего?

— Хорошо, сэр...

Херасков слегка вздернул голову и улыбнулся еще шире.

— Вы должны благодарить меня и кланяться мне. Именно благодаря мне вы получили то, что получили. А мне пришлось потрудиться ради этого!

Он перевел дыхание.

— Действительно,— сказал он,— то, что вы добыли вражеские коды, было заслугой, которая оправдывала множество других моментов. Но все дело в том, что таких моментов оказалось слишком много. Мало того, что вы потеряли

«Асинёв» во время перелета, который можно назвать по меньшей мере безрассудным, вы вытворяли другие чудеса, которые были в лучшем случае своевольными, а в худшем случае — значительным, чрезвычайным превышением вашей власти.

К таким поступкам относится, например, освобождение пленницы из личной тюрьмы губернатора сектора Альфа Крукаис, совершенное исключительно по вашему приказу, а также то, что вы взяли Кэтрин Маккормак с собой и скрыли ее присутствие на корабле после своего возвращения и то, что вы снова полетели с ней в космос и каким-то образом сумели отдать ее врагу... Я боюсь, Флэндри, что, независимо от того чина, которого вы сможете достичь, вам никогда не доверят еще раз командовать кораблем.

«Это — не наказание», — подумал Флэндри, а вслух сказал:

— Сэр, в моем отчете есть моменты, оправдывающие все, что я делал, со ссылкой на существующие правила. Это могли бы подтвердить все, кто служил под моим началом.

— Если свободно интерпретировать те права, которыми вы могли пользоваться в зависимости от сложившихся обстоятельств, то... да, может быть, вы и правы. Такая интерпретация понятна человеку, и ксено, и компьютеру.

Но главным образом, дело в том, что вы — стервец, а я вел долгие переговоры и занимался политиканством ради вашего благополучия, потому что Служба Безопасности нуждается в вас.

— Еще раз сердечно благодарю адмирала.

Херасков пододвинул к Флэндри коробку с сигарами.

— Угощайтесь, — сказал он, — и сделайте одолжение, расскажите мне все, что произошло в действительности.

Флэндри взял сигару.

— Все описано в моем отчете, сэр.

— Да, но мне приходилось встречать людей, которые постоянно настороже. Я хорошо чувствую, когда от меня что-то скрывают.

Например, я читаю выдержки из замечательного документа, который вы составили: прелест! «Вскоре после того,

как мы вылетели вместе с леди Маккормак на Землю, имея на борту минимум команды, чтобы скорее выполнить намеченное задание сохранить секретность (как мне было приказано), я был, к несчастью, замечен вражеским крейсером, который захватил мой корабль.

Будучи доставленным на флагман повстанцев, занимавший стационарную орбиту вокруг Сатана, я с удивлением обнаружил, что повстанцы настолько лишились боевого духа, что когда они узнали, что адмирал Пикенс знает их коды, они решили покинуть пределы Империи.

Леди Маккормак сумела убедить их не убивать меня и моего спутника-дидонианина, а оставить на корабле, не способном развивать гиперскорость.

После того как прибыли силы, верные Империи, я освободил от службы и вернул домой вышеуказанного дидонианина с обещанными ему дарами и затем взял курс на Землю».

— Так, дальше не очень интересно,— Херасков быстро пробежал глазами страницу.

— Скажите, Флэндри, как насчет математической вероятности того, что неизвестно откуда взявшийся вражеский крейсер сблизился с вами как раз на радиус действия своих средств обнаружения?

— Что ж, сэр,— сказал Флэндри,— иногда случается даже самое невероятное.

Плохо, что повстанцы уничтожили бортовой компьютерный журнал, пока демонтировали гипердвигатель моего корабля. У меня бы было доказательство. Но я думаю, что сам по себе мой отчет должен быть достаточно убедительным.

— Да, вы построили очень солидное, прочное здание, целый небоскреб доводов, большая часть которых не поддается проверке в принципе, и поэтому никто не сможет узнати наверняка, почему вы должны были сделать то, что вы сделали, а не что-то другое.

Вы могли, например, потратить весь обратный путь из сектора Альфа Крукаис на то, чтобы изобрести все эти доводы.

Будьте честным.

Вы специально полетели к Хагу Маккормаку, чтобы предупредить его о том, что правительственным силам известен его код, разве не так?

— Сэр, это было бы изменой, полной изменой.

— Точно так же, как и устранение губернатора Снелунда, о чем вы не написали ни слова в своем отчете. Любопытно, что его последний раз видели совсем незадолго до вашего отлета.

— Тогда происходило слишком много событий, шла подготовка к войне с повстанцами,— сказал Флэндри.— В городе была суматоха. У Его Превосходительства было много личных врагов. Любой из них в той ситуации мог воспользоваться шансом, чтобы отплатить за старые обиды.

Если адмирал подозревает меня в том, что я совершил преступление, он может подвергнуть меня установленным процедурам испытания под гипнозом.

Херасков вздохнул.

— Не беспокойтесь. Вы прекрасно знаете, что я не допущу этого. Что касается этого дела, то никто не собирается искать свидетелей, повстанцев, которые сделали выбор в пользу Империи. Слишком большая работа ради малого выигрыша.

Если эти люди будут сидеть тихо, как мышки, и ничем не запятнают себя, мы позволим им постепенно раствориться среди обычных жителей. И вы тоже совершенно свободны, Флэндри. Я просто надеялся... Но, может быть, мне бы не следовало допрашивать вас слишком пристрастно. Закуривайте сигару. И мы можем послать за хорошей выпивкой. Не хотите ли виски?

— С удовольствием, сэр! — табак начинал действовать на Флэндри, и он с наслаждением вдыхал его аромат.

Херасков отдал распоряжение по каналу внутренней связи и облокотился на стол, пуская клубы дыма.

— Однако скажите мне еще одну вещь, блудный сын Флэндри,— попросил он,— в ответ на резню жирных телят, носящих звезды и туманности, которую я собираюсь устроить. Простое старческое любопытство с моей стороны.

Вам предстоит провести продолжительный отпуск, как только мы завяжем красный бантик на последней папке этого дела. Где и как ваша изошренная персона собирается провести этот отпуск?

— В роскоши, о которой говорил адмирал, когда вспомнил о Луне Первой,— быстро ответил Флэндри.— Вино, женщины и песни. Особенно женщины. Я слишком долго путешествовал.

«Кроме того, сейчас это поможет мне забыться и развеяться,— думал он, улыбаясь адмиралу, так будет продолжаться всю оставшуюся жизнь.

Главное, что она счастлива. Этого достаточно».

Я (мы) помню (помним).

Ноги теперь стар, тяжел на подъем, тело его постоянно болит, когда туманы начинают ползти по окрестностям и окутывать длинный дом, стоящий посреди зимней ночи.

Крылья, который был со Многими Мыслями, теперь ослеп и сидит в одиночестве на верхнем ярусе дома, кроме тех случаев, когда молодые приходят поучиться у него мудрости.

Крылья, который принадлежал Открывателю Пещер и Горю, сегодня принадлежит другому хишу из Гремящего Камня.

Руки Многих Мыслей и Открывателя Пещер давно оставил свои кости в горах на западе, куда вернулся Руки, который был с Горем.

Тем не менее память о тех событиях живет.

Узнавайте, юные Руки, и помните о тех, кто создавал единство до того, как я (мы) начал (начали) существовать.

Теперь это уже нечто большее, чем простая ткань песни, танца, обряда. Мы знаем, что наше тесное пространство — еще не весь мир. За джунглями и горами расположены моря, за небесами — те звезды, о которых мечтал Открыватель Пещер и на которых побывал Горе.

И существуют еще чужестранцы, обладающие единственным телом, те, кто изредка прилетает к Нам для торговли и переговоров, но о которых Мы слышим все чаще и ча-

ше, с тех пор как Мы в нашем новом стремлении к знаниям более глубоко исследуем иностранные объединения.

Их ценности и их действия будут затрагивать Нас все больше и больше по мере того, как будет идти время, и это приведет к изменениям не только в Гремящем Камне, но и за его пределами, и эти изменения заставят время вновь и вновь возвращаться и течь мимо Нас, отделяясь от единого потока, который я (мы) теперь уже способен (способны) гораздо проще себе представить.

За этим стоит нечто большее: как Нам достичь единства со всем миром, если Мы не сможем понять его?

Поэтому пока спокойно отдыхайте, юные Руки, старые Ноги и Крылья. Пусть ветер, река, свет и время мчатся мимо.

Будьте всегда самими собой, обретая таким образом силу, которая исходит от мира, силу помнить и учиться мудрости.

Никогда не бойтесь чужестранцев с единственным телом.

И хотя у них ужасное оружие, огромная сила, но этому Мы сможем однажды научиться, овладеем им не хуже, чем они, если выберем этот путь.

Достойна сожаления та раса, которая не представляет собой животный мир, но все-таки может думать, и поэтому осознает, что она никогда не познает единства.

СОДЕРЖАНИЕ

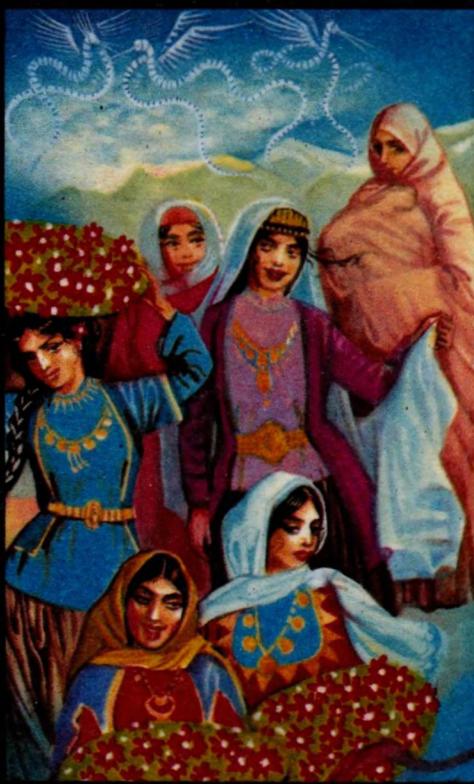
Круги ада	5
Бунтующие миры	223

**Пол Андерсон
КРУГИ АДА
БУНТУЮЩИЕ МИРЫ**

Клуб «Золотое перо»

Редакторы *Н. Соболева, Г. Данилова*
Технический редактор *А. Кольчик*
Корректор *С. Щепотина*

Подписано в печать 17.12.93 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2.
Печать офсетная. Тираж 30 000 экз. Заказ № Я-751.
Фирма «Топикал» Ltd. 109390, Москва, 1-я ул. Текстильщиков, 8.
Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
Татарского газетно-журнального издательства.
420066, г. Казань, Декабристов, 2.

ПОЛ АНДЕРСОН